Великие Посвященные

Эдуард Шюре

Введение в Эзотерическую доктрину.

Самым большим злом нашего времени следует признать то, что Религия и Наука представляют из себя две враждебный силы, не соединенные между собою. Зло это тем более пагубно, что оно идет сверху и незаметно, но непреодолимо просачивается во все умы, как тонкий яд, который вдыхается вместе с воздухом. А между тем, каждый грех мысли превращается неизбежно в результате своем в душевное зло, а следовательно, и в зло общественное.

До тех пор, пока христианство утверждало христианскую веру в среде европейских народов еще полуварварских, какими они были в средние века, оно было величайшей из нравственных сил, оно формировало душу современного человека. До тех пор, пока экспериментальная наука стремилась восстановить законные права разума и ограждала его безграничную свободу, до тех пор, она оставалась величайшей из интеллектуальных силе; она обновила мир, освободила человека от вековых цепей и дала его разуму нерушимые основы.

Но с тех пор как церковь, неспособная защитить свои основные догматы от возражений науки, заперлась в них словно в жилище без окон, противопоставляя разуму веру, как неоспоримую абсолютную заповедь; с тех пор как наука, опьяненная своими открытиями в мир физическом, превратившая мир души и ума в абстракцию, сделалась агностической в своих методах и материалистической в своих принципах и в своих целях, с тех пор как философа, сбитая с толку и бессильно застрявшая между религией и наукой, готова отречься от своих прав в пользу скептизма—глубокий разлад появился в душе общества и в душе отдельных людей.

Вначале конфликт этот был необходим и полезен, так как он служил к восстановлению прав разума и науки, но не остановившись вовремя, он же сделался под конец причиною бессилия и очерствения. Религия отвечает на запросы сердца, отсюда её магическая сила, наука—на запросы ума, отсюда её неопреодолимая мощь. Но прошло уже много времени с тех пор, как эти две силы перестали понимать друг друга.

Религия без доказательств и наука без надежды стоять друг против друга, недоверчиво и враждебно, бессильные победить одна другую.

Отсюда глубокая раздвоенность и скрытая вражда не только между государством н церковью, но и внутри самой науки, лон всех церквей, а также и в глубине совести всех мыслящих людей. Ибо, каковы бы мы ни были, к какой бы философской, эстетической или социальной школе мы ни принадлежали, мы несем в своей душ эти два враждебные Мира, с виду непримиримые, хотя оба они возникли из одинаково присущих человеку, никогда не умирающих потребностей: потребности его разума и потребности его сердца.

Нельзя не признать, что такое положение, длящееся более ста лет, не мало способствовало развитию человеческих способностей, энергия которых не переставала напрягаться в этой взаимной борьбе. Она внушила поэзии и музыке черты неслыханного пафоса и величия. Но слишком долго длившееся и чересчур обострившееся напряжение вызвало под конец противоположное действие. Как за лихорадочным жаром больного следует упадок сил, так и это напряжение перешло в больное бессилие и в глубокое недовольство.

Наука занимается только одним физическим миром; нравственная философия потеряла всякое влияние над умами; Религия еще владеет до некоторой степени сознанием масс, но она уже потеряла всю свою

силу над интеллигентными слоями европейских обществ. Все еще великая милосердием, она уже более не светит верой. Умственные вожди нашего времени всё—либо неверующие, либо скептики. И хотя бы они были безукоризненно честны и искренни, все же они сомневаются в своем собственном дел и оттого смотрят друг на друга улыбаясь, как древние авгуры. И в общественной жизни и в частной, они, или предсказывают катастрофы, для которых у них нет лекарства, или же стараются замаскировать свои мрачные предвиденья благоразумными смягчениями. При таких знаменьях литература и искусство потеряли свой божественный смысл.

Отучившаяся смотреть в вечность, большая часть молодежи предалась тому, что её новые учителя называют натурализмом, унижая этим названием прекрасное имя природы. Ибо то, что подразумевается под этим названием, есть не более как защита низких инстинктов, тина порока или предупредительное покрывание наших общественных пошлостей, иными словами: систематическое отрицание души и высшего разума. А бедная Психея, потерявшая свои крылья, стонет и скорбно вздыхает в глубин души тех самых людей, которые ее оскорбляют и не хотят признать её прав.

Благодаря материализму, позитивизму и скептизму, конец и 9-го века утерял верное понимание истины и прогресса.

Наши ученые, прилагавшие экспериментальный метод Бэкона к изучению видимого Мира с такими поразительными результатами, сделали из Истины идею вполне внешнюю и материальную. Они думают, что можно приблизиться к ней, накопляя все большее и большее количество фактов. В области изучения форм они правы. Но что печально, это что наши философы и моралисты стали думать под конец совершенно так же.

С материалистической точки зрения причина и цель жизни останутся навсегда непроницаемы для человеческого ума. Ибо если представить себе, что мы знаем в точности все, что происходить на всех планетах нашей солнечной системы, что, говоря мимоходом, было бы великолепной основой для индукции; если представить себе что нам известно даже то, какие жители обитают на спутниках Сириуса и на некоторых звездах млечного пути — разве мы получили бы вследствие этого более ясное представленье о цели Мироздания? С точки зрения нашей современной науки нельзя смотреть на развитие человечества иначе, как на вечное движете к истин неизвестной, не подлежащей определению и навеки недоступной.

Таково понимание позитивной философии Огюста Конта и Спенсера, имевшей преобладающее влияние на сознание нашего времени. Но истина являлась совсем иною для мудрецов и теософов Востока и Греции. Они также знали, что ее нельзя установить без общего понятия о физическом мир, но в то же время они сознавали, что истина пребывает прежде всего в нас самих. в началах нашего разума и во внутренней жизни нашей души. Для них душа была единая божественная реальность и ключ, отмыкающий вселенную. Сосредоточивая свою волю в своем собственном духовном центре, развивая свои скрытый способности, они приближались к тому великому очагу жизни, который называли Богом; свет же, исходящий из Него, освещал их сознание, приводил их к самопознанию и помогал проникать во все живые существа. Для них то, что мы называем историческим и Мировым прогрессом, было не что иное, как эволюция во времени и пространстве этой центральной Причины и этого последнего Конца.

Может возникнуть вопрос: не были ли эти теософы лишь отвлеченными созерцателями и бессильными мечтателями? Нечто вроде факиров, взобравшихся на свои столбы?

Нет, мир не знает более великих деятелей, говоря в наиболее широком и наиболее благом смысл этого слова. Они сияют, как звезды первой величины на духовном небосклона. Имена их: Кришна, Будда, Зороастр, Гермес, Моисей, Пифагор, Иисус; это были могучие формовщики умов, энергичные будители душ, благие организаторы обществ. Они жили только для своих идей; всегда готовые на всякое испытание и сознавая, что умереть за Истину есть величайший и наиболее действительный из подвигов, они создавали науки и религии, литературу и искусство, и их живая сила до сих пор питает и живит в нас.

И если поставить наряду с такой могучей деятельностью стремления позитивизма и скептицизма нашего времени, что могут они принести человечеству? Создать сухое поколете без идеала, без высшего света и без веры, не признающее ни души, ни Бога, ни вечности, не верящее в будущность человечества, без энергии и без воли, сомневающееся в самом себе и в свободе человеческой души... «По плодам узнаете их», сказал Иисус. Это слово Учителя всех учителей приложимо как к доктринам, так и к людям.

Невольно возникает мысль: или истина навсегда недоступна человеку, или же ею владели в широкой степени великие Мудрецы и первые Посвященные земли, если последнее верно, истина должна находиться в основе всех великих религии и в священных книгах народов. Нужно только уметь разыскать и выделить ее. И в самом деле, если на историю религии посмотреть глазами, раскрывшимися под влиянием единой истины, которая дается только внутренним посвящением, приходишь одновременно и в изумление, и в восторг. То, что развертывается перед духовным взором, совсем не похожие на учения, которые дает церковь, ограничивающая Божественное откровение одним лишь христианством, и дня самого христианства допускающая только один, установленный догматами смысл. Но точно также не похоже оно и на то, чему учит материалистическая наука, которая преподается в наших университетах, хотя последняя стоит все же на более широкой точке зрения, ибо она ставить все религии на одну ступень и прилагает ко всем единый метод исследования,. её ученость глубока, её усердие достойно удивления, но она еще не поднялась на точку зрения сравнительною эзотеризма, который раскрывает историю религии и историю человечества в совершенно новом свете.

Вот что можно увидать с этой высоты:

Все великие религии имеют внешнюю историю и историю внутреннюю; одну—видимую, другую—скрытую. Под внешней историей я подразумеваю догматы и мифы, преподаваемые публично, в храмах и школах, вошедшие в культ и отразившиеся в народных суевериях. Под историей внутренней я разумею глубокую науку, тайное учете, оккультную деятельность великих Посвященных, Пророков и Реформаторов, которые создали, поддерживали и распространяли живой дух религии. Первая, официальная история, которая может быть всюду прочтена, происходить при дневном свете; тем не менее она темна, запутана и противоречива. Вторая, которую можно назвать эзотерическим преданием, или учением Мистерий, трудно распознаваема, ибо она происходила в глубин храмов, в замкнутых сообществах, и её наиболее потрясающие драмы развертывались во всей своей целости в душе великих пророков, которые не доверяли никаким пергаментам и никаким ученикам своих высоких переживаний и своих божественных экстазов. Историю эту нужно отгадывать, но раз ее познаешь, она является полной света и внутренней связи, она остается всегда в гармонии сама с собой. ее можно назвать также историей единой всемирной вечной Религией.

В ней проявляется внутренняя суть вещей, истинное содержание человеческой совести, тогда как внешняя история показывает только её земные формы. Там мы схватываем исходную точку Религии и Философии, которые на другом конце элипсиса соединяются вновь при помощи всеобеемлющей науки. Эта точка соответствует трансцедентным истинам. В ней мы находим причину, происхождения и конец изумительной работы веков, Провидьте, проявляющееся через своих земных деятелей. Это—внутренняя история, которую я буду излагать в этой книге.

Для Арийской расы зачаток и зерно её заключается в Ведах. Её первая историческая кристаллизация появляется в триупостасной доктрине Кришны, которая придает браманизму его могущество, а религии Индии—её неизгладимую печать. Будда, который по хронологии браманов явился позднее Кришны на 2400 лет, выдал Миру другую сторону тайной доктрины, учете о метампсихозе и о ряде человеческих существований, связанных между собой законом кармы. Хотя буддизм является революцией, демократической, остальной и моральной, направленной против аристократического и жреческого браманизма, его метафизическая основа остается той же самой, хотя несколько менее совершенной.

Древность священной доктрины не менее поразительна и в Египте, традиции которого относятся к цивилизации гораздо более древней, чем появление Арийской расы на исторической сцен. До последнего времени еще можно было предполагать, что триупостасный монизм, изложенный в греческих книгах Гермеса Трисмегиста, был компиляций Александрийской школы, созданной под

двойным влиянием иудеохристианства и неоплатонизма. С общего согласия верующих и неверующих, историков и теологов, утверждение это длилось до наших дней. Но в наши дни вся эта теория падает перед открытиями египетских надписей. Основная подлинность книг Гермеса, как документов древней мудрости Египта, выступает с торжеством из разгаданных иероглифов. Не только надписи над обелисками бив и Мемфиса подтверждают всю хронологию Манфеона, но они доказывают и тот факт, что жрецы Аммона Ра исповедывали высокую метафизику, которая преподавалась под другими формами на берегах Ганга, по этому поводу уместно сказать, вместе с еврейским пророком, что „камни говорят" и „стены вопиют". Ибо, подобно полуночному солнцу, которое сияло в мистериях Изиды и Озириса, мысль Гермеса, отразившая древнее учете о Бог-Слове, загоралась вновь в глубине Королевских гробниц и заискрилась на свитках папируса „книги Мертвых", которую в течете четырех тысяч лет охраняли безмолвные мумии.

В Греции эзотерическая идея в одно и то же время и более очевидна и более закрыта, чем где бы то ни было; более очевидна потому, что она ярко сквозит в очаровательной мифологии Эллады, переливается словно кровь Олимпийских небожителей в жилах жизнерадостной эллинской цивилизации и отделяется от красоты её Богов подобно благоуханию цветов и небесной poet. С другой стороны, глубокую, научную мысль, которая лежит в основ всех её мифов, особенно трудно уловить именно благодаря тому покрову очарования и красоты, который набросили на нее поэты. Но высокие принципы дорийской теофосии и дельфийской мудрости начертаны не менее ясно в орфических отрывках и в синтез пифагорийцев, чем в обнародованной и несколько фантастической диа-лектик Платона.

Александрийская школа дает ко всему этому необходимые ключи. Ибо она первая во времена падения греческой религии начала отчасти раскрывать и отчасти комментировать сокровенный смысл мистерий.

Оккультная традиция Израиля, которая происходить одновременно из Египта, Халдеи и Перст, была сохранена для нас во всей её глубин, хотя и под покровом странных и туманных форм, Каббалой, или устной традиций, начиная с Зохара и Сефера приписываемого Симону Бене-Иохаю, до комментариев Маймонида . Таинственно скрытая в книге Бытия и в символике пророков, она выступает поразительным образом в прекрасном труд Фабра Д0ливе „La Langue hebraique restituee" который стремится воссоздать истинную космогонию Моисея по египетской метод, сообразно тройному смыслу каждого стиха и почти каждого слова первых десяти глав книги Бытия.

Что касается до христианского эзотеризма, он сияет сам по себе в Евангелиях, если их осветить эсееянскими и гностическими преданиями. Он бьёт ключом, как из живого родника, из слов Христа, из всех его притч и из глубины его поистине божественной души. В то же время Евангелие от Иоанна дает нам ключ к интимному, высоко духовному учению Иисуса, раскрывая весь смысл и весь размер его обетованья. У него мы снова находим ту же доктрину трехУпостасей и божественного Глагола, преподававшуюся в течете тысячелетий в храмах Египта и Индии, но поднятую и олицетворенную Царем Посвященных, величайшим из Сынов бож их.

Приложение метода, называемого ,,эзотеризмом" к истории религий, приведет нас к результату величайшего значения, которое можно выразить так: древность, непрерываемость н основное единство эзотерической доктрины. Необходимо признать в этом факт чрезвычайной важности. Ибо он устанавливает ,, что мудрецы и пророки самых различных времен пришли к одинаковым заключениям относительно основ, относительно первых и последних истин, и притом—одним и тем же путем внутреннего посвящения и медитации. Прибавим, что именно эти мудрецы и пророки были величайшими благодетелями человечества, именно их искупительная сила вырвала человечество из бездны низшей природы и отрицания. Не следует ли из этого, что, по выражению Лейбница, есть нечто вроде вечной философии perennis quaedam philosophia, которая образует первичную связь между наукой и религией и утверждает их конечное единство?

Древняя теософия, которая исповедывалась в Индии, в Египте и Греции, составляла целую энциклопедию, разделявшуюся обыкновенно на четыре категории: 1) Теогония или наука об абсолютных принципах, тождественная с «наукой о числах» в их приложены ко вселенной, или священная математика. 2) Космогония—осуществление вечных принципов в пространстве и во времени или инволюция духа в материю; мировые периоды. 3) Психология—организация человека; эволюция

души на протяжении всей цегии существований. 4) Физика, наука о царствах земной природы и об их свойствах.

Индуктивный и экспериментальный методы соединялись и контролировали друг друга в этих различных областях науки, и каждой из последних соответствовало определенное искусство. Если начать перечисление снизу, с физических наук, то мы получим: во "1-х Медицину, основанную на знати оккультных свойств минералов, растеши и животныхе; Алхи.шю или превращение металлов; дезинтеграцию и восстановление материи посредством мировой деятельной силы, искусство, практиковавшееся в древнем Египте по показаниям Олимпиодора и названное им chrysopee и argyropee;

во 2-х Искусства психургические, соответствующи силам души: маня и гадание; в 3-х Астрологи или искусство, раскрывавшее отношение между судьбами народов и индивидуумов и движениями вселенной, которое определялось обращением планет и, в 4-ых, Теургию, высшее искусство мага, столь же редкое, сколько опасное и трудное, искусство приводить душу в сознательное соприкосновение с различными видами духов и уменье влиять на них.

Таким образом и науки и искусства соединялись в древней Теософт и истекали из одного и того же принципа, который на современном языке можно бы назвать: интеллектуальный монизм или эволюционный спиритуализм.

Основные принципы эзотерической доктрины можно формулировать так: Дух есть единственная Реальность, Материя—лишь его внешнее выражение, изменчивое, мимолетное, его динамизм в пространстве и времени. Творчество вечно и непрерывно, как сама жизнь. Микрокосм-человек, по своей тройственной организации (дух, душа и тело), есть подобие и отражение макрокосма-вселенной (мир божественный, Мир человеческий и Мир естественный), который в свою очередь есть тело Бога, абсолютного Разума, соединяющего в своей природе: Отца, Мать и Сына (сущность, субстанцию и жизнь). Вот почему человек, образ и подобие Бога, может стать его живым Глаголом.

Гнозис, или умозрительная мистика всех времен, есть искусство находить Бога в себе, развивая тайные глубины и скрытые способности сознания. Человеческая душа, индивидуальность, бессмертна по существу. Её развитие происходить по линиям попеременно нисходящим и восходящим, благодаря то телесным, то духовным существованиям. Перевоплощение есть закон её эволюции. Достигнув совершенства, она освобождается и возвращается к чистому Духу, к Богу, ко всей полноте Его Сознания. Так же как душа возвышается над законом борьбы за существование, когда начинает сознавать свою человечность, так же она поднимается и над законом перевоплощения, когда начинает сознавать свою божественность.

Перспективы, открывающаяся на пороге Теософии, беспредельны, в особенности если их сравнить с узким и печальным горизонтом, в круг которого человек заперт материализмом, или с неприемлемыми разумом положениями клерикальной теологии. Встречаясь с этими перспективами в первый раз, чувствуешь трепет бесконечности. Бездны бессознательного разверзаются внутри нас, открывая перед нами пучину, из которой мы происходим, и головокружительные высоты, к которым мы стремимся. Восхищенные этой беспредельностью и в то же время испытывая трепет перед необъятностью предстоящего пути, мы жаждем небытия, мы призываем Нирвану. Но вслед за тем мы сознаем, что эта слабость—не более как утомление моряка, готового упустить весло перед напором грозящего вихря.

Кто-то сказал: человек рожден в ,углублении волны и ничего не знает о широком океане, расстилающемся впереди и позади его. Это—правда, но мистическое откровение направляет нашу ладью на самый гребень волны и оттуда, хотя и одолеваемые яростным напором стихии, мы все же успеваем схватить весь необъятный простор океана и весь его величественный ритм, а взор, измеряющий глубину небесного свода, отдыхает в тишине лазури.

Удивление наше растет, когда, исследуя современные науки, мы убеждаемся, что они проявляют невольную и тем более непреодолимую наклонность вернуться к данным древней Теософа. Не покидая атомистической гипотезы, современная физика пришла незаметно к тому, что отождествила идею материи с идеей силы, что является уже приближением к духовному динамизму. Чтобы объяснить свет,

магнетизм, электричество, ученые принуждены были допустить тонкую и совершенно невесомую материю, наполняющую Мировое пространство и проникающую все тела, которую они назвали эфиром, что является уже шагом по направлению к древней теософической идет о Мировой душе. Что касается до чувствительности и разумной приспособляемости этой материи, она выступает в опыте, который был сделан недавно и который доказал передачу звука посредством света.

Из всех наук наиболее противоречащими идеям спиритуализма кажутся сравнительная зоология и антропология. А между тем, он могли бы послужить доказательством для спиритуалистических идей, если бы был уловлен закон, по которому совершается взаимодействие между духовным Миром и миром физическим. Дарвин положил конец младенческому представлению первобытной теологии о сотворении Мира. В этом отношении он только вернулся к идеям древней Теософии. уже Пифагор сказал: ,,человек сродни животному0. Дарвин показал законы, следуя которым природа выполняет божественный план; законы эти: борьба за существование и естественный подбор. Он доказал изменчивость видов, он сократил их число и установил их происхождение.

Но его ученики, теоретики абсолютного трансформизма, желавшие произвести все виды от одного первоначального типа и ставившие их появление в исключительную зависимость от влияния среды делали большие натяжки в пользу чисто внешнего и материалистического понятия о природы.

Нет, среда объясняет появление видов не более, чем физические законы объясняют законы химические, не более, чем химия объясняет эволюционный принцип растения. или эволюция растения— эволюцию животного.

Что касается больших отделов животного царства, они соответствуют вечным типам жизни, обозначающим различный ступени сознания. Появление млекопитающихся после пресмыкающихся и птиц имеет свою причину не в изменении земной среды; измененная среда являет собой только условия. Появление это обусловлено новой эмбриологией, следовательно и новой разумной жизненной силой, воздействующей изнутри, из той внутренней сути природы, которую можно назвать потусторонней по отношению к нашим физическим чувствам. Без этой сознательной жизненной силы невозможно объяснить появления даже самой ничтожной органической клеточки в Мире неорганическом.

Наконец, Человек, это живое подобие Мировой Души и деятельного Разума, завершающее собой целый ряд существ, раскрывает всю полноту божественной мысли гармонией своих органов и совершенством своей формы.

Синтезируя все законы эволюции и всю природу в своем теле, он покоряет ее и поднимается над ней для того, чтобы через сознание и через свободу вступить в беспредельное царство Духа.

Экспериментальная психология, опирающаяся на физиологию и стремящаяся с начала XIX столетия снова стать наукой, привела ученых к порогу потустороннего Мира, этой истинной отчизны души, в которой хотя и не прекращается аналогия, но управлять её действиями начинают уже иные законы; я подразумеваю расследования медиков относительно животного магнетизма, сомнамбулизма и различных внебодрствующих состояний души, начиная с ясновидящего сна и двойного зрения и кончая экстазом.

Современная наука двигается лишь ощупью в той области, в которой древняя эзотерическая наука действовала сознательно, обладая недостающими современной наук началами и необходимыми ключами. И тем не менее, ей удалось открыть целый ряд фактов, которые показались ей изумительными и необъяснимыми, потому что факты эти противоречат материалистическим теориям, под влиянием которых она приобретала привычку думать и делать свои выводы.

Ничто так не поучительно, как негодующее недоверие некоторых ученых материалистов, с которым они относятся к явлениям, доказывающим существование невидимого духовного Мира. В наше время, когда кто-либо стремится доказать наличность души, он настолько же задевает атеистическое правоверие, как когда-то церковное правовое задавалось отрицанием Бога. Правда, жизнью своею при этом уже не рискуют, но зато рискуют репутацией.

Но как бы то ни было, даже из наиболее простого явления мысленного внушения на расстоянии, явления, подтвержденного тысячу раз в летописях магнетизма, логическим выводом является признание деятельности духа и воли физических законов видимого Мира. Таким образом, дверь в невидимый миф раскрылась. В высших явлениях сомнамбулизма этот мир раскрывается вполне.

если мы перейдем от экспериментальной и объективной психологии к психологии интимной и субъективной нашего времени, которая выражается в поэзии, музыке и литературе, мы найдем, что сильное дуновение бессознательного эзотеризма проникает их.

Никогда стремление к духовной жизни, к невидимым мирам, изгнанным материалистическими теориями ученых и модным направлением, не было более серьезно и более искренно. Стремление это обнаруживается в тоскливых исканиях, в трагических сомнениях, в глубокой меланхолии, вплоть до богохульства наших натуралистических романистов и наших поэтов декадентов. Никогда душа человеческая не испытывала более глубокого чувства ничтожества и нереальности земной жизни, никогда она не стремилась более пламенно к невидимому, к потустороннему, сохраняя в то же время неспособность верить.

Иногда её интуиции удается даже подняться до сверхчувственных истин, не имеющих санкции её земного разума, которые противоречат её поверхностным представлениям и являются невольным излияниям её сверхсознания. В доказательство своих слов я приведу отрывок из книги редкого мыслителя, который страдал всею горечью и всею тоскою нравственного одиночества нашего времени.

«Каждая сфера бытия—говорит Фредерик Амьель—стремится к более высокой сфере, ибо до неё достигают откровения и предчувствия высшего. Идеал, в какой бы форме он ни проявлялся, есть лишь предвидение, пророческое прозрение в это высшее существование, к которому стремится каждое живое существо. Это высшее существование бывает всегда и более внутреннее по своей природе, т. е. более духовное. И как вулканические извержения выбрасывают на поверхность тайны земных недр, так же и энтузиазм и экстазе—только мимолетные взрывы глубин внутреннего Мира души. И вся жизнь человеческая только приготовление и преддверие к этой жизни духа. Ступени посвящения неисчислимы. Поэтому бодрствовать должен ученик жизни, тот, который несет внутри себя будущего ангела; он должен работать над ускорением расцвета своей души, ибо божественная Одиссея не более как ряд метаморфоз, где каждая форма, результат предшествовавших, является одновременно и условием для последующих форм.

Божественная жизнь есть ряд последовательных смертей, когда дух сбрасывает свои несовершенства и свои символы и отдается растущей сил притяжения, исходящей из неизреченного Центра всех силе—,,из Солнца разума и любви".

В обычное время Амьель был только очень умный гегельянец со свойствами высшего моралиста. Но в тот день, когда он написал эти вдохновенные строки, он был глубоким теософом. Ибо трудно лучше осветить и с более захватывающей силой выразить самую суть эзотерической истины.

Даже этого краткого обозрения достаточно, чтобы показать, что разум и современная наука готовятся, сами не подозревая и не желая того, воссоздать древнюю теософию помощью орудий более совершенных и на фундаментов более прочном,

По выражению Ламартина, человечество подобно ткачу, работающему на станке времен с изнанки. Придет день, когда взирая на другую сторону ткани, человечество узрит картину дивную и величавую, вытканную на протяжении веков его собственными руками, при чем само оно не видело ничего, кроме путаницы нитей на изнанке ткани. В этот день человечество преклонится перед Провидением, проявляющем себя в нем самом. И тогда сбудутся слова современного герметического писания, и они не покажутся слишком дерзновенными тому, кто достаточно глубоко проник в эзотерические предания: ,,эзотерическая доктрина не только научна, не только философски обоснована, моральна и религиозна, но она сама ,наука, сама философия, сама мораль и сама религия по отношению к которой все

остальному—лишь подготовления, выражения частичные или ошибочные, смотря по тому, приближаются они к ней, или же уделяются от неё".

Я далек от мысли, что дал достаточно полное свидетельство об этой науке всех наук. Для этого нужно не менее, как возвести здание всех наук, известных и неизвестных, восстановленных в их преемственном порядке и преобразованных в дух эзотеризма.

Я стремился доказать, что учение Мистерии нужно отнести к самому источнику нашей цивилизации; что учете это создало все великие религии, как арийская, так и семитическая; что христианство ведет именно к нему весь человеческий род своею эзотерическою стороною, и что современная наука стремится роковым образом к нему - же всею совокупностью своего поступательного движения; и что в конце концов, Религия и наука должны встретиться в этом учении, как в единящей пристани, и найти в нем свой синтез. Можно сказать наверно, что всюду, где находится какой бы то ни было отрывок эзотерической доктрины, там она существует и во всей своей целости. Ибо каждая из её частей предваряет или вызывает остальные части.

Великие мудрецы и истинные пророки всегда владели ею, и мудрецы и пророки будущего будут также владеть ею. Свет может быть более или менее сильный, но это все тот же свет. Форма и подробности могут меняться до бесконечности, но основа, то есть принципы и цель—никогда.

В этой книге будет дано нечто вроде постепенного развития или последовательного раскрытия эзотерической доктрины в её различных частях; раскрыло это будет дано так, как она осуществлялась последовательно великими Посвященными, представителями Мировых религий, которые содействовали устроению человечества, и последовательная смена которых намечает дугу эволюции, начавшуюся с древнего Египта и с первых шагов арийской цивилизации и завершенную человечеством в настоящем цикл жизни.

Таким образом, эзотерическая доктрина появится в нашем изложении не как абстрактное учение, но как живая сила, проходящая через душу великих Посвященных и отражающаяся на живом действии исторической драмы развивающегося человечества. В этом ряду Посвященных Рама указывает лишь на вход в храм, Кришна и Гермес дают к нему ключ, Моисей, Орфей и Пифагор показывают внутренность храма, а Иисус Христос вводит в его святилище.

Эта книга возникла вся из пламенной жажды высшей истины цельной, вечной, утоляющей, вне которой частичные истины лишь дразнят. не давая удовлетворения... Лишь те поймут меня вполне, кто сознает так же как я, что современный момент в истории человечества со всеми своими материальными богатствами ничто иное, как грустная пустыня с точки зрения духа и его бессмертных стремлений. Переживаемое время глубоко важно, и все крайние последствия агностицизма дают себя знать разрушением общественности. И для нашей Франции и для всей Европы вопрос стоить так: быть или не быть.

Необходимо или восстановить центральный органические истины на их нерушимых основах, или же упасть окончательно в бездну материализма и анархии. Наука и Религия, эти исконные охранительницы цивилизации, обе потеряли свой величайший магический дар —дар воспитывать дети человеческие. Храмы Индии и Египта произвели самых великих мудрецов земли. Храмы Греции создали героев и поэтов. Апостолы Христа были величайшими из мучеников и тем вызывали к жизни тысячи способных на самоотречениие и мученичество. Церковь средних веков, несмотря на свою первобытную теологию, была в силах создавать святых и рыцарей только по тому, что верила, и еще потому, что временами дух Христа еще трепетал в ней. Ныне же ни церковь, закованная в своем догмат, ни наука, пребывающая в плену у материи не в состоянии более создавать цельных людей. Искусство формировать души человеческое утеряно в наш век, и оно будет снова найдено не ранее, чем наука и религия, переплавленные в живую силу, сообща начнут стремиться и работать для спасения и для блага человечества. Для этого науке не понадобится изменять своих методов, ей придется лишь расширить свою область, и Христианству не придется отказываться от своих традиций, ему необходимо лишь понять их происхождение, их дух и истинное значение их обетований.

Это время духовного возрождения и социального преобразования придет, мы в этом глубоко уверены. уже появляются ясные значения. Когда наука будет знать, а религии вернется её нравственная мощь, тогда и человек начнет действовать с новой энергией. Искусство жизни и искусство творчества может возродиться лишь при сиянии науки, религии и общественности в одно гармоническое целое.

Но пока это возрождение еще не настало, что делать в этот век когда все стремится по наклонной линии в пропасть, когда в сгущающихся сумраках таится угроза, несмотря на то, что начало того же века казалось поднятием к свободным вершинам, озаренным блистающей зарей?

„Вера—сказал один мыслитель—есть мужество духа, который стремительно бросается вперед, уверенный, что найдет истину". Эта вера не враг разума, а его свет; это—вера Христофора Колумба и Галилея, которая желает проверки и доказательства; это—единственная вера, возможная в наши дни. Для тех, кто ее потерял безвозвратно, а таких много, ибо пример действовал сверху,— дорога легкая и торная: следовать за современным течением и подчиниться духу времени вместо того, чтобы бороться с ним; предаться сомнению отрицания, при вид человеческих бедствий утешать себя улыбкой презрения и, прикрывая глубокое ничтожество всего видимого блестящим покровом, украшенным прекрасным именем идеала, оставаться твердо убежденным, что последний не более как полезная химера.

Что касается до нас, которые верят, что идеал есть единственная Реальность и единственная Истина в вечно меняющемся и скоротечном мире, для нас, которые верят в утверждение и осуществление всех его обетований, как в земной истории человечества, так и в будущей жизни, которые знают, что это утверждение необходимо, как врожденное право человеческого братства, как разум вселенной и как логика Бога;—для нас, обладающих этим убеждением, остается только один выход: будем утверждать эту истину без страха со всею силой, на какую мы способны; бросимся во имя её и с нею на арену деятельности и, несмотря на всю царящую запутанность и смятение, попробуем проникнуть путем внутреннего проникновения и индивидуального посвящения в Храм вечных Идей, дабы вооружиться в его святилищ непреоборимыми Основами.

Это именно то, что я пытался провести в предлагаемой книге, надеясь, что другие последуют за мной и выполнять поставленную задачу более совершенно, чем ее выполнил я.

КНИГА ПЕРВАЯ

Рама.

(Арийский цикл).

I.

Человеческие Расы и Происхождение Религий.

Небо—Мой Отец, он зачал меня. Все небесное население— семья моя. Моя Мать—великая земля. Самая возвышенная часть её поверхности—лоно её; там отец оплодотворяет недра той, которая одновременно и супруга и дочь ею.»

Вот что четыре или пять тысяч лет назад пел ведический поэт перед жертвенником, на котором пылал огонь из сжигаемых сухих трав. Глубочайшей интуиции, величавым сознанием дышат эти странные слова. В них тайна двойного происхождения человечества. Предшествует земле и превосходит землю божественный тип человека; его душа—небесного происхождения. Но тело его происходит из земных

элементов, оплодотворенных космической Сущностью. Объятия Урана и великой Матери означают на языке Мистерий—сонм душ или духовных Монад, которые появляются, чтобы оплодотворить земные зародыши; он—организующие начала, без которых материя оставалась бы бездейственной и распадающейся массой. Наиболее возвышенной частью земной поверхности, которую ведический поэт называет её лоном, являются континенты и горы, колыбели человеческих рас. Что же касается Неба, Варуна (Уран греков), оно являет собой невидимый сверх физический строй, вечный и разумный, и оно обнимает собой всю бесконечность Пространства и Времени.

В этой глав мы будем рассматривать лишь земное происхождение человечества, следуя эзотерическим традициям, подтвержденным антропологической и этнологической наукой нашего времени.

Четыре расы, которые разделили между собою весь земной шар, возникли в различных странах земли.

Постепенно создававшиеся, медленно перерабатывающиеся космическим творчеством континенты поднимались из глубины морей, на расстоянии огромных промежутков времени, которые древне жрецы Индии называли междудилювическими циклами.

На протяжении тысячелетий каждый континент развивал свою флору и фауну и свое человечество с различным цветом кожи. Южный континент, поглощенный последним великим потопом, был колыбелью первобытной красной расы; индейцы Америки лишь остатки тех троглодитов , которые поднялись на вершины гор перед тем, как обрушился их континент. Африка—мать черной расы, называемая греками эфиопской. Азия произвела желтую расу, которая удерживается в китайской народности.

Последит пришлеце—белая раса, вышел из лесов Европы, пробиравшихся между бурным Атлантическим океаном и улыбающимся Средиземным морем. bсе разновидности человеческого рода происходят из смешения, вырождения и подбора этих четырех великих расе

В предыдущих циклах господствовали поочередно красная и черная раса и оне обладали могучими цивилизациями, оставившими следы в циклопических постройках и в архитектуре Мексики. В храмах Индии и Египта имелись относительно этих угасших цивилизаций краткие указания в тайных письменах и иероглифах.

В настоящем цикли господствует белая раса, и если измерить вероятную древность Индии и Египта, начало её господства следует отнести за семь или восемь тысяч лет назад .

По браманическим традициям, цивилизация началась на нашей земле пятьдесят тысяч лет тому назад на южном континент, где обитала красная раса тогда, когда вся Европа и часть Азии находились еще под водою. Мифологии упоминают также о предшествующей расе, гигантов. В пещерах Тибета были найдены гигантские человеческие скелеты, построение которых походит более на обезьяну, и - на человека Их относят к первобытному человечеству, посредствующему, еще близкому к животному состоянию. не владевшему еще ни членораздельной речью, ни общественной организаций, ни религией. Ибо эти три вещи возникают всегда одновременно, и в этом скрытый смысл триады бардов, который выражается так-«Три вещи сосуществовали изначала. Бог, Свет и Свобода». С первым возникновением речи родится общественность и неясное туманное сознание о божественном порядке. Это—дыхание Иеговы в уста Адама, глагол Гермеса, закон первого Ману, огонь Прометея, бог. содрогающийся в человеческой животности.

Красная раса, как мы уже сказали, занимала континент, погрузившаяся на дно океана, называемый Платоном по египетским традициям—Атлантидой . Великий катаклизм природы уничтожил его и раздробил на части. Несколько полинезийских рас, а также индейцы Северной Америки и ацииеки, которых Фр. Пизарро встретил в Мексике, вот все остатки древней красной расы, которая обладала когда-то цивилизацией, имевшей свои дни славы и величия. Все эти отсталые представители погибшего прошлого несут в своей душе неизлечимую меланхолию древних рас, вымирающих без надежды на будущее

После красной расы на земле господствовала черная раса. Высший тип этой расы нужно искать не среди негров, а среди абиссинцев и нубийцев, у которых сохранился характер эпохи её расцвета, когда она достигла наивысшей точки развития.

Черные наводняли юг Европы в доисторические времена, но были в свое время вытеснены оттуда белыми, и самое воспоминанье о них совершенно исчезло из народных преданий. Но два неизгладимые следа все же оставлены ими в верованиях народов: страх перед драконом, который был эмблемой их королей, и уверенность, что дьявол черного цвета. Черные отплатили белым за это оскорбление и сделали своею дьявола белым.

Во времена своего господства черные имели религиозные центры в Верхнем египте и в Индии. Их циклопические города увенчивали зубцами горные кряжи Африки, Кавказа и центральной Азии. Их общественный строй представлял собою абсолютную теократию. На верху—жрецы, которых боялись, как богов; внизу—кишащие, как в муравейник, племена, даже без признанного семейного начала, с женщинами-рабынями. Их жрецы обладали глубокими познаниями, они признавали божественное единство мироздания и владели звездным культом, который под именем сабеизма, проник и к белым народностям .

Но между наукой черных жрецов и грубым идолопоклонством народных масс не было посредствующих звеньев, не было идеализма в искусства, не было доступной мифологии, хотя уже существовала промышленность, в особенности строительное искусство, уменье строить из колоссальных камней и производство из металлов в гигантских горнах, где выливались металлы с помощью военнопленных.

У этой расы, могучей по своей физической выдержке, по страстной энергии и способности привязываться, Религия являлась царством силы, которое поддерживалось страхом. Природа и Бог являлись сознанию этих младенческих народов не иначе как под видом дракона, страшного допотопного зверя, нарисованное изображено которого красовалось и на королевских знаменах и вырезалось жрецами над дверями их храмов.

Если черная раса созрела под палящим солнцем Африки, расцвет белой расы совершался под ледяным дуновением северного полюса. Греческая мифология называет белых гиперборейцами. Эти люди, рыжеволосые, голубоглазые, шли с севера через леса, освещаемые северным сиянием, в сопровождена собак и оленей, ведомые смелыми предводителями, понуждаемые даром ясновидения своих женщин. Золото волос и лазурь глазе—цвета предопределенные. Этой расы назначено было создать солнечный культ священного огня и внести в мир тоску по небесной родине. Поздние белая раса попеременно то восставала мятежно против неба, до желания взять его приступом, то простиралась ниц перед его славой в безграничном обожании.

Белая раса, подобно остальным расам, должна была пройти через все ступени развития, прежде чем овладеть самопознанием. Её отличительные признаки — потребность индивидуальной свободы, чувствительность, которая создает силу симпатии, и преобладание интеллекта, придающего воображению идеальное и символическое направление. Способность страстно чувствовать вызвала у мужчины привязанность к одной определенной женщине—отсюда наклонность этой расы к единоженству, к брачному началу и семье. Потребность в индивидуальной свобода, соединенная с общественностью, создала клан с его избирательным началом. Идеальное воображение вызвало культ предков, который составляет корень и центр религии у народов белой расы.

Начало социальное и политическое зарождается в тот день, когда толпа полудиких людей, теснимая враждебным племенем, собирается вместе и выбирает самого сильного и самого разумного из своей среды, чтобы он защищал их от врага и повелевал ими. Подобный добровольно избранный предводитель—прообраз будущего короля; его товарищи—будущее высшее сословие; старцы, отличающиеся разумом, но потерявшие физическую бодрость, образуют уже нечто в роде сената или собрания старейших.

Как же объяснить возникновение религии? По объяснению материалистической науки, Религия возникла вследствие страха первобытного человека перед силами природы. Но страх не имеет ничего

общего с уважением и любовью. Страх не связывает факта с идеей, видимое с невидимым, человека с Богом. Пока человек только дрожал перед природой, он еще не был человеком. Он сделался человеком тогда, когда уловил связь, которая соединяет его с прошедшим и будущим и с тем высшим благим Началом, которое оставалось для него таинственным Неизведанным, но которое он все же чувствовал и, чувствуя, испытывал потребность преклоняться перед Ним. Но как началось это преклонению?

Фабр Д0ливе дает в высшей степени удачную и убедительную гипотезу, каким образом возник впервые культ предков у белой расы. В воинственном клан, между двумя соперничающими воинами, возникает ссора. Рассвирепев, они собираются броситься друг на друга; нападете уже началось; в эту минуту женщина из их клана, с распущенными волосами, бросается между ними и разделяет их. Это—сестра одного и жена другого. Глаза её мечут молнии голос её звучит властно. Она восклицаете—и слова её бьют как молотом,—что видела в лесу предка племени, победоносного воина прежних времен. явившегося перед ней глашатаем. Он не хочет, чтобы два воина брата бились, но желает, чтобы они соединились против общего врага. «Тень великого предка, его дух говорил со мной» восклицает женщина в порыв пламенного вдохновения.—«0н говорил со мной и Я видела его»и

Она говорить и сама горячо верит в правду своих слов. Убежденная, она убеждает. Взволнованные, удивленные и как бы пораженные невидимой силой, примиренные противники подают друг другу руки и смотрят на вдохновенную женщину, как на нечто

высшее, божественное.

Подобный вдохновения, сопровождались последствиями в роде описанного, должны были происходить нередко, и при том при самых разнообразных обстоятельствах, в доисторической жизни белой расы. У варварских племен женщина, одаренная большой нервной чуткостью, ранее других предчувствует оккультное и утверждаете

невидимое.

Попробуем представить себе все неожиданные последствия, которые могли последовать за чудесным происшествием, в роде вышеизложенного. Внутри клана и во всем племени только и говорят, что о совершившемся чуд. Дуб, под которым вдохновенная женщина видела тень предка, делается священным деревом. Её снова приводят к нему; и там под магнетическим влиянием луны, погружающим в состояние духовидения, она продолжает пророчествовать именем великого предка. Еще позднее, эта же женщина и ей подобный, став в величественной позе на возвышена посреди лесной поляны, при шуме ветра и рокочущего вдали океана, вызывает души предков перед трепещущей толпой, которая видит их или воображает, что видит, как они, привлеченные магическими заклинаниями, появляются в бледном тумане, волшебно клубящемся в призрачном Сиянии луны. Так последний из великих кельтов, Осеиан, вызывал Фингала и его товарищей из сгустившихся облаков.

Таким образом в самом начале общественной жизни, культ предков водворился у белой расы. Великий предок стал Божеством народности. Вот начало религии.

Но это не все Вокруг пророчицы собираются старцы, которые наблюдают за ней во время её ясновидящих снов, её пророческих экстазов. Они изучают различные её состояния, проверяют её откровения, толкуют её предсказания. Они замечают, что когда она пророчествует в состоянии духовидения, её лицо преображается, её речь делается ритмической и голос её крепнет, когда она произносить свои предсказания величественным и торжественным напевом.

Отсюда возникли и строфы, и поэзия, и музыка, происхождение которых считается божественным у всех народов арийской расы. Идея откровения могла создаться у человечества лишь на почве подобных фактов. И здесь мы видим, как из одного и того же источника вытекают и Религия, и культ, и жречество, и поэзия.

В Азии, в Иране и в Индии, где народы белой расы основали первые арийская цивилизации, смешавшись с народами других цветов, мужчины взяли верх над женщинами в дел религиозного

вдохновения. Здесь мы постоянно слышим о Мудрецах, Rishis, Пророках. Изгнанная, подчиненная женщина остается жрицей одного только семейного очага. Но в Европе следы преобладания женщины встречаются у народов белой расы, оставшихся варварами в течёние тысячелетия. Роль эта проглядывает в скандинавской волшебнице, в Волюспе Эдды, в кельтической друидесс, в женщинах-вещуньях, сопровождавших германские армии и решавших день битвы, вплоть до фракийских вакханок, которые появляются в легенде Орфея. Доисторическая пророчица преобразуется в дель-фийскую Пиеию.

Первобытные прорицательницы белой расы образовали коллегию друидесс, под наблюдением ученых старцео или друидов, «людей дуба». Вначал он6 были благодетельным явлежем. Своей ин-туишей, своим пророческим даром, своим энтузиазмом он"е дали сильный толчок той раcт, которая в это время начинала свою мно-говековую борьбу с черными. Но быстрая порча и ужасающия излишества этих учреждений были неизбежны. Чувствуя себя духовными распорядительницами народов, цруидесеы захотели во что бы то ни стало подчинить их и в смыслы земном. Когда оне лишились вдо-хновения, он попробовали господствовать посредством страха. Оне потребовали человеческих жертв и сделали их необходимыми элементами своего культа. В этом им помогали героические инстинкты их расы. Белые были храбры; их воины презирали смерть; при первом зов6 друидессы, они шли добровольно и, чтобы отличиться, бросались под ножи своих кровожадных жриц.

Целыми человеческими гекатомбами посылались живые к мертвым в качестве вестников, в надежде обрести благосклонность предков. Эта постоянная угроза, исходившая из уст пророчиц и друидов и витавшая над головами первых народных предводителей, сделалась страшным средством их владычества.

Факт этот является замечательным примером, как неизебежно подвергаются порч самые благородные инстинкты человеческой природы, когда они не подчинены авторитету, направленному сверхличным сознанием к добру. Предоставленное случайному честолюбивого и личным страстям, вдохновение вырождается в суеверии, мужество в зверство, высокая идея самопожертвования в средство для тиражи, в коварную и жестокую эксплуатацию.

Но белая раса была жестокой и безумной только в продолжении своего детства. Страстная в сфере душевной, она должна была пройти через много других еще более кровавых кризисов. Она была только - что разбужена нападениями черной расы, которая начинала обступать ее с юга Европы. Борьба была неравная с самого начала. Белые, наполовину дикие, выходя из своих лесных жилищ, не имели других средств обороны, кроме топоров, пик и стрел с каменными наконечниками. Черные имели железное оружие, медное вооружение, все средства цивилизации и свои циклопические города.

Раздавленные при первом же столкновении и уведенные в плен, белые сделались, в общем, рабами черных, заставлявших их обрабатывать камень и носить руду для плавления в их печах. Между тем, убежавшие пленные приносили в свою страну обычаи, искусство и обрывки знаний своих победителей. Они вынесли от черных два важные искусства: плавление металлов и священное письмо, т. е. искусство запечатлевать определенные идеи таинственными иероглифическими знаками на коже животных, на камнях, или на коре ясеня; отсюда—кельтические руны.

Расплавленный и выкованный металл сделался оружием для войны; священные письмена дали начало науке и религиозным традициям. Борьба между белой расой и черной продолжалась в течение долгих веков; она передвигалась, разгораясь то между Пиринеями и Кавказом, то между Кавказом и Гималаями. Спасение белых было в лесах, где они могли прятаться как дикие звери, чтобы вновь появляться внезапно, в благоприятные минуты. Осмелев, привыкнув к войне, вооруженные с каждым веком все лучше и лучше, они наконец взяли верх, разгромили города черных, прогнали их с берегов Европы и завладели в свою очередь севером Африки и центральной Азией, которая в т времена была занята смешанными народностями.

Смешение обеих рас происходило двумя способами: или посредством колонизации, или путем воинственных завоеваний. Фабр д-0ливе, этот удивительный провидец доисторического прошлого, бросает яркий свет на происхождение семитических народностей и народов арийской расы.

Там, где белые колонисты подчинились чернокожим народам, признав их владычество и получив от их священников религиозное посвященье, там—по мнению Фабра д0ливе—образовались народы семитические, как египтяне (до Менеса), арабы, финикийцы, халдеи и евреи. Наоборот, другая арийская цивилизации как иранская, индусская, греческая и этрусская возникали там, где белые покорили черных путем завоеваны. Прибавим, что к числу арийских племен мы причисляем также все белые народы, оставшиеся в древности в состоянии бродячем и варварском, как, например, скифы, гэты, сарматы, кельты и позднее германцы.

Этим и объясняется основное различие религий, а также и письменности у народов семитического и арийского происхождения. У семитов, подпавших под интеллектуальное влияние черной расы, замечается поверх народного идолопоклонства склонность к единобожию, к началу единого Бога, невидимого, абсолютного и не имеющего формы, что было одним из главнейших догматов жрецов черной расы и их тайного посвящения. У белых, как смешавшихся с побежденными, так и сохранившихся в чистом вид, замечается обратная склонность к многобожию. к мифологии. к олицетворению Божества, что истекает из их любви к природе и их страстного почитания предков.

Главную разницу между способом письма у семитов и у арийцев Ф. д0ливе объясняет той же причиной. Почему всё семиты пишут справа налево, а все арийцы—слева направо? Объяснение которое дает Ф. д0ливе, и любопытно, и оригинально. Он вызывает перед нашими глазами настоящие видения затерянного прошлого. Все знают, что в доисторические времена совсем не было общедоступного письма. Оно распространилось только с появлением фонетического письма или искусства изображать посредством букв самые звуки слов. Что же касается иероглифического письма или искусства изображать вещи посредством знаков, то оно столь же древне, как и сама человеческая цивилизация. Но в эти первобытные времена, когда письмо было исключительной принадлежностью священнослужителей, на него смотрели как на нечто священное, как на религиозную деятельность, а в самом начале как на божественное вдохновение. Когда в южном полушарии жрецы черной расы чертили на коже животных или на каменных столах свои таинственные знаки, они имели обыкновение поворачиваться лицом к южному полюсу, рука же их направлялась к востоку—источнику света. Вот почему они писали справа налево.

Священники белой или северной расы научились писать от черных жрецов и вначале писали так же, как и эти последние. Но когда у них стало развиваться сознание своего происхождения, национальное чувство и расовая гордость, они изобрели свои собственные знаки, и вместо того, чтобы обращаться к югу, к стране черных они стали оборачиваться к северу, к стране предков, продолжая во время письма направлять руку к востоку. Отсюда и направление их букв слева направо. Отсюда и способ начертания кельтических рун, зендского , санскритского , греческого , латинского письма и всех начертан;" арийской расы. Он стремятся к солнцу, к источнику земного жизни, но смотрят они на север, в страну предков. В таинственный источник небесных зорь.

Течение семитическое и течете арийское—вот два потока, которые принесли нам все наши идеи, все предания и религии, все искусства, науки и философии. Каждое из этих течений несет в себе противоположные понятия о жизни, и только из примирения и гармонического сочетания этих противоположностей получится истина.

Семитическое течение содержит высшие абсолютные принципы;

идея единства и всемирности во имя Верховного начала, в осуществлении своем, ведет к соединению человечества в одну семью. Ариийское течение заключает в себе идею восходяцией эволюциии во всех земных и сверхземных царствах и ведет в своем применении к бесконечному разнообразию, выражающему все богатство природы и всю сложность стремлений души. Селиитический гений спускается от Бога к человеку; арийский гений восходит от человека к Богу. Первый символизируется карающим Архангелом, который спускается на землю, вооруженный мечом и молнией; второй—Прометеем, держащим в руках похищенный с неба огонь и гордым взором измеряющим Олимп.

Оба эти гения мы носим внутри себя. Мы думаем и действуем поочередно под влиянием то одного, то другого. Они переплетены, но не сплавлены в нашем разум. Они противоречат друг другу и борятся в глубине. наших чувств и в тончайших изгибах наших мыслей, так же как и в нашей общественной жизни и в наших учреждениях. Скрытые под сложными формами, которые можно обозначить родовым именем спиритуализма и натурализма, они господствуют над нашими разногласиями и над нашей борьбой. Оба кажутся непримиримы и непреодолимы, а между тем истинный прогрессе человечества и его спасете зависят от примирения и слия-ния обоих начал в едином синтез.

Вот почему мы стремимся в нашей книге проникнуть до источника обоих течений, до появления в мир обоих гениев. Минуя споры между историческими системами, борьбу различных культов, противоречие священных текстов, мы проникнем в самое сознание тех основателей и пророков, которые дали Религиям их первоначальный толчек. Они обладали глубокой интуицией и вдохновением свыше, которые проливают потоки света и в то же время побуждают к плодотворному действию.

Да. тот синтез, в котором так нуждается современное человечество, предсуществовал в них. Божественный свет побледнел и затемнился со временем, но свет этот появляется вновь, он снова сияет каждый раз, когда на протяжении исторической драмы пророк герой или ясновидяще поднимает сознание людей к Первоисточнику. Ибо только из точки отправления возможно увидать цель: из центрального солнца можно видеть направление бегущих планет.

Таково откровение в мировой истории, непрестанное, постепенно раскрывающееся, многообразное как сама природа, но исходящее из одного центрального источника, единое как сама истина, неизменное как Бог.

Исследуя семитическое течете, мы придём—через Моисея— в Египет, в храмах которого (по Манееону) хранились предания, древность которых исчисляется в тридцать тысяч лет. Поднимаясь по арийскому течению, мы проникнем в Индию, где развернулась первая великая цивилизащя, явившаяся результатом победы белой расы.

Индия и Египет, эти две матери религий, обладали тайнами великого Посвящения. Мы проникнем в их святилища.

Но предания их поведут нас еще глубже, в эпоху еще более отдаленную, когда оба различные гения, о которых была речь, являются перед нами соединенные в чудную гармонию. Это—первобытная арийская эпоха. Благодаря превосходным работам современной науки, благодаря филологии, мифологии и сравнительной этнологии мы в состоянии различить очертания этой эпохи. Она вырисовывается на фон ведических гимнов, которые являясь лишь её отражением, отличаются величавой простотой и чудной чистотою линий. Это был век зрелости, совсем не напоминающий золотой век детства, о котором мечтают поэты; и хотя страдания и борьба не отсутствуют и в нем, все же в людях того века чувствуется такая полнота веры, силы и ясности, вернуть которую человечество уже не могло с тех пор.

В Индии мысль углубляется, и чувства утончаются. В Греши страсти и идеи одеваются в чары искусств, в магические покровы красоты. Но никакая поэзия не в состоянии превзойти некоторые ведические гимны по нравственной возвышенности, по всеоблемлющей ширине мысли. Они проникнуты чувством божественности всей природы; они объяты тем невидимым, что окружает проявленный мир, они настроены тем великим единством, которое соединяет все в единую гармонию.

Каким образом возникла подобная цивилизация? Как могла развиться такая высокая интеллектуальность среди постоянных расовых войн и борьбы с природой? Здесь останавливается исследование современной науки, но религиозные предания народов, истолкованная в их эзотерическом смысл, идут гораздо дальние и позволяют нам отгадывать, что первое средоточие ядра арийской пасы в Иран произошло благодаря определенному подбору, произведенному в недрах самой белой расы под руководством победителя и законодателя, который дал своему народу религш и законы, соответствующие гению белой расы.

И в самом дел, священная книга персов Зенде-Авеста упоминает об этом древнем законодатель, называя его Иима (Yima), а Зороастр, основывая новую религию ссылается на него, как на своего предшественника, как на первого человека, с которым говорил Ормузд, живой Бог, точно так же как Иисус Христос ссылается на Моисея. Персидский поэт Фирдуси называет этого законодателя Джэм, Завоеватель черных.

В индусской эпопей Рамайяна он появляется под именем Рамы, облеченный в достоинство индусского короля, окруженный блеском великой цивилизации; но при этом он ясно сохраняет об свои характеристики: завоевателя, создающего новую общественность, и Посвященного. В египетских преданиях эпоха Рамы обозначается как царство Озириса, владыки света, которое предшествовало царству Изиды, царицы мистерии.

Наконец, в Греши древний герой и полубог почитался под именем Диониса, которое происходить от санскритского Deva Na-housha,—Божественный Преобразователь. Орфей давал то же имя божественному Разуму, а поэт Ноннус, следуя элевзинским преданиям, воспевал покорение Индии Дионисом.

Как лучи одного и того же круга, все эти предания указывают на один общий центре; следуя по направлении тех лучей, можно убедиться, что все они исходят из него. Итак, минуя Индию Вед, минуя Иран Зороастра, мы увидим—при сумрачном рассвет белой расы—первого Создателя арийской религий, выступающим из лесов древней Скифии в двойной Тиар завоевателя и Посвященного, несущим в руке мистический огонь, тот священный огонь, от которого загорится духовный свет для всех арийских народов.

Фабру д-Оливе обязаны мы указаниями на этот таинственный величавый образе; он проложил светлую тропу, следуя по которой попробую и я вызвать его перед читателями.

2. Миссия Рамы

Четыре или пять тысяч лет до нашей эры непроходимые леса покрывали древнюю Скифию. которая простиралась от Атлантическою океана до полярных морей. Черные называли этот континент, на их глазах, остров за островом, всплывавший со дна океана, «землей, рожденной из волн». Сильно отличалась она от их земли, побелевшей под лучами жгучего солнца, своими зелеными берегами, своими влажными заливами, задумчивыми реками, глубокими озерами и вечно нависшими на её горных скатах туманами. На покрытых травою равнинах, еще не тронутых культурой, необозримых как пампасы, не раздавалось иных звуков, кроме криков хищных зверей, рева буйволов и неукротимого топота диких коней. мчавшихся большими табунами с развивающимися гривами.

Белый человек, обитавший в лесах, перестал быть пещерным человеком. Он мог уже считать себя хозяином земли; он изобрел кремневые ножи и топоры, лук и стрелы, пращу и силок. И, кроме того, он приобрел двух товарищей для борьбы, двух превосходных друзей, преданных до смерти: собаку и лошадь. Домашняя собака, ставшая верным стражем его деревянной хижины, обеспечила ему безопасность его очага. Покорив своей власти лошадь, он в то же время завоевал и землю, и подчинил себе других животных. Он стал царем пространства. Верхом, на диких конях, эти первобытные люди носились по равнинам как ветер.

Они убивали медведей, волков, бизонов и приводили в ужас пантер и львов, населявших в те времена европейски леса.

Начало цивилизации было положено; первобытная семья, клан, поселок, были вызваны к существованию. Скифы, сыны Гиперборейцев всюду воздвигали своим предкам чудовищные жертвенные камни.

Когда умирал предводитель, с ним вместе погребалось его оружие и его конь для того, чтобы воин тог совершать объезд по небесным равнинам и охотиться на том свете за огненным драконом. Отсюда обычай приносить в жертву коня, который играет такую большую роль в Ведах и у Скандинавов. Таким образом, в основу религии был положен культ предков.

Семиты нашли единого Бога, мировой Дух в пустыне, на вершинах гор, в необъятности звездных пространств. Скифы и Кельты нашли многих богов, многочисленных духов в глубине своих лесов. Там раздавались для них голоса из невидимых миров, там являлись им видения, там они испытывали первый трепет пред Неизведанным. И навсегда остались леса, с их жуткой таинственностью и очарованием. дороги для белой расы.

Привлеченные шумом деревьев и магией лунного света, белые люди испытывают неудержимую тягу к своим лесам, они возвращаются к ним снова и снова, как к источнику молодости, как к храму великой матери Герты. Там спят их боги, их воспоминания, их затерянные мистерии.

С незапамятных времен, ясновидящие женщины пророчествовали под сенью деревьев. Каждое племя имело свою великую пророчицу на подобие Волюспы у Скандинавов с её коллегией друидесс. Но эти женщины, действовавши в начал под благородным вдохновением, сделались впоследствии честолюбивыми и жестокими. Вдохновенные пророчицы превратились в злых волшебниц. Они основали человеческие жертвоприношения, и кровь текла безостановочно на дольменах при зловещем пении жрецов, при исступленных восклицаниях диких Скифов.

Среди этих жрецов находился молодой человек во цвете лет, по имени Рам, который также готовился к священнослужению; но его глубокая душа и ясный ум возмущались при вид этого кровавого культа.

Молодой друид был нрава кроткого и серьезного, он выказывал с ранних лет необычайную способность к распознаванию целебных и ядовитых свойств растений, к приготовлению их соков, а также к распознаванию звезд и их влияния на человеческую судьбу. Он был способен угадывать и видеть самые отдаленные вещи; отсюда его влияние даже на старейших друидов.

Доброжелательство и величие исходило из его речей и из всего его существа. Его мудрость составляла поразительный контраст с безумием друидесс, с мрачными проклятиями, которые изрекали их оракулы в своем исступленном бреду.

Друиды называли его: «тот, который знает», народ же прозвал его « свыше вдохновенным миротворцем». Рам, стремившийся к духовным познаниям. странствовал по всей Скифии, а также и в полуденных странах. Очарованные его личными познаниями и его скромностью, жрецы Черных поведали ему часть своих оккультных знаний.

Вернувшись на север, Рам был потрясен при вид культа человеческих жертв, свирепствовавших среди его расы. Он видел в этом признак её гибели; но как побороть этот страшный обычаи, распространившиеся благодаря властолюбию друидесс, корысти жрецов и суеверию народа? В это время новый бич был ниспослан на белых, и Рам увидал в этом наказание свыше за кощунственный культ.

Благодаря своим вторжениям в южные страны и благодаря соприкосновению с Черными, Белые принесли в свою страну страшную болезнь, род чумы. Она заражала человека через кровь, через самые источники жизни. Все тело покрывалось черными пятнами, дыхание становилось зараженным, распухшие и разъеденные нарывами члены искривлялись, и больной умирал в страшных мучениях. Дыхание живых и смрад от мертвых распространял заразу. Обезумевшие Белые падали тысячами в предсмертной агонии в глубине своих лесов, покинутых даже хищными птицами. Огорченный Рам тщетно искал средства к спасению.

Он имел обыкновение предаваться молитвенному размышлению под дубом, на лесной полян. Однажды вечером, он долго размышлял над страданьями своей расы; он заснул у подножия дерева. Во сне он

услыхал, как сильный голос звал его по имени, и ему показалось, что он проснулся. Он увидел перед собой величественного человека, одетого в такие же белые одежды друида, какие были и на нем. Он держал жезл, вокруг которого обвивалась змея. Удивленный Рам намеревался спросить у незнакомца, чти это значить. Но незнакомец взял его за руку, поднял его, и, показав ему на том самом дереве, под которым он спал, прекрасную ветку омелы, сказал: «О Рам! средство, которые ты ищешь, здесь. перед тобой». Затем он достал из своих одежд маленький золотой серп, отрезал ветку и подал ему. Он произнес еще несколько слов о том, как приготовляют омелу, и исчез.

Тогда Рам проснулся совсем и почувствовал себя сильно облегченным. Внутренний голос сказал ему, что он нашел спасение. И он приготовил омелу по совету неземного друга с золотым серпом, и дал выпить этот напиток больному, и больной выздоровел. Чудесные исцеления, которые затем производил Рам, до ставили ему большую известность во всей Скифии. Всюду призывали его для излечения заболевавших. Спрошенный друидами своего племени он доверил им свое открытие, выражая желание, чтобы оно осталось тайной жреческой касты, дабы обеспечить её авторитет.

Учеников Рамы, переходивших с места на место по всей Скифии с ветками омелы в руках, считали божественными вестниками, а самого Раму—полубогом.

Это событие стало основой нового культа. Омела стала с тех пор священным растением. В память события, Рам учредил праздник Рождества или нового спасения, который он поместил в начал года и который назвал Ночь-Мать (нового солнца) или великое Обновление.

Что касается таинственного существа, которое указало Раме на омелу, его называли в эзотерическом европейском продажи Aesc-heyl-hopa, что означает: «надежда спасения скрывается в лесу». Греки сделали из этого имени Эскулапа, гения врачебного искусства, держащего в руках магической жезле—кадуцей.

Но Рам, «свыше вдохновенный миротворец», видел перед собой более обширные цели. Он решил излечить свой народ от нравственной язвы, более печальной, чем физическая зараза. Избранный начальником жрецов своего племени, он отдал приказание всем коллегиям друидов и друидесс положить конец человеческим жертвоприношениям. Эта весть облетела все страны вплоть до океана и, вызвав великую радость в одних, возмутила других как святотатственное посягательство. Друидесс, угрожаемый в самой основ своей власти, подняли страшный ропот против дерзновенного, посылали ему прокляни и провозгласили его приговоренным к смерти. Многие друиды, видевшие в человеческих жертвах средство для своего господства, присоединились к ним. Рам, превозносимый одними, был проклинаем другими. Но, полный решимости не отступать ни перед какой борьбой, он еще более оттенил эту борьбу, водрузив новый символ.

Каждое белое племя имело свой особый знак в образе животного, которое олицетворяло качества, наиболее ценимые племенем. Одни предводители прибивали над крышей своего деревянного дворца головы журавлей, орлов или коршунов, другие—головы дикого вепря или буйвола; отсюда произошла геральдика. Любимым знаменем Скифов был бык, которого они называли Тор, олицетворение животной силы и жестокости. Рам, в противоположность быку, дал Другой символ, овна. храброго и миролюбивого предводителя стада, и он стал условным знаком, соединившем всех приверженцев Рама. Это -знамя, водруженное в центр Скифии, сделалось сигналом для всеобщего брожения и произвело наетоящую революцию во всех умах. Белые народы разделились на два лагеря. В самой душе белой расы произошел раскол. Благодаря стремлению отделаться от грубой животности и подняться на первую ступень невидимого святилища, которое ведет к богочеловечеству.

«Смерть Овну»—Кричали сторонники и Тора. «Война с Тором»— кричали друзья Рама. Ужасная воина была неизбежна.

Перед такой возможностью Рам поколебался. Допустив такую войну, не усилите-ли он зло и не поведете-ли свою расу к истреблению? В ответ на эту тревогу он имел новое сновидение.

Грозовое небо было покрыто мрачными тучами, который громоздились на горах и в стремительном беге задевали качающиеся вершины лесов. На высокой скале стояла женщина с распущенными волосами; она была уже готова нанести смертельный удар воину во цвете лет, лежавшему связанным у её ног. «Во имя предков остановись»—закричал Рам, бросаясь на женщину. Друидесса, угрожая противнику, бросила на него пронизывающий взгляд. В это время из низко нависших туч раздался раскат грома и, озаренный сверкнувшей молнией, появился ослепительный образ.

Весь лес осветился; друидесса упала как сраженная молнией, узы пленника распались, и он посмотрел на ослепительное видение со страхом. Рам не дрожал, ибо в представшем видении он узнал божественное существо, которое уже беседовало с ним под дубом. На этот раз оно показалось ему еще прекраснее. От его облика исходил свет.

И тогда Рам увидал, что он находится в открытом храме, поддерживаемом рядами колон. На мест жертвенного камня возвышался алтарь. Рядом с алтарем стоял воин, но глаза его все еще выражали предсмертный страх. Женщина, распростертая на плитах храма казалась мертвой, а божественный Вестник держал в правой рук факел, а в левой—чашу. Он посмотрел на Рама с благоволением и сказал: «Рам я доволен тобою. Видишь ты этот факеле? Это—священный огонь божественного Духа. Видишь ты эту чашу. Это—чаша Жизни и Любви. Дай факел мужчине, а чашу женщине». Рам исполнил повеление Вестника. Только что факел коснулся руки воина, а чаша—руки женщины, как огонь сам собою зажегся на алтаре, и оба стояли преображенные его светом.

В то же время храм раздвинулся, его колонны поднялись до неба, его купол преобразился в звездное небо И тогда Рам, унесенный своим сновидением, увидел себя на вершине горы и ещё рядом с ним божественный Вестник объяснял ему смысл созвездий и учил его читать в сияющих знаках зодиака судьбы человечества.

Кто ты, дух мудрости?- спросил Рама и Вестник отвечал:-Меня зовут Deva Nahousha. божественный Разум. Ты будешь распростронять мои лучи по земле, и я беду всегда приходить по твоему зову, а теперь иди по предначертанной тебе дороге». И Божесвенный Вестник указал рукой на восток.

3. Исход и Победа.

В этом видении Рама увидал, как бы освещенными молнией, свою миссию и великую судьбу своей расы. С этих пор он уже не колебался. Вместо того, чтобы зажечь братоубийственную войну между народностями Европы, он решил увести избранников своей расы в самое сердце Азии.

Он известил своих, что намерен основать культ священного огня, который поведет людей к счастью, что человеческие уничтожаются навсегда, что вызывание предков будет совершаться не кровожадными жрицами на диких скалах, осквернённых человеческой кровью, но у каждого домашнего очага, перед очищающим огнем, супругом и супругою, соединенными в одной и той же молитве, в одном гимне поклонения. Да, видимый огонь алтаря символ и проводник невидимого небесного огня, соединит семью, клан, племя и сделает их центром, в котором о котором проявится дух Бога живого на земле.

Но, чтобы собрать эту жатву, необходимо отделить хорошее зерно от плевелов, нужно, чтобы все смелые покинули Европу и завоевав новую землю, поселились на девственной почве. Там он издаст свой закон, там он положит основание культу обновляющего огня.

Это предложение было встречено с энтузиазмом народом, находившемся во цвете юности, жаждавшим новых впечатлений. Огни, зажжёные и поддерживаемые в течение нескольких месяцев были сигналом для массового переселения всех, кто желал следовать за Овном. Великое переселение предводительствуемое Рамой, пришло в движение, медленно направляясь в центр Азии. Когда оно

достигло Кавказа, предводителю пришлось взять с боя несколько циклопических крепостей. построенных Черными.

В память своих побед, белые колонисты высекали гигантские головы Овна на скалах Кавказа. Рама оказался достойным своей высокой миссии. Он устранял все препятствия, проникал в мысли окружающих, предвидел будущее, исцелял больных, умиротворял мятежников, зажигал мужество.

Таким образом небесные силы, которые мы называем Провидением, вели северную расу к господству над землей, освещая, с помощью гения Рама, яркими лучами её путь, Эта раса уже имела своих второстепенных пророков, которые стремились вырвать ее из состояния дикости. Но в лице Рамы, который первый понял закон общественности, как выражение закона Божия, ей был дан вдохновенный пророк первой степени.

Он заключил дружественный союз с Туранцами, скифскими племенами с примесью желтой расы, которые занимали возвышенности Азии; он увлек их к завоевана Ирана, откуда окончательно изгнал Черных, желая, чтобы чистая белая раса занимала центр Азии, и оттуда светила всем другим народам, как яркий светоч.

Он основал там город Вер, отличавшая большим великолепием, по словам Зароастра. Он научил народы обрабатывать землю, он был отцом хлебных злаков и виноградной лозы. Он создал касты, соответствующие занятиям людей, и разделил народ на жрецов, воинов, земледельцев и ремесленников.

Вначале между кастами не было соперничества; наследственные привилегии, источник зависти и ненависти, возникли лишь впоследствии. Рам запрещал рабство так же, как и убийство, утверждая, что порабощение человека человеком есть источник всех зол. Что касается клана, этой первобытной формы общественности у белой расы, он сохранил его неприкосновенным и разрешил свободное избрание предводителей и судей.

Но венцом деятельности Рамы, облагораживающим орудием, созданным им была та новая роль, которую он дал женщин.

До тех пор мужчина знал женщину только в двух ролях:

или несчастной рабыней в его хижине, и тогда он обращался с нею с грубой жестокостью, или же мятежной жрицей дуба и скалы, милости которой он искал: и тогда она властвовала над ним вопреки его воли, в роли волшебницы, очаровывающей и страшной, предсказания которой наводили на него трепет, перед которой дрожала его суеверная душа.

Человеческие жертвоприношения были со стороны женщины воздаянием мужчин. она мстила, когда вонзала нож в сердце своего жестокого тирана. Отменив этот ужасный культ и подняв женщину в глазах мужчины, в её высоких обязанностях супруги и матери. Рама сделал из неё жрицу домашнего очага, охранительницу священного огня. равную супругу, призывающую вместе с ним души Предков.

Как все великое законодатели, Рама лишь оформил и развил высшие инстинкты своей расы. Чтобы украсить жизнь, Рама установил четыре большие праздника в году. Первый был праздник весны или плодородия. Он был посвящен любви супругов. Праздник лета или жатвы был установлен для сыновей и дочерей, которые подносили связанные снопы своим родителям. Праздник осени справляли отцы и матери: они предлагали плоды своим детям, как знак веселья.

Но наиболее святым и таинственным из праздников было Рождество или праздник великого сева. Рама посвятил его одновременно и новорожденным детям, плодам любви, зачатым весною, и душам умерших, Предкам. Символ соприкосновения видимого с невидимым, это религиозное торжество было одновременно и прощанием с вознесшимися душами и мистическим приветствием тем душам, которые возвращаются на землю, чтобы, воплотившись в матерей, вновь возродиться в их детях. В эту святую ночь древние Арийцы соединялись в святилищах Airyana-Vaeia, как они соединялись когда-то в своих лесах. Огнями и песнопениями праздновали они возобновление земного и солнечного года, прозябание

природы в недрах зимы, трепетание жизни в глубинах смерти. Они воспевали оживотворяющий поцелуй неба, даваемый земле, и торжествующее зачатие нового солнца великой Матерью-Ночью.

Рама соединил таким образом человеческую жизнь с циклами времен года, с астрономическим годовым оборотом. И в то же время, он стремился выдвинуть божественный смысл человеческой жизни. Благодаря такой плодотворной деятельности, Зороастр называет его «предводителем народов, благословенным монархом», и на том же основании индусский поэт Вальмики, который переносить античного героя в эпоху гораздо более приближенную к нам, в роскошную раму более подвинувшейся цивилизации, сохраняет за ним черты высочайшего идеала. «Рама с очами голубого лотоса,—говорит Вальмики.—был владыкой Мира» господином своей души и предметом любви для человек, отцом и матерью своих подданных. Он сумел соединить все существа в единой цепи любви».

Водворившись в Иран у преддверья Гималаи, белая раса не была еще господствующей на земле. Нужно было, чтобы её авангард углубился в Индию, где был главный центр Черных, древних победителей красной и желтой расы. Зене-Авеста упоминает об этом движении Рамы в Индию. Индусская эпопея сделала из него одного из любимых героев. Рама был завоевателем земле, которая заключала Гимават, страну слонов, тигров и газелей. Он дал первый толчок той гигантской борьбе, в которой две расы соперничали бессознательно из-за мирового владычества.

Поэтическое предание Индии, обогащенное на счет оккультных традиций храмов, сделало из неё борьбу между белой и черной магией.

В своей войн с народами и королями страны Джамбуев, как ее называли тогда, Рама, как его прозвали на Восток, проявил чудесные силы, ибо они превышают обыкновенные способности людей; но силами этими всегда владели великие посвященные, знавшие скрытые силы природы, которые они и подчиняли себе. Предание изображает Раму, то вызывающим источник воды в пустыне, то находящим неожиданную помощь в манне, которую он учит, употреблять в пищу, то прекращающим эпидемию с помощью растения horn, amomos Греков, persea Египтян, из которой он умел, извлекать целебный сок. Это растение считалось священным между его последователями заменило омелу европейских Кельтов.

Рама пускал в ход против своих врагов разные чары. Жрецы Черных господствовали в те времена с помощью уже выродившегося культа. Они имели обыкновение кормить в своих храмах огромных змей и птеродактил, редких потомков допотопных животных, которым они заставляли поклонятся как своими богам, и которые приводили в трепет толпу. Они заставляли змей поедать мясо военнопленных. Иногда Рама являлся невзначай в такие храмы и при свете факелов выгонял, укрощал и приводил в трепет и змей, и жрецов. Иногда он показывался в лагере врагов безоружный, подвергая себя ударам тех, кто искал его смерти, и после этого возвращался назад целым и невредимым ибо никто не смел дотронуться до него. Когда же расспрашивали тех, которые допустили его удалиться невредимым, спрошенные отвечали, что его взгляд заставил их временно окаменеть, или что, повинуясь слову его, целая гора из меди становилась между ними и им, и они переставали видеть его.

И наконец, как завершение его подвигов, эпическое предание Индии приписывает Раме завоевание Цейлона, этого последнего прибежища черного мага Раваны, на которого белый маг посылает огненный град, перебросив предварительно мост через один из рукавов моря и перебравшись по нем с армией обезьян, которые чрезвычайно напоминают первобытные племена дикарей, увлеченных и вдохновленных этим великим чародеем народов.

Глава IV. Завещание великого Предка.

По свидетельству священных книг Востока, Рама сделался распорядителем Индии и духовным царем земли, благодаря своей духовной силе, гению и доброте. Жрецы, короли и народы преклонялись перед ним, как перед небесным благодетелем. Под знаменем Овна ученики его широко распространяли

арийский закон, который провозглашал равенство побежденных и победителей, уничтожение человеческих жертв и рабства, уважение к женщин у домашнего очага, культ предков и учреждение священного огня, как видимого символа невидимого Бога.

Рама состарился. Борода его побелела, но бодрость не покидала его тела, и величие истинного первосвященника покоилось на его челе. Короли и посланники народов предлагали ему высочайшую власть. Он потребовал год на размышление и снова ему приснился сон; ибо гений вдохновлявши его, говорил с ним во время сна.

Он увидел себя в лесах своей юности.

Он снова стал молодым и носил льняные одежды друидов. Сиял лунный свет. Была святая Ночь, когда народы ожидают возрождения солнца и года. Рама шел под дубами, прислушиваясь, как он это делал в юности, к волшебным лесным голосам. Прекрасная женщина подошла к нему. На голове у неё была сияющая корона. Бё густые волосы были цвета золота. Кожа её блистала белизною снега, а глаза светились глубиной лазури после грозы.

Она сказала ему: я была дикой друидессой; через тебя я стала светлой Супругой и зовусь я теперь Сита. Я—женщина, возвеличенная тобою, я—белая раса, я—твоя супруга. О, мои король и повелители. Разве не для меня переплыл ты реки, не для меня овладел сердцами народов и победил земных королей? Вот— награда. Возьми эту корону из моей руки, надень ее на твою голову и царствуй вместе со мной над миром. Она преклонила колени в смиренной позе, предлагая ему земную корону. Драгоценные камни сверкали тысячью огней, экстаз любви светился в глазах женщины, и душа великого Рамы, пастыря народов, поддалась волнению.

Но поверх лесных вершин появился Deva Nahousha, его добрый гений, и сказал ему: «если ты наденешь эту корону на свою голову, божественный разум покинет тебя; ты более не увидишь меня, если ты заключишь эту женщину в свои объятья, твое счастье убьет ее. Но если ты откажешься от обладанья ею, она будет жить счастливая и свободная на земле, и твой невидимый дух будет управлять ею. Выбирай: либо слушать ее, либо следовать за мною». Сита, все еще на коленях, смотрела на своего повелителя глазами полными любви и мольбы, ожидая его ответа. Рама молчал. Его взор, погруженный в глаза Ситы, измерял бездну, которая отделяет совершенное обладание от вечной разлуки. Но почувствовав, что высочайшая любовь есть в то же время и высочайшее отречение, он положил свою руку на лоб белой женщины, благословил ее сказал: «Прощай. Оставайся свободной и не забывай меня.»

Немедленно женщина исчезла как лунный призрак. Молодая заря подняла свой магической жезл над старым лесом. Рама превратился снова в старца. Его белая борода была увлажнена слезами, а из глубины лесов грустный голос взывал: «Рама! Рама!».

После этого сна, который указал ему на завершение его миссии, Рама соединил всех королей и народных посланников и сказал им: «Я не хочу высшей власти, которую вы предлагаете мне. Сохраните ваши короны и соблюдайте мой закон. Моя задача кончена. Я удаляюсь навсегда с моими братьями, посвященными, на гору Airyana-Vaeia. Оттуда я буду наблюдать за вами. Оберегайте священный огонь и если бы он погас, я появлюсь среди вас безпощадным судьёй и страшным мстителем». Вслед затем он удалился с своими приближенными учениками на гору Альбори между Балк и Бамиан, в убежище, известное только Посвященным.

Там он поучал своих учеников относительно тайн земли и Великого Существа. Ученики его понесли в Египет и до самой Окситант священный огонь, символ божественного единства вещей, и рога Овна, эмблему арийской религии. Эти рога сделались знаками посвящения, а затем и священнической и царственной власти . Издали Рама продолжал следить за своими народами и за возлюбленной белой расой. В последние годы своей жизни он был занят устройством календаря для Арийцев.

Ему мы обязаны знаками зодиака. Это было завещанием патриарха посвященных. Странная книга, написанная звездами, сверкающими иероглифами на небесном свод, бездонном и безграничном, была оставлена Древнейшим из нашей расы. Устанавливая двенадцать знаков зодиака. Рама придал им

тройной смысл. Первый относился к влиянию солнца на двенадцать месяцев года; второй передавал символически его собственную историю; трели указывал на оккультные средства, которыми он пользовался, когда достигал своей цели. Вот почему эти знаки, читаемые в обратном порядке, (.делались позднее тайными эмблемами постепенного посвящения. Он сделал распоряжение своим ученикам, чтобы они скрыли его смерть и продолжали дело его жизни, распространяя свое братство. В течение многих веков верили, что Рама, в тиаре с рогами овна. продолжал жить на своей святой горе. В ведические времена Великий Предок превратился в Ламу, судью мертвых, в индусского Гермеса.

глава V.

Ведическая Религия.

Благодаря своему организаторскому гению, великий основатель арийских культур создал в центре азии в Ираен народ, общество, вихрь бытия, который должен был светить миру во всех смыслах. Колонии первобытных Арийцев распространились в Азии и в Европе, принося с собой свои нравы, свои культы и своих богов. Из всех этих колоний ветвь индусских Арийцев приближается больше всего к первобытным Арийцам.

Священные индусские книги Веды имеют для нас тройную цену. Прежде всего, они приводят нас к очагу античной арийской религии блистающими лучами которой являются ведические гимны. Затем, они дают нам ключ к Индии. И наконец, они дают нам первую кристаллизацию основных идей эзотерической доктрины и вместе с тем, всех арийских религий.

Сделаем краткий обзор содержания и ядра ведической религии.

Ничего не может быть проще и величавее этой религии, в которой глубокой натурализм сливается с трансцедентной духовностью. Перед рассветом, глава семьи становится перед алтарем, воздвигнутым из земли, на котором горит огонь, зажженный посредством двух кусков сухого дерева. В этой деятельности, глава семьи в одно и то же время и Отец, и Священнослужитель, и Царь жертвоприношения. В то время—говорит ведический поэт, когда заря восходить, подобно выкупавшейся и облекшейся в белоснежную одежду женщин, глава семьи произносить молитву, обращаясь к Усха (заре), к Савитри (солнцу) и к Асурам (духам жизни). Мать и сыновья льют в это время приготовленную из растения асклепия жидкость (сома) в огонь Агни, и поднимающееся пламя несет к невидимым Божествам очищенную молитву, слетающую с уст патриарха и главы семьи.

Настроение ведического поэта одинаково чуждо и эллинской чувственности (я говорю о народном греческом культ, а не об учении греческих посвященных), которая наделяет космические божества красивым человеческим телом, и еврейскому монотеизму, который молится Вездесущему, Безформенному, Предвечному.

Для ведического поэта природа—прозрачное покрывало, за которым живут неисповедимые Силы Божества. К этим Силам он обращается с молитвой; он олицетворяет их, но не забывает, что это не более как метафоры. Для него Савитри не столько солнце, сколько Вивасвате—творческая сила жизни, одухотворящая солнечную систему. Индра, божественный воин, который в своей золотой колесниц проезжает по небу, извергая гром и молнию, олицетворяет могущество солнца в атмосферической жизни, «в великой прозрачности воздушных пространстве».

Когда они обращаются к Варуне (Уран Греков), Богу бесконечного, всеоблемлющего, лучезарного неба, ведические поэты поднимаются еще выше. Если Индра символизируем творческую и воинствующую жизнь небес, то Варуна изображает неизменное величие Божества. Ни что не может сравниться с великолепием его описания в гимнах Вед. Солнце—Его око, небо—Его одежда, гроза—Его дыхание. На незыблемых основах построил Он небо и землю и содержит их врозь. Он все создал и все сохраняет.

Ничто не может выразить неисповедимое творчество Варуны; никто не может проникнуть в Него, но Он, всеведущий, видит все, что есть и что будет. С вершин небес, где Он обитает в своем стовратом дворце, Он различает полет птиц в воздухи и следы кораблей на волнах. Оттуда, с высоты своего золотого престола, он созерцает человеческие дела. Он поддерживает порядок в мире и в обществе; он карает виновного, он изливает свое милосердие на кающегося грешника. Крик истерзанной совести обращается к Нему; перед Его лицом грешник складывает бремя своих грехов.

В некоторых отношениях ведическая Религия обильна ритуалами, в других—она высоко отвлеченна. С Варуной она спускается в недра совести и раскрывает идею святости. Прибавим, что она поднимается до чистого понимания единого Бога, Который проникает великое Целое и управляет им.

Между тем, грандиозные образы, которые льются широкими потоками из строф ведических гимнов, представляют лишь внешнюю оболочку Вед. С идеей Агни, божественного огня, мы прикасаемся к самому ядру доктрины, к её эзотерической и трансцедент-ной основе. В действительности, Агни является космической силой, всемирным началом. Агни—не только огонь земной молнии и солнца; его истинная отчизна—невидимое мистическое небо, обитель вечного Света и первообразов всех вещей. Рождения его бесконечны, сверкает ли он из куска дерева, в котором спит как зародыш в лоне матери, или же, как «Сын Волне» бросается с громовым шумом из небесных рек. где Асвэны (небесные всадники) зачали его.

Он—старейший между богами, первосвященник на небе так же, как и на земле, и он священнодействовал в обители Вивасват (небо или солнце) много ранее, чем Матарисва (молния) принесла его смертным, и чем Атарван и Ангиры, древние жертвоприносители, учредили его здесь на земле, как охранителя, хозяина и друга людей. Владыка и производитель жертвы, Агни сделался носителем всех мистических учений о жертвоприношениях. Он зарождает богов, он устрояет мир, он производит и сохраняет жизнь вселенной, короче—Агни есть космогоническая сила.

Сома соответствует Агни. В действительности, это—напиток из перебродившего растения, которое возливается при жертвоприношениях богам. Но так же, как и Агни, он существует мистически. Его высшая обитель находится в глубинах третьего неба, где Суриа (дочь солнца) очистила его и где его нашел Пушан (бог питающий). Из этой обители Сокол, символ молнии, или даже сам Агни похитил его у небесного Стрельца, у Гандарвы, его охранителя, и принес его людям.

Боги выпили его и сделались бессмертными; люди, в свою очередь, станут бессмертными, когда выпьют его у Ламы, в обители блаженных. А до тех пор напиток дарует им здесь, на земле, силу и долговечность; это—амврозия и вода обновления. Она питает, проникает в растение, оживотворяет семя животных, вдохновляет поэта и дает полет молитв. Душа неба и земли, Индры и Вишну, она составляешь вместе с Агни неразделимую чету; чета эта зажгла солнце и звезды.

Идея Агни и Сомы заключает в себе два основных начала вселенной; по учению эзотерической доктрины и каждой живой философии, Агни есть Вечномужественное, творческий Разум, чистый Духе; Сома есть Вечно-женственное, Душа мира, лоно всех миров, видимых и невидимых для телесных очей, сама природа или тонкая материя в своих бесконечных трансформациях. Совершенное соединение этих двух сущностей составляет величайшую Сущность, суть самого Бога.

Из этих двух главных идей вытекает третья, не менее плодотворная. Веды делают из космогонического акта непрестанное жертвоприношение. Чтобы произвести все существующее, Высочайшая Сущность приносит Себя в жертву. Она разделяется, чтобы выйти из своего единства. Эта жертва рассматривается как источник всех отправлений природы. Эта идея, поражающая с первого взгляда и чрезвычайно глубокая, когда вдумаешься в нее, содержит в зачатке всю теософическую доктрину инволюции Бога в мире, эзотерический синтез многобожия и единобожия. Она вызывает к жизни Дюнисианскую доктрину падежя и искуплежя душе, расцвет которой мы найдем у Гермеса и у Орфея. Отсюда же ис-текает учете о божественном Глаголе, провозглашенном Кришной и завершенном Иисусом Христом.

Жертвоприношение огня со всеми его церемотями и молитвами, незыблемое средоточие ведическаго культа, делается таким образом олицетворением этого великого космогонического акта. Веды придают первостепенное значение молитве, формуле призыва, которая сопровождает жертвоприношение. Вот почему они делают из молитвы богиню Браманаспати. Вера в призывающую и созидающую силу человеческого слова, когда оно сопровождается могучим движением души или сильным порывом воли, есть источник всех куль-тов и смысл всей египетской и халдейской мани.

Для ведических и браманических жрецов, Асуры, невидимые духи, и Питрисы или души предков, совершенно реально присутствуют при жертвоприношении, размещаясь на траве кругом алтаря, привлеченные из своей невидимой обители огнем, пением и молитвой. Наука, относящаяся до этой стороны культа, есть наука о иерархии невидимых духов.

Что касается бессмертия души, Веды утверждают его совершенно определенно и ясно: «В человеке есть бессмертная часть; ее-то, о Агни, нужно согревать твоими лучами, воспламенять твоим огнем. О иатаведась, в блистающем теле, созданном тобою, принеси ее в обитель благочестивых!».

Ведические поэты не только указывают на судьбу души, они тревожно ищут её происхождения. «Откуда рождается душа? Души приходят к нам, уходят, снова возвращаются и снова уходят». Здесь в двух словах уже дается учете о перевоплощении, которое будет играть впоследствии такую первенствующую роль в браманизме и буддизме, у египтян и у орфиков, в философии Пифагора и Платона, здесь намечается эта мистерия из мистерия, эта тайна из тайне.

Как после этого не признать в Ведах широкие основные линии органической религиозной системы, цельного философского понимания вселенной?

В них заключается не только глубокая интуиция относительно Мировых истине, превышающих наблюдения разума, в них— единство и ширина взгляда по отношению природы, проникновение в связь её явлений. Как прекрасный горный кристалл, сознание ведического поэта отражает солнце вечной истины и в его сверкающей призм уже играют и преломляются все лучи всемирной Теософии. Основы вечной доктрины выступают здесь даже яснее, чем в иных священных книгах Индии и в других семитических или арийских религиях, благодаря необычайной смелости ведических поэтов и благодаря прозрачности этой первобытной религии, столь чистой и высокой.

В эту эпоху различия между мистериями и народным культом еще не существовало, но, читая внимательно Веды, позади отца семейства или поэта, поющего священные гимны, уже можно различить другое лицо., более важное; мудреца, риши, посвященного, от которого священнодействующий получал толкование истины. Можно также убедиться, что эта истина передавалась благодаря непрерывающейся традиции, которая восходить до самых источников арийской расы.

Таким образом мы видим, как арийский народ положил начало своей завоевательной и культурной миссии вдоль Инда и Ганга. Невидимый гений Рамы, божественный Разуме, Deva Nahousha, управляет им. Агни, священный огонь, переливается в его жилах. Молодая заря освещает эти века юности, силы и мужества. Семья создана, женщина пользуется уважением. Она жрица очага, она создает священные гимны и сама поет ихе. «Да живет муж этой супруги сто осеней»—говорит поэт.

Тогда умели любить жизнь, но точно так же умели и верить в потустороннее существование. Царь жил во дворце, на холме, возвышавшемся над поселком. Во время войны он выезжал на блистательной колеснице, в сверкающем вооружении, увенчанный парой.

Позднее, когда браманы укрепили свой авторитете, рядом с великолепным дворцом Махараджи или великого царя, возникли каменные пагоды, откуда изошли искусства, поэзия и драма богов, изображавшаяся мимикой и пением священных танцовщиц. В те времена существовали касты, но не было насилия и не было стеснительных преград. Воин был в то же время жрецом, и жрец—воином, оставаясь одновременно слугой царя и совершая богослужение.

Позднее появляется новое лицо, смиренное на виде, но имеющее великое будущее, с отпущенными волосами и бородой, полунагое, покрытое рубищем: это муни, отшельнике, он живет близ священных озер в дикой пустыне, где и предается медитации и аскетизму. От времени до времени он является к предводителю или царю, чтобы усовестить его. Часто его отталкивают, не слушают, но в то же время его уважают и боятся. Он уже начинает проявлять страшную власть.

Между царем, красующимся на своей золотой колеснице, окруженным своими воинами, и этим муни, почти нагим, не имеющим иного оружия, кроме своей мысли, слова и взгляда, возникнет со временем великая борьба. И торжествующим победителем будет не царь; победителем будет отшельнике, оборванный, исхудалый нищий, потому что на его стороне будет знание и сильная воля.

История этой борьбы и есть история самого браманизма, а позднее и буддизма, и в ней сосредоточивается почти вся история Индии.

КНИГА ВТОРАЯ.
Кришна.

(Индия и браманическое посвящение)

I.

Героическая Индия. Сыны Солнца и Сыны Луны.

Победа арийцев над Индией вызвала из жизни одну из самых блестящих цивилизаций, какие известны миру. Ганг и его притоки были свидетелями появления великих царств и необъятных городов, как Аюдиа, Гастинапура и Индрапешта. Эпические повествования Махабхараты и народная космогония Пуран, которые заключают в себе древнейшие предания Индии, передают в ослепительных чертах царственную роскошь, героическое величие и рыцарский дух этих отдаленных веков. Нельзя себе представить более гордого и более благодарного образа, чем образ арийского царя Индии, стоящего на своей боевой колеснице и отдающего приказы целому войску слонов, конных и пеших воинов. Один ведический жрец посвящает своего царя перед собравшейся толпой такими словами: „Я привел тебя в нашу среду. Весь народ желает тебя. Небо непоколебимо, земля непоколебима и эти горы непоколебимы".

В одном из позднейших законодательств, в Манава ДхармаСастре, можно прочесть: „Эти владыки мира, пламенея во взаимной борьб, раскрывая свою силу в битвах и никогда не отворачивая лица от опасности, восходят посл смерти прямо на небо". Действительно, они ведут свое происхождение от богов, соперничают с ними и готовятся стать богоподобными. Сыновнее послушание, воинская доблесть и вместе с тем великодушное чувство относительно всех—вот древнеиндусский идеал человека.

Что касается женщины, индусская эпопея, бывшая послушной слугой браманов, показывает нам ее только под видом верной супруги. Ни Греция, ни народы Севера, никогда не достигали в своих поэмах образа супруги настолько нежной, настолько благородной и одухотворенной, как страстная Сита или нежная Дамаянти.

Но индусская эпопея не говорить нам ничего о глубоких тайнах смешения рас и медленного развитая религиозных идей, которая привели к решительным изменениям в общественной организации ведической Индии.

Победители Арийцы, отличался чистотой своей расы, встретились в Индии со смешанными, низшими расами, в которых желтый и красный тип скрещивался в самых разнообразных оттенках, имя своей основой черную расу. Таким образом, индусская цивилизация является перед нами подобно великой горе, имеюшей в своей основе черную расу, по бокам—смешанные расы, а на вершине—чистых

арийцев. В виду того, что разделение на касты не было строгим в первобытную эпоху, большое смешение происходило между всеми этими народами. Чистота расы победителей нарушалась все более и более с течением веков; но и до наших дней заметно преобладание арийского типа в высших классах Индии, а в низших слоях—преобладало черной расы. Из самых же низших слоев индусского населения поднимались подобно миазмам джунглей, смешанным с запахом диких зверей, жгучие испарения страстей, смесь сладострастия и жестокости.

Большая примесь черной крови дала Индусам их особую окраску. Она ослабила расу. Но, несмотря на эту примись, главные идеи белой росы удерживались чудесным образом на вершине её цивилизации, несмотря на act революции, через которые она проходила.

Таким образом, мы имеем этнографическую основу Индии, ясно определенную: с одной стороны—гений белой расы с его нравственным чувством и высшими метафизическими стремлениями; с другой стороны—гений черной расы с его страстными энергиями и с разрушительной силой.

Каким образом этот двойной гений отражается в древнерелигиозной истории Индии? Древнейшие предания говорят о династии солнечной и о династии лунной. Цари из первой династии вели свое происхождение от солнца; вторые называли себя сынами луны. Но этот символически язык покрывал собою две противоположный религиозные идеи и означал, что эти две категории властителей принадлежать к двум различным культам.

Солнечный культ приписывал Богу вселенной мужское начало. Вокруг него соединялось все наиболее чистое из ведических преданий: наука священного огня и молитвы, эзотерическое понятие о верховном Боги, уважение к женщин и культ предков; в основе же царской власти лежало выборное и патриархальное начало.

Культ лунный приписывал Божеству женское начало, под знаменем которого религии арийского цикла обоготворяли во все века природу, по большей части природу слепую, непостоянную, в её наиболее бурных и страшных проявлениях. Этот культ склонялся к идолопоклонству и к черной магии. Он благоприятствовал многоженству и тиражи, опирающейся на народные страсти.

Борьба между сынами солнца и сынами луны, между Пандавасами и Куравасами, составляет предмет индусской эпопеи Махабхарата, которая представляет нечто в роде краткого перспективного изложения истории арийской Индии до учреждения браманизма. Эта борьба изобилует ожесточенными битвами и странными бесконечными приключениями. Среди этой гигантской эпопеи, Куравасы, цари лунного цикла, остаются победителями. Пандавасы, благородные представители солнца, охранители чистого культа, свергнуты с престола и изгнаны. Преследуемые, они бродят прячась в лесах, находя приют у отшельников, одетые в древесную кору, с посохом странника вместо оружия.

Победят ли низшие инстинкты? Силы мрака, изображаемые в индусской эпопей в виде черных Ракшазов, одержут ли победу над светлыми Девами? Раздавит ли тирания под своей победной колесницей избранных и циклон мрачных страстей обратить ли в прах ведический алтарь, погасив священный огонь предков? Нетеи Индия лишь в начале своей религиозной эволюции, она развернет свой матафизический и организующий гений в учреждеши Браманизма. Жрецы, которые служили царям и начальникам под именем pourdhitas (приставленные к жертвенным огням), уже превратились в их советников и министров. Они обладали большими богатствами и значительным влиянием, но им не удалось бы придать своей каст высшую власть и неприкосновенное положение, превышавшее даже царскую власть, без помощи другого класса людей, который олицетворял собою разум Индии в его наиболее оригинальных и наиболее глубоких проявлениях. Мы говорим об отшельниках.

С незапамятных времен эти аскеты обитали в уединении, в глубине лесов, на берегу рек или в горах близ священных озер. Они жили в одиночества, или соединялись в братства, но оставались всегда в духовном единенж, В них следует признать духовных вождей, истинных учителей Индии. Наследники древних мудрецов, древних Риши, они одни владели тайным толкованием Вед. В них жил гений подвижничества, оккультных знаний и оккультного могущества. Чтобы достигнуть таких знаний и такого могущества, они преодолевали все: холод, голод, жгучее солнце, ужасы джунглей. Беззащитные

в своей деревянной хижине, они жили молитвой и медитацией. Голосом или взглядом они призывали или отгоняли ядовитых змей, укрощали львов и тигров.

Счастлив тот, кто удостоится их благословения: все Девы станут его друзьями Горе тем, кто дотронется до отшельников: их проклятие—говорят поэты—преследует виновного до третьего воплощения. Цари дрожат перед их угрозами, и, странная вещь, они внушают страх самим богам. В Рамайяне, Висвамитра, царь, ставили отшельником, приобретает такое магущество благодаря своему аскетизму и своим медитациям, что боги начинают дрожать за свое существование. Тогда Индра посылает ему самую очаровательную из Апсар, которая приходит выкупаться в озере перед хижиной святого. Нимфа соблазняет отшельника;

от их союза родится герой, и—существование вселенной обеспечено на несколько тысячелетий.

Под этими поэтическими вымыслами можно угадать высокую власть отшельников белой расы, которые, одаренные глубоким провидением и могучей волей, властвовали из глубины своих лесов над пламенной душой Индии.

Братства, состоявшие из подобных отшельников, дали толчок жреческому перевороту, который сделал из Индии могучую теократию. Победа духовной силы над силой мирской, отшельника над царем, из которой родилась власть браманизма, произошла благодаря великому реформатору. Примирив обоих борющихся гениев, гения бблой расы и гения черной расы, солнечного культа и лунного, этот богочеловек был истинным творцом национальной религии Индии. Кроме того, его могучий гений дал миру новую идею необъятного значения: идею божественного Глагола или Бога, воплощенного и проявленного в человеке. Этот первый Мессия этот старший иэ сынов Божиих, был Кришна.

Сказание о нем имеет тот первостепенный интерес, что оно вкратце заключает в себе и драматизирует всю браманическую доктрину; но сказание это остается как бы оторванным и витающим в воздухе благодаря тому, что пластическая сила абсолютно отсутствует в индусском гении. Неясное мифическое повествование ВишнуПуран заключает в себе, тем не менее, исторические данные о Кришн, носящие черты яркости и индивидуальности. С другой стороны, БхагаватеГита, этот удивительный отрывок, вставленный в великую поэму Махабхарата, которую браманы считают одной из наиболее священных своих книг, содержит во всей своей чистоте учете, приписываемое Кришн. Во время чтения именно этих двух книг, образ великого религиозного Учителя Индии предстал передо мною, как живой. Итак, я буду передавать историю Кришны, черпая из этих двух источников, из которых один (ВишнуПуранаи представляет народное продаже, а другой (БхагаватеГитаи—предание посвященных.

II. Царь Мадуры.

В начале темного века КалиЮга, около трех тысяч лет до нашей эры (по хронологии браманов, жажда золота и власти овладела миром. В течение нескольких веков—говорят древние мудрецы—Агни, небесный огонь, образующий светлое тело Дев и очищающий душу людей, распространял по земле свои эфирные токи. Но жгучее дыхание Кали, богини желания и смерти, которое поднимается из бездн земли как воспаленное дыхание, пронеслось в Tt времена по всем человеческим сердцам.

Справедливость царствовала во времена благородных сынов Панду, царей солнечного цикла, которые внимали голосам мудрецов. Победители, они обращались с побежденными как с равными. Но с тех пор как сыны солнца были истреблены или смещены с своих престолов, и их редкие потомки скрывались у отшельников, несправедливость, честолюбие и ненависть взяли верх.

Изменчивые и лживые, как ночное светило, которое они взяли своим символом, цари лунного цикла воевали между собою беспощадно. Одному из них удалось взять верх над всеми другими путем внушенного страха и волшебных чар.

На севере Индии, на берегу широкой реки, процветал могучий город. Он имел двенадцать пагоц, десять дворцов и сто ворот, окаймленных башнями. Разноцветные знамена развивались на его высоких стенах, напоминая крылатых змей. Это была гордая Мадура, несокрушимая как крепость Индры.

Там царствовал Канза, отличавшая коварным сердцем и ненасытной душой. Он терпел вблизи себя одних лишь рабов и верил в прочное господство лишь над тем, что ему удавалось сломить, а то, чем он обладал, казалось ему ничтожным в сравнении с тем, к чему стремилось его ненасытное честолюбие. Все цари, признавшие лунный культ, преклонялись перед ним. Но Канза мечтал покорить всю Индию, от Ланки до Гимавата. Чтобы выполнить это намерение, он соединился с Калаиени, властителем гор Виндиа, с могучим царем Иаван.

Как приверженец богини Кали, Калаюни предавался мрачному искусству черной мани. Его называли другом Ракшазов или блуждающих по ночам демонов, а также царем змей, потому что он пользовался этими животными, чтобы наводить ужас на свой народ и на своих врагов.

В глубине одного непроходимого леса, внутри горы, находился храм богини Кали; это была необъятная черная пещера, не имевшая конца, вход в которую охранялся колоссами с звериными головами, высеченными в скале. В эту пещеру приводили тех, кто желал преклониться перед Калаиени и получить от него тайную силу.

Он появлялся у входа в храм, окруженный множеством чудовищных змей, которые извивались вокруг его тела и поднимались по мановение его жезла. Он заставлял своих данников падать ниц перед этими животными, головы которых, переплетаясь, поднимались над его головой. При этом он шептал таинственные формулы. Те, которые выполняли этот обряд и поклонялись змеям, получали велиюя милости и им давалось все, чего бы они ни пожелали. Но в то же время они попадали безповоротно во власть Калаиени. Вдали или вблизи, они оставались его рабами, и если кто либо из них пытался ослушаться или скрыться от него, он немедленно видел перед собой страшного мага, окруженного своими пресмыкающимися, он видел около себя их шипящие головы и был парализован чарами их сверкающих глаз.

Вот этого Калаиени Канза выбрал своим союзником. Царь Иаванов обещал ему власть над землей условием, чтобы он взял себе в жены его дочь.

Горда как антилопа и гибка как змея была дочь царямага, прекрасная Низумба. Лицо её напоминало темное облако, на котором играет голубой свет луны. Глаза её были как молти; её жадные уста походили на мякоть красного плода с белыми косточками; можно бы подумать, что это—сама богиня желаний Кали. Вскоре она овладела сердцем Канзы и, разжигая все его страсти, превратила его сердце в пламенный костер. Канза имел дворец, наполненный женщинами всех цветов, но внимал он одной лишь Низумб.

„Даруй мне сына—сказал он ей—и я сделаю его своим наследником и стану владыкой земли и не буду бояться никого".

Но у Низумбы не было сына, и сердце её пламенело гневом. Она завидовала другим женам Канзы, любовь которых приносила плод. Она умножала жертвоприношения, приносимые её отцом богине Кали, но её недра оставались бесплодными, как песок жгучей пустыни. И тогда царь Мадуры приказал совершить перед всем городом великое жертвоприношение и вызвать всех Дев. Жены Канзы во всем великолепии и весь народ присутствовал при торжестве.

Распростертые перед огнем жрецы призывали своим гением великого Варуна, Индру, Асвэнов и Марутов. Царица Низумба приблизилась и произнося магическую формулу на незнакомом языке, бросила в огонь горсть благовоний. Дым почернел, языки пламени закружились, и приведенные в ужась жрецы воскликнули:

„О царица! то не Девы, то Ракшазы пронеслись над огнем. Твое лоно останется бесплодным".

Тогда Канза в свою очередь приблизился к огню и спросил жреца: „В таком случай скажи мне: от которой из моих жен родится владыка мира"?

В этот миг Деваки, сестра царя приблизилась к огню. Это была девственница с сердцем ясным и чистым, которая провела свое детство за пряжей и за тканьем, словно во сне. Её тело было на земле, душа же её, казалось, пребывала в небесах. Деваки преклонила смиренно колени, прося Дев дать сына её брату и прекрасной Низумбе. Жрец смотрел поочередно то на огонь то на девственницу. Вдруг он воскликнул, исполненный изумления:

—О царь Мадуры! Ни один из твоих сыновей не будет владыкой Мира! Он родится из недр твоей сестры, которая присутствует здесь.—

Велико было поражение Канзы и гнев Низумбы при этих словах. Когда царица осталась наедени с царем, она сказала ему:

—Нужно, чтобы Деваки погибла немедленно.—

—Каким образом возразил Канза, смогу я погубить мою сестру? Если Девы покровительствуют ей, их месть падет на меня.

—В таком случае,—сказала Низумба, полная ярости,—пусть царствует она на моем месте и пусть родит она того, который приведет тебя к постыдной гибели. Я же не хочу более царствовать вместе с трусом, который боится Дев, я возвращаюсь к отцу моему Калаиении—

Глаза Низумбы метали молнии, золотые подвески её трепетали на смуглой шее. Она бросилась на землю и её прекрасное тело извивалось, как разъяренная змея. Канза, страшась потерять ее и

охваченный безумным порывам страсти, был одновременно и испуган и опален новым желанием.

—Хорошои—воскликнул он,—Деваки погибнет, лишь не покидай меняи—

Молния торжества сверкнула в глазах Низумбы, волна горячей крови залила её темное лицо. Она вскочила быстрым прыжком и обняла покоренного тирана своими гибкими руками. Прижимаясь к нему трепещущей грудью, от которой исходило одуряющее благоухание, прикасаясь своими жгучими устами к его устам, она проговорила тихим голосом:

—Мы принесем жерву Кали, богине желания и смерти, и она даст нам сына, который будет владыкой Мираи—

В эту же ночь пурохита, начальник жертвоприношений, увидел в сновидении царя Канзу, закалывающим свою сестру Деваки. Тотчас же он отправился к Деваки, объявил ей, что смертельная опасность угрожает её жизни и приказал ей бежать без замедления к отшельникам. Деваки, получив указание от жреца, переоделась в странницу, вышла из дворца Канзы и покинула город Мадуру, не встреченная никем.

Рано утром слуги царя искали Деваки, чтобы казнить ее, но нашли её покои пустыми. Царь допрашивал городскую стражу. Стража отвечала, что ворота были заперты всю ночь, но во сне все видели как стены крепости распались, словно расколотые павшим с неба лучом света, и женщина вышла из города, следуя за этим лучом. Тогда Канза понял, что непреодолимая сила покровительствует Деваки. С этих пор страх проник в его душу и он возненавидел свою сестру смертельной ненавистью.

III. Д е в а   Деваки.

Когда Деваки, одетая в одежду из древесной коры, скрывавшую её красоту, вошла в дебри гигантских лесов, она пошатнулась, изнуренная усталостью и голодом. Но как только она почувствовала тень этих

чудных лесов и, утолив свой голод плодами манго, вдохнула влажную свежесть лесного источника, она ожила, как оживает истомивиийся цветок, освеженный пронесшимся ливнем. Отдохнув, она углубилась в лес под прохладные своды, образовавииеся из величественных стволов, ветви которых погружались в почву и, вновь поднимаясь, раскидывали во сне стороны свои зеленые шатры

Долго шла она, защищенная от солнца, словно в темной и прохладной пагоде, которой не видно было конца. Жужжаше пчел, крики влюбленных павлинов, пение тысячи птиц, влекли ее все далее и далее, и все огромнее становились деревья, лес все более темнел, и древесные ветви все теснее переплетались в непроницаемую сень. Стволы прижимались к стволам, зеленая чаща поднималась подобно куполу над её головой, или же становилась стеной перед ней. Деваки приходилось то скользить по зеленым коридорам, куда солнце изредка бросало снопы своих лучей и где ей заграждали путь поваленные бурей деревья, то она останавливалась под сенью манго и осока, с которых ниспадали гирлянды лиан и целый дождь цветов. Олени и пантеры прыгали в чащах. Нередко там же хрустели ветви под ногами диких быков или же целое стадо обезьян проносилось в листав деревьев, издавая громкие крики.

Так шла она целый день. К вечеру, поверх бамбуковой чащи она увидала неподвижную голову мудрого слона. Он смотрел на Деваки с видом разумным и покровительственным и поднимал свой хобот, словно приветствуя ее. И тогда лес прояснился и Деваки увидела картину, полную глубокого мира и небесной прелести.

Перед ней расстилалось озеро, усыпанное лотосами и голубыми кувшинками: его лазурная грудь открылась среди глубины леса, как новое небо. Серьезные аисты неподвижно мечтали на его берегах и две газели пили, склонившись над водой. .На противоположном берегу, под сенью пальм, виднелась обитель отшельников. Спокойный розовый свет заливал озеро, лес и обитель святых риши. На горизонте возвышалась белая вершина горы Меру над океаном лесов. Дыхание невидимой реки оживляло растительность и смягченный грохот дальнего водопада доносился вместе с ветерком, как ласка или как отдаленная мелодии.

На берегу озера Деваки увидела лодку. Рядом человек преклонных лет, отшельник, казалось ожидал кого-то. Молча сделал он ей знак, чтобы она вошла в лодку и взялся за весла. Когда лодка двинулась, задавая за водяные лилии, Деваки увидала самку лебедя, плавающую на голубых водах озера. Смелым полетом лебедь самец, опускаясь из воздушных пространств, начал описывать большие круги вокруг нея и затем опустился около своей подруги, трепеща белоснежными крыльями. Деваки вздрогнула, сама не зная почему. Но лодка причалила к противоположному берегу и дева с очами лотоса увидела перед собой царя отшельников Васишту.

Сидя на шкуре газели и сам одетый в шкуру черной антилопы, он более походил на неземного жителя, чем на человека. В течете шестидесяти лет питался он одними дикими плодами. Его волосы и борода были белы подобно вершинам Гимавата, его кожа была прозрачна, а взгляд его таинственных глаз был обращен внутрь.

Увидя Деваки, он встал и приветствовал ее словами: «Деваки, сестра знаменитого Канзы, привет тебе от нас и Руководимая Махадевой, ты оставила мир скорби для Мира радостей, ибо ты у святых риши, которые владеют своими чувствами, счастливы своей судьбой и ищут путь к небу. Давно мы тебя ожидаем, как ночь ожидает зарю, ибо мы, живущие в глубине лесов, мы взираем очами Дев на этот мир. Люди нас не видят, но мы видим людей и следим за их деяниями. Темный век жадных желаний, крови и преступления свирепствует на земле. Тебя мы отметили для подвига освобождения и через нас Девы избрали тебя. Ибо луч божественной красоты облекается в лон женщины в человеческий образе».

В эту минуту святые выходили из своей обители для вечерней молитвы. Престарелый Васишта приказал им поклониться до земли перед Деваки. Они преклонились и Висишта продолжал:

„Она будет матерью всем нам, ибо от неё родится дух, который должен преобразить всех". И вслед за тем, обращаясь к ней: „ Пойди, моя дочь, риши отведут тебя к соседнему озеру, где живут сестры отшельницы. Ты будешь жить среди них и да сбудется божественная тайна."

Деваки отправилась в монастырь, окруженный лианами, к благочестивым женщинам, которые кормили ручных газелей, предаваясь омовениям и молитвам. Деваки принимала участие в их жертвоприношениях. Престарелая отшельница давала ей тайные наставления. Остальным было приказано одевать ее, как царицу, в прекрасные душистые ткани и предоставлять ей бродить одной по всему лесу. Иногда она встречала старых отшельников, возвращавшихся с реки. Увидав ее, они преклоняли колена, а затем продолжали свой путь.

Однажды близ ручья, покрытого розовыми лотосами, увидала она молящегося молодого отшельника. Он поднялся при её приближение, бросил на нее глубокий взгляд, полный грусти и удалился в молчании. И величавый вид старцев, и образ двух лебедей, и взгляд молодого отшельника, преследовали молодую девушку в её мечтах.

Вблизи от источника стояло с незапамятных времен дерево, распростиравшее огромные ветви, которое святые риши называли „древом жизни". Деваки любила сидеть под его тенью. Часто, сидя под ним, она засыпала, посещаемая странными видениями. Голоса пели в чаще листвы: „Слава тебе, Деваки! Оно придет, венчанное светом, это чистое излияние, исходящее из великой Души, и звезды побледнеют пред славой его. Оно придет, и жизнь бросит вызов смерти, и обновится им кровь всех существ. Оно придет слаще меда и амриты, чище агнца беспорочного и уст девственницы. И все сердца зажгутся любовью. Слава, слава, слава тебе, Девакии" Былили то отшельники? Или Девы пели этот привете? Иногда ей казалось, что какое-то далекое влияние или таинственное присутствие, как бы невидимая простертая над ней рука заставляла ее засыпать. И тогда она впадала в глубокий сон, сладкий, неизъяснимый, из которого пробуждалась смущенная и взволнованная. Она оборачивалась кругом, как бы ища кого-то, но никого не было видно. Лишь изредка видела она розы, рассыпанная по её зеленому ложу, или же находила венок из лотосов в своих руках.

Однажды Деваки погрузилась в глубокий экстаз. Она услыхала небесную музыку, как бы океан арф и божественных голосов. Внезапно небо разверзлось, раскрывая бездны света. Тысячи сияющих существ смотрели на нее и, в сверкании молниеносного луча. Солнце солнц, сам Махадева, появился перед нею в человеческом образ. И тогда, чувствуя что мировой Дух проник в неё, она потеряла сознание и в забвение всего земного, отдавшись беспредельному восторгу, она зачала божественного младенца.

Когда семи лун описали свои магические круги вокруг священного леса, глава отшельников призвал к себе Деваки. „Воля Дев исполнилась," сказал он. „Ты зачала в чистоте сердца и в божественной любви. Двва и мать, мы преклоняемся перед тобою. От тебя родится сын, который будет Спасителем мира. Но твой брат, Канза, ищет погубить тебя и святой плод, который ты несешь в своих недрах. Нужно спасаться от него. Братья отведут тебя к пастухам, которые живут у подножия горы Меру под благовонными кедрами в чистом воздухе Гимавата. Там ты родишь твоего божественного Сына и ты назовешь его Кришна, священный. Но да будет для него неведомо твое и его происхождение; не говори о нем никогда. Иди без страха, ибо мы бодрствуем над тобой."

И Деваки удалилась к пастухам горы Меру.

IV. Юность Кришны.

У подножия горы Меру расстилалась свежая долина, покрытая лугами и окаймленная обширными кедровыми лисами, по которой проносилось чистое дыхание Гимавата. В этой высокой долине обитало племя пастухов, которыми правил патриарх Нанда, друг отшельников. Здесь Деваки нашла защиту против преследований тирана Мадуры; и именно здесь, в жилище Нанды появился на свет её сын Кришна. Кроме Нанды никто не знал, кто была чужеземка и от кого происходил её сын. Женщины страны говорили одно:

„Это сын Гандарвасов, ибо в любви этой женщины, которая подобна небесной нимфе Апсара, должны были участвовать музыканты самого Индры"...

Чудное дитя неизвестной женщины вырастало посреди стад и пастухов, под наблюдением своей матери. Пастухи называли его „Лучезарным", ибо самое его присутствие, его улыбка и его большие глаза имели дар распространять радость. Животные, дети, женщины, мужчины, все любили его и он казалось любил всех, когда улыбался своей матери, играл с ягнятами и с детьми своего возраста или беседовал с старцами.

Диния Кришна не знало страха, было полно смелости и необычайных проявлений. Иногда его встречали в лесу, лежащим на земле, обнимающим молодых пантер, с рукой в их раскрытой пасти, при чем оне не причиняли ему никакого вреда. От времени до времени им овладевала внезапная неподвижность, глубокое изумление, странная грусть. Тогда он держался в одиночестве, и задумчивый, поглощенный чем то, смотрел не отвечая на вопросы.

Но больше всего на свете Кришна обожал свою молодую мать, такую прекрасную, такую светлую, которая говорила с ним о небе и о Девах,о героических сражениях и о многих удивительных вещах, о которых она узнала от отшельников. А пастухи, провожавшие свои стада под кедры горы Меру, говорили: «Кто эта мать и кто её сыне? Одежды её такие же, как у наших женщин, а сама она походит на царицу. Чудное дитя выросло среди наших детей, а между тем оно совсем не похожие на них. Кто это? Дева? Может быть боге? Кто бы это ни был, одно верно—что дитя это принесет нам счастье».

Когда Кришне исполнилось пятнадцать лет, его мать была призвана главою отшельников. Она ушла, не сказав прости своему сыну.

Кришна, не видя ее более, пошел, разыскал патриарха Нанду и спросил его:

— Гдб моя мать?—

Нанда отвечал, склонив голову:

— Дитя мое, не спрашивай меня. Твоя мать отправилась в долгое странствование. Она возвратилась в страну, откуда пришла, и мне неизвестно, когда она вернется.

После этого Кришна впал в такую глубокую задумчивость, что все товарищи начали сторониться его, охваченные суеверным страхом.

Кришна покинул своих товарищей, их веселый игры и углубленный в свои мысли, пошел на гору Меру. Он бродил таким образом несколько недель. Однажды утром он пришел на покрытую лесом вершину, откуда открывался вид на горную цепь Гимавата. Внезапно он увидел около себя стоящего под огромными кедрами высокого старца в белой одежде отшельника, ярко освещенного утренней зарей. На вид ему было не менее ста лет. У него была снежно-белая борода и на высоком его челе сияла печать величия. Юноша, полный жизни, и столетний старец долго глядели молча друг на друга. Взоры старца покоились с благоволением на Кришн. Но Кришна был так поражен, увидав его, что долго оставался в немом изумлении. Хотя он видел его в первый раз, ему казалось, что он знал его уже давно.

— Кого ищешь ты?—спросил поели долгого молчания старец.

— Мою мать.

— Ее здесь больше нет.

— Где же я найду ее?

— У того, Кто не изменяется никогда.

— Но как найти Его?

— Ищи.

— А тебя я увижу?

— Да, когда дочь Змея толкнет сына Тора на преступление, тогда ты увидишь меня снова в огнистой заре. И тогда ты задушишь Тора и раздавишь главу Змея. Сын Махадева, знай, что ты и я—мы составляем единое в Нем! Ищи, ищи, ищи всегда!—И старец простер руки в знак благословения. Затем он повернулся и прошел несколько шагов под высокими кедрами в направлена Гимавата.

И тогда Кришне показалось, что его величественный образ стал прозрачным, задрожал и исчез, обдав искрами покрытыя иглами ветви, словно растаял в волнистом сияти .

Когда Кришна сошел с горы Меру, он казался преображенным. Новая энерпя излучалась из всего его существа. Он собрал товарищей своих игр и сказал им: «Будем бороться против Торов и Змей; будем защищать добрых и одолевать злых». Вооруженные луками и с мечами у пояса, Кришна и его товарищи, сыновья пастухов, превращенные в воинов, принялись сражаться в лесах с дикими зверями.

В глубин лесов начал раздаваться предсмертный вой гиен, шакалов и тигров и победные крики молодых людей перед сраженными зверями. Кришна побеждал и укрощал львов; он объявлял войну царям и освобождал угнетенные народы. Но великая грусть оставалась в глубин его сердца. Это сердце лелеяло одно глубокое желание, таинственное и безмолвное—разыскать свою мать и явившегося ему светлого старца. Он постоянно вспоминал его слова; «не обещал ли он мн, что я увижу его снова, когда раздавлю главу змеи? Не сказал ли он мне, что я разыщу свою мать вблизи от Того, Кто не меняется никогда?» Но сколько он ни боролся, ни побеждал и ни убивал, он не видел ни светлого старца, ни свою прекрасную мать.

Однажды, услыхав разговор о Калаиени, царе змей, Кришна вызвался побороть самого страшного из его змей в присутствии самого черного мага. Рассказывали, что это животное, воспитанное самим Калаиени, уже уничтожило сотни людей и что взгляд его леденил ужасом самых смелых героев.

В назначенный день, из глубины темного храма богини Кали, Кришна увидал выползающее по зову Калаиени длинное пресмыкающееся зеленоватоголубого цвета. Змея медленно подняла свое туловище, надула свой красный гребень, и её пронизывающие глаза зажглись мрачным пламенем под блестящей чешуей, как бы шлемом прикрывавшим её чудовищную голову.

— Эта змея, — сказал Калаиени, — знает много, много вещей— это демон, исполненный могущества. Он откроет свои тайны только тому, кто убьет его, побежденных же он убивает сам. Он

увидал тебя, он смотрит на тебя, ты в его власти. Те6t остается или поклониться ему, или погибнуть в безумной борьбе.

При этих словах душа Кришны загоралась праведным гневом и он почувствовал, что сердце его стало подобно острию молнии.

Он взглянул смело на змея, бросился на него и сдавил его ниже головы. И тогда человек и змея покатились по ступеням храма. Но, прежде чем пресмыкающееся успело охватить его своими кольцами, Кришна отрубил ему голову своим мечом, и, освободившись из-под тела, продолжавшего извиваться, молодой победитель поднял с видом торжества и потряс главу змеи. А между тем голова та была еще жива; она смотрела на Кришну и произносила: <Зачем убил ты меня, сын Махадева? Ты думаешь обрасти истину, убивая живых? Безумец, ты найдешь ее лишь в своей собственной предсмертной агонии. Смерть—в жизни и жизнь— в смерти. Бойся женщину—дочь змеи, бойся пролитой крови. Берегись!» Вслед затем змея испустила дух. Кришна выронил её голову и удалился, полный ужаса. Но Калаиени сказал: «Я не властен над этим человеком: одна богиня Кали могла бы своими чарами победить его».

Посл четырех недель, проведенных в омовениях и в молитвах на берегу Ганга, очистившись в лучах Солнца и в мысли Махадева, Кришна вернулся в свою родную страну, к пастухам горы Меру.

Осенняя луна поднимала свой сияющий диск над кедровыми лесами, и ночью воздух наполнялся благоуханием диких лилий, в чашечках которых в течете дня, жужжа, собирали свой мед дикие пчелы. Сидя под большим кедром, у края лужайки, Кришна, утомленный тщетными земными войнами, устремил свои мысли к небесным битвам и к бесконечности неба. Чем более он думал о своей светлой матери и о явившемся ему мудром старце, тем ничтожнее казались ему его детские подвиги и тем живее становилось в нем влечете к небесному. Успокоительное очарование, воспоминание о чем-то божественном заливало все существо его. И тогда благодарственный гимн Махадеве вырвался из его сердца приняв форму чудной мелодии, поднявшейся к небесам.

Привлеченные этим волшебным пением, Гоши, жены и дочери пастухов, вышли из своих жилищ. Одни из них, встретив по дороги старцев из своего селения, возвращались назад, сделав вид, что срывают цветы. Другие подходили ближе, призывая: Кришна! Кришна! - затем застыдившись, убегали. Смелея все более, женщины начали окружать Кришну целыми группами, подобно пугливым и любопытным ланям, зачарованный его мелодиями. Но он, погруженный в божественный сновидения, не видел их. Возбуждаясь все более и более его пением, Гоши, не замечаемые Кришной, начали терять терпите. Никдали, дочь Нанды, упала на землю с закрытыми глазами в припадке экстаза. Сестра же её, Сарасвати, более смелая, приблизилась к сыну Деваки и, прижимаясь к нему, заговорила ласкающим и молящим голосом:

— О, Кришна! Разве не видишь ты, что мы слушаем тебя, и сон не слетает более в наши жилища? Твои песни зачаровали нас, о, несравненной герой! Они приковали нас к твоему голосу и мы уже не можем более жить без тебя.

— О спой еще,—молила другая молодая девушка, научи и нас владеть нашим голосом.

— Научи нас священному танцу,—просила третья женщина. И Кришна, пробуждаясь от своих дум, взглянул на Гоши взглядом, исполненным благоволения. Он обратился к ним с тихими речами, посадив их на траву под шатер из больших кедров, которые затеняли их от блеска полной луны. И тогда начал он рассказывать о том, что проносилось внутри его: историю богов и героев, священные войны Индры и подвиги божественного Рамы. Женщины и молодые девушки слушали его с восхищением. Рассказы эти длились до рассвета. Когда розовая заря поднялась из-за горы Меру и птицы начали щебетать в ветвях кедров, женщины и девушки возвратились украдкой в свои жилища.

Но на следующие дни, как только магическая луна показывалась из-за деревьев, они возвращались к большому кедру, еще более жаждущие. Кришна, видя как женщин восхищали его рассказы, научил их мелодичному пению и изображению жестами высоких действий героев и богов. Одним он дал лютни, струны которых отзывались трепетно на каждое движение души, другим звучные кимвалы, передающие дерзновенную отвагу воинов, третьим барабаны, издающие перекаты, похожие на гром. И, выбирая наиболее прекрасных из женщин, он оживотворял их своими мыслями. Так, с простертыми руками, ритмически двигаясь как бы в божественном сне, священные танцовщицы представляли то величие Варуны, то гнев Индры, убивающего дракона, то отчаяние покинутой Майи. Таким образом битвы богов, которые Кришна созерцал внутри себя, оживали в этих женщинах, радостных и преображенных.

Однажды, ранним утром Гоши удалялись в свои жилища. Отзвуки различных инструментов и их радостно поющих голосов замирали в отдалении. Кришна, оставшийся в одиночестве, увидел, как две дочери Нанды—Сарасвати и Никдали повернули обратно и приближались к нему. Подойдя к нему, они опустились на землю рядом с ним. Сарасвати, обвивая шею Кришны своими руками, на которых звенели золотые подвески, сказала: „научив нас священному пению и священным танцам, ты дал нам великое счастье, но нас ожидает такое же великое страдание, когда ты покинешь нас. Что станёт с нами, когда мы более не увидим тебя? О, Кришна! возьми нас в супруги, мою сестру и меня, мы будем твоими верными женами и Очи наши не будут страдать от разлуки с тобой". В то время, когда Сарасвати произносила эти слова, веки Накдали закрылись, словно она погружалась в экстаз.

— Никдалии почему закрываешь ты глаза?—спросил Кришна.

— Она ревнует,—смеясь ответила Сарасвати;—она не хочет видеть, как мои руки обвивают твою шею.

— Нет,—ответила Никдали краснея,—я закрываю глаза, чтобы созерцать твой образ, который навеки запечатлелся в моей глубин. Кришна, ты можешь удалиться, я не потеряю тебя никогда.—

Кришна глубоко задумался. С мягкой улыбкой освободил он себя из рук Сарасвати, страстно охвативших его. Затем он пристально посмотрел поочередно на Сарасвати и Никдали и обнял их обеими руками сразу. Он запечатлел поцелуй сперва на устах Сарасвати, а потом на очах Никдали. В этих двух долгих поцелуях молодой Кришна, казалось, вкусил и измерил все страстные переживания земли. Затем он сказал:

— Ты прекрасна, Сарасвати, уста твои благоухают более амбры и более всех цветов земли; ты очаровательна, о, Никдали, веки твои скрывают тайну твоих очей, и ты умеешь смотреть в свою собственную глубину. Я люблю вас обеих. Но как могу я взять вас в супруги, если сердце мое должно разделиться между вами?

— Ах, он не полюбит никогда,—сказала Сарасвати с горечью.

— Я могу любить лишь вечною любовью.—

— Что же нужно, чтобы ты полюбил вечною любовью?—спросила Никдали с нежностью.

Кришна поднялся во весь рост, его глаза метали молти.

— Чтобы полюбить любовью вечною — сказал он, — нужно, чтобы денной свет погас, чтобы небесная молния упала в мое сердце,

и чтобы душа моя, вырвавшись из чела, вознеслась в самую глубину небесеи—

В то время, как он это говорил, молодым девушкам казалось, что он выростал на их глазах, и вдруг им стало страшно, и он, заливаясь слезами, пошли к себе домой. Кришна направился в одиночестве к горе Меру. На следующую ночь Гоп<и вновь соединились под кедрами, но тщетно ожидали out своего учителя. Он исчез, оставив им, как воспоминание о себе, как благоухание своего существа, священные песни и священные танцы.

глава V.

Посвящение.

Между тем царь Канза, узнав, что его сестра Деваки нашла убежище у отшельников, которое он, несмотря на всё усилия, открыть не мог, разгневался на них и принялся преследовать их и выслеживать, как диких зверей. Они принуждены были прятаться в самой отдаленной и самой дикой части лесов. И тогда их глава, древний Васишта, несмотря на свой столетний возраст, пустился в путь, чтобы увидаться с царем Мадуры. Дворцовая стража смотрела с удивлением на слепого старца, ведомого газелью, которую он держал на привязи, когда приближался к воротам дворца. Исполненная уважения к святому, стража пропустила его.

Васишта приблизился к трону, на котором восседал Канза рядом с Низумбой, и сказал ему: „Канза, царь Мадуры, горе тебе, сыну Тора, преследующему отшельников в священных лесах и Горе тебе, дочери

Змея, отравляющей царя дыханием ненависти. День возмездия приближается. Знайте, что сын Деваки жив. Он придет, покрытый непроницаемыми доспехами, и прогонит тебя с царского трона в позорное одиночество. Отныне трепещите и живите в страхе, ибо Девы решили наказать вас."

Воины, стражи и слуги пали ниц перед святым старцем, который удалился, ведомый своей газелью, и никто не осмелился прикоснуться к нему. Но с этого дня Канза и Низумба замыслили погубить главу отшельников. Деваки умерла, и никто кроме Васишты не знал, что Кришна был её сыном. Но слава об его подвигах разнеслась широко и достигла до царя. Канза подумал: „я нуждаюсь в человеке сильном, который мог бы защитить меня. Тот, который убил большого змея Калаюни, не почувствует страха и перед отшельником. Подумав так, Канза послал сказать патриарху Нанд: „ Пришли мне молодого героя Кришну, я хочу сделать из него возничего моей колесницы и первого советника. Нанда сообщил Кришне приказание царя, и Кришна отвечал: „Я пойду". Внутри себя он подумал: „Не окажется ли царь Мадуры тем, который не меняется никогда? Через него я узнаю, где моя мать".

Канза, увидав силу, ловкость и разум Кришны, почувствовал к нему благосклонность и поручил ему наблюдение за всем царством своим. Между тем, Низумба, увидав героя горы Меру, испытала трепет нечистого желания, и в её коварном ум начал складываться темный замысел под влиянием преступной мечты. Без ведома царя, она приказала позвать царского возничего в свой гинекей. Она владела волшебными чарами, благодаря которым могла мгновенно возвращать своему телу юность. Сын Деваки нашел Низумбу почти без всяких покровов на ложе из пурпура; золотые кольца сжимали её ноги и руки, диадема из драгоценных камней сверкала на её голов. У ног её горела курильница, из которой поднимались облака опьяняющих благоуханий.

— Кришна,—сказала дочь волшебника,—твое чело более невозмутимо, чем снега Гимавата, а сердце твое подобно острию молнии. В невинности своей ты блистаешь превыше всех царей земных. Здесь тебя никто не признал, и ты сам не знаешь себя. Я одна ведаю кто ты; Девы поставили тебя господином над людьми, но лишь я одна могу сделать тебя господином мира сего. Хочешь?—

— Если Махадева говорить твоими устами,—сказал Кришна, сохраняя серьезную сосредоточенность,— ты скажешь мне, где находится моя мать, и где я найду святого старца, который говорил со мной под кедрами горы Меру.—

— Твоя мать?—сказала Низумба с презрительной улыбкой,— о ней ты узнаешь конечно не от меня. Что касается твоего старика, я не знаю его. Безумец, ты гоняешься за сновидениями и не видишь сокровищ земли, которые я предлагаю тебе. Бывают цари, несущую корону на голов и не обладающие царственной природой, и бывают сыны пастухов, царственная душа которых начертана на их челе и которые не подозревают своей силы. Ты силен, ты молод, ты прекрасен, все сердца принадлежать тебе. Убей царя, когда он заснет, и я возложу корону на твою голову, и ты будешь

господином всего Мира, ибо я люблю тебя, и ты предназначен для меня. Я хочу, я приказываю!—

Произнеся эти слова, царица поднялась повелительная, чарующая, сверкающая страшной красотой. Выпрямившись на своем ложи, она метала из черных глаз своих искры такого мрачного пламени, что Кришна содрогнулся от ужаса. Перед ним в этом взгляде раскрылись недра самого ада. Он увидал преисподнюю храма богини Кали, богини Желания и Смерти, и множество змей, которые там извивались как бы в вечной агонии. И тогда глаза Кришны загорелись внезапным огнем и превратились в два пылающие меча. Они пронзили царицу насквозь, и герой горы Меру воскликнул:

— Я останусь верен царю, который отдался под мою защиту, ты же знай, что гибель ожидает тебя!—

Низумба испустила пронизывающий крик и упала на свое ложе, в ярости кусая пурпуровые покровы. Вся её искусственная молодость исчезла; она снова стала старой и покрылась морщинами. Кришна, увидав ее в порыве безумного гнева, удалился.

Преследуемый днем и ночью словами отшельника, царь Мадуры сказал своему возничему: «С тех пор как враг вступил в мой дворец, я не нахожу себе более покоя. Ненавистный маг, по имени Васишта,

который живет в глубине лесов, явился сюда, чтобы бросить мне в лицо проклятие. С тех пор я не дышу спокойно. Старик отравил мои ййи. Но с тобой, который не боится ничего, я не испытываю более страха. Пойдем со мной в проклятый лес. Вожатый, знающий все тропинки, приведет нас к нему. И в тот миг, как ты его увидишь, бросайся на него и пронзи, его прежде чем он успеет произнести слово или взглянуть на тебя.

Когда он будет смертельно ранен, спроси его, где сын моей сестры Деваки и как зовут его. Судьба моего царства зависит от этой тайны».

— Будь покоен,—ответил Кришна.—Я не побоялся Калаиени и не побоялся змея Кали. Что же могло бы заставить меня дрожать теперь? Как бы ни был могуществен этот человек, я узнаю его тайну.—

Переодетые охотниками, царь и Кришна помчались на колесниц, запряженной стремительными конями. Проводник. хорошо знавший лес, стоял позади их. Начиналось дождливое время года. Реки вздулись, ползучие растения покрывали дороги, и длинная лента журавлей белелась на темных облаках. Когда они приблизились к священному лесу, небо потемнело, солнце закрылось тучами, окрестности

потонули в темном туман. С хмуропосиневшего неба на косматые верхушки леса нависли странные облака; некоторые из них напоминали охотничьи трубы.

— Почему,—спросил Кришна царя,—небо потемнело и почему лес стал совсем черным?—

— Я вижу,—сказал царь Мадуры,—это злой отшельник Васишта затемнил небо и ощетинил против меня проклятый лес. Но, Кришна, ведь ты не боишься?—

— Пусть все небо переменить свой лик и земля изменит свой цвет, я все же не боюсь!—

— Тогда... вперед!..—

Кришна погнал коней, и колесница очутилась под темным сводом баобабов. Все страшнее и чудовищнее становился лес; молнии освещали его; гром гремел не переставая.

— Никогда,—произнес Кришна,—я не видал, чтобы небо так чернело, а деревья так изгибались. Твой маг действительно могуществен!—

— Кришна, победитель змей, герой горы Меру, неужели ты боишься?—

— Пусть земля дрожит, пусть небо обрушивается, я не боюсь!

— Тогда спеши впереди!—

Снова смелый возничий погнал лошадей, и колесница устремилась в глубь леса. И тогда гроза усилилась до таких ужасающих размеров, что гигантсюя деревья начали сгибаться. Потрясаемый лес стонал словно от завывания тысячи демонов. Молния ударила около самой колесницы. Раздробленный баобаб загородил им дорогу; кони стали, дрожа, и земля заколебалась.

— Не божественного ли происхождения твой враг, раз Индра покровительствует ему так явно?— спросил Кришна.

—Мы приближаемся к цели,—сказал проводник царя.—Посмотри на этот свод из зелени. В конце находится бедная хижина. Там и живет Васишта, великий Муни, которого любят птицы и боятся дикие звери и которого водить газель. Но даже за целое царство я не сделаю ни шага далее!—

При этих словах царь Мадуры побледнел: «Он здесь? в самом деле? за этими деревьями»? И, прижимаясь к Кришн, он заговорил взволнованным шепотом, дрожа всем телом:

— Васишта! Васишта, который замышляет мою погибель, он здесь... Он смотрит на меня из глубины своего убежища... Глаза его преследуют меня... Спаси меня от него!—

 — Клянусь Махадевой,—воскликнул Кришна, спустившись с колесницы и перепрыгнув через ствол баобаба,—я хочу видеть того, кто заставляет тебя так дрожать?—

Столетний Муни Васишта жил в этой хижин, затерянной в самой глубине священного леса, в ожидавшие смерти. Но еще до смерти тела он был освобожден из телесной темницы. Его земное зрение уже погасло, но он видел помощью души. Его кожа уже не ощущала ни тепла ни холода, но дух его жил в совершенном единстве с высшим духом. Он уже не видел явлений этого мира иначе, как в свети Брамы, молясь, размышляя и созерцая беспрерывно. Верный ученик приносил ему ежедневно из обители отшельников немного рису, который и составлял все его питание. Газель, щипавшая траву около него, предупреждала его своим криком о приближены диких зверей. Тогда он произносил шепотом Мантру, протягивал свой бамбуковый посох о семи узлах, и дикие звери удалялись. Что касается людей, он видел приближение каждого внутренним зрением на расстоянии нескольких миль.

Кришна, пройдя под темным сводом, внезапно очутился лицом к лицу с Васиштой.

Глава отшельников сидел скрестив ноги на циновке, прислонившись к стене своей хижины в состоянии глубокого покоя. Из его слепых глаз светилось внутреннее сияние высокого ясновидения. Как только Кришна увидал его, он немедленно узнал в нем «святого старца». Он почувствовал радостное сотрясение; восторг и благоговение наполнили его душу и, забывая царя, его колесницу и царство его, он склонил колена перед святым и поклонился ему.

Васишта, казалось, увидал его, по телу его пробежала легкая дрожь, он протянул об руки, чтобы благословить своего господа, и уста его прошептали священное слово: АУМУ

Между тем царь Канза, не слыша ожидаемого крика и не видя своего возницу, проскользнул под сенью деревьев и остановился, как вкопанный, потрясенный при виде Кришны на коленях перед святым отшельником. Последний направил свои слепые глаза на царя и подняв посох, сказал:

— «О царь Мадуры, ты пришел убить меня; приветствую тебя! Ибо ты освободишь меня от бедствий телесного существования. Ты хочешь знать где находится сын твоей сестры Деваки, тот, который воссядет на твой престоле? Вот он, склонившийся передо мною и перед Махадевой, Кришна, твой собственный возничий! Пойми, о царь, до чего достигло твое безумие, когда твой самый страшный враг есть тот, которого ты сам привел ко мне, дабы я мог открыть ему его великое предназначение. Трепещи! Ты погибнешь и твоя низкая душа станет добычей демонов.—

Потрясенный Канза слушал. Он не смел смотреть в лицо старцу; бледный от ярости, видя Кришну все еще на коленях, он взял лук и натянув его из всех сил, пустил стрелу в сына Деваки.

Но его рука дрогнула и стрела пронзила грудь Васишты, который, скрестив руки на груди, казалось, ожидал удара в молитвенном экстаз.

Раздался крик, страшный крик, но не из груди отшельника, а из груди Кришны. Он слышал, как стрела пронеслась мимо его уха, как она вонзилась в тело святого.. и ему казалось что она впилась в его собственное тело, до такой степени его душа слилась в этот миг с душой Васишты. На острие этой стрелы все страдание мира проникло в душу Кришны и как бы рассекло ее до самых глубин.

Между тем Васишта, с стрелой в груди, не меняя положения, продолжал еле слышно:

— Сын Махадевы, зачем испускать этот крике? Убийство тщетно; стрела не достигает души, и жертва всегда побеждает убийцу.—

— Торжествуй Кришна: судьба совершается, я возвращаюсь к Тому, который не меняется никогда. Да примет Брама душу мою. Ты же, его избранник, спаситель Мира, восстань!—

И Кришна встал с мечом в рук, он повернулся к царю, но Канзы уже не было, он спасся бегством.

И тогда яркий свет прорезал черное небо, и Кришна упал, пораженный ослепительным светом. И в то время, как тело его оставалось неподвижным, его душа, соединившаяся силою любви с душою старца, поднялась в горные пространства. Земля с своими реками, морями и материками исчезла как темный шар и оба поднялись до седьмого неба Дев к Отцу всех сущих, к Солнцу солнц, к Махадеве, божественному Разуму. Они погрузились в океан света, раскрывшегося перед ними. В центре этого света Кришна увидал Деваки, свою светлую мать, окруженную славой, которая с невыразимой любовью протягивала к нему свои руки, привлекая его на свою грудь. Тысячи Дев теснились вокруг, упиваясь сиянием Девы-Матери. И Кришна почувствовал себя поглощенным в лучах любви Деваки. И тогда из сияющего сердца матери начало излучаться его собственное существо. Он почувствовал, что он—Сын, божественная Душа всех существ. Слово жизни, творческий Глагол. Превышая мировую жизнь, он, тем не менее, проникал ее сущностью страдали, огнем молитвы и силой божественной жертвы .

Когда Кришна пришел в себя, гром еще гремел в небесах, тьма еще не прояснялась, и потоки дождя продолжали обливать хижину. Газель лизала кровь на теле пронзенного отшельника, от «божественного старца» остался труп, но Кришна встал с земли внутренне воскресили. Целая пропасть разделяла его от Мира и его обманчивых видимостей. Он пережил великую истину, он понял свою миссию.

сопровождаемая Гением, отличным по форме, знаку и свету. В то время как пораженный Гермес созерцал их расцветам и их величавое движение, голос говорил:

— Взирай, слушай и понимай. Перед тобой семь сфер, обнимающие все ступени жизни. В их пределах происходить падение и восхождение душ. Семь Гениев суть семь лучей Глагола-Света. Каждый из них господствует над одной сферой Духа, над одной ступенью в жизни души. Ближайший от тебя есть Гений Луны, с беспокойной улыбкой, венчанный серебристым серпом. Он управляет рождениями и смертями. Он освобождает душу из тела и притягивает ее в круг своего влияния. Над ним бледный Меркурий указывает своим кадуцеем путь душам, спускающимся и поднимающимся. Еще выше, блистающая Венера держит зеркало Любви, в котором души попеременно забывают и узнают друг друга. Поверх её Гений Солнца поднимает факел торжества вечной Красоты. Еще выше Марс потрясает мечем Правосудия. На престоле лазурной сферы, Юпитер держит скипетр верховного могущества, который есть Божественный Разум. На границах все

ленной, под знаками зодиака, Сатурн несет державу всемирной Мудрости» .

— Я вижу, сказал Гермес,—семь областей, заключающих в себе мир видимый и невидимый; я вижу семь лучей Глагола-Света, единого Бога, который господствует посредством них. Но, о, Господи, как осуществляется странствие человека через act эти миры?

— Видишь—раздался голос Озириса,—светящийся посев, который ниспадает из пределов млечного пути в седьмую сферу? Это—зародыши душ человеческих. Онb живут, как легкие облака в царстве Сатурна, счастливый, беззаботные, но не сознающие своего счастья. Но, опускаясь из сферы в сферу, они облекают с я в оболочки все более тяжелые. В каждом воплощение они приобретают новое телесное чувство, соответствующее обитаемой среде. Их жизненная энергия увеличивается; но, по мер того, как они проникают в тела все более плотные, они теряют воспоминание о своем небесном происхождении. Так совершается падение душ, появляющихся из божественного Эфира. Все более и более закованные в материю, все более опьяненные жизнью, он низвергаются, подобно огненному дождю, с содроганиями страсти, через области Страдания, Любви и Смерти, в глубину земной своей темницы. В такой же темниц и ты стонешь, удерживаемый огненным центром земли, и из этой темницы божественная жизнь представляется тебе лишь тщетным сном.

— Могут ли души умирать?—спросил Гермес.

— Да, ответил голос Озириса, многие погибают, спускаясь в материю. Душа есть дочь небес, и её странствие есть испытание. Если в своей безудержной любви к материи она потеряет воспоминание о

своем происхождение, таившаяся в ней божественная искра, способная превратиться в сияющую звезду, возвращается обратно в эфирное пространство, и душа рассевается в вихрях грубых элементов.—

При этих словах Озириса Гермес затрепетал, ибо страшная бушующая буря окружила его черным облаком со всех сторон. Семь сфер исчезли в густых туманах. Он увидал в них тени людей, бьющихся и испускающих страшные крики; их хватали

и разрывали на части призраки чудовищ и животных посреди невыразимых стонов и проклятий...

— Такова—раздался голос Озириса—судьба душ неисправимо злых и низких. Их мучение кончается лишь с их уничтожением, которое есть потеря всякого сознания. Но взирай: туманы рассеиваются, семь сфер появляются вновь. Посмотри с этой стороны. Видишь ты этот рой душ, пытающихся подняться в лунную сферу? Одни из них падают на землю, сметенные вихрем, как стая птиц под напорами бури, другие, сильными движениями крыльев достигают высшей сферы, которая и увлекает их в своем вращении.

Достигая её, души снова начинают узнавать божественное. Но на этот раз они не удовлетворяются возможностью отражать его в одних лишь мечтах о недостижимом счастье. Они проникаются им, впитывают его в себя, удерживают его с ясностью сознания, просветленного страданием, с энергией воли, выкованной в борьбе. Он становятся светлыми, ибо они хранят в себе божественное и излучают его в своих проявлениях. Укрепи же свою душу, Гермес, и да прояснится твой затуманенный дух, при вид этих летящих душ, поднимающихся до седьмой сферы и рассыпающихся там подобно снопам искр, ибо и ты можешь последовать за ними; для этого необходимо лишь одно: желание подняться.

— Взгляни, как они роятся и, описывая круги, соединяются в божественные хоры. Каждая приближается к своему гению. Наиболее прекрасные пребывают в области Солнца, наиболее сильные устремляются к Сатурну. И лишь немногие поднимаются до самого Отца, становясь среди совершенных сами совершенными; ибо там, где все кончается, все начинается вечно, и все семь сфер возглашают:

«Мудрость! Любовь! Правосудие! Красота! Слава! Знание! Бессмертие!—

— Вот что видел древний Гермесе—говорил иерофант—и что передали нам его преемники. Слова мудреца подобны семи нотам лиры, заключающим в себе всю полноту музыки, вместе с числами и законами вселенной. Видение Гермеса походит на небо, неизмеримые глубины которого усеяны созвездиями. Для ребенка это— синий свод с золотыми гвоздями; для мудреца это—безграничное пространство, в котором вращаются миры в чудном и таинственном ритм. В этом видении заключаются знаки, числа и ключи, отмыкающие все сущее; чем более ты научишься созерцать и понимать это видение, тем более будут раздвигаться перед тобой его границы, ибо один и тот же основной закон управляет всеми мирами.— И пророк храма начинал объяснять священные тексты. Он сообщал, что доктрина Глагола-Света представляет Бога в состоянии полною равновесия; он доказывал его тройственную природу, которая в одно и то же время и разум, и сила, и материя;

дух, душа и тело; свет, глагол и жизнь. Сущность, проявлена и вещество—вот что образует закон тройственного единства, сверху до низу действующий во всей вселенной.

Приведя, таким образом, своего ученика к идеальному центру мироздания, к началу творческому, Учитель развертывал егосознание во времени и пространстве и во всем разнообразие расцветания жизни, ибо вторая часть видения Гермеса изображает Бога в состоянии динамическом, т. е. в процессе деятельной эволюции видимой и невидимой вселенной.

Семь сфер, соединенных с семью планетами, символизируют семь жизненных начал, семь различных состояний материи и духа, семь Миров солнечной системы, через которые каждый человек должен пройти в течете своей эволюции. Семь Гениев или семь космогонических Божеств являются владыками и представителями каждой из семи сфер, при чем сами они представляют собою наивысшие плоды предшествующей эволюции.

Таким образом, каждое из Божеств было для древнего посвященного символом и покровителем легиона духов, воспроизводящих его тип в бесконечном разнообразии форм, и которое, из своей сферы, могло оказывать влияние на человека и на земные дела.

Семь Гениев видения Гермеса суть семь Дев Индии, семь Амешаспентов Персии, семь великих ангелов Халдеи, семь Сефиротов Каббалы, семь Архангелов хрисланского Апокалипсиса. И всеобщая семиричность нашей вселенной отражается не только в ,   семи нотах гаммы, она проявляется также и в строении человека, который троичен по существу, но семиричен по своей эволюции .

— Таким образом—говорил иерофант—ты проник до самого порога великой тайны. Божественная жизнь предстала пред тобой под призраками, реальности. Гермес показал теб невидимое небо, свет Озириса, Бога, скрытого во вселенной, дышащего миллионами душ, которыми он оживляет движущиеся планеты. От тебя зависит ныне избрать путь восхождения к царству чистого духа, ибо отныне ты принадлежишь к воскресшим из мертвых. Не забывай, что наука обладает двумя главными ключами. Вот первый из них: «Внешнее подобно внутреннему; малое таково же, как и. большое; закон один для всего. Нет ничего малого и нет ничего великого в божественной экономии». Вот второй ключ: «Люди—смертные боги, а боги—бессмертные люди». Счастливь тот, кто понимает эти слова, ибо поняв их, он овладеет ключом ко всему. Не забывай, что закон таинства покрывает собою великую истину. Полное знание может быть открыто лишь тем из наших братьев, которые прошли через те же испытания, что и мы. Раскрывать истину следует в меру разума, прикрывая ее перед слабыми, чтобы не свести их с ума, пряча ее от злых, чтобы они не могли схватить её отрывки и сделать из них орудие разрушения. Замкни ее в сердце своем и да проявится она через дела твои. Знание будет твоей силой, вера—твоим мечом, а молчание—твоими непроницаемыми доспехами.—

Откровения пророка Аммона-Ра, который раскрывал перед новым посвященным столь обширные горизонты и давал ему понимание и собственной природы, и вселенной, производили без сомнения глубокое впечатление; особенно если иметь в виду, что они давались на обсерватории 9ивского храма, в светлой тишине египетской ночи. Колоннады, крыши и белые террасы храмов дремали у его ног между темными чащами смоковниц и тамариндов. На берегу тихого озера колоссальные статуи богов стояли рядами, как неподкупные судьи, застывшие в задумчивом молчании.

Три пирамиды, геометрически изображавшие тетраграмм и священное семиричное число, поднимались на гаризонте, выделяясь своими треугольниками в сероватом воздухе летней ночи. Неизмеримый небосвод сверкал мириадами звезд.

Как оживали перед душой ученика эти светила, место его будущего пребыванияи И когда золотистый серп луны всплывал из-за темно-зеркальной поверхности Нила, который, подобно длинной голубоватой змее, терялся за горизонтом, молодому посвященному казалось, что он видит барку Изиды, несущую души усопших в Сияние Озириса.

Он вспоминал содержание Книги Мертвых, и смысл всех этих символов разоблачался теперь перед его сознанием. После всего, что он увидел и узнал, он легко мог вообразить себя в сумрачной области Аменти, в таинственном междуцарствии, следующем за жизнью земной и предшествующем жизни небесной, где умершие, вначале лишенные зрения и речи; снова овладевают способностью видеть и говорить. И он также готов предпринять великое странствие, путь бесконечности через различные миры и многочисленные существования.

Уже Гермес оправдал его и признал достойным. Он дал ему разгадку великой тайны: «Единая душа, великая душа ВСЕГО зачала, отделив от себя, все души, которые наполняют своим стремлением вселенную». Вооруженный знанием тайны, он вступал в барку Изиды. Она отправлялась в путь. Поднятая в эфирные высоты, она плавала в межзвездных пространствах. Уже могуча лучи великой зари пронизывали лазурные покровы небес, уже хоры просветленных духов, AkhimouSekou, достигших вечного покоя, пели: «Пробудись, RaHermakoiitiи Солнце духов! Находящиеся в барке объяты трепетом! Несутся возгласы от них, плывущих на барках миллионов лет Великий божественный круг, славословя священную барку, наполняется радостью. Восторгь проникает в таинственное святилище. О,

поднимись АттопЛа НегтаJcouti Самотворящее Солнце! На что посвященный отвечал следующими гордыми словами: «я достиг страны истины и оправдания. Я воскрес, как живой Бог, и я сияю в хоре Богов-Небожителей, ибо я из их породы».

Подобные гордые мысли и дерзновенные надежды посещали дух адепта в ночь, которая следовала за мистической церемонией воскресения из мертвых. На другой день, когда он ходил по аллеям храма, освещенным ослепительным солнцем, эта ночь казалась ему лишь сновидением, мечтой, но какой незабываемой мечтой осталось в его душе это первое проникновение в невидимые миры!

Снова читал он надпись на статут Изиды: «Ни один смертный не поднимал моего покрывала». И все же один край покрывала был приподнять, хотя бы для того, чтобы немедленно опуститься снова. Он же проснулся вновь в обители могил, и как бесконечно далеко казалось ему достижение его сна, ибо долог путь, совершаемый на барках миллионов лет. И, тем не менее, он все же проникнул в тайну конечной цели. Его видение потустороннего мира могло быть лишь сном, незрелым наброском воображена,

еще отяжелевшего от испарений земли, но мог ли он сомневаться в этом новом сознании, раскрывавшемся внутри его, в этом таинственном двойник, в этом божественном Я, которое появилось перед ним в своей сияющей красот как живой образ, говоривший с ним во время его сна? Была ли то родная ему душа, был ли то его Гений, или это было лишь отражение скрытой глубины его духа, предчувствие его будущего бытия?

Это чудо и эта тайна были все же реальностью, и если это была его собственная душа, она все же была его истинной душой. Чтобы снова найти ее, чего бы ни сделал он. И если бы он жил тысячелетия, он не мог бы забыть этого божественного часа, когда увидел свое истинное Я, сияющее и чистое .

Посвящена было окончено. Адепт был посвящен в жрецы Озириса. Если он был египтянин, он оставался при храме. Чужеземцу же дозволялось иногда вернуться на родину, чтобы основать там новый культ или выполнить ту или иную миссис. Но, прежде чем отправиться, он давал торжественный обет сохранять абсолютное молчание относительно всех храмовых тайн. Он не должен был выдавать никогда и никому то, что видел и слышал, ни раскрывать учения Озириса иначе, как под тройным покровом мистерий или мифологических символов. Если он нарушал клятву, роковая смерть настигала его рано или поздно, где бы он ни был, тогда как ненарушенное молчание становилось щитом его силы.

Возвратившись на берега ионии в свой кипучий город, живя среди толпы людей, находившихся под властью своих страстей и не сознававших своего истинного я, он часто возвращался мыслью в Египет, к пирамидам, к храму Аммона-Ра. И тогда к нему возвращались видения склепа. И так же, как белый лотос качается над волнами Нила, так и это чудное белое видение всплывало над мутной поверхностью волнующейся земной жизни. В часы вдохновения он слышал голос, и это был голос Света. Пробуждая в глубине его существа сокровенную музыку, он говорил ему: «Душа есть свет, закрытый покрывалом; когда за ним нет ухода, свет темнеет и гаснет, когда же он поддерживается—как светильня маслом!—святой любовью, он разгорается в неугасимую лампаду».

1234567890

Книга Третья

ГЕРМЕС

Мистерии Египта

О слепая душа! Вооружись факелом мистерий и в земной ночи ты откроешь твой сияющий Двойник, твою небесную Душу. Следуй за этим божественным Руководителем и да будет он твоим Гением. Ибо он держит ключ к твоим существованиям, прошедшим и будущим.

Воззвание к Посвященным (по Книге Мертвых)

Слушайте в своей собственной глубине и смотрите в бесконечность Пространства и Времени. Там звучит пение небесных Светил, голос Чисел, гармония Сфер.
Каждое солнце есть мысль Бога и каждая планета видоизменение этой мысли. Для того, чтобы познать божественную мысль, о души! спускаетесь и поднимаетесь вы по тяжкому пути семи планет и окружающих их семи небес.
– Что делают небесные Светила? Что говорят Числа? Что вращают в себе Сферы?
– О, души, погибшие или спасенные, они говорит, они поют, они вращают – ваши судьбы!

Отрывок (по Гермесу)

Глава I

Сфинкс

В противоположность Вавилону, мрачной родине деспотизма, Египет был для древнего мира истинной крепостью священной науки, школой для его наиболее славных пророков, убежищем и вместе лабораторией наиболее благородных преданий человечества. Благодаря бесчисленным раскопкам и превосходным научным работам, египетский народ известен нам так, как ни одна цивилизация, предшествовавшая Греции, ибо он развертывает перед нами всю свою историю, написанную на страницах из камня. 1 Многие из его памятников восстановлены, многие из его иероглифов разобраны и прочитаны; тем не менее, нам все еще остается проникнуть в глубину святилища его мысли.

Это святилище – оккультное учение его жрецов. Научно обработанное в храмах, осторожно скрытое под мистериями, оно показывает нам в одно и то же время и душу Египта, и тайну его политики, и его главную роль в истории мира.

Наши историки говорят одним и тем же тоном и о фараонах, и о деспотах Ниневии и Вавилона. Для них Египет такая же абсолютная и завоевательная монархия, как и Ассирия, и отличается она от последней лишь тем, что существование ее было на несколько тысяч лет продолжительнее. А между тем, в Ассирии царская власть раздавила жреческую и сделала из нее свое орудие, тогда как в Египте жречество дисциплинировало царскую власть, не уступало никогда своих прав и даже в самые трудные эпохи имело влияние на царей, изгоняло деспотов и всегда управляло народом; и влияние это исходило из умственного превосходства, из глубокой мудрости, какой не достигло ни одно правящее сословие нигде и ни в какой стране.

Думается, что наши историки и не подозревают об истинном значении этого факта. Ибо вместо того, чтобы сделать из него все необходимые выводы, они едва касаются его и по-видимому, не придают ему никакого значения. А между тем, не будучи археологом или лингвистом, не трудно понять, что непреодолимая ненависть между Ассирией и Египтом происходила от того, что эти два народа представляли собой два противоположные мировые принципа, и что египетская народность обязана своим долгим существованием религиозно-научным основам, на которые опирались все ее общественные учреждения, оказавшиеся сильнее всяких революций.

Начиная с арийской эпохи, через весь смутный период, следовавший за ведическими временами до персидского завоевания и до александрийской эпохи, следовательно в течение более пяти тысячи лет, Египет являлся убежищем чистых и высоких учений, которые, в общем, составляли религиозную науку или эзотерическую доктрину древнего мира. Пятьдесят династий сменяли одна другую, Нил покрывал целые города наносной землей, и финикийцы успели затопить страну и быть снова изгнанными: среди всех этих исторических приливов и отливов, под видимым идолопоклонством внешнего многобожия, Египет сохранял непоколебимую основу своей оккультной теогонии и жреческой организации. Он не

поддавался действию времени так же, как пирамида Гизы, наполовину погребенная в песках и все же сохранившаяся.

Благодаря своими чертами сфинкса, безмолвно хранящего тайну, благодаря своей гранитной непоколебимости, Египет сделался той осью, вокруг которой вращалась религиозная идея человечества. Иудея, Греция, Этрурия – все это были различные жизненные центры, из которых произошли последующие цивилизации. Но где черпали они свои основные идеи, как не в богатом запасе древнего Египта?

Моисей и Орфей создали две противоположные религии, из которых одна поражает своим строгим единобожием, другая своим сверкающим многобожием. По какому же образцу складывался их гений? Откуда черпал Моисей ту силу, энергию и смелость, которые были необходимы, чтобы переплавит на половину дикий народа, как переплавляют металла в горниле? А Орфей – откуда брал он свою магическую силу, заставлявшую богов говорить на подобие сладкозвучной лиры душе очарованных варваров? В храмах Озириса, в античных Фивах, которые посвященные называли городом Солнца или солнечными ковчегом, потому что в них сохранялся синтеза божественной мудрости и все тайны посвящения.

Ежегодно, во время летнего солнцестояния, когда из Абиссинии несутся дождевые ливни, Нил меняет окраску и принимаете оттенок крови, о котором говорится в Библии. Река продолжает подниматься до осеннего равноденствия и покрывает берега своими волнами до самого горизонта. И лишь одни храмы, высеченные из гранита, покоящиеся на своих каменных площадках, да облитые ослепительным солнцем гробницы, сфинксы и пирамиды, отражают величавые очертания своих развалин в Ниле, превратившемся в море. Таким образом египетская религия выдержала неисчислимые века с своей организацией и с своими символами, остающимися и до сих пор неразгаданными тайнами. В этих храмах, подземельях и пирамидах развивалось великое учение о Слове-Свете, о божественном Глаголе, заключенном Моисеем в золотой ковчег, а Христом превращенном в живой светоч.

Истина неизменна сама по себе; она одна переживает все преходящее; но она меняет и обители, и формы, и в ее откровениях являются перерывы, и Свет Озириса, который некогда освещал для посвященных глубины природы и бездны небесных сводов, погас в покинутых склепах навсегда. Осуществилось слово Гермеса, сказанное Асклепию: "О, Египет, Египет! Прекратится твое существование и останутся от тебя для будущих поколений лишь невероятные сказки и ничего не сохранится от твоих сокровища, кроме слов, вырезанных на камне".

А между тем, мы попытаемся, следуя по тайному пути древнего египетского посвящения, оживите лучи как раз этого таинственного солнца святилищ, насколько то позволит интуиция эзотеризма и убегающая даль веков.

Но прежде чем проникнуть в храм, бросим общий взгляд на главные периоды, через которые Египет проходил до водворения Гиксов.

Почти столь же древняя, как и очертание наших континентов, первая египетская цивилизация соприкасается с первобытной красной расой. Колоссальный сфинкс Гизы подле большой пирамиды создан ею. 2 Во времена, когда дельта, образовавшаяся позднее из наносной земли, приносимой Нилом, еще не существовала, огромный символический зверь уже лежал на своем гранитном холме, позади которого возвышалась Ливийская горная цепь, и смотрел своими каменными очами в море, разбивавшееся у его ног там, где в настоящее время расстилается песчаная пустыня. Сфинкс был первыми творчеством Египта и он же сделался его главными символом, его отличительным признаком.

Наиболее древние представители религии человечества изваяли этот символ природы, бесстрастный и страшный в своей неразгаданной тайне. Голова человека на теле могучего быка с львиными когтями и орлиными крыльями, сложенными по боками. Это – земная Изида, сама природа в живом единстве различных своих царство. Ибо уже тогда, в незапамятной древности, жрецы знали и учили, что в великой эволюции нашей солнечной системы человеческая природа возникает из природы животной. 3 В этом соединении быка, льва, орла и человека заключаются и четыре зверя видения пророка Иезекиля,

представляющие основу оккультной науки, и четыре составных элемента микрокосма и макрокосма: землю, воду, воздухе и огонь. Вот почему в позднейшие века, при виде священного животного, лежащего на пороге храма или в глубин склепов, посвященные чувствовали, как оживала эта тайна внутри их души и они безмолвно склоняли крылья своего разума перед внутренней истиной. Ибо еще ранее Эдипа они знали, что разгадка тайны сфинкса есть человек, микрокосм, божественный проводник, который включает в себя все элементы и все силы природы.

Таким образом красная раса оставила после себя в сфинксе Гизы единственного свидетеля, неопровержимо доказывающего, что она ставила великую проблему о человеке и по-своему разрешила ее.

Глава II

Гермес

Черная раса, которая в господстве над миром сменила южную красную расу, сделала из Верхнего Египта свое главное святилище. Имя *Гермеса-Тота* , первого таинственного посвятителя Египта в тайные учения, относится без сомнения к первому мирному смешению белой и черной рас в областях Эфиопии и Верхнего Египта задолго до появления Арийцев. Гермес – такое же родовое имя, как Ману и Будда. Оно обозначает одновременно и человека, и касту, и божество. Человек-Гермес есть первый посвятитель Египта; кастажречество, хранящее оккультные традиции; божество – планета Меркурий, уподобляемая – вместе с своей сферой определенной категории духов, божественных посвятителей; одним словом, Гермес – представитель сверхземной области небесного посвящения. В духовной экономии мира все эти явления соединяет тайное сродство как бы невидимой нитью. Имя Гермеса представляет собою талисман, который всех их в себе содержит, магический звук, который их вызывает. Отсюда его обаяние. Греки, ученики Египтян, называли его Гермесом-Трисмегистом, или трижды великим, ибо они видели в нем царя, законодателя и жреца.

Он олицетворяет собой эпоху, когда жречество, судебная власть и царская власть находились в одном и том же правящем учреждении. Египетская хронология Манефона называет эту эпоху царствованием богов. Тогда не было ни папирусов, ни фонетического письма, но священная тайнопись (идеография) уже существовала, и жреческая наука была записана в иероглифах на колоннах и стенах подземных склепов. Позднее она перешла в библиотеки храмов. Египтяне приписывали Гермесу сорок две книги, относящиеся до оккультной науки. Греческая книга, известная под названием *Гермеса-Трисмегиста* , содержит лишь искаженные и, тем не менее, чрезвычайно интересные остатки древней теогонии, той fiat lux, откуда Моисей и Орфей получили первые лучи своей мудрости. Доктрина Начала-Огня и Слова-Света, заключенная в *Видении Гермеса,* останутся навсегда вершиной египетского посвящения.

Попробуем же снова найти это видение Учителей, эту мистическую розу, которая распускается лишь в ночи святилища и в святая святых великих религий. Известные слова Гермеса, проникнутые древнею мудростью, могут служит хорошим введением. "Ни одна из наших мыслей, – говорит он своему ученику Асклепию, – не в состоянии понять Бога, и никакой язык не в состоянии определить Его. То, что бестелесно, невидимо и не имеет формы, не может быть воспринято нашими чувствами; то, что вечно, не можете быт измерено короткой мерою времени; следовательно, Бог невыразим. Правда, Бог может сообщить нескольким избранными способность подниматься поверху естественных вещей, дабы приобщаться к сиянию его духовного совершенства, но эти избранные не находят слова, которые могли бы перевести на обыденный язык бесплотное видение, повергнувшее их в трепет. Они могут объяснить человечеству второстепенные причины творчества, которые проходят перед их глазами как образцы космической жизни, но Первопричина остается нераскрытой, и постигнуть Ее возможно лишь по ту сторону смерти". Так – на пороге подземного храма посвящения выражался Гермес о неизведанном Боге. Ученики, которые проникали с ними в глубины этих храмов, научались познавать Его как живое Существо. [4]

Книга говорит о его смерти, как об отходе бога. Гермес видел совокупность вещей и узрев ее, понял, а поняв он получил силу проявлять и открывать. То, что было в его мыслях, он записал; то, что он записал, он скрыл большею частью, одновременно и высказываясь и умалчивая с мудростью, и дабы все, на протяжении будущих времени, искали этих вещей. Затем, поручив своими братьям-богам следовать за ним, он поднялся к звездам.

Политическую историю народов разделить еще возможно, но нельзя разъединить их религиозную историю. Религии Ассирии, Египта, Иудеи и Греции могут быть поняты лишь когда уловишь их точки соприкосновения с древней индоарийской религией. Взятые в отдельности, они представляют как бы загадки и шарады, но рассматриваемые сверху, и в единстве между собой они являются дивной духовной эволюцией, где все связано и все взаимно объясняет одно другое.

История одной религии будет всегда и узкой, и суеверной, и ограниченной; истинной можете быть лишь история общечеловеческой религии. С этой высоты начинаешь чувствовать духовные потоки, обегающие *весь* мир земной. Египетский народ наиболее независимый и не поддающийся внешним воздействиям, не могу не подчинится тому же мировому закону.

За пять тысяч лет до нашей эры, свет Рамы, зажженный в Иране, светил над Египтом и проник в законы Амона-Ра, солнечного героя Фив. Это государственное устройство выдержало всевозможные революции. Менес был первыми фараоном исполнителем этого закона. Он не решился отнять у Египта его древнюю теологию, в которой воспитывался и сам. Он лишь развил и подтвердил ее, прибавив к ней новую общественную организацию: жречество, т.е. обучение принадлежало высшему совету, правосудие – низшему, управление государством – обоим советам; – царская власть признавалась за их уполномоченного и подчинялась их контролю; относительная независимость общины (номы) лежала в основ всего общественного строя.

Этот строй можно с полными основанием назвать правлением посвященных. Оно венчалось синтезом всех наука, известным под названием O-Sir-Is, владыка разума. Большая пирамида представляете собою его символы. Таким образом фараон, получавший свое имя посвящения в храме, был совершенно иными явлением, чем ассирийский деспот, власть и произвол которого покоились на крови и преступлении. Фараон был венчанным посвященным, или, по крайней мере, учеником и орудием посвященных.

В течение многих веков фараоны защищали против Азии, ставшей деспотической, и против анархической Европы, закона Овна, который представлял собою в те времена права правосудия и международного третейского суда. Около 2200 г. до Р.Х. Египет перенес самое страшное бедствие, какое выпадает на долю народа: вторжение чужеземцев и частичное завоевание. Вторжение финикийцев было, в свою очередь, последствием великого религиозного раскола в Азии, который поднял народные массы и посеял раздоры в храмах. Под предводительством своих царей-пастухов, называемых Гиксами, чужеземцы затопили Дельту и средний Египет. Цари отщепенцы принесли с собой испорченную цивилизацию, ионийскую изнеженность, азиатскую роскошь, нравы гарема, грубое идолопоклонство. Национальное существование Египта было подорвано, его духовная жизнь была в опасности, его мировой миссии угрожала гибель. Но Египет обладал душой, полной жизни, то ест организованным учреждением посвященных, хранителей древней науки Гермеса и Амона-Ра. Как же проявилась эта душа? Она удалилась в глубину святилищ и собиралась с силами, чтобы противодействовать врагу.

С виду жречество покорилось вражескому вторжению и признало похитителей престола, которые принесли с собой закон Тора и культ быка Аписа. Скрытые в храмах, оба жреческие "совета" хранили как священный залог, свою науку, свои предания, древнюю чистую религию и с ней вместе надежду на восстановление национальной династии. Именно в эту эпоху жрецы распространили среди народа легенду об Изиде и Озирисе, о растерзании последнего и о его грядущем воскресении при содействии его сына Гора, который отыщет его рассеянные члены, унесенные потоками Нила. На воображение толпы старались подействовать великолепием публичных религиозных церемоний. Любовь к древней религии поддерживалась ярким изображением страданий богини Изиды, ее потрясающими жалобами

по поводу погибели ее небесного супруга и надеждам, которые она возлагала на сына своего Гора, божественного Посредника.

Но в то же время посвященные считали необходимым оградить эзотерическую истину, и они сделали ее недоступной, набросив на нее тройной покров. Одновременно с распространением народного культа Изиды и Озириса, посвященные установили внутреннюю организацию малых и великих мистерий. Их окружили трудно переступаемой оградой и большими опасностями; изобрели нравственные испытания, потребовали клятву молчания и беспощадно подвергали смерти того из посвященных, который выдавал что--либо из подробностей мистерий. Благодаря этой строгой организации, египетское посвящение сделалось не только убежищем для эзотерического учения, но и источником национального возрождения и школой будущих религий. В то время, когда коронованные похитители престола властвовали в Мемфисе, Фивы медленно подготовляли возрождение страны.

Из глубины храма вышел спаситель Египта, Амос, изгнавший Гиксов после девяти веков владычества и восстановивший в своих правах египетскую науку и религию Озириса.

Таким образом, мистерии спасли душу Египта в период чужеземного ига, и это имело значение не для одного Египта, а для блага всего человечества. И так велика была сила их дисциплины и могущество посвящения, что они сохранили в целости лучшие нравственные силы египетского народа, наиболее одаренный цвет его интеллигенции.

Древнее посвящение основывалось на представлении о человеке одновременно и более здоровом, и более возвышенному, чем наше представление. Мы раздробили воспитание тела, ума и души. Наши физические и естественные науки, достигшие сами по себе большой высоты, совершенно устранили человеческую душу и ее воздействие на окружающее; религия перестала удовлетворять требованиям разума, медицина не хочет знать ни о душе, ни о духе человека. Современный человек ищет удовольствия без счастья, счастья без знания и знания без мудрости.

Древний мир не допускал, чтобы эти вещи разделялись. Во всех областях принималась ими в расчет тройная природа человека. Посвящение было постепенными поднятием всего человеческого существа на головокружительные высоты духа, откуда возможно господство над жизнью. "Чтобы достигнуть такого господства, говорили древние мудрецы – человек нуждается в полнейшем переплавлении всего своего существа, физического, нравственного и умственного; переделка же эта возможна лишь при одновременному упражнении, воли, интуиции и разума. Посредством их полного согласования человек можете развить свои способности до неограниченных пределов. Душа обладаете не проснувшимися чувствами; посвящение будит их. Благодаря углубленному изучению и неутомимому прилежанию, человек можете войти в сознательные сношения с скрытыми силами природы. Более того, великим душевным усилием он может достигнуть непосредственного духовного ведения, открыть перед собой дорогу в потусторонний мир и быть способным проникнуть туда. И лишь тогда он может сказать, что победил судьбу и завоевал для себя даже здесь, на земле, божественную свободу. Тогда только посвященный можете стать посвятителем, пророком и теургом, иными словами – ясновидящим и создателем душ. Ибо только тот, кто господствуете над самим собою, можете господствовать над другими; только тот, кто сами свободен может приводить к свободе других".

Так думали древние посвященные. Наиболее великие из них и жили, и поступали на основании этих мыслей. Следовательно, истинное посвящение было совсем не мечтой, а чем-то гораздо более значительным, чем обыкновенное научное обучение; это было *творческое созидание души ее собственными усилиями* , ее раскрытие на высшем космическом плане, ее расцветание в высших условиях бытия.

Постараемся же перенестись во времена Рамзеса, в эпоху Моисея и Орфея, за тысячу триста лет до христианской эры, и попробуем проникнуть в самое сердце египетского посвящения. Покрытые иероглифами памятники, книги Гермеса, иудейские и греческие предания дадут нам возможность оживить его восходящие ступени и составить представление об его высочайших откровениях.

Глава III

Изида Посвящение Испытания

Во времена Рамзеса египетская цивилизация достигла вершины своей славы. Фараоны двадцатой династии, ученики и меченосцы святилищ, героически выдерживали борьбу против Вавилона. Египетские стрелки не давали покоя Ливийцам, Бодонам и Нумидийцам и гнали их до самого центра Африки. Флот из четырехсот кораблей преследовал союз схизматиков до самого впадения в Инд. Чтобы лучше противостоять нападению Ассирийцев и их союзников, Рамзесы провели стратегические дороги до самого Ливана и построили цепь крепостей между Магеддо и Каркемиш. Нескончаемые караваны двигались по пустыне из Радазии в Элефантину. Архитектурные работы совершались безостановочно, и для этого были собраны рабочие с трех частей света. Большая зала Карнака, в которой каждая колонна достигала высоты вандомской колонны, была восстановлена; Абидосский храм обогащался чудесами скульптуры, а "царская долина" величественными памятниками. Постройки шли и в Бубасте, и в Луксоре, и в Спеозе Ибсамбуле. В Фивах триумфальный пилон напоминал о взятии Кадеша. В Мемфисе поднимался Рамессеум, окруженный целым лесом обелисков, статуй, гигантских монолитов. 5

Среди этой лихорадочной деятельности и этой ослепительной жизни не мало чужеземцев, стремившихся к мистериям, приплывали из отдаленной малой Азии или из гористой Фракии в Египет, привлеченные славой его храмов. Высаживаясь в Мемфисе, они бывали потрясены развертывавшейся перед ними картиной: памятники, всевозможные зрелища, народные празднества, все производило на прибывших впечатление изобилия и величия. После церемонии царского посвящения, происходившего в тайниках святилища, они видели, как фараон выходил из храма к народу, как он перед несметной народной толпой поднимался на большой щит, несомый двенадцатью носителями опахал из числа его телохранителей. Впереди двенадцать молодых жрецов несли на подушках, вышитых золотом, царские знаки: царский скипетр с головою овна, меч, лук и булаву. Позади следовали двор и жреческие коллегии, сопровождаемые посвященными в великие и малые мистерии. Первосвященники носили белую тиару и их нагрудник сверкал и переливался символическими драгоценными камнями. Сановники двора несли знаки Агнца, Овна, Льва, Лилии и Пчелы, подвешенные на массивных цепях художественной работы. Различные корпорации с своими эмблемами и развернутыми знаменами замыкали шествие. 6

По ночам великолепно расцвеченные барки скользили по искусственным озерам, и на них помещались царские оркестры, посреди которых виднелись – в позах священного танца танцовщицы и играющие на теорбах (лютнях).

Но не этого подавляющего великолепия искал пришлый чужеземец. Жажда проникнуть в тайны вещей – вот что привлекало его в Египет. Ему было известно, что в его святилищах жили маги, иерофанты, владеющие божественной наукой. Его влекло желание приобщиться к тайнам богов. Он слышал от жреца своей страны о *Книге Мертвых* , об этом таинственном свитке, который клали под голову мумии как священное причастие, и в котором, под символической формой, излагалось потустороннее странствие души, как оно передавалось жрецами Амона-Ра.

Он слушал с жадным вниманием и внутренним трепетом, смешанным с сомнением, рассказы о долгом странствии души после смерти; об ее искупительных страданиях в области палящего огня; об очищении ее астральной оболочки; о ее встрече с дурным кормчим, сидящим в лодке с повернутой назад головой, и с добрым кормчим, смотрящим прямо в лицо; о ее появлении в суд перед сорока двумя земными судьями; о ее оправдании Тотом; и наконец, о ее вступлении в свет Озириса и преображении в его лучах.

Мы можем судить о влиянии этой книги и о том перевороте, который египетское посвящение производило в умах, по следующему отрывку из *Книги Мертвых* .

"Эта глава была найдена в Гермополисе, написанная голубым на алебастровой плитке, у ног бога Тота (Гермеса), во времена царя Менкары, князем Гастатефом, когда последний путешествовал для проверки храмов. Он отнес камень в храм царей. О, великая тайна! Он перестал видеть, он перестал слышать, когда он прочел эту чистую и святую главу, и он не приближался более ни к одной женщине и не ел более мяса животных и рыб". 7

Что же было истинного в этих волнующих рассказах, в этих священных образах, позади которых трепетала страшная тайна потустороннего мира? "Изида и Озирис знают о том!" отвечали ему на это. Но кто же были эти боги, о которых жрецы упоминали не иначе, как приложив палец к устам? Чтобы получить на это ответ, чужеземец стучался в двери великого храма Фив или Мемфиса.

Служители вводили его под портик внутреннего двора, огромные колонны которого казались гигантскими лотосами, поддерживающими своею силой и чистотой солнечный Ковчег, храм Озириса. Иерофант подходил к вновь пришедшему. Величие его облика, спокойствие его лица, тайна его непроницаемых глаз, светящихся внутренним светом, производили сильное впечатление на новичка. Взгляд Иерофанта проникал как острие копя. Чужеземец чувствовал себя лицом к лицу с человеком, перед которым невозможно что-либо скрыть.

Жрец Озириса вопрошал пришедшего об его родном городе, об его семье и о том храме, где он получил свои познания. Если после этой короткой, но проникновенной проверки он оказывался недостойным приблизиться к мистериям, молчаливым, но непреклонным жестом ему указывали на дверь.

Если же Иерофант находил в ищущем искреннее искание истины, он предлагал ему следовать за собой. И тогда они проходили через портики, через внутренние дворы, через аллею, высеченную в скале, открытую сверху и окаймленную обелисками и сфинксами, которая вела к небольшому храму, служившему входом в подземные пещеры. Дверь ведущая к ним, была закрыта статуей Изиды в натуральную величину. Богиня изображалась сидящей с закрытой книгой на коленях, в позе глубокого размышления. Лицо ее было закрыто; под статуей виднелась надпись: *ни единый смертный не поднимал моего покрывала* .

"Вот дверь в тайное святилище", говорил Иерофант. "Посмотри на эти две колонны. Красная представляет восхождение духа к свету Озириса; темная означает его пленение в материи и падение его может окончиться полным уничтожением. Каждый прикасающийся к нашему учению, ставит на ставку свою жизнь. Безумие или смерть, вот что находит здесь слабый или порочный; одни лишь сильные и добрые находят здесь жизнь и бессмертие. Много легкомысленных вошли этой дверью и не вышли живыми из нее. Это – бездна, которая возвращает назад лишь смелых духом. Подумай основательно о том, куда ты направляешься, об опасностях, которые ожидают тебя. И если твое мужество несовершенно, откажись от своего желания. Ибо после того, как эта дверь закроется за тобой, отступление уже невозможно".

Если чужеземец продолжал настаивать, Иерофант отводил его во внешний двор и передавал служителям храма, с которыми он должен был провести неделю, отбывая самые смиренные работы, слушая гимны и производя омовения. При этом он должен был сохранять абсолютное молчание.

Когда наступал вечер испытаний, два неокора 8 или помощника отводили его к двери тайного святилища. Входом служили совершенно темные сени без видимого выхода. С двух сторон этой темной залы чужестранец различал при свете факелов ряд статуй с человеческими телами и с головами животных: львов, быков, хищных птиц и змей, которые, казалось, смотрели на него оскалив зубы. В конце этого темного прохода, через который шли в глубоком молчании, находилась мумия и человеческий скелет в стоячем положении друг против друга. Молчаливым жестом оба неокора указывали вступающему отверстие в стене как раз против него. Это был вход в коридор, настолько низкий, что проникнуть туда можно было только согнувшись и передвигаясь на коленях.

– Ты еще можешь вернуться назад, – произносил один из неокоров. – Дверь святилища еще не заперта. Иначе ты должен продолжать свой путь через это отверстие и уже безвозвратно.

Если вступающий не отступал, ему давали в руку маленькую зажженную лампу. Неокоры удалялись, с шумом закрывая за собою двери святилища.

Колебаться было бесполезно; нужно было вступить в коридор. Лишь только он проникал туда, ползя на коленях с лампой в руке, как в глубине подземелья раздавался голос: "здесь погибают безумные, которые жадно восхотели знания и власти".

Благодаря акустическому приспособлению, эхо повторяло эти слова через определенные промежутки семь раза. Но подвигаться было все же необходимо; коридор расширялся, спускаясь все более и более крутым наклоном. Под конец перед путником раскрывалось воронкообразное отверстие. В отверстии виднелась висячая железная лестница; он спускался по ней. Достигнув последней ступеньки, смелый путник погружал взоры в бездонный колодец. Его маленькая лампа, которую он сжимал в руке, бросала бледный свет в страшную темноту. Что было делать ему? Возврат на верх был невозможен; внизу ожидало падение в темноту, в устрашающую ночь.

В эту минуту великой нужды он замечал слева углубление в стене. Держась одной рукой за лестницу, а другой протягивая свою лампу, он – при ее свете – замечал ступеньки, слабо выделявшиеся в отверстии. Лестница! Он угадывал в ней спасение и бросался туда. Лестница вела наверх; пробитая в скале, она поднималась спиралью. В конце ее путник видел перед собой бронзовую решетку, ведущую в широкую галерею, поддерживаемую большими кариатидами. В промежутках между кариатидами виднелись на стене два ряда символических фресок, по одиннадцати с каждой стороны, нежно освещаемые хрустальными лампами, которые были утверждены в поднятых руках прекрасных кариатид.

Маг, называемый пастофор (хранитель священных символов), открывал решетку перед посвященным, принимая его с благосклонной улыбкой. Он поздравлял его с благополучными окончанием первого испытания, затем, проходя с ними по галерее, объяснял ему смысл священной живописи. Под каждой из картин виднелись буква и число. Двадцать два символа изображали двадцать две первые тайны (arcanes) и составляли азбуку оккультной науки, т.е. абсолютные принципы, ключи, которые становятся источником мудрости и силы, если приводятся в действие волей.

Эти принципы запечатлевались в памяти благодаря их соответствию с буквами священного языка и с числами связанными с этими буквами. Каждая буква и каждое число выражают на этом язык троичный закон, имеющий свое отражение в мире *божественном* , в мире *разума* и в мире *физическом* .

Подобно тому, как палец, трогающий струну на лире, заставляя звучать одну ноту в гамме, приводит в колебание и все гармонирующие с нею тона, так и ум, созерцающий свойства числа, и голос, произносящий букву с сознанием всего ее значения, вызывают силу, которая отражается во всех трех мирах.

Таким образом буква А, которая соответствует единице, выражает *в божественном мире* : Абсолютную Сущность, из которой происходят все существа; *в мире разума* : единство – источник и синтез чисел; *в мире физическом* : человека, вершину земных существ, могущего, благодаря расширению своих способностей, подниматься в концентрические сферы бесконечного.

Первый символ у египтян носил изображение иерофанта в белом облачении со скипетром в руке, с золотой короной на голове. Белое облачение означало чистоту, скипетр – власть; золотая корона – свет вселенной.

Тот, кого подвергали испытаниям, был далек от понимания всего окружающего; но неизведанные перспективы раскрывались перед ним, когда он слушал речи пастофора перед таинственными изображениями, которые смотрели на него с бесстрастным величием богов. Позади каждого из них он провидел как бы молнией освещаемые ряды идей и образов, внезапно выступающих из темноты. Он начинал подозревать в первый раз *внутреннюю суть мира* , благодаря таинственной цепи причин. Таким образом от буквы к букве, от числа к числу, учитель объяснял ученику смысл таинственного состава вещей и вел его через Изиду Уранию *к колеснице Озириса, от молнией разбитой башни к пылающей звезде* и, наконец, к *короне магов.*

"И запомни, – говорил пастофор, – что означает эта корона: всякая воля, которая соединяется с божественной волей, чтобы проявлять правду и творить справедливость, вступает еще в этой жизни в круг силы и власти над всем сущим и над всеми вещами; это и есть вечная награда для освобожденного духа". Слушая эти слова учителя. посвящаемый испытывал и удивление, и страх, и восторг. Это были первые отблески святилища и предчувствие раскрывающейся истины казалось ему зарей какого-то небесного воспоминания.

Но испытания только еще начались. После окончания своей речи, пастофор открывал дверь, за которой был входа в сводчатый коридор, узкий и длинный; на дальнему его конце трещал и пылал огненный костер. Но ведь это смерть! говорил посвященный и смотрел на своего руководителя с содроганием. "Сын мой, – отвечал пастофор – смерть пугает лишь незрелые души. В свое время я проходили через это пламя, как по долине роз". И решетка, отделяющая галерею символов, закрывалась за посвящаемым. Подойдя к самому огню, он увидел, что пламенеющий костер происходит от оптического обмана, создаваемого легкими переплетеньями горящих смолистых веток, расположенных косыми рядами на проволочных решетках, Тропинка обозначенная между ними, позволяла быстро пройти, минуя огонь.

За испытанием огнем следовало испытание водой . Посвящаемый был принуждены пройти через стоячую, чернеющую воду, освещенную заревом, падающим от оставшегося позади костра.

После этого два неокора вели его в темный грот, где ничего не было видно кроме мягкого ложа, таинственно освещенного бледным светом бронзовой лампы, спускающейся с высоты свода. Здесь его обсушивали, растирали, поливали его тело душистыми эссенциями и одев его в льняные ткани, оставляли в одиночестве, говоря: "отдохни и ожидай иерофанта".

Посвящаемый растягивал свои усталые члены на пушистых коврах великолепного ложа. После всех перенесенных волнений, минута покоя казалась ему необыкновенно сладкой. Священная живопись, которую он только что видел, все эти таинственные образы, сфинксы и кариатиды, вереницей проходили в его воображении. Почему же одно из этих изображений снова и снова возвращалось к нему, преследуя его как галлюцинация?

Перед ним упорно вставал десятый символ, который изображал колесо, подвешенное на своей оси между двумя колоннами. С одной стороны на него поднимается Германубис, гений добра, прекрасный, как молодой эфеб; с другой стороны – Тифон, гений зла, бросается головой внизу в пропасть. Между обоими, на самой вершин колеса, виднеется сфинкс, держащий меч в своих когтях.

Слабые звуки отдаленной музыки, которые, казалось, исходили из глубины грота, заставили исчезнуть это видение. Это были звуки легкие и неопределенные, полные грустного и проникающего томления. Металлический перезвон раздражал его ухо, смешиваясь со стонами арфы, с пением флейты, с прерывающимися вздохами, подобными горячему дыханию. Охваченный огненной грезой, чужеземец закрывал глаза. Раскрыв их снова, он увидел в нескольких шагах от своего ложа видение, потрясающее силою огневой жизни и дьявольского соблазна. Женщина, нубийка, одетая в прозрачный пурпуровый газ с ожерельем из амулетов на шее, подобная жрицами мистерий Милитты, стояла перед ним, пожирая его взглядом и держа в левой руке чашу, увитую розами.

Она была того нубийского типа, знойная и пьянящая чувственность которого сосредоточивает в себе все могущество животной стороны женщины: бархатистая смуглая кожа, подвижные ноздри, полные губы, красные и влажные, как сочный плод, жгучие черные глаза, мерцающие в полутьме.

Чужеземец вскочил на ноги, удивленный, взволнованный, не зная радоваться ему, или страшиться. Но красавица медленно подвигалась к нему и, опуская глаза, шептала тихим голосом: "Разве ты боишься меня, прекрасный чужеземец? Я приношу тебе награду победителей, забвение страданий, чашу наслаждений"...

Посвящаемый колебался; тогда, словно охваченная усталостью, Нубийка опустилась на ложе и не отрывая глаза от чужеземца, окутывала его молящими взглядом, словно влажными пламенем.

Горе ему, если он поддавался соблазну, если он склонялся к ее устами и, пьянея, вдыхал тяжелое благоухание, поднимавшееся от ее смуглых плеч. Как только он дотрагивался до этой руки и прикасался губами к этой чаше, он терял сознание в огневых объятиях... Но после насыщения пробужденного желания, выпитая им влага погружала его в тяжелый сон.

При пробуждении он чувствовал себя покинутым и охваченным глубоким отчаянием. Висячая лампа бросала зловещий свет на измятое ложе. Кто-то стоял перед ним: это был иерофант. Он говорил ему: "Ты остался победителем в первых испытаниях. Ты восторжествовала над смертью, над огнем и водою, но ты не сумел победить самого себя. Ты, дерзающий стремиться на высоты духа и познания, ты поддался первому искушению чувств и упал в бездну материи. Кто живет рабом своей плоти, тот живет во мраке. Ты предпочел мрака свету, оставайся же в нем!

Я предупреждал тебя об ожидавших тебя опасностях. Ты сохранишь жизнь, но потеряешь свободу; ты останешься под страхом смерти рабом при храме".

Если же посвящаемый опрокидывал чашу и отталкивал искусительницу, тогда двенадцать неокоров с факелами в руках окружали его и вели торжественно в святилище Изиды, где иерофанты в белых облачениях ожидали его в полном составе. В глубин ярко освещенного храма находилась колоссальная статуя Изиды из литой бронзы с золотой розой на груди, увенчанная диадемой о семи лучах. Она держала своего сына Гора на руках. Перед богиней глава иерофантов в пурпуровом облачении принимал посвящаемого, который под страшными заклятиями произносил обет молчания и подчинения. Вслед затем его приветствовали, как брата и будущего посвященного. Перед этими величавыми Учителями, вступивший в храм Изиды чувствовал себя словно в присутствии богов. Переросший себя самого, он входил в первый раз в область вечной Истины.

Глава IV

Озирис Смерть и Воскресение

Так вступал принятый ученик на порог Истины, и теперь начинались для него длинные годы труда и обучения. Прежде чем подняться до Изиды Урании, он должен был узнать земную Изиду, подвинуться в физических науках. Его время разделялось между медитациями в своей келье, изучением иероглифов в залах и дворах храма, не уступавшего по своей обширности целому городу, и уроками учителей. Он проходил науку минералов и растений, историю человека и народов, медицину, архитектуру и священную музыку.

В продолжение этого долгого ученичества он должен был не только приобрести познания, но и преобразиться, достигнуть нравственной силы путем отречения.

Древние мудрецы были убеждены, что человек может овладеть истиной лишь тогда, когда она станет частью его внутренней сути, естественным проявлением его души. Но в этой глубокой работе внутреннего творчества ученик предоставлялся самому себе. Его учителя не помогали ему ни в чем , и часто удивляли его своей наружной холодностью и равнодушием. В действительности же он подвергался самому внимательному наблюдению.

Его обязывали к самым неумолимым правилам, от него требовали абсолютного послушания, но перед ним не раскрывали ничего, переступающего известные границы. На все его тревоги и на все его вопросы отвечали одно: работай и жди". И тогда он поддавался вспышкам возмущения, горькому сожалению, тяжелым подозрениям. Не сделался ли он рабом смелых обманщиков, овладевших его волей для своих собственных целей?

Истина скрывалась от него, боги покидали его; он был одинок и в плену у жрецов храма. Истина являлась ему под видом сфинкса, и теперь сфинкс говорил: я – Сомнение! И крылатый зверь с бесстрастной головой женщины и с когтями льва уносил его, чтобы растерзать на части среди жгучих песков пустыни.

Но эти тяжелые кошмары сменялись часами тишины и божественного предчувствия. И тогда он начинал понимать символический смысл испытаний, через которые он проходил, когда вступал в храм, ибо темнее бездонного мрака того колодца, который грозил поглотить его, являлась бездна неизведанной истины; пройденный огонь был менее страшен, чем все еще сжигавшие его страсти. Ледяная и темная вода, в которую он должен был погрузиться, была не так холодна, как сомнения, затоплявшие его душу в часы духовного мрака.

В одном из зал храма тянулись в два ряда священные изображения, такие же, как те, что ему объясняли в подземной пещере в ночь первых испытаний; они изображали двадцать две тайны бытия. На этих тайнах, которые давали лишь угадывать на пороге оккультного обучения, основывалось все богопознание; но нужно было пройти через все посвящение, чтобы вполне понять их. С той первой ночи ни один из учителей не говорил с ними о них.

Ему разрешалось лишь прогуливаться в этой зале и размышлять над символическими изображениями. Он проводил там длинные часы уединения. Посредством этих образов, целомудренных и важных, невидимая и неосязаемая истина проникала медленно в сердце ученика. В немом общении с этими молчаливыми божествами без имени, каждое из которых казалось – стояло во главе одной из сфер жизни, он начинал испытывать нечто совершенно новое: сперва углубление в суть своего существа, а затем отделение от земного мира, как бы вознесение над всем земным.

От времени до времени он обращался к Посвященным с вопросом: "будет ли мне когда-нибудь дозволено вдохнуть розу Изиды и увидеть свет Озириса"? На это ему отвечали: "Это зависит не от нас, истину дать нельзя. Ее можно найти или внутри самого себя, или совсем не найти. Мы не можем сделать из тебя адепта, ты сам должен сделаться им. Лотос долго растет под водою, прежде чем раскроется его цветок, Не ускоряй раскрытия божественного цветка. Если раскрытие это должно совершиться, оно настанет в свое время. Работай и молись.

После этого ученик, одновременно и радостный и грустный, возвращался к своими занятиям и к своим размышлениям. Он испытывал суровое очарование этого одиночества, в котором словно проносилось дуновение вечного. Так протекали месяцы и годы. И он начинал чувствовать, как в нем медленно происходило преображение. Страсти, которые раньше осаждали его, удалялись от него словно угасающие тени, а мысли, окружавшие его в одиночестве, начинали приветствовать его как бессмертные друзья. Минутами он испытывал, как поглощалось его земное я и как возникало другое, более чистое и возвышенное. И в такие минуты он падал ниц перед ступенями закрытого святилища, и в нем не оставалось ни возмущения, ни желания, ни сожаления. Была лишь беззаветная отдача своей души божественному Началу, совершенное пожертвование своей личности неизменной истине. "О, Изида, молился он; душа моя – лишь слеза из твоих очей, и пусть падет она – подобно капле росы – на душу других людей, и пусть, умирая, я почувствую, как ее благоухание поднимается к Тебе. Я готов принести себя в жертву".

После одного из таких немых обращений, перед учеником, еще погруженным в восторг молитвы, возникал – подобно видению – образ иерофанта, величественный и светлый.

Учитель, казалось, читал в мыслях ученика и проникал в драму его внутренней жизни.

"Сын мой" говорил он, час приближается, когда истина будет открыта перед тобой, ибо ты уже предчувствуешь ее, спускаясь в свою собственную глубину и находя в ней божественную жизнь. Ты вступишь в общение с посвященными, ибо ты этого заслужил чистотою сердца, любовью к истине и силою отречения. Но, никто не переступал порога Озириса, не пройдя через смерть и воскресение. Мы будем сопровождать тебя в склепе. Не имей страха, ибо ты уже один из братьев наших".

В сумерки жрецы Озириса с факелами в руках сопровождали нового адепта в низкий склеп, поддерживаемый четырьмя столбами, укрепленными на сфинксах. В углу стоял открытый мраморный саркофаг. 9

"Ни один человек" говорил иерофант "не можете избежать смерти, и каждая живая душа подлежит воскресению. Адепт проходит живым через могилу, чтобы вступить еще при этой жизни в сияние Озириса."

"Ложись же в эту гробницу и ожидай появления света. В эту ночь ты должен побороть Страх и достигнуть порога Самообладания."

Адепт ложится в открытый саркофаг, иерофант протягивает руку, чтобы благословить его, и толпа посвященных удаляется в молчании из склепа. Маленькая лампа, поставленная на пол, освещает колеблющимся светом четырех сфинксов, поддерживающих приземистые колонны склепа. Раздается тихий хор голосов, печальный и заглушенный. Откуда доносится он? То – погребальное пение... Оно затихает, лампа бросает последний отблеск света и погасает совсем. Адепт остается один во мраке, холод могилы проникает в него, леденит его члены. Он проходит постепенно через все страдания смерти и впадает в летаргию. Его жизнь развертывается перед ним в последовательных картинах, а земное его сознание становится все более и более смутным. Но по мере того, как его тело цепенеет, эфирная его часть освобождается. Он впадает в экстаз.

Что это за блестящая отдаленная точка, которая появляется на черном фоне мрака? Она приближается, она увеличивается, она становится звездою о пяти концах, лучи которой переливаются всеми оттенками радуги и бросают в темноту снопы магнетического света. Теперь это уже солнце, втягивающее его в белизну своего раскаленного центра. Что это? Магия Учителей, вызывающая это небесное видение? Невидимое ли становится видимым? Или то предчувствие небесной истины, пылающая звезда надежды и бессмертия?

Она исчезает, и на ее месте раскрывается во мраке цветок, не материальный, но одаренный жизнью и душой, ибо он раскрывается перед ним подобно белой розе; он развертывает свои листки, и посвященному видно, как трепещут живые его лепестки и как краснеет его пламенеющая чашечка.

Это ли цветок Изиды, мистическая Роза мудрости, заключающая в сердце своем бессмертную Любовь? Но вот она бледнеет и тает, как благоухающее облако.

Тогда погруженный в экстаз чувствует себя обвеянным теплым и ласкающим дуновением. Сгущаясь в разнообразные формы, облако постепенно превращается в человеческий образы. Это – образы женщины, Изиды тайного святилища, но более молодой, сияющей и улыбающейся. Прозрачный покров обвивается вокруг ее тела, которое светиться сквозь тонкую ткань. В руке она держат свиток папируса. Она приближается тихо, склоняется над лежащим в саркофаге посвященным, и говорит ему: "я – твоя невидимая сестра, я – твоя божественная душа, а это – книга твоей жизни, Она заключаете страницы, хранящие повесть твоих прошлых существований, и белые страницы твоих будущих жизней. Придет день, когда я разверну их все перед тобою. Теперь ты узнал меня. Позови меня, я приду!" По мере того, как она говорит, лучи небесной нежности льются из ее глаз... Он видит в них обещание божественного, чудесное слияние с высшими мирами.

Но вот свет погасает, видение покрывается мраком. Страшное потрясение... и адепт чувствует себя как бы сброшенным в свое собственное тело. Он пробуждается из летаргического сна; все члены его сдавлены словно железными кольцами; страшная тяжесть давит его мозг; он пробуждается... и видит перед собой иерофанта с сопровождающей его свитой. Его окружают, ему дают выпить укрепляющее питье, он поднимается.

"Ты воскрес к новой жизни" говорит иерофант "идем вместе с нами на собрание посвященных и расскажи нами свое странствие в светлом царстве Озириса. Ибо отныне ты – наш брат".

Попробуем перенестись вместе с иерофантом и новым посвященным на обсерваторию храма в чудную, теплую египетскую ночь. Там глава храма передавал новому адепту великое откровение в образах *видения Гермеса.* Это видение не было записано ни на каком папирусе. Оно было отмечено символическими знаками на колоннах тайного склепа, известного одному главе иерофантов. От первосвященника к первосвященнику видение это передавалось устно.

"Слушай внимательно" говорил иерофант, "видение это заключает в себе вечную историю вселенной и круг всех вещей."

Глава V

Видение Гермеса 10

"Однажды Гермес, долго размышлявший над происхождением вещей, впал в забытье. Тяжелое оцепенение овладело его телом; но по мере того, как оно цепенело, дух его поднимался в пространства. И тогда ему показалось, что Существо, необъятное по размерам, без определенной формы, звало его по имени. – Кто ты? спросил Гермес в испуге. – Я, Озирис, верховный Разум, и я могу снять покров со всех вещей. Что желаешь ты видеть? – Я желаю созерцать источник всего сущего, я желаю познать Бога.

И немедленно Гермес почувствовал себя залитым чудным светом. В его прозрачных волнах проходили очаровательные тени всех существ. Но внезапно страшный мрак, наполненный ползучими тенями, опустился на него. Гермес был погружен во влажный хаос, полный испарений и зловещего шума. И тогда голос поднялся из глубины бездны. Это был *Призыв Света* . И вслед затем быстрый огонь устремился из влажных глубин в неизмеримые высоты эфира. Гермес поднялся за огнем в светлые пространства. Хаос свивался и развертывался в бездне; хоры светил сверкали над его головой, и *Голос Света* , наполнял бесконечность.

– Понял ли ты виденное тобой? – спросил Озирис Гермеса, плененного своей мечтой.

– Нет, ответил Гермес.

– Узнай же, что видела твоя душа. Ты видел пребывающее в вечности. Свет, виденный тобою вначале, есть божественный Разум, который все содержит своим могуществом и заключает в себе прообразы всех существ. Мрак, в который ты вслед затем был погружен, есть тот материальный мир, в котором живут обитатели земли. Огонь же, устремившийся из темных глубин, есть божественный Глагол. Бог – Отец, Глагол – Сын, их соединение есть Жизнь.

– Какое чудо происходит во мне! – воскликнул Гермес, я не вижу более телесными глазами, я вижу очами духа. Как могло произойти подобное чудо?

– Происходит оно потому, – отвечал Озирис, – что Глагол пребываете в тебе. То, что в тебе слышит, видит, действует, есть сам Глагол, священный Огонь, творческое Слово!

– Если это так, – сказал Гермес, – дай мне видеть жизнь миров, стезю душ, *откуда* приходит человек и *куда* он возвращается.

– Да будет по желанию твоему.

И тогда Гермес испытал снова притяжение к земле; он стал тяжелее камня и спустился подобно аэролиту, с страшной быстротой проносясь через пространство. Опустился он на вершине горы. Была ночь. Обнаженная земля была окутана мраком. Его члены казались ему тяжелыми, словно они были из железа.

– Подними глаза и взирай! – раздался голоса Озириса.

И тогда Гермес увидал чудное зрелище. Безграничное пространство – звездная твердь – окружала его семью сияющими сферами. Одним взглядом Гермес окинул семь небес, расширяющихся подобно семи прозрачным, концентрическим шарам, в звездном центре которых находился он сам.

Центр этот был опоясан млечным путем. В каждой сфере вращалась планета, сопровождаемая Гением, отличным по форме, знаку и свету. В то время как пораженный Гермеса созерцал их расцветание и их величавое движение, голос говорил:

– Взирай, слушай и понимай. Перед тобой семь сфер, обнимающие все ступени жизни. В их пределах происходит падение и восхождение душ. Семь Гениев суть семь лучей Глагола-Света. Каждый из них господствует над одной сферой Духа, над одной ступенью в жизни души. Ближайший от тебя есть Гений Луны, с беспокойной улыбкой, венчанный серебристым серпом. Он управляет рождениями и смертями. Он освобождает душу из тела и притягивает ее в круг своего влияния. Над ними бледный Меркурий указывает своим кадуцеем путь душами, спускающимся и поднимающимся. Еще выше, блистающая Венера держат зеркало Любви, в котором души попеременно забывают и узнают друг друга. Поверх ее Гений Солнца поднимает факел торжества вечной Красоты. Еще выше Марс потрясает мечем Правосудия. На престоле лазурной сферы, Юпитер держит скипетр верховного могущества, который есть Божественный Разум. На границах вселенной, под знаками зодиака, Сатурн несет державу всемирной Мудрости. 11

– Я вижу, – сказал Гермес, – семь областей, заключающих в себе мир видимый и невидимый; я вижу семь лучей Глагола-Света, единого Бога, который господствует посредством них. Но, о, Господи, как осуществляется странствие человека через все эти миры?

– Видишь – раздался голос Озириса, – светящийся посев, который ниспадает из пределов млечного пути в седьмую сферу? Это – зародыши душ человеческих. Он живут, как легкие облака в царстве Сатурна, счастливые, беззаботные, но не сознающие своего счастья. Но, опускаясь из сферы в сферу, он облекаются в оболочки все более тяжелые. В каждом воплощении он приобретают новое телесное чувство, соответствующее обитаемой среде. Их жизненная энергия увеличивается; но, по мере того, как они проникают в тела все более плотные, они теряют воспоминание о своем небесном происхождении. Так совершается падение душ, появляющихся из божественного Эфира. Все более и более закованные в матерью, все более опьяненные жизнью, он низвергаются, подобно огненному дождю, с содроганиями страсти, через области Страдания, Любви и Смерти, в глубину земной своей темницы. В такой же темнице и ты стонешь, удерживаемый огненным центром земли, и из этой темницы божественная жизнь представляется тебе лишь тщетным сном.

– Могут ли души умирать? – спросил Гермес.

– Да, – ответил голос Озириса, – многие погибают, спускаясь в матерью. Душа есть дочь небес, и ее странствие есть испытание. Если в своей безудержной любви к материи она потеряет воспоминание о своем происхождении, таившаяся в ней божественная искра, способная превратится в сияющую звезду, возвращается обратно в эфирное пространство, и душа рассеивается в вихрях грубых элементов.

При этих словах Озириса Гермес затрепетал, ибо страшная бушующая буря окружила его черным облаком со всех сторон. Семь сфер исчезли в густых туманах. Он увидал в них тени людей, бьющихся и испускающих страшные крики; их хватали и разрывали на части призраки чудовищ и животных посреди невыразимых стонов и проклятий...

– Такова – раздался голос Озириса – судьба душ неисправимо злых и низких. Их мучение кончается лишь с их уничтожением, которое есть потеря всякого сознания. Но взирай: туманы рассеиваются, семь сфер появляются вновь. Посмотри с этой стороны. Видишь ты этот рой душ, пытающийся подняться в лунную сферу? Одне из них падают на землю, сметенные вихрем, как стая птиц под напорами бури, другие, сильными движениями крыльев достигают высшей сферы, которая и увлекает их в своем вращении.

Достигая ее, души снова начинают узнавать божественное. Но на этот раз они не удовлетворяются возможностью отражать его в одних лишь мечтах о недостижимом счастье. Они проникаются им, впитывают его в себя, удерживают его с ясностью сознания, просветленного страданием, с энергией воли, выкованной в борьбе. Они становятся светлыми, ибо он хранят в себе божественное и излучают его в своих проявлениях. Укрепи же свою душу, Гермес, и да прояснится твой затуманенный дух, при виде этих летящих душ, поднимающихся до седьмой сферы и рассыпающихся там подобно снопам искр, ибо и ты можешь последовать за ними; для этого необходимо лишь одно: *желание подняться.*

– Взгляни, как они роятся и, описывая круги, соединяются в божественные хоры. Каждая приближается к *своему гению* . Наиболее прекрасные пребывают в области Солнца, наиболее сильные устремляются к Сатурну. И лишь немногие поднимаются до самого Отца, становясь среди совершенных сами совершенными; ибо там, где все кончается, все начинается вечно, и все семь сфер возглашают: "Мудрость! Любовь! Правосудие! Красота! Слава! Знание! Бессмертие!"

"Вот что видел древний Гермес", говорил иерофант, "и что передали нам его преемники. Слова мудреца подобны семи нотам лиры, заключающим в себе всю полноту музыки, вместе с числами и законами вселенной. Видение Гермеса походит на небо, неизмеримые глубины которого усеяны созвездиями. Для ребенка это – синий свод с золотыми гвоздями; для мудреца это – безграничное пространство, в котором вращаются миры в чудном и таинственном ритме. В этом видении заключаются знаки, числа и ключи, отмыкающие все сущее; чем более ты научишься созерцать и понимать это видение, тем более будут раздвигаться перед тобой его границы, ибо один и тот же основной закон управляет всеми мирами".

И пророк храма начинал объяснять священные тексты. Он сообщал, что доктрина Глагола-Света представляет Бога в состоянии *полного равновесия* ; он доказывал его тройственную природу, которая в одно и то же время и разум, и сила, и материя; дух, душа и тело; свет, глагол и жизнь. Сущность, проявление и вещество – вот что образует закон тройственного единства, сверху до низу действующий во всей вселенной.

Приведя, таким образом, своего ученика к идеальному центру мироздания, к началу творческому, Учитель развертывал его сознание во времени и пространстве и во всем разнообразии расцветания жизни, ибо вторая част видения Гермеса изображает Бога в *состоянии динамическом* , т.е. в процессе деятельной эволюции видимой и невидимой вселенной.

Семь сфер, соединенных с семью планетами, символизируют семь жизненных начал, семь различных состояний материи и духа, семь миров солнечной системы, через которые каждый человек должен пройти в течение своей эволюции. Семь Гениев или семь космогонических Божеств являются владыками и представителями каждой из семи сфер, при чем сами они представляют собою наивысшие плоды предшествующей эволюции.

Таким образом, каждое из Божеств было для древнего посвященного символом и покровителем легиона духов, воспроизводящих его тип в бесконечном разнообразии форм, и которое, из своей сферы, могло оказывать влияние на человека и на земные дела.

Семь Гениев видения Гермеса суть семь Дев Индии, семь Амешаспент'ов Персии, семь великих ангелов Халдеи, семь Сефирот 12 Каббалы, семь Архангелов христианского Апокалипсиса. И всеобщая семиричность нашей вселенной отражается не только в семи нотах гаммы, она проявляется также и в строении человека, который троичен по существу, но семиричен по своей эволюции. 13

"Таким образом", говорил иерофант, "ты проник до самого порога великой тайны. Божественная жизнь предстала пред тобой под призраками реальности. Гермес показал тебе невидимое небо, свет Озириса, Бога, скрытого во вселенной, дышащего миллионами душ, которыми он оживляет движущиеся планеты. От тебя зависит ныне избрать путь восхождения к царству чистого духа, ибо отныне ты принадлежишь к *воскресшим из мертвых* . Не забывай, что наука обладаете двумя главными ключами. Вот первый из них: "Внешнее подобно внутреннему; малое таково же, как и. большое; закон один для всего. Нет ничего малого и нет ничего великого в божественной экономии". Вот второй ключ: "Люди –

смертные боги, а боги – бессмертные люди". Счастлив тот, кто понимает эти слова, ибо поняв их, он овладеет ключом ко всему. Не забывай, что закон таинства покрывает собою великую истину. Полное знание можете быть открыто лишь тем из наших братий, которые прошли через те же испытания, что и мы. Раскрывать истину следует в меру разума, прикрывая ее перед слабыми, чтобы не свести их с ума, пряча ее от злых, чтобы они не могли схватить ее отрывки и сделать из них орудие разрушения. Замкни ее в сердце своем и да проявится она через дела твои. Знание будет твоей силой, вера – твоим мечом, а молчание – твоими непроницаемыми доспехами".

Откровения пророка Амона-Ра, который раскрывал перед новым посвященным столь обширные горизонты и давал ему понимание и собственной природы, и вселенной, производил без сомнения глубокое впечатление; особенно если иметь в виду, что они давались на обсерватории Фивского храма, в светлой тишине египетской ночи. Колоннады, крыши и белые террасы храмов дремали у его ног между темными чащами смоковниц и тамариндов. На берегу тихого озера колоссальные статуи богов стояли рядами, как неподкупные судьи, застывшие в задумчивом молчании.

Три пирамиды, геометрически изображавшие тетраграмм и священное семеричное число, поднимались на горизонте, выделяясь своими треугольниками в сероватом воздухе летней ночи. Неизмеримый небосвод сверкал мириадами звезд.

Как оживали перед душой ученика эти светила, место его будущего пребывания! И когда золотистый серп луны всплывал из-за темно-зеркальной поверхности Нила, который, подобно длинной голубоватой змее, терялся за горизонтом, молодому посвященному казалось, что он видит барку Изиды, несущую души усопших в сияние Озириса.

Он вспоминал содержание *Книги Мертвых* , и смысл всех этих символов разоблачался теперь перед его сознанием. После всего, что он увидел и узнал, он легко мог вообразить себя в сумрачной области *Аменти* , в таинственном междуцарствии, следующем за жизнью земной и предшествующему жизни небесной, где умершие, вначале лишенные зрения и речи, снова овладевают способностью видеть и говорить. И он также готов предпринять великое странствие, путь бесконечности через различные миры и многочисленные существования.

Уже Гермес оправдал его и признал достойным. Он дал ему разгадку великой тайны: "Единая душа, великая душа все это зачала, отделив от себя, все души, которые наполняют своим стремлением вселенную". Вооруженный знанием тайны, он вступал в барку Изиды. Она отправлялась в путь. Поднятая в эфирные высоты, она плавала в межзвездных пространствах. Уже могучие лучи великой зари пронизывали лазурные покровы небес, уже хоры просветленных духов, *Akhimou-Sekou* , достигших вечного покоя, пели: "Пробудись, *Ra-Hermakouti* ! Солнце духов! Находящиеся в барке объяты трепетом! Несутся возгласы от них, плывущих на *барке миллионов лет* . Великий божественный круг, славословя священную барку, наполняется радостью. Восторг проникает в таинственное святилище. О, поднимись *Ammon-Ra Hermakouti* ! Самотворящее Солнце!" На что посвященный отвечал следующими гордыми словами: "я достиг страны истины и оправдания. Я воскрес, как живой Бог, и я сияю в хоре Богов-Небожителей, ибо я из их породы".

Подобные гордые мысли и дерзновенные надежды посещали дух адепта в ночь, которая следовала за мистической церемонией воскресения из мертвых. На другой день, когда он ходил по аллеям храма, освещенным ослепительным солнцем, эта ночь казалась ему лишь сновидением, мечтой, но какой незабываемой мечтой осталось в его душе это первое проникновение в невидимые миры!

Снова читал он надпись на статуе Изиды: "Ни один смертный не поднимал моего покрывала". И все же один край покрывала был приподнят, хотя бы для того, чтобы немедленно опустится снова. Он же проснулся вновь в обители могил, и как бесконечно далеко казалось ему достижение его сна, ибо долог путь, совершаемый на *барке миллионов лет* ! И, тем не менее, он все же проникнул в тайну конечной цели. Его видение потустороннего мира могло быть лишь сном, незрелым наброском воображения, еще отяжелевшего от испарений земли, но мог ли он сомневаться в этом новом сознании, раскрывавшемся внутри его, в этом таинственном двойнике, в этом божественном Я, которое появилось перед ним в своей сияющей красоте как живой образ, говоривший с ним во время его сна? Была ли то родная ему

душа, был ли то его Гений, или это было лишь отражение скрытой глубины его духа, предчувствие его будущего бытия?

Это чудо и эта тайна были все же реальностью, и если это была его собственная душа, она все же была его истинной душой. Что бы снова найти ее, чего бы ни сделал он! И если бы он жил тысячелетия. он не мог бы забыть этого божественного часа, когда увидел свое истинное Я, сияющее и чистое. 14

Посвящение было окончено. Адепт был посвящен в жрецы Озириса. Если он был египтянин, он оставался при храме. Чужеземцу же дозволялось иногда вернутся на родину, чтобы основать там новый культ или выполнит ту или иную миссию. Но, прежде чем отправиться, он давал торжественный обет сохранять абсолютное молчание относительно всех храмовых тайн. Он не должен был выдавать никогда и никому то, что видел и слышал, ни раскрывать учения Озириса иначе, как под тройным покровом мистерий или мифологических символов. Если он нарушал клятву, роковая смерть настигала его рано или поздно, где бы он ни был, тогда как ненарушенное молчание становилось щитом его силы.

Возвратившись на берега Ионии в свой кипучий город, живя среди толпы людей, находившихся под властью своих страстей и не сознававших своего истинного я, он часто возвращался мыслью в Египет, к пирамидам, к храму Амона-Ра. И тогда к нему возвращались видения склепа. И так же, как белый лотос качается над волнами Нила, так и это чудное белое видение всплывало над мутной поверхностью волнующейся земной жизни. В часы вдохновения он слышал голос, и это был голоса Света. Пробуждая в глубин его существа сокровенную музыку, он говорил ему:

"Душа есть свет, закрытый покрывалом; когда за ним нет ухода, свет темнеет и гаснет, когда же он поддерживается – как светильник маслом – святой любовью, он разгорается в неугасимую лампаду".

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.
Моисей.

(Миссия Израиля).

глава I. Монотеистическое предание и патриархи пустыни.

Предание столь же древнее, как и сознание человечества; вызванное вдохновением, оно затеривается во мраке веков. Достаточно просмотреть внимательно священный книги Ирана, Индии и Египта, чтобы убедиться, что основные идеи эзотерического учения составляют их сокровенный нерушимый фундамент. В них заключена невидимая еуша7 творческое начало этих великих религий.

Bet могучие основатели религий проникали хотя бы на мгновенья в сияние центральной истины; но свет, который они извлекли из неё, преломлялся и окрашивался сообразно их гению и сообразно временам и странам, в которых осуществлялась их миссия.

Мы прикоснулись к арийскому посвящение вмести с Рамой, к браманическому вместе с Кришной, к посвящению Изиды и Озириса с жрецами 8ив.

Можно ли отрицать, после всего указанного нами, что духовное начало Бога, лежащее в основе монотеизма и единства природы, было известно браманам и жрецам Аммона-Ра? Несомненно, что они не вызывали вселенную к жизни посредством внезапного акта творчества, благодаря произвольной прихоти её Творца, как это делают наши наивные теологи. Нет, они извлекали последовательно и постепенно, основываясь на божественной эманации и на законе эволюции, видимое из невидимого, проявленную вселенную из неизмеримых глубин живого Бога. Двойственность мужского и женского начала исходила из первичного единства, троичность человека и вселенной из творческой тройственности и т. д. Священный числа составляли j вечный глагол, ритм и орудие Божественности.

Проводя эти идеи с ясностью и силой перед сознанием посвящаемого, браманы и жрецы вызывали в нем понимание сокровенного строения вселенной по аналогии с строением самого человека, подобно тому, как верная нота, вызванная смычком, проведенным по покрытому песком стеклу, начертывает на нем в малом виде

те же гармонически формы вибраций, как её наполняют своими звуковыми волнами необъятный воздушные пространства. , Но эзотерический монотеизм в Египте не выходил никогда, из пределов святилищ. Священная наука была там привиллегией , самого ограниченного меньшинства. Внешние враги начинали пробивать бреши в этом древнем оплоте цивилизации. В эпоху, о которой пойдет сейчас речь, в XII столетии до Р. X., Азия погружалась в культ материальности. И Индия быстро подвигалась к своему упадку. Могучее государство возникло на берегах Тигра и Евфрата. Вавилон, этот страшный колосс среди городов, производил огромное впечатление на кочевые народы, которые бродили вокруг. Ассирийские цари объявили себя властителями четырех частей света и мечтали распространить свое царство по всему Миру. Они завоевывали народы, изгоняли их целыми массами, употребляли их на защиту своих границ и натравливали их друг на друга.

Человечески права и религиозные принципы были ничто для преемников Нина и Семирамиды, единственным законом которых было беспредельное личное честолюбие. Наука халдейских жрецов была глубока, но в то же время она была менее чиста, менее возвышенна и действительна, чем наука жрецов египетских. В Египте I власть не разрывала своей связи с наукой. Жреческое влияние действовало обуздывающим образом на царскую власть. Фараоны оставались учениками Посвященных и никогда не превращались в ненавистных деспотов, какими были цари Вавилона.

Там, наоборот, раздавленное жреческое сознание делалось орудием царской тирании. На одном из барельефов Ниневии изображен Немврод в виде могучего великана, задушившего мускулистыми руками молодого льва, которого он прижимает к своей груди. Это красноречивый символ: он означает, что монархи Ассирии задушили Иранского льва, героический народ Зороастра, уничтожив его первосвященников, разрушив его оккультные школы, обложив тяжелыми податями его царей.

Если считать, что святые (риши Индии и жрецы Египта содействовали своей мудростью проявление Божественною Провидгьнея на земле, можно сказать, что господство Вавилона являлось символом Рока—силы слепой и жестокой. Вавилон сделался таким образом тираническим центром всемирной анархии, сосредоточенной социальной бури, которая охватила Азию своими вихрями, страшным, неподвижным оком судьбы, всегда открытым, как бы подстерегающим народы, чтобы их поглотить.

Что мог сделать Египет против этого стремительного насильнического потока? Перед тем, его едва не поглотили Гиксы; Египет мужественно сопротивлялся, но это сопротивление не могло длиться бесконечно. Еще шесть веков, и персидский циклон, последовавший за вавилонским нашествием, смел с лица земли его храмы и его фараонов. Египет, обладавший в высокой степени гением посвящения и отличавшийся консервативностью, никогда не проявлял наклонности к расширению и пропаганде.

Неужели же накопленные сокровища его науки должны были погибнуть? Большая часть их была погребена под песками, и когда появились Александрийцы, они в состояли были откопать лишь частицы погибших сокровищ. И тогда два народа, одаренные противоположными гениями, зажгли свои факелы в восстановленных Александрийцами святилищах, и факелы эти изливали два потока света, один из которых освещал глубины неба, другой—преображал своим сияньем землю: первый—был гений Израиля, второй—гений Греции.

Большое значение израильского народа для человечества обусловлено двумя причинами: первая состоит в том, что он дал Миру ;

единобожие, вторая—в том, что от него произошло христианство. Но вся миссия Израиля, во всей её целости, становится понятной только тому, кто узнает, что в символах Древнего и Нового Завета заключается все эзотерическое предание прошлого, хотя и в форме значительно поврежденной—в особенности Ветхий Завет—многочисленными редакциями и переводчиками, из которых большинство не понимало первоначального смысла этих символов. Только для разобравших их внутренний смысл

станет ясным роль Израиля в мировой истории, ибо этот народ является необходимым звеном между древним и новым циклом, между Востоком и Западом.

Идея единобожия должна иметь своим последствием объединение человечества под господством единого Бога и единого закона. Но эта идея не в состоянии осуществиться, пока представители теологии стараются удержать Бога на уровне, пригодном для детей , а люди науки или не признают, или отрицают Его; пока это положение вещей не изменится, нравственное, общественное и религиозное единство нашей планеты останется лишь добрым пожеланием или безжизненным догматом, не способным осуществиться. \

Наоборот, подобное органическое единство становится вполне возможным, если в божественном Начале будет признан ключ к пониманию как мира и жизни, так и эволюции человека и общественности.

И само христианство появляется перед нами во всей своей высоте и всемирности лишь тогда, когда перед нами раскрывается вся его эзотерическая сторона. Тогда лишь предстанет оно перед нашим сознанием как результат всего предшествовавшего, как сокровищница, заключающая в себе и принципы, и цели, и средства всеобщего возрождения человечества. Лишь раскрывая перед нами полноту своих мистерий, христианство станет тем, чем оно может быть в действительности: религией всеобщего вселенского посвящения. Моисей, египетский посвященный и жрец Озириса, был несомненно учредителем единобожия. Через него этот принцип, скрытый до него под тройным покрывалом мистерий, вышел из глубины храмов на поверхность, чтобы начать свое открытое воздействие на историю человечества. Моисей с мужеством смелого гения сделал из высочайшей идеи посвящения единый догмат национальной религии, и в то же время он выказал мудрую осторожность, открыв всю глубину её лишь небольшому числу посвященных, народной же массе, еще не подготовленной, он ту же идею внушал последствием страха перед единым Богом. В этом пророк Синая имел, очевидно, очень отдаленный цели, которые на много превышали судьбу его собственного народа. Единая, вселенская, всемирная религия человечества—вот к чему сводится истинная миссия Израиля, которая была понята вполне лишь его великими пророками.

Но чтобы эта миссии могла осуществиться, нужно было пожертвовать народом, который являлся её представителем. Еврейская нация была рассеяна по лицу земли и уничтожена, как народность. Но идея Моисея и пророков продолжала жить и расти. Преображенная посредством христианства, возобновленная—хотя и на низшей ступени. Исламом,—она должна была оказать воздействие на варваров Запада и повлиять отраженным образом и на Азию.

И с этих пор, что бы ни случилось с человечеством, как бы оно не возмущалось и не боролось против своего собственного духа, сознание его не перестанет вращаться вокруг этой центральной идеи, как туманность вращается вокруг солнца, которое организует ее. Вот в чем состояло великое дело Моисея.

Для осуществления этого предначертания, величайшего со времен доисторического пришествия Арийцев, Моисей нашел уже

готовое орудие в еврейских племенах, в особенности в том из них, которое водворилось в Египте, в долин Гошена, и жило там в рабстве под именем Бене Иакова. Предшественниками Моисея в деле водворения единобожия были те кочующие мирные цари, которых Библия рисует нам под образом Авраама, Исаака и Иакова.

Посмотрим же, что представляют собою эти Евреи и их патриархи. А затем, попробуем освободить образ их великого пророка от миражей пустыни, сея мрачными ночами на горе Синая, где гремели раскаты грома легендарного Иеговы.

За много тысячелетий были известны эти неутомимые кочевники, эти вечные изгнанники под именем Ибримов. Братья Арабов, Евреи, как и все Семиты, представляют собою древнюю помесь белой расы с черной. Их видели кочующими с места на место на севере Африки под именем Бодонов (Бедуины, вечно без крова и убежища, разбивающими свои подвижные палатки в обширных пустынях между

Красным морем и Персидским заливом, между Ефратом и Палестиной. Аммониты, Эламиты или Эдомиты, все они отличались одними и теми же признаками. Средством передвижения служили для них верблюд и осел, жилищем—палатка, единственным богатством их были стада, такие же бродячие, как и они сами, питающиеся на чужой земле.

Подобно предкам своим Гиборимам, подобно первобытным Кельтам, эти непокорные племена чувствовали отвращение к обтесыванию камня, к укрепленным городам, к податям, к подневольным работам и к каменным храмам. И рядом с этим, чудовищные города Вавилона и Ниневии с их гигантскими дворцами, с их преступной роскошью и с их мистериями, производили на этих дикарей непреодолимое очарование.

Привлекаемые от времени до времени этими каменными темницами, заманиваемые солдатами ассирийских царей в ряды их войск, они безудержно предавались вавилонским оргиям. Иногда сыны Израиля бывали соблазняемы женщинами из племени Моавитов, смелыми обольстительницами, славившимися ярким блеском своих глаз. Они заставляли их поклоняться своим идолам из камня и дерева, увлекая их вплоть до страшного культа Молоха. Но кончалось всегда тем, что жажда пустыни захватывала их снова и тогда они бросали все и убегали на её простор.

Возвратившись в суровые долины, где не было слышно ничего, кроме рева диких зверей, в необъятные степи, где можно было направлять свой путь лишь по небесным созвездиям, и где не было другого освещения кроме светил, перед которыми преклонялись их предки, люди эти начинали стыдиться самих себя, и если при этом один из их патриархов начинал вдохновенно говорить об едином Боги, Элоим, Саваое, о Владыке небесного воинства, который все видит и не преминет наказать виновного,—эти большие дети, пламенные и дикие, склоняли голову, приникали молитвенно к земли и позволяли вести себя, как стадо послушных овец.

И постепенно эта идея великого Элоима, Бога единого и всеоблемлющего, наполняла их душу. Что же представляли из себя в действительности патриархи? Аврам, Авраам или отец Орам был царем Ура, халдейского города, невдалеке от Вавилона. Ассирийцы изображали его, по преданию, сидящим в кресле с видом благоволения . Эта древняя личность, перешедшая в мифологии всех народов, упоминаемая Овидиом , в библейском рассказ переселяется из Ура в землю Ханаанскую по велению Господа: «Господь явился Аврааму и сказал ему: Я, Бог Всемогущий, ходи предо Мною и будь непорочен; и поставлю завет Мой между Мною и тобою и между потомками твоими после тебя в роды их, Завет вечный в том, что Я буду Богом твоим и потомков твоих, после тебя» (Бытие, гл. XVII, ст. 7).

Это место, переведенное на язык наших дней, означает, что древний начальник Семитов, по имени Авраам, получивший по всей вероятности халдейское посвящение, был руководим внутренним голосом, который внушил ему вести племя свое к Западу и внедрить в него культ Элоима.

Имя Исаака, своей приставкой Ис указывает на египетское и посвящение, тогда как имя Иакова и Иосифа заставляет предполагать финикийское происхождение. Как бы то ни было, можно думать, что три патриарха были тремя родоначальниками различных племен, живших в разные эпохи. Много времени спустя после Моисея, израильская легенда соедини на их в одну семью. Исаак превратился в сына Авраама, а Иаков в сына Исаака. Этот способ изображать духовное родство родством физическим был в большом употреблены у древних священнослужителей.

Из этой легендарной генеологии выступает один важный факт:

преемственная связь культа единобожия у всех посвященных патриархов пустыни. Что патриархи имели внутренне предуведомлена и духовные откровения под видом снов, а иногда и под видом видений в состояли бодрствования, в этом нет ничего противоречащего эзотерической науке или мировому психическому закону, который господствует над душами и мирами. Эти явления передаются в библейских рассказах в наивной форме посещения ангелов, которым предлагают угощение в палатке.

Обладали ли эти патриархи глубоким прозрением в духовность и божественного Начала и великой для человеческого бытия? Без вся кого сомнения. Уступая в положительных знаниях как халцейским магам,

так и египетским жрецам, они превышали их— по всей вероятности—той нравственной высотой и широтой души, которые являются обычным спутником бродячей и свободной жизни.

Для них божественный порядок, посредством которого Элоим управляет вселенной, переходить в патриархальный семейный строй, в уважение к своим женщинам, в страстную любовь к потомству, в попечение обо всем племени, в гостеприимство по отношению чужеземцев. Патриархи были естественными посредниками между семьей и племенем; посох патриарха являлся одновременно и жезлом правосудия. Влияние их было цивилизующим и дышало кротостью и миром. Но от времени до времени, сквозь легенду о патриархах просвечивает и эзотерическая идея. Так, когда Иаков видел в видение лестницу с Элоимом на вершин, по которой всходили и нисходили ангелы, в этом видении можно узнать иудейский вариант видения Гермеса и учения о восходящей и нисходящей эволюции душ.

Исторический факт величайшего значения, относящийся до эпохи патриархов, дается нам двумя библейскими стихами. Дело идет о встрече Авраама с собратом по посвящению. После окончания войны с царями Содома и Гоморры, Авраам идет засвидетельствовать свое почтение Мельхиседеку. Этот царь имел свое пребывание в крепости, которая позднее получила название Иерусалима. «Мельхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино—он был священник Бога Всевышнего—и благословил его и сказал: благословен Авраам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли». (Бытие XIV, 18, 191. Здесь мы имеем царя Салимского, который в то же время и первосвященник того же Бога, которому поклоняется и Авраам. Последний относится к Мельхиседеку как к высшему, как к господину, и сообщается с ним при посредстве хлеба и вина во имя Элоима, что в древнем Египте было знакомь общения между посвященными. Была, следовательно, братская связь и существовали условные знаки и общая цель у всех поклонников Элоима от пределов Халдеи до Палестины, и вплоть до некоторых святилищ Египта.

Эта невидимая монотеистическая цепь ожидала только своего организатора.

Таким образом, между крылатым Быком Ассирии и Сфинксом Египта, издали охранявшим пустыню, между давящей тиражей и непроницаемой тайной посвящена, выдвигались избранные племена Абрамитовь, Иаковитов и БенеИзраилей.

Они спасаются бегством от разнузданных пиршеств Вавилона, они отворачиваются от орпй Моавитов, от ужасов Содома и Гоморры, от чудовищного культа Ваала. Под защитой патриархов, племена эти следуют по дорог, отмеченной оазисами с редкими источниками и стройными пальмами. Под палящим зноем дня, под пурпуром заката и под покровом сумрака, теряются они длинной лентой в необъятности пустыни, над которой властвует Элоим. Женщины и дети не знали цели своего вечного передвижения, но все подвигались вперед, уносимые безропотными, терпеливыми верблюдами. Куда стремились они в своем вечном движении? Про то знали патриархи, о том поведает им Моисей.

глава II. Посвящение Моисея в Египте.—Его бегство к Иофору.

Рамзес II был одним из великих монархов Египта. Его сын носил имя Менефта. По обычаю египетскому, он получил свое образование у жрецов, в храме Аммона-Ра в Мемфисе, ибо в те времена искусство царствовать рассматривалось как ветвь священнической науки. Менефта был в молодости робок, любопытен, и обладал ограниченными умственными способностями. Им владела мало просветленная страсть к оккультным наукам, которая и толкнула его позднее во власть магов и астрологов низшей ступени. Товарищем по учению он имел молодого человека, одаренного острым гением и сильным, замкнутым характером.

Хозарсиф считался двоюродным братом Менефты, сыном царственной сестры Рамзеса II. Был ли он родным сыном или приемным,
об этом нет верных сведений.

Хозарсиф был, прежде всего, сыном египетского храма, выросшим под сенью его колонн. Посвященный Изиде и Озирису своею матерью, он провел свое отрочество среди священников,

принимал участие во всех священных праздниках, в жреческих процессиях, носил иудей, чашу или кадильницу, внутри же храма, серьезный и внимательный по природе, он постоянно прислушивался к священной музыке, к гимнам и к глубоким поучениям жрецов.

Хозарсиф был небольшого роста, вид у него был смиренный и задумчивый; отличительной чертой его наружности был широкий лоб и черные, пронизывающие глаза с глубоким и пристальным выражением, вызывавшим тревогу. Его прозвали «молчальником», до того он был сосредоточен и так редко он говорил. Разговаривая, он часто заикался, как бы подыскивая слова и как бы боясь высказать свою мысль. Он казался застенчивым, но от времени до времени, подобно вспышке молнии, великая идея вырывалась у него, оставляя после себя сверкающе слбд. И тогда становилось ясным, что если «молчальнике» начнет действовать, он проявит устрашающую смелость. уже в молодости между бровями его появилась та роковая складка, которая отличает человека, предназначенного для трудного подвига; казалось, что на его лбу как бы застыла грозовая туча.

Женщины боялись взгляда молодого жреца, бесстрастного и непроницаемого, как запертая дверь, ведущая в храм Изиды. Можно подумать, что он предчувствовали врага женской стихии в этом будущем основателе религии, мужское начало которой обладало всем, что в нем есть наиболее абсолютного и наиболее непреклонного.

Между тем, его мать, дочь фараона, мечтала о царской власти для него. Хозарсиф был несравненно умней Менефты; с помощью жрецов он мог надеяться взойти на трон Египта. Правда, по обычаю страны, фараоны назначали своих преемников из числа своих собственных сыновей. Но, от времени до времени, в интересах государства, жрецы отменяли постановление фараона после его смерти. Не раз они устраняли от трона недостойных и слабых и вручали скипетр одному из посвященных царской крови. Менефта с самого начала завидовал своему двоюродному брату;

Рамзес не выпускал из вида молодого молчаливого жреца и не доверял ему.

Однажды, мать Хозарсифа встретила своего сына в Серапеум Мемфиса, огромной площади, усеянной обелисками, мавзолеями, большими и малыми храмами, триумфальными пилонами—нечто в роди огромного музея национальной славы под открытым небом, вход в который пролегал по аллее из шестисот сфинксов. Увидав свою царственную мать, жрец склонился до земли и ждал по обычаю, чтобы она первая заговорила с ним.

— Настало для тебя время проникнуть в мистерии Изиды и Озириса,—сказала она.—В течете долгого времени я не увижу тебя, мой сын. Но не забывай никогда, что в тебе—кровь фараонов, и что я—твоя мать. Посмотри вокруг... Если ты захочешь, со временем... все это будет принадлежать тебе!

Говоря это, она указала на окружающие обелиски, дворцы, Мемфис, и на весь видимый горизонт.

Улыбка презрения скользнула по лицу Хозарсифа, в обыкновенное время неподвижному, как лик, вылитый из бронзы.

— Ты хочешь,—сказал он,—чтобы я властвовал над этим народом, поклоняющимся богам с головою шакала, ибиса и пены? От всех этих идолов, чтб сохранится через несколько веков?

И Хозарсиф, наклонившись, поднял пригоршню песка и, пропуская его между тонкими пальцами перед своей удивленной матерью, сказал «вот что останется от них».

— Ты презираешь религию наших отцов и науку наших жрецов?—спросила она.

— Наоборот, я стремлюсь к ней. Но пирамида неподвижна. Нужно, чтобы она двинулась вперед. Я никогда не буду фараоном. Моя родина далеко отсюда... Она—там, в пустыне!

— Хозарсиф!—воскликнула дочь фараона с упреком.—Зачем кощунствуешь ты? Огненный вихрь зародил тебя в моем лоне и я вижу, грозовая сила унесет тебя от меня! Я родила тебя на свет, и я же не знаю тебя! Во имя Озириса, скажи: кто ты и что ты собираешься делать?

— Могу ли я это знать? Один Озирис знает. Он научит меня, когда настанет время. А ты, мая мать, дай мне свое благословение, чтобы Изида покровительствовала мне и чтобы земля Египта оказалась благоприятной для меня.

Хозарсиф преклонил колена перед своей матерью и, скрестив руки на груди, склонил голову.

Сняв с чела цветок лотоса, который она носила по обычаю женщин храма, она подала его своему сыну, и поняв, что мысль его останется для нее вечной тайной, она удалилась, шепча молитву.

Хозарсиф прошел победоносно все посвящение Изиды. С душой непоколебимой, с железной волей, он шутя перенес все испытания. Владея синтетическим гением, он проявил силу гиганта в понимании и владении священными числами, применительный символизм которых был в те времена безграничен. Его дух, презиравший видимости и временные личные интересы, дышал свободно лишь на высоте вечных идей. С этой высоты он спокойно и уверенно проникал во все явления, над всем господствовал и не проявлял при этом ни желания, ни возмущения, ни любопытства.

Для своих учителей, так же как и для своей матери, Хозарсиф оставался загадкой. Что их особенно поражало—это его цельность и непоколебимость. Они чувствовали, что его нельзя ни согнуть, ни свернуть с намеченного пути. Он шел по этому неизвестному для них пути с такой же неуклонностью, с какой небесные светила следуют по своей невидимой орбит. Первосвященник Мембра захотел узнать, до каких пределов простирается его глубоко сосредоточенное честолюбие. Однажды, Хозарсиф с тремя другими жрецами Озириса нес золотой ковчег, который предшествовал первосвященнику во всех больших религиозных церемониях. Этот ковчег заключал в себе десять наиболее сокровенных книг храма, в которых заключалась священная наука магии и теургии.

Возвратившись в святилище вместе с Хозарсифом, Мембра сказал ему:

— Ты—из царского рода. Твоя сила и твое знание превышают твой возраст. Чего добиваешься ты?

— Ничего, кроме вот этого.—И Хозарсиф положил руку на священный ковчег, прикрытый сверкающими крыльями литых из золота символических птиц.

— Следовательно, ты хочешь стать первосвященником Аммона-Ра и пророком Египта?

— Нет, я хочу знать, что заключено в этих книгах.

— Как же узнаешь ты их содержание, раз никто, кроме

первосвященника, не может знать его? / — Озирис говорить когда хочет, как хочет, и кому хочет. Заключенное в этом ковчег лишь мертвые книги. Если Дух за

хочет говорить со мною, Он заговорит.

— Что же думаешь ты предпринять для достижения твоей цели?

— Ждать и повиноваться.

Эти ответы, переданные Рамзесу, усилили его недоверие. Он начал страшиться честолюбии Хозарсифа, думать—как бы он не отнял трон у сына его Менефты. Вследствие этого фараон приказал, чтобы сын его сестры был назначен священным писцом храма Озириса. Эта важная должность приводила занимающего ее в соприкосновение с символизмом под всеми его формами, с космографией и астрономией; но в то же время она удаляла его от трона. Сын дочери фараона предался с обычным ему

жаром и с обычной покорностью своей обязанности кирограммата, с которой соединялась также и должность инспектора различных областей или провинций Египта.

Обладал ли Хозарсиф той гордостью, которую приписывали ему? Да, если можно назвать гордостью, когда плененный лев поднимает голову и, не видя ближайшего, устремляет свой взор на далекий горизонт, теряющийся позади железных запоров его клетки. Да, если можно назвать гордостью, когда прикованный орел трепещет в неволе и, вытянув шею и развернув крылья, устремляет свой орлиный взор к солнцу. Как все сильные, отмеченные для великого подвига, Хозарсиф не подчинялся слепому року; он чувствовал, что неисповедимое Провидите бодрствует над ним и приведет его к намеченным целям.

В то время, когда Хозарсиф выполнял должность священного писца, его послали на проверку начальников провинций Дельты. Евреи, данники Египта, жили тогда в долине Гесем, выполняли тяжелые общественные работы. Рамзес II решил соединить Пелузий с Гелюполисом целой цепью крепостей. Всё провинции Египта обязаны были представить определенное число рабочих для выполнения этого гигантского предприятия. Самые тяжелые работы доставались при этом на долю Израиля; люди этого племени должны были по преимуществу обтесывать камни и делать кирпичи. Независимые и гордые, они не подчинялись так легко, как туземцы, египетским надсмотрщикам, и когда над ними поднималась их палка, они выражали возмущение, иногда даже отвечая ударом на удар. Жрец Озириса не мог отрешиться от тайной симпатии к этим непокорным, с «непреклонной волей», старейшины которых, верные преданию Абрамидов, преклонялись перед единым Богом, почитали своих хаюв и своих закенов, и в то же время сопротивлялись под ярмом рабства и протестовали против несправедливости.

Однажды Хозарсиф увидел как египетский надсмотрщик осыпал ударами беззащитного еврея. Сердце его загорелось; он бросился на египтянина, вырвал у него оружие и убил его наповал. Это убийство, произведенное под влиянием благородного гнева, решило его судьбу. Жрецы Озириса, виновные в убийств0, были строго судимы всей жреческой коллегией. И без того фараон подозревал в сыне своей сестры будущего похитителя престола. Жизнь его висела на волоске. Он предпочел покинуть родину и сам назначить себе искупление своего греха. Все толкало его в одиночество пустыни, в обширное неизведанное: его тайное желание, предчувствие его миссии и более всего тот внутренний голос, таинственный и непреодолимый, который говорил ему: «Иди, там твое назначение».

По ту сторону Красного моря/ и Синайского полуострова, в стране Мадиамской, находился храм, не зависевший от египетских жрецов. Эта область простиралась зеленой лентой между Эламитским заливом и Аравийской пустыней. Издали, по ту сторону морского залива, виднелись темные массы Синая и его обнаженная вершина. Заключенная между пустыней и Красным морем, защищенная

вулканическим гребнем, эта уединенная страна была в безопасности от вторжений.

Упомянутый храм был посвящен Озирису, но в нем же поклонялись Богу и под именем Элоима, ибо это святилище, эфиопского происхождения, служило религиозным центром для Арабов, , для Семитов, а также и для представителей черной расы, искавших посвящена.

В течение целых веков горы Синай и Хорив представляли собой мистический центр культа единобожия. Величественный вид, обнаженный и дикий, горы Синая, одиноко возвышающиеся между Египтом и Аравией, вызывал идею Единого Бога. Множество Семитов стекалось сюда для поклонения Элоиму. Они проводили несколько дней в посте и молитв в глубине пещер и галерей, высеченных внутри Синая. Перед этим они подвергались очищению и получали наставления в храме Мадиамском.

Здесь-то и нашел убежище Хозарсиф.

Первосвященником Мадиамским или Рагуилом был в то время «Иофор». Он принадлежал к наиболее чистому типу древней эфиопской расы , которая за четыре или пять тысяч лет до Рамзесов господствовала над Египтом и которая еще не забыла своих преданий, доводивших её происхождение до самых древнейших рас. Иофор не обладал ни выдающимися вдохновениями, ни деятельной

энергией, но он был большим мудрецом. Он владел сокровищами знании, накопленными в его памяти и вырезанными на камне в Мадиамском храме. Кроме того, он был защитником обитателей пустыни: Ливийцев, Арабов, кочевых Семитов.

Эти вечные странники, никогда не изменявшие своему смутному стремлению к Единому Богу, представляли собой нечто постоянное среди изменявшихся культов и сменявших одна другую цивилизаций. В них чувствовалось как бы присутствие Вечного, как бы отражение отдаленных веков, как бы запасное войско Элоима. Иофор был духовным отцом этих непокорных, свободолюбивых скитальцев. Он знал их душу и предчувствовал их судьбу.

Когда Хозарсиф попросил у него убежища во имя Озириса Элоима, он встретил его с распростертыми объятиями. Возможно, что он угадал судьбу этого человека, предназначенного стать пророком изгнанников, вождем народа Божьего.

Прежде всего, Хозарсиф решил подвергнуть себя искуплению греха, которое закон посвященных предписывал убийц из своей среды.

Когда посвященный совершал убийство, даже если бы оно было и невольное, он признавался потерявшим преимущество преждевременного воскресения из мертвых в <сияние Озириса», преимущество, достигаемое благодаря испытаниям посвящения, которое поднимало его высоко над обыкновенными смертными. Чтобы искупить свое преступление, чтобы восстановить свой внутренний свет, он должен был пройти через испытания гораздо более страшные, подвергнуть себя еще раз опасности смерти. Поели продолжительного поста, посредством особым образом приготовленного питья, посвященного погружали в летаргический сон; затем его оставляли в склепе храма. Он оставался там несколько дней или даже несколько недель . В это время он должен был совершить странствие в потусторонним мир, Эребе или области Аменти, где «плавают» души мертвых, еще не вполне отделившиеся от земной атмосферы.

Там он должен был найти свою жертву, подвергнуться всем её страданиям, получить её прощенье и помочь ей найти путь к Свету. Лишь после этого его считали искупившим свой грех, омывшим свое астральное тело от черных пятен, которыми его загрязнили проклятия и отравленный дух его жертвы.

Но из этого странствия согрешивший мог и совсем не возвратиться, и случалось, что когда жрецы появлялись в склеп, чтобы пробудить искупавшего свой грех из глубокого сна, они на его месте находили лишь труп.

Хозарсиф не колеблясь подверг себя этому испытанию. Под влиянием убийства, совершенного им, он понял неизменность законов духовного порядка, вызывающую глубокое смятение в глубине человеческой совести, когда законы эти нарушены. С полным самоотречением предложил он себя в жертву Озирису, прося об одном: если суждено ему вернуться на землю, да будет ему дана сила проявить закон справедливости.

Когда Хозарсиф пробудился от страшного сна в подземелье храма Мадиамского, он почувствовал себя преображенным. Его прошлое было словно отрезано от него. Египет перестал быть его родиной и перед ним развернулась необъятность пустыни с её кочующими племенами, развернулась как предназначенное для него поле деятельности. Он смотрел на гору Элоима, возвышавшуюся на горизонте, и в первый разе—подобно видению грозовой бури в молниеносных облаках Синая—сознание его миссии пронеслось перед его душою: создать из этих подвижных племен сильный народ, , и способный отстоять закон Единого Живого Бога посреди идолопоклонства и всеобщей анархии народов,—народ-воин, который понесет в будущие времена истину, сокрытую в золотом ковчеге посвящения.

В этот день, чтобы отметить новую эру своей жизни, Хозарсиф принял имя Моисей, что значить Спасенный.

глава III. Сефере-Берешит.

Моисей женился на Сепфор, дочери Iофора, и оставался много лет вблизи мудреца Мадиамского. Благодаря эфиопским и халдейским преданиям, которые он нашел в его храм, он мог дополнить и проверить все то, что узнал в святилищах египетских, мог расширить свой взгляд на древнейшие циклы человечества и проникнуть пророчески в отдаленнейшие перспективы будущего. У Иофора же он нашел две книги о космогонии, упоминаемые в Библии: «Войны Иеговы и Поколения Адама.» Он погрузился в изучение их.

Для подвига, который он замышлял, нужно было приготовиться. Перед ним Рама, Кришна, Гермес, Зороастр, Фо-Хи создавали религии для своих народов, Моисей же хотел создать народ для вечной религии. Для осуществления этой цели, столь новой и необъятной, нужна была могучая основа. Ради этого Моисей написал Сефер-Берешите—Книги Начал, сжатый синтез науки прошлого и очерк науки будущего, ключ к мистериям, факел посвященных, центр соединения для всего народа.

Попробуем же понять, как складывалась книга Бытия в сознании Моисея. Конечно, в нее вливался иной свет, в ней заключены Mipbi иных размеров, чем тот младенческий мир и та ничтожная земля, которые являются перед нами в греческом переводе Сеот-Анты» и в латинском переводе святого Иеронима.

Библейские расследования XIX века вызвали предположение, что Пятикнижие вовсе не принадлежит Моисею, что этот пророк мог даже совсем не существовать, быть чисто легендарной личностью, сфабрикованной четыре или пять веков позднее еврейским священством для того, чтобы придать себе божественное происхождение. Современная критика основывает эту мысль на том обстоятельстве, что Пятикнижие состоит из различных отрывков (Элоистов и Иеговистов), сшитых вместе, и что настоящая его редакция моложе по крайней мер на 400 лет той эпохи, когда Израиль покинул Египет.

Факты, установленные современной критикой, точны только по отношению времени редакции существующих текстов; что же касается до её выводов, то они произвольны и нелогичны. Из того, что Элоисты и Иеговисты писали 400 лет спустя после Исхода, вовсе не следует, что они то и были создателями кн. Бытия, а не трудились над передачей документа, уже существовавшего и лишь плохо ими понятого. И из того, что Пятикнижие дает нам легендарный рассказ о жизни Моисея, точно так же нельзя вывести заключения, что в нем не находится ничего истинного.

Моисей становится живым, и вся его чудесная судьба объясняется вполне, если поставить его в истинную, прирожденную ему :

среду: в Мемфисский храм Озириса. Вся глубина кн. Бытия раскрывается лишь при свете факелов, освещавших посвящение Изиды ;

и Озириса.

Религия не может создаться без инициатора. Судьи, Пророки и вся история Израиля доказывают существование Моисея. Даже Иисус не может быть понят без него. Если же принять, что Книга Бытия содержит в себе всю сущность Моисеева предания,—каким бы превращениям она ни подвергалась, под всем налетом вековой

и пыли и бесчисленных прикосновений священства она все же должна сохранить свою основную идею, живую мысль, завещание пророка Израиля.

Израиль вращается вокруг Моисея таким же неизбежным и роковым образом, как земля обращается вокруг солнца. Допустив это, попробуем понять, каковы же были основные идеи книги Бытия? Чтб, собственно, Моисей хотел заповедать потомству в этом тайном завещании СефереБерешите?

Задача эта может быть разрешена только с точки зрения эзотеризма. Ее можно попытаться выразить так: в качестве египетского посвященного, разумение Моисея должно было стоять высот египетской науки, которая признавала—как и современная наука—неизменность законов вселенной, развило миров путем постепенной эволюции и сверх того, обладала обширными и точными познаньями относительно

невидимых миров и души человеческой. Если такова была наука Моисея—а как мог жрец Озириса не иметь её—как помирить это с детскими мыслями книги Бытия относительно сотворения Мира и происхождения человека? Эта история сотворения, которая, взятая буквально, вызывает улыбку у школьника наших дней, не скрывает ли в себе глубокий символически смысл, и нет ли ключа, который мог бы раскрыть ее?

Если это так, каков этот смысл и где найти этот ключе? Этот ключ можно найти: ии в египетской символик: 2и в символах всйх религий древнего цикла; 3и в синтезе учений посвященных, который получается из сопоставления эзотерических учений, начиная с ведической Индии и до христианских посвященных первых веков нашей эры включительно.

Египетские жрецы, по словам греческих авторов, владели тремя способами объяснять свою мысль. Первый способ был ясный и простой, второй символический и образный, трели священный и иероглифический. То же самое слово принимало, по их желанию, либо свой обычный смысл, либо образный, либо трансцендентный. Гераклит прекрасно выразил эти различия, определяя их язык как говорящий, обозначающий и скрывающий.

Когда дело касалось теософических и космогонических наук, египетские жрецы всегда употребляли трели способ письма. Их иероглифы имели при этом три смысла, и соответствующие, и различные в одно и то же время. Два последние смысла не могли быть поняты без ключа. Этот способ письма, таинственный и загадочный, исходил из основного положения герметической доктрины, по которой один | и тот же закон управляет миром естественным, Миром человеческим и миром божественным.

Язык этого письма, поразительно сжатый и совершенно непонятный для толпы, обладал своей особой выразительностью, доступной только Адепту, ибо посредством единого знака он вызывал в его сознании начала, причины и последствия, которые, исходя от Бога, отражаются и в слепой природе, и в сознании человеческом, и в Мире чистых духов. Благодаря этому способу письма Адепт обнимает все три мира сразу.

И нет сомнения, что иероним, обладавший герметическими знаниями, написал свою Книгу Бытия египетскими иероглифами, заключавшими в себе все три смысла. Он передал ключи от них и дал устные объяснения своим преемникам. Когда же, во времена Соломона, Книга Бытия была переведена на язык финикийский, когда, после плена вавилонского, Ездра переписывал ее арамейскохалдейскими письменами, еврейское священство владело этими ключами уже очень не совершенно.

Когда же очередь дошла до греческих переводчиков Библии, последние имели лишь очень слабое понял об эзотерическом смыслы переводимых текстов. Св. Иероним, несмотря на свои серьезные намерения и большой ум, не мог уже, делая свой латинский перевод с греческого текста, проникнуть до первобытного смысла Библии, а если бы даже и мог, условия времени заставили бы его молчать.

Следовательно, когда мы читаем Книгу Бытия в существующих переводах, мы имеем лишь низший, первый смысл её содержания. И даже сами толкователи и ученые теологи, правоверные или свободомыслящие, и Те сверяются с еврейским текстом через Вульгату . Смысл же—и уподобляющий, и высочайший, который и есть истинный смысл первоначального текста, ускользает от них.

Но это не мешает им зарываться в тонкости еврейского текста, который корнями своими прикасается к священному языку храмов, переплавленному Моисеем, языку, где каждая гласная и каждая согласная обладала вселенским смыслом, имевшим отношение и к акустическому значению буквы, и к душевному состоянию произносившего ее человека.

Для одаренных интуицией этот скрытый смысл вырывается иногда, как яркая искра, из текста; для ясновидящих он просвечивает в фонетическом расположена слов, принятых или созданных Моисеем: то магические слоги, в которые посвященный Озириса вливал свою мысль, как звучный металл в совершенную литейную форму.

Благодаря изучение того звукового способа, который несет на себе печать священного языка древних храмов, благодаря ключам, которыми нас снабжает Каббала и часть которых восходить до времен Моисея, и, наконец, благодаря сравнительному эзотеризму, для нас является уже возможным угадать и восстановить истинную Книгу Бытия. И таким образом, мысль Моисея вновь появится из горнила веков, сияющая, как чистое золото, освободившаяся от шлаков первобытной теологии и из под пепла отрицающей критики .

Два примера помогут выяснить, как слагался священный язык древних храмов, и каким образом три кроющиеся в нем значения оказались тождественными и в символах Египта, и в Книге Бытия. На множестве египетских памятников встречается такой символ: венчанная женщина держит в одной руке крест—символ вечной жизни, а в другой—скипетр, .украшенный цветами лотоса, символ посвящения; это—богиня Изида. Изида же имеет три различных значения. В прямом смысле она изображает женщину, следовательно и все Мирское женское начало; в аналогическом смысле она олицетворяет совокупность всей земной природы со всеми её зарождающимися силами; в высшем смысл, она символизирует невидимую небесную природу, элемент душ и духов, духовный свет, разумный по существу, который один только может даровать посвящение.

Символ, соответствующей Изиде в тексте Кн. Бытия и в сознании иудеохристианском, есть Ева, иEVE, вечная женственность.

В этом смысле Ева не только жена Адама, но и Божественная Супруга. Она составляете три четверти Его сущности. Ибо имя иEVE, из которого сделали Jehovah и laveh, состоит из приставки Jod и имени Eve.

Первосвященник иерусалима произносил однажды в год божественное имя, провозглашая его—буква за буквой—следующим образом lod, he, vau, he. Первый слог выражал божественную мысль и геогонические науки; три буквы имени Eve выражали три порядка природы , три Мира, в которых эта мысль осуществляется, следовательно и науки космогонические, и физические, соответствующие трем мирам . Неизреченный содержит в своих глубоких недрах ВечноМужественное и ВечноЖенственное начала. Их нерасторжимый союз составляет Его силу и Его тайну, но Моисей, заклятый враг всякого изображения Бога, не говорил о том народу; он внес образно эту идею в построение Божественного Имени, объяснив его значение своим Адептам. Таким образом природа, не получившая выражения в иудейском культе, таится в самом имени Бога. Супруга Адама, женщина любопытная, греховная и очаровательная, раскрывает перед нами свое глубокое сродство с Изидой земной и божественной, матерью богов, которая хранить в своих недрах вихри душ и светил.

Другой пример. Большую роль в истории Адама и Евы играет Змий. Кн. Бытия называет его Nahash. Какое же значение имела змея для древних храмов? Мистерии Индии, Египта и Греции отвечают в один голос: змея, свернувшаяся кольцом, означает мировую жизнь, магической силой которой является астральный свет. В ещё более глубоком смысле Nahash означает силу, которая

приводить жизнь в движение, то взаимное притяжение, в котором Жофруа СентеИлер видел причину всемирного тяготения. Греки называли это притяжение Эросом, Любовью или Желанием. Попробуйте применить эти два смысла к истории Адама, Евы и Змия, и вы увидите, что грехопадение первой пары или «первородный грехе» превратится в великое устремление природы с её царствами, видами и родами в могучий круговорот жизни.

Эти два примера дают нам возможность заглянуть в глубины Моисеевой космогонии. уже из этого мы можем предположить, чем была космогония для древнего посвященного и в какой степени она отличается от космогонии в современном смысл. Для современной науки она сводится к космографии. В ней заключается описание части видимой вселенной и изучение связи физических причин и последствий в данной сфер. Такова, например, мировая система Лапласа, в которой наша солнечная система познается по её настоящей деятельности и выводится лишь из материи, находящейся в движении, что представляет чистую гипотезу;—или история земли, в которой различный наслоения почвы являются неопровержимыми свидетелями. Древняя наука не была в неведении относительно

развития видимой вселенной, если она имела об этом менее точные понятия, чем современная наука, зато она установила путем интуиции общие законы её развития.

Но для мудрецов Индии и Египта все видимое развитие было лишь внешним аспектом мира, его отраженным движением. И они искали объяснения его в аспекте внутреннему в движении прямом и изначальном. Они находили его в другом порядке законов, который открывается нашему разуму. Для древней науки безграничная вселенная не была мертвой материей, управляемой механическими законами, она была живое целое, одаренное разумом, душой и волей. Это великое тело вселенной имело для неё бесконечное число органов, соответствуюших его бесконечным способностям.

Как в человеческом теле все движения происходят от мыслящей души и от действующей воли, так в глазах древней науки видимый порядок вселенной быль лишь отражением порядка невидимою, т. е. космогонических сил и духовных монад всех царств, видов и родов, вызывающих своей беспрерывной инволюций в материю эволюции жизни.

В то время, как современная наука рассматривает лишь внешнее, поверхность вселенной, наука древних храмов имела целью раскрыть внутреннюю суть, распознать скрытый состав вещей. Она не выводила разума из материи, но материю из разума. Она не приписывала рождение вселенной слепому сцеплению атомов, но зарождение атомов объясняла вибрациями мировой Души. Она подвигалась концентрическими кругами от общего к частному, от Невидимого к Видимому, от чистого Духа к организованной Материи, от Бога к человеку. Этот нисходящий порядок Сил и Душ, обратно пропорциональный порядку восходящему Жизни и Тел, представлял онтологию или науку об общих свойствах сущего и составлял основу космогонии.

Все великие посвящения Индии, иудеи и Греши, посвящена Кришны, Гермеса, Моисея и Орфея знали— под различными формами— этот порядок начал, сил, душ и поколений, которые исходят из Первопричины, от неизреченного Отца. Нисходящий порядок воплощений одновременен с восходящим порядком жизни, и он один служить к пониманию последнего. Инволюция производит эволюцию и объясняет ее.

В Греции храмы дорические, представлявши религию мужского начала, храмы Юпитера и Аполлона, и в особенности Дельфийский храм, были единственными, вполне обладавшими знанием нисходящего порядка. ионические храмы, представлявшие в религии женское начало, были знакомы с ним лишь отчасти. А так как вся греческая цивилизация была кинической, дорическая наука и дорический порядок закрывались там все более и более. Но несомненно, что все великие инициаторы Греции, её герои и её философы, от Орфея до Пифагора, от Пифагора до Платона и до александрийцев, придерживались именно этого порядка. Все они признавали Гермеса за своего учителя.

Но вернемся к Кн. Бытия. В мысли Моисея первые десять глав Кн. Бытия составляют истинную онтологию. Все, что имеет начало, должно иметь и конец. Кн. Бытия повествует одновременно об эволюции во времени и о творчества в вечности, единственном достойном Бога.

Я намереваюсь в книге о Пифагоре дать живую картину эзотерической теогонии и космогонии в раме менее отвлеченной, нежели учение Моисея, и, кроме того, более близкой к современному пониманию. Несмотря на форму многобожия, несмотря на чрезвычайное разнообразие символов, смысл этой пифагорейской космогонии, выраженной в орфическом посвящении и в святилищах Аполлона, вполне тождествен по существу с космогонией израильского пророка.

У Пифагора она как бы освещена своим естественным дополнением—учением о человеческой душе и её эволюции. Учете это передавалось в греческих святилищах под символами мифа о Персефон. Оно носило также название земной и небесной *истории* Психеи. Эта история, соответствующая тому, что в христианстве называется искуплением, совершенно отсутствует в Ветхом Завет. Не потому, чтобы Моисей и пророки не знали её, но они считали ее слишком недоступной для всеобщего обучения и сохраняли ее для устной передачи посвященным. Божественная Психея оставалась сокрытой под герметическими символами Израиля так долго лишь для того, чтобы воплотиться в великий и светлый образ Христа.

Что касается до космогонии Моисея, в ней сказывается и суровый характер семитического гения и математическая точность гения египетского. Самый стиль повествование напоминает образы, украшающие внутренность царских гробниц; прямые, сухие и строгие, они таят в своей суровой наготе непроницаемую тайну. Целое этой космогонии заставляет думать о циклопических постройках, но по временам, подобно потоку раскаленной лавы между гигантскими гранитами, мысль Моисея прорывается с огненной силой среди неустойчивых стихов переводчиков. В первых главах, неподрожаемых по величию, чувствуется как под дыханием Элоима переворачиваются—одна за другой—могучие страницы вселенной.

Прежде чем идти дальше, взглянем еще раз на некоторые из этих величавых иероглифов, созданных пророком Синая. Как за дверью, ведущей в подземный храм, за каждым их них раскрывается целая галерея оккультных истин, которые, подобно неподвижным светочам, освещают ряды миров и тысячелетий. Попробуем проникнуть в них с ключами посвящения. Попытаемся увидать эти странные символы, эти загадочные формулы в их магической сил, какими их видел посвященный Озириса, когда они выступали огненными буквами из пламенного горнила его мысли.

В склепе храма Иофора, прислонившись к саркофагу, Моисей размышляет в глубокой тишине. Стены и колонны покрыты иероrлифами и живописью, изображающими имена и образы богов всех народов земли. Эти символы рисуют историю исчезнувших циклов и предсказывают циклы будущего. Таинственно мерцающий светильник слабо освещает эти знаки, и каждый из знаков еоворит с Моисеем своим собственным языком. Но вот он уже не видит более ничего внешнего; он ищет в глубин своей души живой Глагол своей Книги, образ своего творения, то Слово, которое превратится в Д6йствие. Светильник погас, но перед его внутреннем взором, во мраке склепа, запылало имя: JEVE.

Первая буква J окрашена белым цветом, три остальные сверкают подобно переливающемуся огню, в котором вспыхивают все цвета радуги. И какой удивительной жизнью исполнены эти начертания В заглавной букве Моисей провидит мужское Начало, Озириса, Духа творческого по преимуществу; Eve—способность зарождающую, небесную Изиду. Таким образом божественные силы, которые заключают в себе все Миры, развертываются и располагаются в недрах Бога. Своим совершенным союзом, неизреченные Отец и Мать образуют Сына, живой Глагол, который творит вселенную. Это—тайна всех тайн, закрытая для земного разума, но которая говорит посредством знамения Бога, как Дух говорить с Духом. И священная тетраграмма разгорается все более ярким свитом. Моисей видит исходящими из неё в блистающих световых снопах три Мира, все царства природы и божественный порядок познавания. И тогда его пламенный взор сосредоточивается на знаке мужского начала творческого духу. Его он призываете в Его верховной вол ищет он силу совершить свое личное творчество после созерцания творчества Предвечного.

И вот во мраке склепа перед ним заблистало другое божественное имя:

eLOHIM.

Оно означает для посвященного: Он ,—Боги, Бог Богов. Это уже более не Сущность, углубленная в себя и в Абсолютное, но Господь проявленных миров, мысль которого распускается в миллионы светил, в миллионы подвижных сфер вращающейся вселенной.

«В начале Бог создал небо и землю». Но это небо было сперва лишь мыслью о времени и о беспредельном пространстве, наполненном пустотой и безмолвием. «И дух Божий носился над бездной ». Что же изойдет ранее всего из его недр? Солнце? Земля? Туманность? Одна из субстанций видимого Мира? Нет. Прежде всего от него родился Аоиг—Свет.

Но этот свет не был физическим, это был свет Разума, рожденный от содрогания небесной Изиды в лоне Бесконечного;

всемирная душа, астральный свет, субстанция, из которой возникают души; тончайший элемент, благодаря которому мысль переносится на бесконечное пространство; божественный свет, который был

ранее и будет после того, как погаснуть все солнца вселенной. Вначале он распространился в Бесконечности, это—могучее выдыхайте Бога. Затем он возвращается обратно, движимый побуждением любви, это—глубокое вдыхание Бога. В волнах божественного эфира, как бы под просвечивающим покровом, трепещут астральные формы миров и существ. И все это для Мага-Ясновидца вливается в содержание произносимых им слов, которые сверкают во мраке огненными буквами:

ROUA eLOHIM AOUR .

«Да будет свет и стал свете». Дыхание Элоима есть Свет! Из глубин этого изначального, невещественного света появляются шесть первых дней Творенья, т. е. семена, начала, формы, живые души всякого Бытия. Это—Вселенная во всей своей мощи, проявленная в Дух. Каково же последнее слово Творчества, какова

формула, выражающая Бытие в действии, живой Глагол, в котором проявляется первая и последняя мысль Абсолютного? Это последнее слово следующее:

ADAM EVE.

Мужчина—Женщина. Этим символом не обозначается, как учат церковные догматы, первая человеческая пара на нашей земле;

им обозначается Бог, действующий во вселенной, и символическое Человечество, проявленное во всех космических сферах. «Бог создал человека по образу Своему... мужчину и женщину сотворил их». Эта божественная двойственность и есть творческий Глагол, посредством которого Ieve проявляет свою собственную природу во всех мирах. Обитаемая им изначала сфера, которую Моисей охватил своей могучей мыслью, не есть легендарный земной рай, Эдем;

она есть безграничная сфера Зороастра, сверхфизический мир Платона, Всемирное небесное царство, Heden, Hadama, субстанция всех земных миров.

Но какова будет эволюция человечества во времени и пространства? Моисей созерцает ее в скрытой форм в истории падения. В Книги Бытия Психея, человеческая душа, названа Лита; это— другое имя Евы . Её родина Shamaim—небо. Она живет там в божественном эфир, счастливая, но не сознающая себя. Она наслаждается небом, не понимая того, ибо чтобы его сознавать, нужно его забыть и снова вспомнить; чтобы его любить, нужно потерять и вновь обрести его.

Она познает его через страдание, она поймет его через падете. И возможно ли представить себе более глубокое и более трагическое падение, чем то, которое рассказано в младенческом повествовании Библии Притягиваемая к темной бездн жаждой познания, Аиша не противится падению... Она перестает быть душой чистой, обладающей лишь звездным телом и живущей божественным эфиром. Она облекается в материальное тело и вступает в круг рождений. И воплощения её повторяются бессчетно, в телах все более плотных и грубых соответственно мирам, в которых она обитает. Она спускается из сферы в сферу... она спускается и забывает...

Темное покрывало закрывает её внутренний взор: погасло божественное сознание, исчезло воспоминание о небесах в грубой ткани материи.

Бледнее погибшей надежды слабое воспоминание потерянного счастья все еще тлеет в ней. Из этой тлеющей искры она должна будет возродиться и сама преобразить себя.

Да, Аиша все еще живет в этой человеческой пар, пребывающей без защиты на одичалой земле, под враждебным небом, в котором, не переставая, гремит гроза.

Потерянный рай? Это—беспредельность сокрывшегося неба, позади и впереди неё. Так созерцал Моисей род Адама во вселенной .

Затем он исследовал земные судьбы человека. Он видел прошедшие циклы и настоящие.

В земной «Аиша», в душе человечества, божественное сознание просвечивало некогда огнем Агни, в стране Куша, на склонах Гималая.

Но оно уже готово погаснуть, затоптанное идолопоклонством, уничтоженное мрачными страстями, среди враждующих народов и борющихся культов. И Моисей дал себе клятву, что он разбудить в человечестве погасающее божественное сознание и для этого он учредил культ Элоима.

Собирательное человечество, также как и индивидуальный человек, должно быть образом Иеве. Но где найдется народ, который мог бы воплотить его и стать живым Глаголом человечества?

Тогда Моисей, завершив в духе своем предстоящий ему подвиг и измерив глубины человеческой души, объявил войну земной Еве, физической природе человека, слабой и испорченной. Чтобы победить ее и затем поднять, он взывал к всемогущему Духу Иеве, к источнику которого поднялась его собственная душа. Он чувствовал, что его излияния зажигают и закаляют его как сталь. Имя ему Воля.

И в черном безмолвии склепа, Моисей услыхал голос. Голос этот исходил из глубины его собственного сознания, он приказал ему: «Поднимись на гору Божию, у Хорива».

глава IV.

Видение Синая.

Темная масса гранита, оголенная и изрытая под огнем палящего солнца, словно молния провела по ней борозды, словно ударами грозы изваяны её склоны. Это—вершина Синая, трон Элоима, как называют его сыны пустыни. Перед ней менее высокая гора, скалы Сервала, такие же обрывистые и дикие. В их недрах целые залежи меди и множество пещер. Между горами черная долина, целый хаос каменных глыб, которую арабы называют Хорив; это—Эреб семитической легенды. Эта печальная долина производит зловещее впечатление, когда ночью тень Синая падает на нее, и еще мрачнее становится она, когда вершина горы окутана темными тучами, из которых вырываются огненные зигзаги молний. В такие минуты страшный ветер стонет в узком проход. Арабы говорят, что то Элоим опрокидывает тех, кто пытается бороться с ним, низвергая их в бездну, куда стремительно несутся дождевые вихри. Там же, говорят Мадианиты, бродят тлетворные тени великанов Рефаимов, которые обрушивают скалы на всех, дерзающих приблизиться к святому месту. По народному преданию Бог Синая появляется иногда освещенный молниями, и горе тому, кто увидит его лик. Увидать его значить умереть.

Вот что рассказывали Номады, сидя по вечерам в своих палатках. И действительно, лишь самые смелые из посвященных Иофора поднимались в пещеру Сербала и проводили там несколько дней в посте и молитве. Мудрецы Идумеи находили там свои вдохновенья. Это было место, посвященное с незапамятных времен мистическим видениям, Элоиму и светлым духам. Ни один священник и ни один охотник не согласились бы провести туда странника.

Моисей поднялся без страха по ущелью Хорива. Он прошел бесстрашно долину смерти с её хаосом скал. Как всякое человеческое устье, посвящение имеет свои фазисы смирения и гордости;

поднявшись на священную гору, Моисей достигнул вершины гордости, он был на высоте человеческого могущества. уже чувствовал он себя единым с Господом.

Солнце, окруженное пламенным пурпуром, спускалось над вулканическим хребтом Синая и лиловые тени ложились на долины,

когда Моисей подошел к пещере, закрытой от глаз колючими растениями. Он собирался проникнуть туда, но был ослеплен внезапным светом, озарившим всю окрестность.

Ему казалось, что почва загоралась под ним и что гранитные горы превратились в море пламени. При входе в пещеру ослепительно сияющее видение появилось перед ним и огненным мечом загородило ему дорогу. Моисей упал ниц, как пораженный громом. Вся его гордость разбилась в прах. Взгляд лучезарного Ангела пронизал его своим светом. С тем глубоким проникновением, которое возникает у ясновидца, он понял, что это лучезарное Существо поведает ему нечто страшное. И ему захотелось уклониться, скрыться в недра земные.

Но голос произнес: «Моисей, Моисей!» И он ответил:

«здесь я, Господи».

«Не приближайся сюда, сними обувь с ног твоих, ибо место, на котором ты стоишь, свято».

Моисей скрыл лицо свое. Он страшился снова увидеть Ангела и встретить его пылающий взор.

И Ангел сказал ему: «Ты, который ищешь Элоима, почему ты дрожишь передо мной»?

«Кто ты?»

«Я — луч Элоима, вестник Того, который был, есть и будет во веке».

«Что приказываешь ты?»

«Ты скажешь сынам Израиля: Господь Бог отцов ваших, Бог Авраама, Бог Исаака, Бог Иакова, послал меня к вам, чтобы извлечь вас из страны рабства».

«Кто я,»—сказал Моисей,—«чтобы извлекать сынов Израиля из Египта?»

«Дерзай», сказал Ангел, «ибо я буду с тобою. Я вложу пламя Элоима в твое сердце, Его глагол в твои уста. Сорок лет подряд ты призывал Его. Твой голос достиг до Него, и вот я беру тебя во имя Его. Сын Элоима, ты принадлежишь мне навсегда».

И Моисей, ободренный, воскликнул: «покажи мне Элоима, дабы видеть мне Его живой огоньи»

Он поднял голову. Но море пламени погасло и Ангел исчез подобно сверкнувшей молнии. Солнце спустилось за погасшие вулканы, мертвое молчание носилось над долиной Хорива, и голос, который пронесся по лазури неба и замер в бесконечности, сказал:

«Я Тот, который есмь».

Моисей пробудился после этого видения глубоко измененный. В первую минуту ему казалось, что тело его сгорело в огне эфира. Зато дух его обрел новую силу. Когда он спустился к храму Иофора, он был готов для своей миссии. Его пламенная мысль предшествовала ему подобно Ангелу, вооруженному огненным мечом.

глава V. Исход.—Пустыня —Магия.—Теургия.

Намерение Моисея было самое необыкновенное и самое дерзновенное, какое когда либо возникало в душе человеческой. Вырвать целый народ из под ярма столь могущественной нации, как Египтяне, повести его к завоеванию страны, занятой враждебным населением, значительно лучше вооруженным, влачить его в течение десяти, двадцати, мало того—сорока лет по пустынь; испалить его жаждой, изнурить его голодом, довести его до смертельного утомления под стрелами Хетитов и Амалекитов, готовых растерзать его в куски; разобщить его вместе с его Скитей Завета от всех языческих народов; внушить ему единобожие под угрозой огненного меча и исполнить его таким страхом и таким благоговением перед этим единым Богом, чтобы Он воплотился в самое тело народа, сделался его

национальным символом, целью всех его стремлений, смыслом самого существования народного,— таков был ни с чем несравнимый подвиг Моисея.

Исход был медленно подготовляем самим пророком, главными начальниками Израиля и Иофором. Чтобы привести свой план в исполнение, Моисей воспользовался моментом, когда Менефта, прежний его товарищ по учению, став фараоном, должен был отразить страшное вторжение ливийского царя Мермаиу. Египетская армия, занятая во всей своей целости на Запад, не могла удержать Евреев, и массовое переселение совершилось мирным образом.

И вот племя Израиля двинулось в путь. Эта длинная нить караванов с верблюдами, несущими палатки на своих спинах, сопровождаемая большими стадами, собиралась обойти Красное море. Всех переселенцев было вначале несколько тысяч человек. Позднее, к ним присоединились «всякого рода люди», как говорит Библия, Хананее, Эдомиты, Арабы и Семиты всех видов, привлеченные и очарованные пророком пустыни, который призывал их со всех концов, чтобы переплавить самую душу их по своему.

Ядро этого создаваемого Моисеем народа составлял Бене-Израиль, характера прямого, но жесткого, упрямого и мятежного. Его хаги или начальники внушали ему культ единого Бога, и у них существовала возвышенная патриархальная традиция. Но для этих первобытных, страстных натур единобожие представляло лишь идеал, и как только пробуждались их дурные страсти, инстинкт многобожия, столь свойственный человеку в начала его эволюции, брал верх. И тогда они впадали в дикие суеверия, в колдовство и идолопоклонство соседних с Египтом народов, с чем Моисей боролся с помощью истинно драконовских законов.

Вокруг пророка и народного повелителя образовалась группа священников с Аароном во глав, братом Моисея по посвящению, и с пророчицей Марией, которая представляет собою женское посвящение у Израиля. Из этой группы и образовалось сословие священников. Рядом с ними семьдесят начальников, избранных или посвященных мирян, окружают пророка, которым он и передаст свое тайное учете, и которых приобщит к своему могуществу, допустив их участвовать в своих вдохновениях и в своих видениях.

В центр этой группы двигался золотой ковчег, идея которого была заимствована Моисеем у египетских храмов, где он служил вместилищем священных книг. Но Моисей приказал вылить ковчег по новому образцу, составленному им самим; ковчег Израиля был окружен с четырех сторон херувимами из золота, напоминающими сфинксов или четырех символических зверей видения пророка Иезеюила. Один из них имеет голову льва, второй—голову быка, третий—голову орла, а последний—человеческую голову. Они олицетворяли четыре космических элемента:

землю, воду, воздух и огонь, а также и четыре мира, изображенные буквами священной тетраграммы. Своими крыльями херувимы прикрывали священную жертву примирения.

Этот ковчег был орудием электрических и световых явлений, производимых магией жреца Озириса, явлений, которые, пройдя через легенды, послужили основанием для библейских рассказов. Кроме того, Ковчег Завета содержал СефереБерешит, написанную Моисеем египетскими иероглифами, и магический жезл, упоминаемый в Библии. В нем же будут сохраняться и Скрижали Завета, законодательство Синая. Моисей назвал золотой ковчег троном Элоима, потому что в нем заключены и священные предания, и миссия Израиля, и идея Иеговы.

Какое же политическое устройство намерен был дать Моисей своему народу? По этому поводу следует привести одну из самых любопытных страниц Исхода. Эта страница носит на себі тем более древний и подлинный характер, что она указывает на слабую сторону Моисея, на его наклонность к гордости, на его теократический деспотизм, сдерживаемый посвятившим его Иофором.

«На другой день сел Моисей судить народ, и стоял народ перед ним с утра до вечера.

«И видел Иофор, тесть Моисея, все, что он делает с народом, и сказал: что это делаешь ты с народом? для чего ты сидишь один, а весь народ стоит перед тобой с утра до вечера?

«И сказал Моисей тестю своему: народ приходить ко мне просить суда у Бога;

«Когда случается у них какое дело, они приходят ко мне, и я сужу между тем и другим и объявляю им уставы Божии и законы Его.

«Но тесть Моисея сказал ему: не хорошо ты это делаешь;

«Ты измучил и себя и народ сей, который с тобою, ибо слишком тяжело для тебя это дело: ты один не можешь исправлять его;

«Итак, послушай слов моих: я дал тебе совет, и будет Бог с тобою; будь ты для народа посредником перед Богом и представляй Богу дела его;

«Научай их уставам Божьим и законам Его, указывай им путь Его, по которому они должны идти, и дела, которые они должны делать;

«Ты же усмотри себе из всего народа людей способных, боящихся Бога, людей правдивых, ненавидящих корысть, и поставь их над ним тысяченачальниками, стоначальниками, пятидесятиначальниками и десятиначальниками и письмоводителями;

«Пусть они судят народ во всякое время и о всяком важном деле доносят теб, а все малые дела судят сами: и будет тебе легче, и они понесут с тобою бремя;

«Если ты сделаешь это, и Бог повелит тебе, то ты можешь устоять, и весь народ сей будет отходить в свое место с миром.

«И послушал Моисей слов тестя своего и сделал все, что он говорил ему».

Из этого отрывка следует, что в учрежденном Моисеем общественном строе Израиля исполнительная власть рассматривалась как исходящая из власти судебной и была поставлена под контроль власти священнической. Таково было народное управление, заповеданное Моисеем своим преемникам. Оно оставалось неизменным во времена Судей от Осии до Самуила.

Во времена царей подавленная священническая власть начала терять истинную традицию Моисея, которая сохранилась в своей чистоте лишь у пророков.

Мы уже сказали, что Моисей не был евреем патриотом;

он был укротителем народа, и имел в виду судьбы всего человечества. Израиль был для него лишь средством. Его целью была всемирная религия и, проникая далее в судьбы ведомых им кочующих племен, мысль его стремилась в неизведанные дали будущего. Со времени исхода из Египта до самой смерти Моисея, вся история Израиля была одним непрестанным единоборством между пророком и его народом.

Моисей повел племена Израиля сначала в бесплодную пустыню, посвященную Элоиму, туда, где он сам получил впервые свое откровение. Там, где его Гений овладел душой пророка, пророк ptшил овладеть своим народом, и наложить на его чело печать Иеговы: десять заповедей, могучий вывод из нравственного закона и дополнение к трансцендентальной истин, заключенной в герметической книге Ковчега Завета.

Трудно себе представить что либо более трагическое, чем эта первая беседа между пророком и его народом. Там происходили необычайные драмы, страшные и кровавые, налагавши как-бы раскаленным

железом печать на укрощаемого Израиля. Под покровом библейской легенды можно догадаться о происходивших действительных событиях.

Избранные из всех племен раскинули свой лагерь на нагорной равнине Фаран, у входа в дикое ущелье, ведущее к скалам Сербала. Грозная вершина Синая господствует над этой каменистой равниной, вулканической и изрытой.

Перед всеми собравшимися Моисей объявляет торжественно, что он поднимется на вершину к Элоиму, который даст ему закон, и закон этот он принесет людям, написанный на каменных скрижалях. Он приказывает всему народу бодрствовать и поститься и ожидать его с душою целомудренной, в чистоте и молитв. Он оставляет переносный Ковчег под охраной семидесяти Старейшин. Вслед за тем, он исчезает в проход, сопровождаемый лишь одним верным учеником, Иисусом Навином.

Проходили дни за днями; Моисей не возвращался. Народ сначала беспокоился; затем начал роптать: «зачем увели нас в эту пустыню, подвергая нападению Амаликитян? Моисей обещал повести нас в страну Ханаанскую, где текут молоко и мед, а теперь мы умираем в пустыне. Лучше было рабство в Египте, чем эта жизнь, полная бедствий. Если бы Господь послал нам те мясные кушанья, которые мы ели там! Если Бог Моисея есть истинный Бог, пусть он это докажет, пусть наши враги разорятся и пусть мы немедленно войдем в страну обетованную». Ропот все увеличивался: начинался мятеж; начальники принимали в нем участие.

В разгар этого мятежа, появилась группа женщин, громко роптавшая. То были дочери Моава с черной кожей, с гибкими телами, наложницы или служанки начальников Эдомитян, примкнувших к Израилю. Они вспомнили, что были жрицами Астарты, вспомнили, как они праздновали оргии своей богини в священных рощах родной страны. Они чувствовали, что час их торжества настал. Они появились разукрашенные в золото и в яркие ткани, с улыбкой на устах, сверкая на солнце своими гибкими членами и металлическими отливами своих нарядов. Они ходили среди раздраженной толпы, смотрели на мятежников разгоравшимися глазами и, обольщая их сладкими речами, говорили: «что, в сущности, представляет из себя этот жрец Египта с своим Богом? Он наверное умер на Сина. Рефаимы сбросили его в бездну, и не он поведет ваши племена в Ханаан. Пусть же дети Израиля обратятся с мольбой к богам Моава, Бельфегору и Астарте!. Этих богов можно видеть, и они творят чудеса! Они поведут народ в землю Ханаанскую».

Мятежная толпа слушала Моавитянок, бунтующие возбуждали друг друга, крики разростались и неслись от всей толпы: «Аарон, Ааронеи Сделай нам богов, которые бы вели нас; ибо мы не знаем, что стало с Моисеем, который увел нас из страны Египетской».

Аарон тщетно старался успокоить толпу. Дочери Моава призвали финикийских жрецов, пришедших с караваном. Жрецы принесли деревянную статую Астарты и воздвигли ее на жертвеннике из камня. Мятежники заставили Аарона, под страхом смерти, вылить золотого тельца, который представлял собой одну из форм Бельфегора.

Начинаются жертвоприношения быков и козлов чужим богам, начинается пирование и вокруг идолов возникают сладострастный пляски, ведомые дочерьми Моава под звуки гуслей, кимвалов и тимпанов, потрясаемых руками женщин.

Семьдесят Старейшин, избранных Моисеем для охранения священного Ковчега, напрасно старались остановить разгорающийся мятеж. Бессильные, они опустились на землю, посыпав головы свои пеплом. Окружив тесным кольцом Скинию с Ковчегом, они с глубоким смущением слушали дикие крики, необузданный песни и заклинания, обращенный к страшным божествам, демонам сладострастия и жестокости; с ужасом видели они этот народ, объятый исступлением бунта против своего Бога. Что станется с Ковчегом Завета, с Книгой Израиля, если Моисей не возвратится?

А между тем, Моисей возвратился. Плодом его долгого уединения, его одиночества на горе Элоима был закон, начертанный на каменных скрижалях.

Спускаясь с горы с скрижалями в руках, он увидел сразу всю оргию своего народа перед воздвигнутым идолом. При виде жреца Озириса, пророка Элоима, танцы останавливаются, чужие жрецы бегут, мятежники, дрогнув, колеблются. Пожирающим огнем разгорается великий гнев в душе Моисея. Он разбивает каменные скрижали и всем становится ясно, что он в силах разбить таким же образом и весь народ, и что Божья сила владеет им.

Израиль дрожит, но под страхом, покорившим мятежников, таится скрытая ненависть. Одно слово, один жест колебания со стороны первосвященника-пророка и чудовище облеченной в идолопоклонство анархии подняло бы против него свои бесчисленные головы и смело бы под дождем камней и Священный Ковчег, и самого пророка, и его идею.

Но Моисеи не дрогнул. Он стоял перед народом, окруженный невидимыми охранявшими его силами. Он понял, что прежде всего нужно поднять дух семидесяти Старейшин до своей собственной высоты и через них поднять и весь народ. Он призывал ЭлоимаИегову, Небесный Огонь, из глубины своего духа и из глубины Небес.

— Ко мне, семьдесят избранных!- воскликнул Моисей. Да возьмут они священный ковчег и да поднимутся со мной на гору Божию, народ же пусть ждет и дрожит. Я принесу ему суд Элоима.

Левиты вынесли из палатки золотой Ковчег, прикрытый пеленами, и шествие из семидесяти Старейшин с пророком во глав исчезло в ущельях Синая. И неизвестно, кто более дрожал: левиты, пораженные всем совершившимся, или народ, приведенный

в ужас ожидаемой карой, которую Моисей поднял над их головами как невидимый меч.

— Если бы только возможно было уклониться от страшной силы этого жреца Озириса, этого пророка несчасляи говорили мятежники, и половина лагеря спешно складывала свои палатки, седлала своих верблюдов и готовилась к бегству.

Но вот какой то странный туман, густой сумрачный покров разостлался по небу; острый северный вихрь подул с Красного моря, пустыня окрасилась красновато бледным свйтом, позади Синая взгромоздились тяжелые тучи. Небо почернело. Порывы вихря приносили горы песку и молнии пронизывали крутящиеся облака, которые проносились над вершиной Синая, низвергая на нее потоки дождя.

Вслед затем разразилась гроза, и её громовые голоса перекатывались по всем горным ущельям и доносились до израильского лагеря устрашающим грохотом. Народ не сомневался, что то был гнев Элоима, вызванный Моисеем. Моавитянки исчезли; идолы были повержены, начальники племен пали ниц, женщины и дети искали спасения за телами верблюдов. И это длилось целую ночь и целый день. Молнии зажигали палатки, убивали людей и животных, и гром не переставал грозно греметь.

К вечеру следующего дня гроза начала затихать, но облака продолжали дымиться над Синаем и небо оставалось черным. Внезапно у выхода из горного ущелья показались семьдесят Старейшин и во главе их Моисей. И в неверном освещении наступивших сумерек, лица пророка и его избранных сияли сверхестественным светом, словно они несли на себе отблеск божественного видбния. Над золотым Ковчегом, над пылающими крыльями херувимов сверкал, подобно фосфорическому столбу, колеблющийся электрически свет. Перед этим необычайным зрелищем, начальники и народ, мужчины и женщины пали ниц в отдалении.

— Пусть вс, которые остались верны Единому Богу, приблизятся ко мне,—сказал Моисей.

Три четверти из предводителей Израиля выстроились вокруг Моисея; мятежники спрятались в своих палатках. Тогда пророк, подвигаясь вперед, приказал всем, сохранившим верность, поразить мечем зачинщиков восстания и всех жриц Астарты, дабы Израиль трепетал навек перед Элоимом, дабы не вспоминал закон Синая и его первую заповедь: «Я Господь Бог твой, который вывел тебя из страны

египетской, из дома рабства; да не будет у тебя других богов перед лицом Моим. Не делай себе кумира и

никакого изображения того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в вод ниже земли». (Исход, XX, 2—4).

Так, перемешивая страх с таинственным, Моисей внедрял свой закон и свой культ народу израильскому. Он хотел запечатлеть идею Иеговы пылающими буквами в глубине его души, и без этой беспощадности единобожие не могло бы победить многобожия, наводнявшего из Вавилона и Финикии окрестные страны.

Но что же видели семьдесят Старейшин на вершине Синая? Второзаконие (XXXIII, 2) говорить о величественном видении, о тысячах святых, появившихся среди грозовых туч на вершине Синая в ярких молниях Иеговы. Не было ли то появление мудрецов древнего цикла, арийских посвященных Индии, Персии и Египта, всех благородных сынов Азии, не пришли ли они все на помощь Моисею, чтобы воздействовать решающим образом на сознание его сотрудников?

Духовные силы, неизменно бодрствующие над человечеством, всегда окружают нас, но покров, отделяющий нас от них, разрывается лишь в великие часы и только для редких избранников.

Как бы то ни было, Моисею удалось передать семидесяти Старейшинам божественный огонь своей собственной энергии и непоколебимой воли. Они являли собой первый храм, предшествовавши храму Соломона: живой храм, двигавшийся впереди Израиля, его сердце, свет, освещавший ему путь.

Благодаря явлениям на вершине Синая и благодаря казни мятежников, Моисей приобрел великую власть над Семитами, которых он крепко держал в своей железной рук. И тем не менее новые возмущения, сопровождаемые новыми карами, возникали от времени до времени при бесконечных переходах по пути в Ханаан.

Подобно Магомету, Моисей должен был проявить одновременно и гений пророка, и даровании воина и общественного организатора. Он должен был бороться и против общего изнеможения, и против клевет, и против заговоров.

Вслед за народным восстанием, ему предстояло поразить гордость священников-левитов, которые желали сравняться с ним и выдавали себя за непосредственно вдохновляемых Богом; а позднее ему приходилось бороться с опасными заговорами честолюбивых начальников, вроде Корея, Датана и Абирама, которые разжигали народные восстания, чтобы низвергнуть пророка и провозгласить царскую власть, как это и осуществилось позднее с Саулом, несмотря на противодействие пророка Самуила.

В этой борьбе Моисей переходил от негодования к состраданию, от отеческой нежности к страшному гневу против своего народа, который бился в крепких тисках его неукротимого духа и поневоле покорялся ему. Отголосок этой борьбы мы находим в бесед, которую библейский рассказ приписывает Моисею и Богу, и которая раскрывает все, что творилось в глубине души пророка.

В Пятикнижии Моисей побеждает все препятствия невероятными чудесами. Иегова, понимаемый как личный Бог, всегда к его услугам. Он появляется над священной скишей в виде светлого облака, названного славой Господней. Один Моисей может приблизиться к Нему; все остальные, приближаясь, падают мертвыми.

Скиния Завита, заключавшая в себе священный ковчег, играет в библейском рассказ роль гигантской электрической батареи, заряженной огнем Иеговы, который поражал на смерть целые толпы людей. Сыновья Аарона, двести пятьдесят единомышленников Корея и Датана и наконец четырнадцать тысяч из народа (11 были убиты этим огнем).

Более того, Моисей вызывает в определенный час землетрясение, которое и поглощает трех возмутившихся начальников с их палатками и их семьями. Этот последний рассказ проникнут

устрашающей поэзией, но в то же время он носит характер такого преувеличения и такой явной легендарности, что говорить о его реальности не приходится.

Что в особенности придает оттенок наносный всем этим рассказам, это роль—разгневанного и непостоянного Бога, которую в них играет Иегова. Он постоянно готов грозить, распаляться гневом и разрушать, в то время как сам Моисей являет собою и милосердие, и мудрость. Представление о Боге столь младенческое и столь противоречащее божественный свойствам, должно быть не менее чуждо для посвященного Озириса, чем для самого Иисуса Христа.

И тем не менее, эти колоссальные преувеличения произошли— по видимому—под влиянием действительных необычайных явлений, вызванных магическими силами Моисея, силами, о которых постоянно упоминается в преданиях древних храмов.

Здесь уместно будет сказать несколько слов о так называемых чудесах Моисея, освещая их светом теософии и её оккультной науки. Вызывание электрических феноменов разнообразного вида могучей волей посвященных относилось в древности не к одному только Моисею.

Халдейское продаже приписывало то же самое своим магам, греческая и латинская традицая— известным жрецам Юпитера и Апполона . Во всех подобных случаях феномены принадлежать к области электричества.

Но при этом самое электричество приводится в действие силою, гораздо более тонкой, разлитой во всей вселенной, которую великие Адепты умели привлекать, сосредоточивать и направлять. Эта сила носит название Аказа у браманов, огненное начало у магов халдейских, великая магическая сила у каббалистов средних веков.

С точки зрения современной науки ее можно назвать эфирной силой. Можно привлекать эту силу или непосредственно, или вызывать ее при помощи невидимых посредников, сознательных или полусознательных, которыми кишит земная атмосфера, и которых воля магов умеет подчинять себе.

Эта теория не заключает в себе ничего противоречащего разумному представлению о вселенной и она даже необходима для объяснения множества феноменов, которые иначе оставались бы непонятными. Следует только прибавить к этому, что все подобные феномены управляются неизменными законами, и размер их соответствует всегда умственным нравственным и магнетическим силам Адепта.

Было бы противно разуму приписывать такие явления тому, что человек приводить в действие Первопричину, самого Бога, чти привело бы к отождествлена смертного с Богом. Человек поднимается к Богу лишь посредственно, путем мысли или молитвы, путем действия или экстаза. И Бог не проявляется в мире непосредственно, а лишь путем всемирных и незыблемых законов, которые служат выражением Его мысли, осуществляемой человечеством, которое является представителем Его во времени и пространств.

Утвердив эту точку зрения, мы считаем вполне возможным что Моисей, поддержанный духовными силами, которые ему покровительствовали, и владея эфирной силой с полным сознанием, мог пользоваться Ковчегом как своего рода приемником для производства электрических феноменов угрожающего характера.

Он изолировал себя, своих священников и доверенных лиц льняными одеждами и курениями, защищавшими его от ударов эфирного огня; но подобные феномены вызывались лишь в редких случаях; священническая легенда преувеличила их. Моисею было достаточно поразить несколько мятежных начальников или непослушных левитов подобным способом, чтобы устрашить весь народ и овладеть им.

глава VI. Смерть Моисея.

Когда Моисей привел свой народ до входа в Ханаан, он почувствовал, что дело его завершилось.

Чем являлся Иегова Элоим для ясновидца Синая? Божественным порядком, проявленным сверху до низу, на протяжении всех сфер вселенной и осуществленным на видимой земле по образу небесных иерархий. Он не вотще созерцал лик Вечного, который отражался во всех мирах. Его книга Бытия была заключена в Ковчег, Ковчег охранялся сильным народом, живым храмом Господа.

Основание культа единому Богу совершилось на земле; имя Иеговы сияло пламенными буквами в сознании Израиля; отныне века могут катить свои волны над изменчивой душой человеческой, они уже не в силах будут стереть с неё имя Вечного.

Убедившись в этом, Моисей стал призывать Ангела смерти. Он благословил своего преемника Иисуса Навина перед Ковчегом Завета, чтобы Дух Божий сошел на него, он благословил все человечество в лице двенадцати племен Израиля и поднялся на гору Нево, сопровождаемый Гисусом и двумя левитами.

Аарон в это время был уже отозван к праотцам и пророчица Мария последовала за ним. Настала очередь и Моисея. Каковы были мысли столетнего пророка, когда из глаз его исчезал лагерь Израиля, и когда он поднимался в великое одиночество Элоима? Что испытывал он, окидывая глазами обетованную землю, от Галаада до Иерихона, оттененного пальмами?

Истинный поэт, рисуя рукою мастера состояние его души, влагает в уста Моисея такое восклицание:

«О Господи! Я жил могучим и одиноким, Дай же мне уснуть сном всей земли».

Эти стихи говорят о душе Моисея более чем комментарии сотни теологов. Эта душа похожа на великую пирамиду Гизеха, массивную, обнаженную и замкнутую извне, но содержащую в своих недрах великие тайны и хранящую в своем центре саркофаг Воскресения из Мертвых. Оттуда через проход, пробитый вкось, можно было видеть полярную звезду. Подобным же образом и непроницаемый дух Моисея взирал из своего центра на конечную цель всех вещей.

Да, все могучие души познали одиночество, которое создается истинным величием; но Моисей был особенно одинок, потому что его руководящее начало было наиболее абсолютным и трансцедентным. Его Бог был по преимуществу олицетворением мужского начала, олицетворением чистого духа.

Чтобы внедрить Его в человечество, он должен был объявить войну началу женскому, богине Природе, Ев, Вечной Женщин, которая живет в душе земли и в сердце человека; он должен был бороться с ней беспощадно, не для того, чтобы уничтожить ее, но чтобы подчинить и овладеть ею.

Что же удивительного, если природа и женщина, между которыми существует таинственный союз, дрожали перед ним? Что удивительного, если они радовались его уходу и желая снова поднять головы, ожидали, чтобы тень Моисея перестала бросать на них предвиденье смерти.

Таковы были, вероятно, мысли ясновидца, когда он поднимался на пустынную гору Нево. Люди не могли любить его, ибо сам он любил только Бога. Но дело его—будет ли оно жить вечно? Его народ останется ли верным его миссии? О, роковое ясновидение умирающих, трагический дар пророков, который срывает все покровы в последний час!

По мере того, как дух Моисея освобождался от земного праха, он провидел будущее: он видел измены Израиля; анархии, поднимающую голову; царства, сменяющие Судей; преступления царей, пятнающие храм Господа; его Книгу искаженную и непонятую, его идею искалеченную и униженную невежественными священниками.

КНИГА П ЯТА Я.
Орфей.

(Мистерии Диониса).

глава 1.

Доисторическая Греция.—Вакханки.—Появление Орфея.

В святилищах Аполлона, которые владели Орфическим преданием, во время весеннего равноденствия, праздновалось мистическое торжество. Это было время, когда нарцисы расцветали вновь у источника Кастальского. Треножники и лиры храма звучали сами собой и были знамения, что невидимый Бог возвращается из страны гиперборейской на колеснице, влекомой лебедями.

И тогда великая жрица, в одеждах Музы, увенчанная лаврами, с священной повязкой на чел, начинала петь посвященным гимн о рождении Орфея, сына Аполлона и жрицы священного храма. Она призывала душу Орфея, отца мистов, создателя священных мелодий, властителя душ, Орфея бессмертного и трижды увенчанного: в аду, на земле и в небесах, шествующего с звездою на чел, среди Светил и Богов.

Мистическое пение дельфийской жрицы давало указание на одну из тайн, хранимых жрецами Аполлона и неведомых непосвященной толп. Орфей был животворящим гением священной Греции, будителем её божественной души. Его лира о семи струнах обнимала всю вселенную. Каждая из струн соответствовала также одному из состояли человеческой души и содержала закон одной науки и одного искусства. Мы потеряли ключ к её полной гармонии, но её различные тона никогда не переставали звучать для человечества.

Теургический импульс и веяние духа Диониса, которые Орфей сумел сообщить Греции, перебросились позднее в Европу. Наш век перестает верить в красоту жизни, и если, не смотря ни на что, он продолжает сохранять о ней воспоминание, исполненное тайной и непреодолимой надежды, этим он обязан великому Вдохновителю—Орфею. Преклонимся перед этим великим посвященным Греции, перед Отцом Поэзии и Музыки, понимая последние как откровения вечной истины.

Но прежде чем извлекать историю Орфея из преданий святилища, посмотрим, что представляла собой Греция при его появлении.

Это было в эпоху Моисея, пять веков до Гомера, тринадцать веков до Христа. Индия погружалась в свою Калииогу, в века темноты, и являла лишь тень своего прежнего величия. Ассирия, благодаря вавилонской тиражи, спустила в мир бич анархии и продолжала топтать Азию. Египет, все еще крепкий наукой своих жрецов и своих фараонов, противодействовал всеми своими силами этому всеобщему разложению; но влияние его останавливалось у Евфрата и у Средиземного моря. Израиль развернул в пустыне знамя единого Бога, внушенного ему гремящим голосом Моисея, но отголосок этого клича еще не пронесся над землей.

Греция того времени была поглощена религией и политикой.

Гористый полуостров, развернувший свои тонкие вырезы на лазури Средиземного моря и окруженный гирляндой островов, был населен с незапамятных времен отпрыском белой расы, близкой к Гетам, Скифам и первобытным Кельтам.

Эта раса подвергалась смешениям и получала воздействия со стороны всех предшествовавших цивилизаций. Колонисты из Индии, Египта и Финикии толпились на её берегах, населяли её мысы и

вносили в её долины разнообразные обычаи и верования. Множество кораблей с распущенными парусами скользили между ногами колосса Родосского, опиравшегося на каменные стены своей гавани.

Цикладское море, гд в ясные дни мореплаватель может увидать то тот, то другой остров, выплывающий на горизонт,—было все испещрено красными кораблями Финикийцев и черными галерами лидийских пиратов. Они уносили внутри своих кораблей все богатства Азии и Африки: слоновую кость, расписную посуду, сирийские ткани, золотые кубки, пурпур и жемчуг, часто и женщин, похищенных на каком-либо пустынном берегу.

Благодаря постоянному скрещиванию рас, образовалось гармоническое и легкое наречие, смесь первобытного кельтского, зендского, санскритского и финикийского. Этот язык, который величие океана изображал именем Посейдон, а ясность небес—именем Уран, подражал всем голосам природы, начиная с щебетания птиц до удара мечей и шума грозы. Язык Эллады был многоцветен как её темно-синее море с переливающейся лазурью, много звучен, как тревожный волны, то журчащие в её заливах,то разбивающиеся с ропотом о бесчисленные подводные р»феи,—poиipelosboio Thalassa, как говорить Гомер.

Во главе этих купцов или пиратов стояли часто жрецы, которые распоряжались ими. Они скрывали в своей барк деревянные изваяния какого-нибудь божества; изваяние было, без сомнения, грубо вырезано, но моряки тех времен высказывали ему такое же поклонение, какое мнопе из наших матросов оказывают мадонн; но жрецы эти обладали, тем не менее, известным количеством знаний и божество, которое они переносили из своего храма в чужую страну, представляло для них определенное понятие о природе, совокупность законов, а вместе с тем и религиозную и общественную организацию. Ибо в т времена вся руководящая жизнь исходила из святилищ.

В Аргосе поклонялись Юнон, в Аркадии—Артемид; в Коринее финикийская Астарта превратилась в Афродиту, рожденную из пены морской.

Некоторые эзотерические наставники появились в Аттик. Египетские колонисты перенесли в Элевзис культ Изиды под видом Деметры (Цереры), матери Богов. Эрехтей основал между горой Гиметтой и Пенteликом культ БогиниДевы, дочери неба, покровительницы маслины и мудрости. Во время враждебных нашествий, при первом знаке тревоги, население укрывалось в Акрополе, теснясь вокруг богини и вымаливая у неё победу.

Над местными божествами царило несколько космогонических богов. Но в уединении, на своих высоких горах, вытесненные блестящим кортежем божеств, представлявших женское начало, они имели мало влияния. Бог солнечного цикла, Аполлон дельфийский, уже существовал, но не играл еще выдающейся роли. У подножия снеговых вершин Иды, на высотах Аркадии и под дубами Додона,

жили жрецы Зевса Вседержителя. Но народ предпочитал таинственному и всемирному Богу своих богинь, который представляли собою природу в её могущества, с её силами, ласкающими или грозящими.

Подземные реки Аркадии, горные пещеры, спускающиеся до глубоких недр земли, вулканические извержения на островах Эгейского моря, вызывали с давних времен у Греков наклонность к обоготворению таинственных сил земли. Благодаря этому, и на её высотах, и в её глубинах природу познавали, боялись и почитали. Но в виду того, что все эти божества не сливались в религиозном синтезе, между ними происходила ожесточенная война.

Враждебные храмы, соперничающие города, разъединенные религиозными обрядами и честолюбием жрецов и королей, народы, разделенные различием богослужения,—все ненавидели друг друга и вели между собой кровавые битвы.

Позади Греции находилась дикая и суровая Фракие. К северу, цепи гор, покрытые гигантскими дубами и увенчанные скалистыми вершинами, следовали одна за другой, то понижаясь, то повышаясь, то развертываясь огромными амфитеатрами. Северные ветры взрывали лесистые горные склоны и частые

грозы проносились над их вершинами. Пастухи горных долин и воины равнин принадлежали к сильной белой рас Дорийцев. Эта мужественная раса, отличалась в своей красоте—резко очерченными чертами и решительным характером, а в безобразии — тем устрашающим и в то же время величественным выражением, которое служить отличием маски Медузы и античных Горгон.

Как все древние народы, получившие свою организацию из центров мистерий, каковы Египет, Израиль и Этрурия,—Греция также имела свою священную географию, по которой каждая страна становилась символом той или другой области духа, разумной и сверхфизической.

Почему Греки почитали всегда Фракию за священную страну Мира и истинную родину Музе? Потому что на её высоких горах находились самые древние святилища Кроноса, Зевса и Урана. Оттуда спустились в священных мольпических рифмах Поэзия, Законы и священный Искусства.

Баснословные поэты Фракии убеждают в этом. Возможно, что имена Тамариса, Линоса и Амфиона соответствуют действительным личностям, но на языке храмов они олицетворяют прежде всего три рода поэзии.

В тогдашних храмах история писалась не иначе, как аллегорически. Личность была ничто, доктрина и дело—все. Тамарис, который воспевал борьбу Титанов и был ослеплен Музами, олицетворяет поражение космогонической поэзии и победу новых веянии. Линос, который ввел в Грецию меланхолические песни Азии и был убит Геркулесом, указывает на вторжение во Фракию чувствительной поэзии, слезливой и сладострастной, которая вначале оттолкнула от себя мужественный дух северных Дорийцев. Тот же Линос означает и победу лунного культа над солнечным.

Наоборот, Амфион, который, судя по аллегорической легенде, приводил своими песнями камни в движение и воздвигал целые храмы звуками своей лиры,—представляет собою ту пластическую силу, которая таилась в солнечном мифе и в доршской поэзии, отражаясь на эллинском искусстве и на всей эллинской цивилизации.

Совсем иным светом сияет Орфеи. Он просвечивает на протяжении веков лучом индивидуального творческого гения, душа которого трепетала любовью к Вечно-Женственному, и на эту любовь отвечало такою же любовью то вечное Начало, что живет и дрожит под тройным видом в Природе, в Человечества и в Небесах. Поклонение святилищам, предания посвященных, голоса поэтов, мысль философов и более всего остального: его творение, прекрасная Греция,—свидетельствует о его живой реальности!

В эту эпоху Фракия была добычей ожесточенной борьбы. Солнечные культы и культы лунные оспаривали одни у других главенство.

Эта борьба между поклонниками солнца и луны не была—как можно бы подумать—пустой распрей двух суеверий; эти два культа представляли две теологии, две космогонии, и две общественные организации совершенно противоположного характера. Культы Урана и солнечный имели свои храмы на возвышенностях и на горах; представителями их были жрецы и они обладали строгими законами.

Лунные культы царили в лесах, в глубине долин и имели жрицами женщин; они отличались сладострастными обрядами, беспорядочным применением оккультных искусств и наклонностью к орпазму.

Между жрецами солнца и жрицами луны происходила борьба на жизнь и смерть. То была борьба полов, идущая из древности, открытая или замаскированная, никогда не прекращавшаяся между началом мужским и началом женским, наполняющая своими превратностями всемирную историю и в которой отражается тайна миров. Так же, как совершенное соединение мужского и женского начала образует самую суть и тайну божественности, так и равновесие этих двух начале—может одно лишь производить великие цивилизации.

Всюду, во Фракии как и в Греции, боги мужского начала, космогонические и солнечные,—принуждены были удалиться на высокие горы в безлюдие пустынных местностей. Народ предпочитал им тревожный характер божеств .женского начала, которые вызывали к жизни опасный страсти и слепые силы природы. Эти культы приписывали высшему божеству женское начало.

Последствием этого появились страшные излишества. У фракийцев жрицы луны или тройной Гекаты захватили верховную власть, овладев древним культом Вакха и придав ему страшный и кровавый характер. Как признак своей победы, они приняли имя

Вакханок, чтобы подчеркнуть свое главенство, верховное царство женщины, её господство над мужчиной.

Поочередно то волшебницы, то соблазнительницы, то жрицы кровавых человеческих жертв, он устраивали свои святилища в уединенных равнинах.

В чем же состояло мрачное очарование, которое притягивало одинаково и мужчин и женщин в эти пустынные места, заросли роскошной растительностью?

Обнаженные формы, похотливые танцы в лесных чащах... Крики, хохот, и сотни вакханок бросалось на любопытного чужеземца, чтобы повергнуть его на землю. Он должен был выразить полную покорность и подвергнуться их церемониям и обрядам, или же погибнуть. Вакханки приручали пантер и львов, которые должны были участвовать в их празднествах. По ночам они поклонялись перед тройной Гекатой; затем, в бешеных круговых плясках вызывали подземного Вакха, двуполого и с лицом быка . Но горе чужеземцу, горе жрецу Юпитера или Аполлона, приблизившемуся, чтобы подсматривать за ними: его беспощадно растерзывали в куски.

Первые вакханки были таким образом друидессами Греции. Многие из начальников Фракии оставались верными древнему мужскому культу. Но вакханки проникли к некоторым из фракийских царей, которые соединяли в своей жизни варварские нравы с азиатской роскошью и утонченностью. Они их соблазнили сладострастием и укротили страхом.

Таким образом, Боги разделили Фракию на два враждебные лагеря. Но жрецы Юпитера и Аполлона, уединившиеся на пустынных, озаряемых молниями вершинах, были бессильны перед Гекатой, которая приобретала все больше влияния в знойных долинах, и оттуда начинала угрожать алтарям сынов Света.

В эту эпоху во Фракии появился молодой человек из царского рода, обладавши непобедимой силой обаяния. Его считали сыном одной из жриц Аполлона. Его музыкальный голос производил необычайное очарование. Он говорил о Богах с особым, ему одному свойственным ритмом и на нем была ясная печать вдохновения. Его белокурые волосы, гордость Дорийцев, падали золотистыми волнами на плечи, а музыка его речей проникала до глубины души. Его темноголубые глаза сияли нежно и проникновенно и взгляд их был полон магической силы. Свирепые фракийцы боялись его взгляда, но женщины, всегда чувствовали более тонко, говорили, что в его глазах соединялся могучий свет солнца с нежным сиянием луны. Даже и вакханки, привлеченные его красотой, бродили вокруг него, жадно прислушиваясь К его непонятным для них речам.

Так продолжалось некоторое время, пока молодой человек, которого называли сыном Аполлона, не исчез внезапно. Говорили что он умер и спустился в ад. В действительности, он удалился втайне в Самофрас, затем в Египет, где и попросил убежища у жрецов Мемфиса. Приобщившись к их мистериям, он через двадцать лет возвратился на родину под новым именем, которое получил при посвящена после ряда выдержанных испытаний, от своих учителей. В этом имени выражалась его миссия;

он назывался теперь Орфей или Арфа , что означает исцеляющий светом.

Самое древнее святилище Юпитера возвышалось тогда на горе Каукаюн. В древние времена его иерофанты считались великими первосвященниками. С вершин этой горы они господствовали над всей

Фракией, но с тех пор как божества долин приобрели перевес, их приверженцы сохранились лишь в небольшом числе, и храм их почти опустел. Жрецы горы Каукаюн приняли посвященного египетского храма как спасителя. Своими знаниями и своим энтузиазмом, Орфей увлек большую часть Фракии, совершенно преобразил культ Вакха и укротил Вакханок.

Скоро его влияние проникло во все святилища Греции. Он установил первенствующее значение Зевеса во Фракии и Аполлона в Дельфах, где и положил основу для трибунала Амфиктюнов, который привел Грецию к общественному единству; и, наконец, созданием Мистерий он сформировал религиозную душу своей родины. Ибо, на

вершине посвящена он слил религию Зевеса с религией Диониса в единую Мироаyiс идею. В его поучениях посвященные получали чистый свет духовных истин, и этот же свет достигал до народных масс, но умеряемый и прикрытый покровом поэзии и очаровательных празднеств.

Таким образом, Орфей стал первосвященником Фракии, великим жрецом Олимпийского Зевеса, а для посвященных— Учителем, раскрывшим значение небесного Диониса.

глава II.

Храм Юпитера.

Вблизи источников Эбра возвышается гора Каукаюн. Густые дубовые леса опоясывают ее со всех сторон. Дикие скалы и циклопические камни венчают ее. В течение тысячелетий это место считалось священным. Пелазги, Кельты, Скифы и Геты, изгоняя последовательно друг друга, приближались одни за другими к священной rope, чтобы поклоняться на её вершине различным богам. Поднимаясь на такую высоту и созидая с таким напряжением в царстве вихрей и молний свой храм, не ищет ли человек все того же единого Бога, каким бы именем он не называл его?

Храм Юпитера возвышался в центре священной ограды, прочной и недоступной подобно крепости. Перистиль из дорийских колонн вел в темный входной портик. Сияющее небо Грецш заволакивалось нередко грозовыми тучами над горами Фракии, и тогда её изрытые долины расстилались подобные бурному морю, изборожденному молниями.

Настает час жертвоприношения. Жрецы Каукаюна не приносят иной жертвы, кроме жертвы огню. Они спускаются по ступеням храма и зажигают принесенным из святилища факелом костер, сложенный из ароматического дерева. Затем, из храма выходить первосвященник. Одетый в белые льняные ткани, как и другие жрецы, он отличается от них венком из мирт и капариса, священным скипетром и золотым поясом, который сверкает темными огнями драгоценных камней, символами таинственной власти. Это—Орфей.

Он ведет за руку ученика, молодого жреца Дельфийского храма, который, побледнев и дрожа от восторга, ожидает слов великого посвященного. Орфей видит его дрожь, и чтобы успокоить избранного ученика, он нежно обнимает его плечи рукой. Его глаза полны

глубокой нежности и в то же время сверкают силой. И пока внизу, у их ног, жрецы обходят вокруг зажженного жертвенника и поют гимн огню, Орфей торжественно произносить слова посвящения, который проникают в самую глубину сердца молодого места. Постараемся привести окрыленный слова Орфея:

«Погрузись в свою собственную глубину, прежде чем подниматься к Началу всех вещей, к великой Триад, которая пылает в непорочном Эфире. Сожги свою плоть огнем твоей мысли; отделись от материи, как отделяется пламя от дерева, когда сжигает его. Тогда твой дух устремится в чистый эфир предвечных Причин, подобно орлу, как стрела летящему к трону Юпитера.

<Я раскрою перед тобой тайну миров, душу природы, сущность Бога. Прежде всего узнай великую мистерию: единая Сущность господствует и в глубин небес, и в бездн земли, Зевес—громовержец,

Зевес—небожитель. В нем одновременно и глубина указаний, и мощная ненависть, и восторг любви. Дыхание всех вещей неугасимый Огонь, мужское и женское Начало; Он и Царь, и Бог, и великий Учитель.

«Юпитере—и божественный Супруг, и Супруга, Отец и Мать От Их священного брака исходят непрерывно Огонь и Вода, Земля и Эфир, Ночь и День, гордые Титаны и неизменные Боги, и разносятся семена человеческого рода.

«Любовный союз Неба и Земли чужд для непосвященных. Мистерии Супруга и Супруги раскрыты только перед людьми, достигшими божественности. Но я хочу провозгласить истину. Сейчас гром потрясал эти скалы; молнии падали на них с неба подобно живому огню, подобно катящемуся пламени, а эхо гор разносило вдаль радостные раскаты грозы. Но ты дрожал, не зная, откуда этот огонь и куда он упадет. Это—огонь мужского Начала, семя Зевеса, творческое пламя, оно исходить из сердца и ума Юпитера;

оно проникает все существа. Когда падает молния, она вырывается из Его правой десницы; но нам, Его жрецам, известна Его Сущность; мы можем отстранять, а иногда и направлять Его стрелы.

«А теперь взгляни на небесный свод. Взгляни на этот блестящий круг созвездий, на который наброшено легкое покрывало Млечного Пути, сверкающая пыль миров и солнце. Взгляни, как пылает Орион, как переливаются Близнецы и как Сияет Лира. Это тело божественной Супруги, которая вращается в гармоническом круговороте под пеше Супруга. Взирай очами духа и ты увидишь её

опрокинутую голову, её простертый руки, и ты поднимешь её покрывало, усеянное звездами. Юпитер одновременно и Супруг и Божественная Супруга. Воте—первая тайна.

«А теперь приготовься ко второму посвящежю. Трепещи, плачь, радуйся, обожайи Ибо дух твой должен проникнуть в пылающую область, в которой великий Демиург смешивает души и миры в чаше жизни. Утоляя свою жажду в этой опьяняющей чаш, все существа забывают свое небесное происхождение и опускаются в страдальческую бездну рождений.

«Зевес есть великий Делиург. Дионисе—Его сын, Его проявленный Глагол, Дюнисе—Дух светлый, живой Разум, сиял в обителях Отца Своего, в храме неизменного Эфира. Однажды, когда он склонившись созерцал бездны неба через покров созвездж, он увидал в голубой бездне свой собственный образ, простираюищй к нему руки. Увлеченный этим прекраскым видетем, очарованный своим двойником, он бросился, чтобы схватить его. Но призрак удалялся все более и более и притягивал его в глубину бездны.

«И наконец он спустился в тенистую долину, обвеянную страстными дуновениями, которые ласкали его тело.

«В одном из гротов он увидал Персефону. Прекрасная Майя ткала покров, в котором переливались образы всего сущего. Перед божественной девственницей Дюнис остановился в немом восторгв. В это время гордые Титаны и свободные Титаниды увидали его. Первые—завидуя его кросот, вторые —охваченные безумием любви, подобно грозным элементам бросились на него и растерзали его в куски. Распределив между собой его члены, они бросили их в кипящий котел и погребли его сердце. Юпитер поразил своими громами Титанов, а Минерва поднялась в высоты эфира с сердцем Дюниса; там это сердце превратилось в пылающее солнце.

«Из клубов же фимиама, которые поднимались от сожигаемого тела Дюниса, произошли человеческие души и поднялись к небу. Когда их бледные тени достигнуть до пылающего сердца Бога, он зажгутся ярким пламенем, и тогда Дюнис воскреснет, более живой чем прежде, в высотах Эмпирея.

«Теперь ты познал мистерию о смерти Дюниса. Выслушай мисТеpilo его воскресения. Человечество—плоть и кровь Дюниса. Страдающще люди, это—его растерзанные члены, которые ищут друг друга,

терзаясь в ненависти и преступлениях, в бедствйх и в любви, на протяжеши многих тысяч существовашй.

«Огневая теплота земли, бездна низших сил, притягивает их все более и более в пропасть, все более разрывает их. Но мы, посвященные, знающие то, что на верху, и что внизу, мы—спасители душ, мы—Гермесы человечества, подобно магниту мы притягиваем их к себе, сами притягиваемые Богами. Таким образом помощью небесных чар мы воссоздаем живое тело божества. Мы заставляем небо проливать слезы и землю издавать ликоваше; подобно драгоценным камням, мы несем в сердц своем слезы всех живых существ; чтобы преобразить их в улыбки, Бог умирает в нас; в нас. же Он воскресаете».

Так говорил Орфей. Ученик дельфийского храма преклонил кольни перед своим учителем, а первосвященник Юпитера простер руку над его головой и произнес следующие слова посвящения:

«Да будет неизреченный Зевес и Дюнис, трижды проявляющая в аду, на земл и в небесах,милостив к твоей молодости и да прольет он в твое сердце науку Богове».

Затем посвященный покидал перестиль храма и шел к жертвеннику, чтобы бросить в его огонь стиракс и трижды призвать ЗевесаГромовержца. Жрецы, составив круг, медленно двигались вокруг него, распевая гимны. Первосвященник оставался под портиком, пока вновь принятый ученик снова не подошел к нему.

«Сладкозвучный Орфей,—сказал он, — возлюбленный Сын Бессмертныхь и нежный целитель душеи С того дня, как я услыхал твои гимны Богам на празднестве Аполлона Дельфийского, ты восхитил мое сердце, и я готов следовать за тобой повсюду. Твои гимны подобны опьяняющему нектару, твои поучения подобны острому напитку, который возрождает поникшее тело, разливая по его членам новую силу.»

«Тяжел путь, ведущий отсюда к Богамеи произнес Орфей, который, казалось, прислушивался к внутренним голосам более, чем к голосу своего ученика.» Цветущая тропинка, крутой подеем и затем острые скалы, над которыми сверкают молши, и безграничное пространство, воте—судьба Ясновидца и Пророка на землв. Оставайся же, диния мое, на цветущих тропинках равнины, не ищи того, что за ними.»

«Моя жажда усиливается по мвре того, как ты ее утоляешь, отвечал молодой посвященный.» Ты поучал меня о сути Богов, но поведай мн, великий учитель МистерЕй, вдохновляемый божественным Эросом, смогу ли я их увидгьт когданибудь?»

«Очами духа», отввтил первосвященник Юпитера, «но не телесными очами. Ныне же ты в состояти видеть лишь земными очами. Необходим великий труд, или же тяжкие страдания, чтобы открылся внутренний взор.»

«Ты один можешь открыть его, Орфейи Оставаясь с тобой, я не ведаю страха.»

«Если ты хочешь того, слушай. В Фессалт, в долине Тэмпейской, возвышается мистический храм, закрытый для непосвященных. В этом храме Дионис обнаруживается перед мистами и ясновидящими. Через год приходи на его праздник; я погружу тебя в магический сон, я раскрою твои очи, чтобы они увидели божественный мир, а до тех пор сохраняй целомудрие жизни и белизну души, ибо знай, что божественный огонь ужасает слабых и убивает нечестивых.»

После б этих слов учитель повел дельфШского ученика во внутренность храма и указал ему назначенную для него келью. Там была зажжена египетская лампае которую поддерживал крылатый гений, и там, в сундуках из душистого кедра, находились многочисленные свитки папирусов, покрытые египетскими иероглифами и финикийскими письменами, а также свитки, написанные Орфеем на греческом язык, которые заключали его тайное учете.

Учитель и ученик беседовали в келье до глубокой ночи.

глава иии. Празник ДЕониса в долини Тэмпейской .

Это было в бессалт, в свежей долине Тэмпейской. Святая ночь, посвященная Орфеем мистериям Диониса, наступила. В сопровождении одного из служителей храма, дельфжский ученик шеле

по узкому и глубокому ущелью между островерхими скалами. В темноте ночи не было слышно иного звука кроме журчания реки, которая протекала в зеленых берегах долины. Наконец, серебрянныи диск луны показался изеза черной гривы скал. её магнетический свет скользнул по всем глубинам, и вдруге—волшебная долина осветилась вся неземным светом. Словно сдернули с неё покрывало и вся она раскрылась с своими зелеными оврагами, рощами из ясеней и тополей, своими хрустальными ручьями, гротами, заросшими вьющимся плющем, и с своей извилистой речкой, то охватывающей своими рукавами тенистые островки, то катящей свои волны под сплетенными ветвями больших деревьев. Бледный туман и сказочный сон окутывал все растения. Казалось, что вздохи нимф проносились по зеркальной поверхности реки и что смутные звуки флейт поднимались из чащей неподвижных тростников. Надо всей долиной носились незримый чары Дианы.

Дельфийский ученик шел как во вс. Он останавливался от времени до времени, чтобы вдохнуть аромат жимолости и горького лавра. Но магический свет длился лишь одну минуту. Луна закрылась облаком и все патемнело: скалы приняли угрожающий вид и блуждающие огни засветились во всех направлетях, под густою тенью деревьев, на берегу реки и в углублениях долины.

«Это Мисты, — сказал проводник,—пускаются в путь. Каждая группа имеет своего проводникафакелоносца. Мы последуем за ними.»

Наши путники встречали много живописных процессий, выходивших из глубины рощ; вначале они увидали мистов молодою Вакха, юношей, одетых в длинные туники из тонкой льняной ткани и в венках из плюща. Они несли чаши из резного дерева, символ чаши жизни. Затем прошли молодые люди с гордой и смелой осанкой, которых называли листами сражающаюсл Герщлеса;

на этих были короткие туники, обнаженные ноги, львиные шкуры, спадающие с одного плеча, оливковые венки на головах.Затеме

появились мисты растерзанною Вакха с пятнистыми пантеровыми шкурами на плечах,с пурпурной повязкой на волосах,с тирсом в рук.

Проходя мимо одной пещеры они увидали распростертых на земле мистов Аидонаи и подземного Эроса. Это были люди, оплакивающие своих умерших родственников и друзей; они пели тихими голосами:

«Аидонаии Аидонаии Возврати нам тех, кого ты взяла у нас, или дозволь нам спуститься в твое царство».

Ветер, врываясь в пещеру, как бы продолжал под землей протяжные стоны мрачного напева. Внезапно один из мистов повернулся к ученику дельфжского храма и сказал ему:

«Ты переступил порог Аидонаи. Ты не увидишь более света живущихе».

Другой мист, проходя мимо, задел его и шепнул ему на ухо:

«Тень, ты сделаешься жертвой тени. Ты, который принадлежишь ночи, ты вернешься в царство Эребаи» И он пустился бежать.

Ученик дельфийского храма почувствовал себя оледеневшим от страха. Он шепнул своему проводнику: «что означает все это?» Служитель храма, казалось, ничего не слыхал. Он произнес

равнодушным тоном: «Нужно перейти через мост. Никто не может избежать конца». Они перешли деревянный мост, переброшенный через Пенею.

«Откуда, спросил ученик, исходят эти печальные голоса и эта жалобная мелодия? Кто эти светлые тени, проходящие длинными вереницами под тополями?»

«Это женщины, которые собираются принять учасле в мистериях Дюниса.»

«Знаешь ли ты их имена?»

«Здесь никто не знает имени другого и старается забыть свое собственное имя. Ибо, как при входе в священную обитель мисты оставляют свои запыленные одежды, чтобы искупаться в рек и облечься в чистые льняные ткани, также покидает каждый из них свое прежнее имя и принимает новое. В течете семи дней и семи ночей люди преображаются, как бы переходят в новую жизньПосмотри на все эти вереницы женщин. Он соединились не по семьям или странам, а по тому Богу, который вдохновляет их.»

И они увидели шествие молодых девушек в венках из нарцисов и в голубых пеплумах,которых проводник называл нимфами Персефоны. Они несли в своих руках урны и друпе

предметы, отданные ими в силу обета; затем появились в красных пеплумах мистическгя возлюбленный, пламенный искательницы Афродиты. Оне углубились в темную рощу и оттуда понеслись горячю призывы, смешанные с слабыми рыдатями. Затем, из другой темной миртовой рощи раздались страстные напевы; они поднимались к небу медленными призывами:

«Эросеи Ты ранил наше сердцеи Афродитаи Ты сокрушила наши членыи Мы покрыли грудь нашу кожей молодого оленя, но в груди мы несем кровавый пурпур наших ран. В нашем сердце—пожираюший огонь. Мы умираем, но не от болезни: нас сожигает любовь. Поглоти нас, Эросеи Эросеи Или освободи нас, ДЮнисеи Дибнисеи»

Затем приблизилось другое шествие. Здесь женщины были совершенно закутаны в черные одежды, с длинными вуалями, падавшими на землю. И все казались огорченными, словно ониэ были в большой скорби. Проводник назвал их оплакивающими Персефону. В этом мест возвышался большой мраморный мавзолей, опутанный плющем. Женщины опустились на кольни возле него, распустили свои волосы и стали испускать жалобные крики. На каждую строфу желания, оне произносили ответную строфу скорби.

«Персефонаи стонали он, ты умерла, похищенная Аидонаи; ты спустилась в царство мертвых. Но мы, оплакивающия возлюбленнаго, мы—живые мертвецы. Да не взойдет над нами заря новаго дня. Да дарует нам вечный сон та земля, которая покрывает тебя, о великая богиняи И пусть моя тень бродит в объятиях возлюбленной тении Услышь нас, Персефонаи»

Перед этими странными сценами, под заразительным восторгом всех этих глубоких ощущений, ученик дельфШского храма почувствовал себя объятым тысячью ощущешй разнородных и мучительных; он перестал быть самим собою; желания, мысли и страдания всех этих существ проникли в него и сделались ею желаниями и ею страдатями. Его душа как бы раздробилась, проникая в тысячи тел, смертельное томлете овладело им. Он не знал более—живой ли он человек, или—лишь тень человека.

Проходивши по той же троп посвященный высокого роста подошел к женщинам и сказал: хМир опечаленным тенямеи Страдающие женщины, стремитесь к свету Дюниса, Орфей вас ожидаетеи» И все женщины окружили его в молчаливом ожидаши, сняли с себя венки, а он своим тирсом показал им дорогу.

Тогда некоторый из них наклонились к источнику и зачерпнули воды в резные чаши; затем шествие пришло в порядок и двинулось вперед. Молодые девушки пошли впереди. Он пвли гимн с таким

припевом: «потрясайте цветами макаи Утоляйте жажду из волн Летыи Дай нам желанный цветок и да расцветает нарцисс для сестер нашихеи Персефонаи Персефонаи».

Ученик еще долго шел с своим проводником. Они проходили через луга, покрытые златоцветом; они шли под тенью кипарисов, грустно шелестивших над их головами. Они слышали заунывное пйте, которые носилось в воздухе и достигало до них неизвестно откуда. Они видели на деревьях страшные маски и фигурки из воска, напоминавция спеленатых детей.

То там, то здесь, через реку переплывали лодки, наполненные молчаливами людьми, словно привидениями. Под конец долина раздвинулась, вершины гор осветились, появилась заря. Вдали виднелись темные ущелья горы Осса, прорезанные пропастями, в которых громоздились обломки скал. Блиние к путникам, посреди гористого амфитеатра, на лесистом холме засиял, освещенный розовой зарей, храм Дюниса.

Уние солнце золотило вершины гор. По Мерt того, как они приближались к храму, со всех сторон появились толпы мистов, шествия женщин и группы посвященных. Все это множество людей, серьезных с виду, но внутренне взволнованных тревожным ожиданюм, встретилось у подошвы холма и начало подниматься по тропинкам к святилищу. Веt приветствовали друг друга как друзья, потрясая миртовыми ветвями и тирсами.

Провожатый ученика исчез, а сам ученик дельфийского храма очутился—неожиданно для себя—в группе посвященных, которые отличались разноцветными повязками, придерживавшими их волосы на голов. Он их никогда не видал ранее этой минуты, а между тСм ему казалось, что он узнает их, и это вызвало в нем чувство большой радости. И они также, казалось, ожидали его и приветствовали как брата и поздравляли его с благополучным прибьтем.

Смешавшись с ними и какебы несомый на крыльях, он поднялся на самые высокия ступени храма, когда внезапно яркий луч сввта ослвпил его глаза. Это было восходящее солнце, которое бросило свои первые снопы света на равнину, освСтив яркими лучами всех мистов и посвященных, теснившихся на ступенях храма и группами подвигавшихся к нему.

В это время хор запел священный гимн. Бронзовые двери храма открылись безшумно, и сопровождаемый факелоносцем, появился иерофант Орфей. Ученик дельфийского храма, узнав его, задрожал от радости. Одетый в пурпуровые одежды, с лирой в руке, Орфей Сиял вечной юностью. Он заговорил:

«Привет всем вам, которые пришли, чтобы возродиться поели страданий земной жизни, привет вам, возрождающимся в этот часеи Войдите, чтобы испить от источника света, вы,которые пришли из темноты, мисты, женщины, посвященныеи Войдите и радуйтесь, вы, которые страдали; войдите и отдохните, вы—которые боролись. Солнце, которое я призову на ваши головы и которое засияет в ваших сердцах,не есть солнце смертных; оно—чистый свет Дибниса, великая звезда посвященных. Силою ваших пережитых страданий и того усилия, которое вас привело сюда, вы победите, а если вера ваша в божественное слово крепка, вы победили уже и теперь. Ибо, после долгаго круговорота темных существований, вы освободитесь из скорбного круга рождений и соединитесь все, как единое тело и как одна душа, в свете Дибниса.

«Божественная искра, которая освещает нам путь наземл —в нас самих; в храм она становится ярким факелом, на небесахе—светлой звездой. Так растет свет Истины.

«После ушайте, как звучит лира о семи струнах,лира Бога... Она вызывает движеше Миров. Слушайтеи и да проникнут её звуки в вас, и да откроются перед вами глубины небесеи

«Здесь дается помощь ослабевшим, утешеше страждущим, надежда всемеи Но горе злым и нечестивым, они будут уличены. Ибо в экстазе мистерт каждый видит душу другого до самой глубины. Злые поражаются ужасом, а нечестивые—смертью.

«HbiHt, когда свет Дениса засиял над вами, я призываю небесного Эроса, милостиваго и всемогущего. Да будет он в вашей любви, в ваших слезах и в ваших радостях. Любите, ибо все любит: и демоны в безднах,и боги в эфир. Любите, ибо все любит, но любите свет, а не мрак. Вспоминайте во время пути о цели. Когда души возвращаются в обитель света, оне несут на своих звездных телахе—подобно безобразным пятнаме—вс грехи жизни... И, чтобы изгладить их, душа должна перенести искупление и возвратиться на землю... И одни лишь чистые и сильные входят в обитель света ДЮниса.

«А теперь воспоем Эвохэи»

«Эвохэи» возгласили герольды в четырех концах храма и раздалась священная музыка. Эвохэи ответили все собравшиеся с энтузиазмом, теснясь на ступенях святилища. И крик Дюниса, священный призыв к возрождежю и к вечной жизни, прокатился по долин, повторяемый тысячью голосов и отбрасываемый всеми горными эхо. И пастухи в диких горных проходах Оссы, затерявцлеся с своими стадами в тени лесов, задеваемых облаками, отвечали тем же криком: «Эвохэи».

глава IV.

Видения посвященнаго.

Празднество прошло как сон; наступил вечер. Священные танцы, гимны и молитвы словно растаяли в розовом туман. Орфей и его ученик спустились по подземной галлере в священный склеп, находившая в середине горы, куда один иерофант имиэл свободный доступ. Там предавался он своим одиноким медитациям или занимался с своими адептами высшими искусствами магии и теурпи.

Они вступили в обширную пещеру. Два факела, вставленные в полу, слабо освещали трещины её стен и таинственный мрак её далей. В нескольких шагах от них зшла черная рассблина; горячий ветер исходил из неё и казалось, что глубокая трещина спускается до самых недр земли. На краю её стоял небольшой жертвенник, на котором горели куски лавроваго дерева и стоял сфинкс, высеченный из порфира. Очень далеко, на неизмеримой высоте, пещера освещалась продольной трещиной, через которую в эту минуту виднелось звёздное небо. Этот слабый луч голубоватого света являлся какебы оком небес, проникающим в черную бездну.

«Ты пил из источника божественного Сввта,» сказал Орфей, «ты вступил с чистым сердцем в недра мистерий. Торжественный час пробил и я дам тебе проникнуть до самых источников жизни и света. Те, которые еще не приподняли густой покров, скрывающий невидимый мир от взора человеческого, те еще не пріобщились к сынам БожЕим.

«Внимай же истинам, которые необходимо умалчивать перед толпой и которые составляют силу святилищ.

«Боие един и всегда подобен Себ Самому. Он управляет всей вселенной. Но Боги разнообразны и безчисленны; ибо божественное вечно и не имеет конца. Величайшие из нихе—души светил. Солнце, звезды, земли, луны, каждое светило имеет свою душу, и все он6 изошли из небесного огня и из первозданного света. Недоступные, неизменные, он управляют великим целым своими ритмическими движениями. И каждое светило, вращаясь, вовлекает в свою эфирную сферу сонмы полубогов или просветленных душ, которые были когда то людьми и, спустившис по лестнице воплощенных царств, победоносно вознеслись снова на высоту, где кончается круг рождений. Посредством этих чистых духов Бог дышит, действует, проявляется. Более того, они являются дыхатем Его Души, лучами Его вечного Разума. Они направляют целые воинства низших духов, которые действуют в элементах; они же управляют мирами. И вдали, и вблизи, они окружают нас и, хотя по сути своей бессмертные, они облекаются в формы, меняюьнияся сообразно временам, народам и странам. Нечистивый отрицает и все же боится их; праведный поклоняется им, хотя и не видит их; посвященный знает их, видит и способен привлекать их.

«Если я боролся, чтобы найти их, если я не побоялся смерти и, как говорят, спускался в ад, я делал это, чтобы победить

демонов бездны и призвать свыше богов на мою возлюбленную Грецию; я делал это, чтобы глубокое небо сочеталось с землей, и очарованная земля услыхала музыку божественных голосов... Небесная красота воплотится в тело женщины, огонь Зевеса потечет в крови героев, и ранее, чем подняться к светилам, сыны Богов засжют славой подобно Бессмертным.

«Известно ли теб, что такое Лира Орфея? Это—звук вдохновенных храмов. Струны её—боги; подь их мелодии Греция настроится подобно лир, и самый мрамор запоет в стройных размерах и в светлых гармотях небожителей.

«А теперь я вызову моих Богов, дабы они появились перед тобой живыми и показали теб в пророческом видети мистический гименей, который я готовлю Миру и который узрят посвященные.

«Ложись в углублете этой скалы. Не бойся ничего Магический сон сомкнет твои вежды; вначал ты будешь содрагаться и увидишь страшные вещи; но затеме—чудный свет и неведомое блаженство овладеет всем твоим существом.»

Ученик лег в нишу, высеченную в вид ложа в скал. Орфей бросил горсть благовоний в жертвенный огонь; затем, взяв в руку свой скипетр, на вершине которого переливался всеми цветами радуги сверкающий кристалл, подошел к сфинксу и начал вызывать: «Цибела, Цибелаи Великая мать, услыши меняи Первозданный свет, эфирное пламя, вечно вспыхивающее в беспредельных пространствах,в котором таятся отголоски и образы всех вещейи Я призываю твоих сверкающих Вестников, о душа вселенной, согревающая бездны, сеющая солнца, влачащая в Эфире свою звездотканную мантию... тончайий Свет, скрытый и невидимый для телесных очей... великая Мать всех миров и Богов, хранящая все первообразы в недрах своих... Цибелаи ко мнеи ко мнеи Силой моего магического жезла, силой моего договора с великими Властями, душою Эвридики заклинаю тебя: явисьи Явись, Супруга многоликая, покорная и отзывчивая под огнем вечного творчества... Из высочайших пространств, из глубочайших бездн, со всех сторон, появляйся, притекай, наполняй эту пещеру твоими эманацямии Окружи сына Мистерт прозрачной оградой и дай ему узреть в твоем глубокомь лон Духов бездны, земли и небесе»...

При этих словах подземный гул потряс недры горы, и скала задрожала. Тело ученика покрылось холодным потом. Орфея он видел уже неясно сквозь клубы разраставшегося дыма. В первую минуту он пробовал бороться с страшной силой, которая одолевала

его, но он почувствовал, как сознание его ослабевает и воля перестает действовать. Он испытывал ужас утопаюшего, задыхающегося под напором воды и в страшной борьб теряющего сознаже.

Когда он пришел в себя, ночь окружала его;—ночь, в которой прокрадывался ползучий полусвет, мутный и призрачный. Он долго смотрйл, ничего не видя; от времени до времени он чувствовал прикосновение к своему нийлу словно крыльев невидимых летучих мышей. Наконец он начал смутно различать двигавцняся во мрак6 чудовищные формы центавров, гидр и горгон. И первое, что он различил явственно, была большая фигура женщины, сидящей на троне. Она была окутана длинным покрывалом, в складках которого бледно мерцали звезды, а на головй её виднелся венок из распустившихся маков. её широко открытые глаза бодрстровали, неподвижные. Множество человеческих теней носилось вокруг неё подобно усталым птицам, и он"в шептали вполголоса:

«Царица мертвыхеи Душа землии О, Персефонаи Мы—дочери неба.. Почему находимся мы в изгнажи, в темном царстве теней? О Жница небеснаяи Зачем сорвала ты наши души, которые, блаженносчастливые в волнах света, свободно двигались среди своих сестер в безграничном пространстве эфира?»

Персефона ответила: «Я сорвала нарцисс, я спустилась на брачное ложе, я выпила смерть вместе с жизнью, и так же, как вы, я страдаю во мрак.»

«Когда же мы будем освобождены?» со стоном спрашивали души.

«Когда появится мой небесный Супруг — божественный Освободитель,» ответила Персефона.

Вслед за тем появились страшные женщины: глаза их были налиты кровью, на головах их были венки из ядовитых цветов. Вокруг их обнаженных рук и вокруг бедер извивались змеи, которыми женщины размахивали как плетями: «Души, призраки, ларвыи» кричали он своими свистящими голосами, «не верьте безумной цариц мертвыхеи Мы—жрицы жизни во Мрак, слуги элементов и чудовищ бездны, мы—вакханки на земле и фурт в преисподнейи Мы—ваши истинные царицы, несчастные душии Вы не выйдете из проклятого круга рожденийи Мы заставим вас возвращаться в него снова и снова нашими бичамии Извивайтесь виэчно между свистящими кольцами наших змей, в сетях желания, ненависти и раскаяниияи»— И out бросились, разеяренные, на сонм обезумевших от ужаса

душ, и под ударами их бичей души начали кружиться в воздух, подобно вихрям сухих листьев, испуская томительные стоны.

При этом зрелище Персефона начала бледнеть. Теперь она походила на лунный призрак. Она тихо произнесла: «Небо... Свет... Боги... Одна мечтаи.. Сон, лишь вечный сонее... Цветы в её венке завяли; её глаза закрылись в смертельной тоск. Царица мертвых впала в глубокий сон на своем трон, и все исчезло во мрак6.

ВидВНіе изменилось. Ученик дельфийского храма увидел себя в цветущей долине. Гора Олимп в отдалежи. У входа в темную пещеру на ложи из цввтов лежала прекрасная Парсефона. Венок из нарциссов заменил на её голове зловещие цветы маков, и заря возрождающейся жизни отражалась на её прекрасном лиц. Темные косы её падали на белые плечи, и нежная грудь тихо приподнималась под поцелуями легкого ветерка. Нимфы двигались в ритмическом танце на лужайк. Белые блестящие облака передвигались в лазури неба. Звуки лиры доносились из храма.

В этих неземных звуках,в этих священных ритмах ученик услыхал скрытую музыку всех вещей. Из листьев, из трав, из волн, из пещер исходила бесплотная нежная мелодия, и до его слуха долетали из далека отдаленные голоса посвященных женщин, которые проходили с пежем в горах.

Одн из них, как бы в отчаяжи, призывали Бога, другия, падая в бессилии под тенью деревьев, словно ожидали его появления.

Затем небесная лазурь раскрылась в зенит, и из неё появилось блестящее облако. Подобно парящей птиц, которая, продержавшись мгновение на высот, стрелою падает на землю, из облака появился бог и, с тирсом в руке, предстал перед Парсефоной. Он был прекрасен. В его глазах оял священный восторг, предвестник зачаты миров. Он долго взирал на нее, затем протянул над ней свой тирс и дотронулся до её груди; она улыбнулась. Он прикоснулся к её челу; она открыла глаза, медленно поднялась и взглянула на Светлого Бога. её очи, затемненные сновидениями Эреба, заняли, как две яркие звезды. «Узнаешь ты меня?» спросил бог.—«О Дюнисеи Чистый Дух, Глагол Юпитера, небесный Свет, сияющий под видом человекаи Каждый раз, как ты пробуждаешь меня, мне кажется, что я живу впервые, Мирbі возрождаются в моем воспоминаши; прошедшее и будущее снова стано

вится бессмертным настоАщимь, и я чувствую, как в моем сердц, Сияя, оживает вся вселеннаяи»

В это время над горами, на рубеж серебристых облаков, появились светозарные боги, пытливо склонивипеся к земл.

Внизу, группы мужчин, женщин и детей, выходивипя. из долин и из пещер, смотрели на Бессмертных в немом восторг. Пламенные гимны поднимались из храмов вместв с волнами фимшма. Между землей и небом готовилось одно из тех соединений, которое вызывает зачатие богов и героев; и когда розовый свет зари разлился над землей, царица мертвых, снова превратившаяся в божественную жницу, поднималась к небу, уносимая в объятиях своего Супруга. Огневое облоко закрывало их, и уста Дюниса прикоснулись к устам Персефоны... И тогда безмерный крик любви прозвучал от неба до земли, словно священный трепет богов пронесся над великой лирой, обрывая все её струны и разнося повсюду на кры

;ьях ветра её звуки... В тот же миг из облака, возносившего ДЮниса и Персефону, вырвался целый ураган ослепительного света... И все исчезло.

На мгновенье ученик Орфея почувствовал себя словно поглощенным в самый центр источника всякой жизни, словно утонувшим в солнц Бьния. Но, погружаясь в его пламенную глубину, он исторгался из неё одаренный небесными крыльями и, подобно молжи, проносился над мирами, чтобы на рубеже их прикоснуться к Вечности.

Когда физическое сознате вернулось к нему, он увидал себя в полной темнот. Лишь светлая лира ояла в глубине мрака. Она удалялась, удалялась, и наконец превратилась в звезду. Только тогда понял ученик, что он находится в склеп, и что эта светлая точка—отверстие в скале, через которое просвечивает небо.

Большая тень неподвижно стояла около него. Он узнал Орфея по длинным волосам и по сверкающему оконечнику его скипетра.

«Диния дельфийского храма,» обратился к нему Орфей, «откуда приходишь ты?»

«О, учитель посвященных, чудотворящий Орфейи Мне снился дивный сон. Что это — чары маПи или дар богове? Что случилось? Разве изменился мире? И где нахожусь я в эту минуту?»

«Ты завоевал венец посвящения и ты познал мою мечту— бессмертную Грецгои Но пойдем отсюда; чтобы исполнилась эта мечта, нужно, чтобы я принял смерть, а ты остался жить.»

ГЛАВА V.

Смерть Орфея.

Дубовые леса стонали, бичуемые бурей на склонах горы Каукаюн; гром разносился отраженными голосами по обнаженным скалам и заставлял дрожать до самого основания храм Юпитера. Жрецы Зевеса сошлись в одном из сводчатых склепов святилища. Они сидели на своих бронзовых креслах и составляли полукруг. Орфей стоял посреди них подобно осужденному. Он был бледнее обыкновеннаго, но глубокое пламя горело в его спокойных глазах.Самый древшй из жрецов заговорил голосом судьи:

«Орфей, ты, которого называют сыном Аполлона, мы провозгласили тебя первосвященником и царем, мы дали тебе мистический скипетр сына Божия; ты управляешь вракией помощью священного царственного знания. Ты воздвиг в этой стран храмы Юпитера и Аполлона, и ты зажег в ночи мистерий божественное солнце Дюниса. Но известно ли теб, что угрожает наме? Ты, который знаешь самые страшные тайны, ты, который не раз предсказывал нам будущее и издали беседовал с своими учениками, появляясь перед ними во сн, ты не ведаешь, что творится вокруг тебя. В твое отсутствие мрачные жрицы, вакханки, соединились в долини» Гекаты. Ведомые Аглаонисой, волшебницей бессалж, они убедили начальников племен, обитающих у берегов Эбры, восстановить культ мрачной Гекаты и он грозят разрушить храмы наших Богов и алтари Всевышнегои Возбужденные их пламенными речами, ведомые при свет их мятежных факелов, тысяча еракийских воинов расположились лагерем у подошвы горы и завтра, возбуждаемые кровожадными женщинами, они пойдут на приступ нашего храма. Аглаониса, главная жрица Гекаты, ведет их; это—самая страшная из волшебниц, неумолимая и злобная подобно фурии. Ты должен знать еели Каков будет твой ответе?..»

«Я знал все это,» ответил Орфей, «и все, что ты говоришь, было неизбежно.»

«Почему же не сделал ты ничего, чтобы защитить насе? Аглаониса поклялась убить нас на наших алтарях, перед лицом того же Неба, которому мы поклоняемся. Но что станется с этим храмом, с его сокровищами, с твоей наукой и с самим Зевесом, если ты покинешь насе?»

«Разв я не с вами?» ответил Орфей с кротостью.

«Ты пришел, но слишком поздно,—сказал жрец.—Аглаониса ведет вакханок, а вакханки ведут еракжцев. Не молниями ли Юпитера и не стрелами ли Аполлона будешь ты защищаться от нихе? Почему не позвал ты своевременно еракийских начальников, верных Зевесу, чтобы они раздавили мятеже?»

«Не оружием защищают Богов, а живым словом. И не с начальниками нужно бороться, а с вакханками. Я иду один. Сохраните спокойствие. Ни один непосвященный не проникнет за эту ограду. Завтра же придет конец царству кровожадных жриц. И знайте вы вс"в, которые дрожите перед ордой, предавшейся Гекат, победят не онft, а светлые, солнечные Боги. Теб же, жрец, который усомнился во мн&, я оставляю скипетр и венец (ерофанта.»

«Что задумал ты сделать?» спросил испуганный старый жрец.

«Я возвращаюсь к Богам... А вам всем приветеи»

И Орфей вышел, оставив жрецов в немом изумлеши. Внутри храма он разыскал ученика дельфийского храма и, взяв его за руку, сказал:

«Я иду в лагерь 9ракийцев. Следуй за мной.»

Они пошли под тенью дубов. Гроза удалялась. Сквозь густые ветви сверкали звезды.

«Верховный час для меня настале» сказал Орфей. «Друпе понимали меня, ты же меня любил. Эросе— древнейшт из Богов, говорят посвященные; у него ключ от всякого бьния. Тебе одному я дал проникнут в самую глубину мистерий; Боги говорили с тобой;

ты видбл ихеи.. Теперь, вдали от людей, лицом к лицу, в верховный час своей смерти, Орфей должен оставить своему возлюбленному ученику руководящее слово своей жизни, бессмертное наследие» чистый огонь своей души.

«Учитель, я слушаю и повинуюсь,» сказал ученик Дельфтского храма.

«Идем,—сказал Орфей,—по этой тропинки вниз. Нужно спешить, время не ждет. Я должен застать моих врагов врасплох. Пока мы идем, слушай и запечатлевай мои слова в своей памяти, но сохрани их как тайну.»

«Они выжгутся огненными буквами в моем сердце; века не изгладят их.»

«Ты уже знаешь, что душа есть дочь неба. Ты взирал на свое происхождение и на свой конец, и ты начинаешь уже вспоминать.

Когда душа спускается в тело, она продолжает, хотя и в слабой степени, получать воздействие свыше. И это дуновение свыше достигает до нас в начале нашей жизни через посредство наших матерей. Молоком из своей груди оне питают наше тело, дух же наш, устрашенный теснотой телесной темницы, питается душою матери. Моя мать была жрицей Аполлона; в моих первых воспоминаниях я вижу священную рощу, наш храм и женщину, несущую меня в своих объятиях и покрывающую мое тело своими нужными волосами, как греющим покрывалом. Земные предметы и лица людей приводили меня в неописанный ужас. Но как только моя мать брала меня в свои объятия, я встречался с её взором и из него исходило на меня чудное воспоминате о неб. Но этот луч погас в печальных потемках земной жизни. Однажды моя мать исчезла;

она умерла, и я не видел ее более, Лишенный её нежного взора, удаленный от её ласк, я ужаснулся перед моим одиночеством. А когда я увидал кровь, стекающую с жертвенного алтаря, я возненавидел храм и спустился вниз, в долины. уже тогда «вакханки» поразили мою юность. Аглаониса царствовала над ними. Мужчины и женщины—все боялись её. От неё веяло мрачным желанием, и она приводила в ужас. Всех приближавшихся к ней она привлекала роковым образом. С помощью чародейства мрачной

Гекаты она привлекала молодых девушек в свою очарованную долину и вводила их в свой культ. В это время Аглаониса заметила Эвридику. Она почувствовала к ней преступное необузданное влечете. Она стремилась увлечь ее в культ вакханок, завладеть её волей и предать ее адским демонам. И уже начала она зачаровывать Эвридику своими соблазнительными обещаниями и ночными чарами.

«Привлеченный каким-то неясным предчувствием в долину Гекаты, я шел однажды посреди густых трав луга, покрытого ядовитыми растениями, и кругом царствовал ужас темных лесов, посещаемых вакханками. Странное дуновение, как бы горячие дыхания желания носились вокруг. Я увидал Эвридику. Она медленно шла, не видя меня, направляясь к пещере, словно зачарованная какой-то невидимой силой. От времени до времени легкий смех доносился из рощи вакханок, иногда странный вздох. Эвридика останавливалась, трепеща, нерешительная, а затем возобновляла свой путь, словно побуждаемая магической властью. её золотые кудри падали на белые плечи, её синие глаза горели блаженством, тогда как сама она подвигалась к пасти ада. Но я различил спящее небо в её взорах. Я позвал ее, я взял ее за руку, я крикнул ей:

Эвридика! куда идешь ты? Как бы пробужденная от сна, она испустила крик ужаса и, освобожденная от чар, упала на мою грудь. И тогда Божественный Эрос покорил нас, мы обменялись взглядами, и Эвридика—Орфей стали супругами навек.

«Вслед за тем Эвридика, прижимавшаяся в страх ко мни, указала на грот жестом ужаса. Я приблизился к нему и увидал в его глубин сидящую женщину. Это и была Аглаониса. Возле неё небольшая статуя Гекаты из воска, раскрашенная красным, белым и черным, с бичем в рук. Она бормотала волшебный слова, вращая магическое колесо своей прялки, и её глаза, устремленные в пустоту, казалось, пожирали невидимую жертву. Я разбил её прялку, я затоптал Гекату ногами, я пронизал волшебницу взглядом и воскликнул: именем Юпитера, я запрещаю тебе думать о Эвридик, запрещаю под страхом смерти, ибо знай, сыны Аполлона не боятся тебя!

«Приведенная в смятение, Аглаониса корчилась как змея под моим взглядом и наконец исчезла в глубине пещеры, бросив на меня взгляд смертельной ненависти.

«Я увел Эвридику к своему храму. Девушки Эбро в венках из пацинтов воспевали гименей вокруг нас. Я узнал счастье.

«Луна трижды обогнула небосвод, когда одна вакханка, по наущению Аглоанисы, предложила Эвридик чашу с вином, обещая, что если она выпьет его, перед ней раскроется наука магических трав и любовных напитков. Эвридика—в порыве любопытства— выпила ее и пала, как бы пораженная молнией. Чаша заключала смертельный яд.

«Когда я увидел тело Эвридики, сжигаемое на костре, когда могила поглотила её пепел, когда последние следы её живой формы исчезли, я спросил себя: где же её душа? И я пошел в невыразимом отчаянии, я бродил по всей Греции. Я молил жрецов Самофракий вызвать её душу; я искал эту душу в недрах земли и везде, куда мог проникнуть, но тщетно. Под конец я пришел к пещере Трофониискої.

«Там жрецы вводят смелого посетителя через трещину до огненных озер, которые кипят в недрах земли и показывают ему, что происходить в этих недрах. Уже на пути, подвигаясь вперед, человек приходить в экстаз, и у него открывается внутреннее зрение; он начинает с трудом дышать, у него является удушье, он теряет голос и может говорить лишь знаками. Одни отступают в испуге и возвращаются с полпути, другие упорствуют и умирают от удушья, а большая часть тех, которые возвращаются живыми, сходят с ума. Проникнув до конца и увидав то, что ни одни уста не должны произносить, я вернулся в пещеру и впал в глубокий летаргический сон. Во время этого сна ко мне явилась Эвридика. Она носилась, окруженная сиянием, бледная и нежная как лунный свет, и говорила мне:

«Ради меня ты не побоялся ада, ты искал меня между мертвыми. Я услышала твой голос, я пришла. Я обитаю не в недрах земли, но в областях Эреба, в обители мрака между землей и луной. Я кружусь на краю обоих миров и плачу так же, как ты. Если ты хочешь освободить меня, спаси Грецию и дай ей

свет. И тогда мне будут возвращены мои крылья, и я поднимусь к светилам, и ты снова найдешь меня в светлой области Богов. А до тех пор я должна бродить в царстве мрака, тревожном и скорбном»...

«Трижды я хотел схватить ее, трижды она исчезала из моих объяли, неуловимая как тень. Я услышал звук словно от разорванной струны, и затем голос, слабый как дуновение, грустный, как прощальный поцелуй, прошептал: Орфей!

«При этом звуки я пробудился. Это имя, данное мне её душой, преобразило все мое существо. Я почувствовал, как в меня проник священный трепет беспредельного желания и сила сверхчеловеческой любви. Живая Эвридика дала бы мне блаженство счастья, мертвая Эвридика повела меня к истин. Из любви к ней я облекся в льняные одежды и достиг великого посвящения и жизни аскета. Из любви к ней я проникнул в тайны магии и в глубины божественной науки; из любви к ней я прошел через пещеры Самоераксия, через колодцы Пирамид и через могильные склепы Египта. Я проникал в недра смерти, чтобы найти в ней жизнь. И по ту сторону жизни я видел грани миров, я видел души, светящиеся сферы, эфир Богов. Земля раскрыла передо мной свои бездны, а небо—свои пылающие храмы. Я исторгал тайную науку из-под пелен мумий. Жрецы Изиды и Озириса выдали мне свои тайны. У них были только их Боги, у меня же был Эрос. Его силою я говорил, пел и побеждал. Его силою я проник в глаголы Гермеса и Зороастра; его силой я произнес глагол Юпитера и Аполлона!

«Но последний час, верховный час моего служения пробил... Я должен еще раз спуститься в ад, прежде чем подняться

в небеса. Внимай, дорогое дитя моего сердца: ты понесешь мое учен в храм дельфийский, к трибуналу Амфиктионов. Дионис—солнце посвященных; Аполлон будет светом Греши; Амфиктионы—хранителями его правосудия».

Иерофант и его ученик достигли долины у подножия горы. П(ред ними раскрылась лужайка, окаймленная темными массами деревьев, и на ней раскинутые палатки и люди, спящю на земле. В глубине леса погасающие костры и догорающие факелы. Орфей продвигался спокойным шагом посреди спящих фракийцев, уставших от ночной оргии. Ночная стража спросила его имя.

«Я вестник Юпитера; позови своих начальников.»

«Жрец храма!»—Этот крик ночной стражи пронесся тревожным кличем по всему лагерю. Все вскочили, начали вооружаться, переговариваться; засверкали мечи, появились начальники; окружили первосвященника.

«Кто ты? Зачем пришел ты сюда?»

«Я посланник храма. Вы все: цари, начальники и воин бракии, откажитесь от борьбы с сынами света и признайте божественность Юпитера и Аполлона. Сами Боги говорят с вами моим устами. Я пришел как друг, если вы выслушаете меня: как суды если вы откажитесь внимать мне.»

«Говори,» сказали начальники.

Стоя под большим вязом, Орфей стал говорить. Он говорил о величии Богов, о красоте и очаровании божественного свет и о той чистой жизни, которую он вел наверху с своими братьями посвященными, под покровительством великого Урана, о сияющей истине, которую он желал сообщить всем людям; он говорил, обещая утишить все распри, исцелить все болезни, открыть семена, которые произведут наиболее прекрасные плоды земли еще более драгоценные семена, которые дадут плоды высшей жизни радость, любовь, красоту. И по мере того, как он говорил, его глубокий и нежный голос, звучавший, как струны лиры, проникал все глубже в сердца потрясенных фракийцев. Из глубины лесов любопытные вакханки подвигались все ближе и ближе с разных сторон, освещенные факелами, которые он6 держали в руках. Едва прикрытые кожей пантеры виднелись их смуглые тела, а где за их, в которых отражалось пламя факелов, сверкали сладострастием и жестокостью. Но постепенно успокоенные голосом Орфея,

он опустились к его ногам, как укрощенные звери. Одни мучимые раскаянием, смотрели в землю мрачным взором; другие слушали как очарованный. И взволнованные фракийцы говорили друг другу: «Его .устами говорит сам Бог, сам Аполлон очаровывает вакханок!»

Между тем, из глубины леса Аглаониса следила за всем происходившим. Мрачная жрица Гекаты, видя неподвижных фракийцев и вакханок, подчинившихся более могучей мани, чем её собственная, почувствовала победу неба над адом и поняла, что её власть рушится от могучего слова божественного посланника. И застонав от ярости, она бросилась к Орфею.

«Вы говорите, что он Бог? А я говорю вам, что это Орфей, такой же человек, как и вы, чародей, обманывающий вас, тиран, подбирающийся к вашей царской власти... Бог, говорите вы? Сын Аполлона? Он , этот жреце? Этот гордый первосвященнике? Бросайтесь на него! Если он Бог, пусть защитить себя... А если я обманываю вас, пусть разорвут меня!»

За Аглаонисой следовало несколько начальников, возбужденных её волшебными чарами и воспламененных её ненавистью. Они бросились на Иерофанта. Орфей упал, пронзенный их мечами. Он протянул руку своему ученику и сказал:

«Я умираю, но Боги не перестанут жить»!

Произнеся эти слова, он испустил дух. Склонившись над его т6лом, фессалюкая волшебница, вид которой напоминал Тизифону , с дикой радостью выжидала последний вздох Орфея и готовилась уже вынимать его внутренности, чтобы по ним составить свои прорицания; но каков же был испуг Аглаонисы, когда, при неверном свет факелов, она увидела, что жизнь снова появилась на лице мертвеца, его глаза раскрылись во всю ширину, и взгляд, глубокий, нужный и в то же время страшный, остановился на ней... И в последний раз губы его зашевелились, и странный, неземной голос явственно произнес знакомое мелодическое имя:

«Эвридика!»

Перед этим взглядом и перед этим звуком устрашенная жрица отступила в ужас, восклицая;

«Он не умер! Они будут меня преследовать! Орфей... Эвридика!»

И выкрикивая эти слова, Аглаониса исчезла, словно бичуемая фуриями. Обезумевшие вакханки и охваченные ужасом фракийцы разбежались, испуская крики ужаса и печали.

Ученик остался один около тела своего учителя. Когда бледный луч Гекаты скользнул по окровавленным одеждам и по бледному лицу убитого Орфея, ученику почудилось, что вся долина, реки, горы и леса испускают стоны подобно одной необъятной лире. Тело Орфея было сожжено жрецами, а урна с пеплом отнесена в отдаленное святилище Аполлона, где ему поклонялись наравне с светлым Богом. Ни один из возмутившихся не осмелился подняться к храму Каукаюна.

Предание Орфея, его наука и его мистерии распространились по всем храмам Юпитера и Аполлона. Греческие поэты говорили, что Аполлон почувствовал ревность к Орфею, ибо последнего призывали даже чаще, чем его самого. В действительности же, когда поэты воспевали Аполлона, великие посвященные призывали душу Орфея—спасителя и пророка.

Позднее бракийцы, обращенные в религию Орфея, стали утверждать, что Орфей спускался в ад, чтобы найти там душу своей супруги, и что вакханки, ревнуя к его непреходящей любви, растерзали его в куски, и что голова его, брошенная в Эбро и уносимая его бурными волнами, продолжала взывать: «Эвридика! Эвридика!»

Таким образом бракийцы прославляли как великого пророка того, которого сами же убили как преступника. Мученической смертью его они были обращены к той религии, с которой враждовали пока он был жив. Так проникал дух Орфея, таинственно разливаясь по невидимым артериям святилищ и

тайного посвящения, в сознание Эллады. Боги приходили в согласие под звуки его голоса подобно тому, как в храме хор посвященных поет в согласие с невидимой лирой, и—душа Орфея стала душой Греции.

КНИГА ШЕСТАЯ.
Пифагор.

(Дельфийские мистерии).

глава I. Греция в шестом столетии.

Душа Орфея пронеслась подобно сияющему метеору по грозовому небу рождающейся Греции. Когда он погас, казалось, что мрак окутал ее снова. После целого ряда революции фракийские тираны сожгли книги Орфея, опрокинули его храмы, изгнали его учеников.

Цари Греши и многие города, дорожившие своей разнузданностью более, чем порядком и справедливостью, вытекающей из чистых учений Орфея, последовали за ними. Решено было изгладить самое воспоминание о нем, уничтожить его последние следы, и это было выполнено в такой степени, что через несколько столетий после его смерти часть Греции сомневалась даже в его существовании. Тщетно посвященные охраняли его традиции в течете более тысячи лет; тщетно Пифагор и Платон говорили о нем, как о богочеловеке. Софисты и риторы не признавали за его именем ничего иного, кроме легенды о происхождении музыки.

И в наши дни многие ученые отрицают категорическим образом существовало Орфея. Они ссылаются главным образом на тот факт, что ни у Гомгра, ни у Гезюда не встречается его имени. Но молчание этих поэтов объясняется слишком ясно запретом, под которым находилось имя великого посвятителя у местных правительств. Ученики Орфея не переставали стремиться к сосредоточению всякой власти в высшем авторитете дельфийского храма и не уставали повторять, что всё несогласия между различными государствами Греции следовало подчинить решению совета Амфиклонов. Такое подчинение стесняло одинаково и демагогов, и тиранов.

Гомер, который получил свое посвящение, по всей вероятности, в святилище Тирском, и мифология которого является поэтическим переводом теологии Санкожатонской, иожец Гомер мог легко быть неосведомленным относительно дорийца Орфея, продаже которого

сохранялось тем в большей тайне, чем более его преследовали. Что касается Гезюда, родившегося вблизи Парнасса, он должен был узнать в святилище дельфийском и имя Орфея, и его учете, но посвящавшие его имели полное основание требовать от него молчания.

Тем не менее Орфей продолжал жить в своем творении. Он жил в своих учениках и даже в тех, которые отрицали его. Где же искать силу его творчества? В чем сохранилась его живая душа? В военной ли олигархии Спарты, где наука презиралась, гд невежество было возведено в систему, и грубость нравов требовалась как выражен её мужества? Или в беспощадных мессинских войнах, когда спартанцы преследовали соседний народ до полного его уничтожена, и когда эти греческие римляне, предвещая Тарпейскую скалу и кровавые лавры Капитолия, сбросили в бездну героического Аристолина, защитника своей родины? Или же в буйной демократы Афин, постоянно готовой перейти в тиранию? Или искать . его в преторианских стражниках Пизистрата, или в кинжале Гармодиуса и Аристогитона, притаившегося под миртовой веткой? Или в многочисленных городах Эллады, великой Греции и Малой Азии, двумя яркими типами которых являлись Афины и Спарта? Искать ли его во всех этих демократиях и тираниях, ревнивых, завистливых и готовых растерзать друг друга?

Нет, душа Греции не там. Она в её храмах, в её мистериях и в её посвященных.

Она в святилище Юпитера на Олимп, Юноны в Аргос, Цереры в Элевзис; она царствует в Афинах с Минервой, ояет в Дельфах с Аполлоном, который освещает своим светом все храмы,—вот где центр и жизнь древней Греции, её мозг и её сердце.

Там поучались поэты, переводивши для непосвященных высокие истины в животрепещуща образы, и мудрецы, распространявшие те же истины в тонких диалектических построениях. Дух Орфея живет везде, где просвечивает душа бесемертной Греции. Мы находим его и в состязаниях поэтов и атлетов, и в играх дельфийских и олимпийских, которые были созданы преемниками Орфея для мирного слияния двенадцати греческих племен. Мы прикасаемся к его духу и в трибунале Амфиктюнов, который был не что иное, как собрате посвященных; собрате это являло собой высини третейский суд, собиравшийся в Дельфах, и благодаря ему Греция снова обрела свое единство в период героизма и самопожертвования.

Между тем, орфическая Греция, черпавшая свою духовную жизнь в чистом учении, хранившемся в храмах, и душою которой являлась пластическая религия, а телом—верховный суд, сосредоточенный в Дельфах,—эта, Греция находилась начиная с седьмого века, в большой опасности.

Дельфийский порядок потерял свое обаяние; исчезало уважение к священной территории. Это произошло оттого, что великих вдохновителей более не стало, и умственный и нравственный уровень храмов понизился. Жрецы продавались господствующей политической власти, и в самый мистерии начала с этих пор проникать порча. Общий вид Греции изменился. За старинной царской властью земледельческой и священнической, в одном месте последовала обыкновенная тирания, в другом месте—военный аристократически строй, в третьем—анархическая демократ. Храмы сделались бессильными и не могли предотвратить грозящее разорение; они нуждались в новой поддержка. Обнародование эзотерических учений становилось необходимо. Чтобы мысль Орфея могла жить и развертываться во всем своем блеск, было необходимо, чтобы наука храмов перешла к мирянам. И она начала проникать под различными покровами в сознание гражданских законодателей, в школы поэтов, под портики философов. После дние испытывали такую же потребность, для своего учения, какую Орфей признал для своей религии, ведвух различных доктринах,в одной—открытой для всех и в другой—тайной, которые передавали бы одну и ту же истину, но под различными формами и в мере, приспособленной для степени развития их учеников.

Эта эволюция дала Греции её три великие века художественного творчества и умственного блеска. Она позволила орфической идее, которая является одновременно и первым толчком, и идеальным синтезом Греции, сосредоточить всю силу своего света и затем излучить его на весь тогдашний мир; это было ранее, чем её политическое здание, ослабленное внутренними раздорами, начало колебаться под ударами Македонии, чтобы окончательно разрушиться под железной рукой Рима.

Эволюция, о которой мы упомянули, имела многих работников, Она породила таких физиков как валес, таких законодателей

как Солон, поэтов как Пиндар, героев как Эпаминонд, но она имела кроме того и своего признанного главу, посвященного высшего порядка, обладавшего великим творческим умом.

Пифагор является таким же учителем для дворян Греции, каким Орфей был для жрецов её священных храмов. Он продолжает религиозную мысль своего предшественника и применяет ее к новым временам. Но это примкнете в то же время и творчество, ибо оно приводит все орфические вдохновения в полную и стройную систему; Пифагор дает этой системе научное обоснование, а нравственное доказательство её дает в своей школе воспитания, в пифагорейском ордене, который пережил его.

Несмотря на то, что Пифагор появляется при полном свете истории, он все же остается личностью полулегендарной; главную причину этого следует искать в ожесточенном преследовании, жертвой которого он сделался в Сицилии, и благодаря которому погибло столько Пифагорейцев. Одни из них кончили свою жизнь под обломками пылающего здания пифагорейской школы, другие погибли голодной смертью в храм.

Воспоминание об учителе и его учении распространялось лишь теми немногими, которым удалось спастись и бежать в Грецию.

С великим трудом и большою ценой добыл Платон через Архита один из манускриптов Пифагора, который к тому же никогда не записывал свое эзотерическое учение иначе, как тайными знаками и под различными символами.

Его истинная деятельность, подобно всем другим реформаторам, происходила путем устного поучения. Но суть его системы сохранилась в Золотых Стихах Лизия, в комментариях Гераклеса, в отрывках билолаиса и Архита, а также и в Тимеи Платона, которая заключает в себе космогонию Пифагора.

Кроме того, все античные писатели переполнены кротонским философом. У них встречаются бесчисленные анекдоты, рисующие его ум, его красоту, его волшебное влияние на людей. Неоплатоники Александра, гностики и даже первые Отцы Церкви приводят его, как авторитет. Это— драгоценные свидетельства, и в них все еще звучит могучая волна энтузиазма, которую великая личность Пифагора сумела сообщить Греции и последние отголоски которой все еще чувствуются через восемь веков после его смерти.

Обозреваемое с высоты, отпираемое ключами сравнительного эзотеризма, его учение представляет собой великолепное целое, стройное и прочное, отдельные части которого внутренноспаеным основным умозрением. В нем мы находим разумное воспроизведете эзотерической доктрины Индии и Египта, которой Пифагор придал ясность и простоту эллинской мысли, присоединив к ней более энергично и ясно выраженную идею человеческой свободы.

В ту же эпоху, на различных точках земного шара, ряд великих реформаторов обнародовал аналогичное учете. ЛаоТзе в Китае исходил из эзотеризма ФоХи; последний Будда, Сакиа-Муни, проповедывал на берегах Ганга; в Италии этрусское жречество послало в Рим посвященного с книгами Сивилл; царь Нума пытался обуздать мудрыми государственными учреждениями угрожающее честолюбие римского сената.

И не случайно все эти реформаторы появляются в одно и то же время у самых разнообразных народов. Их различный миссии ведут к одной общей цели. Они доказывают, что в известные эпохи одно и то же духовное течете таинственно протекает через все человечество. Откуда появляется оно? Из того невидимого духовного мира, который вне поля нашего зрения, но из которого к нам посылаются все наши гении и пророки.

Пифагор посетил весь древний мир прежде, чем сказал свое слово Греции. Он видел Африку и Азию, Мемфис и Вавилон, их политику и их посвящение. Его бурная жизнь напоминает корабль, борящийся среди грозно взволнованного моря: с распущенными парусами подвигается он неуклонно к цели своего назначена, прекрасный образ спокойствия и силы посреди разъяренных элементов.

Его учете производит впечатление ночной прохлады, сменяющей палящий зной кровавого дня. Оно вызывает мысль о красоте звездного неба, которое постепенно развертывает свои сверкающие узоры и свои эфирные гармонии над головой созерцателя.

Попробуем отделить его жизнь и его учете от неясностей легенды и от предубеждения научной школы.

глава II. Годы странствования.

В начале шестого века до Р. X., Самос был одним из самых цветущих островов иоти. Рейд его порта находился как раз напротив лиловых гор изнеженной Малой Азии, откуда шли вся роскошь и все соблазны. Расположенный по берегу широкого залива, город красовался на зеленеющем побережье, поднимаясь

красивым амфитеатром по гор, увенчанной выступом, на котором виднелся храм Нептуна.

На самом верху горы белбли колоннады великолепного дворца. Там царствовал тиран Поликрат. Лишив Самос всех его свобод, он придал его жизни весь блеск искусств, которым он покровительствовал, и всю яркость азиатского великолепия.

Вызванный им из Лесбоса гетеры водворились во дворцов, соседнем с его дворцом, и они зазывали молодых людей на пиры,. где происходило развращение в самых утонченных формах, приправленное музыкой, танцами и всевозможными пиршествами.

Анакреон, призванный Поликратом в Самос, приплыл туда на роскошной галере с пурпуровыми парусами и золочеными мачтами; с драгоценным кубком в руке распевал поэт перед двором тирана свои мелодические и благоухающие оды.

Счастье Поликрата вошло в поговорку по всей Греции. Он имел другом фараона Амазиса и тот предупреждал его, что не следует доверяться такому непрерывному счастью и в особенности не следует хвалиться им. В ответ на советы египетского властителя, Поликрат бросил свой любимый перстень в воду. «Отдаю его в жертву богам», сказал он при этом. На другой день золотое кольцо было возвращено тирану, найденное в пойманной рыби, которая очевидно проглотила его.

Когда фараон узнал об этом, он обеявил, что разрывает свою дружбу с Поликратом, уверенный что столь дерзновенное счастье должно навлечь на него гнев богов. Какова бы ни была ценность приведенного анекдота, конец Поликрата был трагический. Один из его сатрапов заманил его в соседнюю провинцию, где тот и погиб в медленных мучениях, поели чего его тело было привязано слугами сатрапа к кресту на гор Микальской. Таким образом, жители Самоса могли со всех сторон видеть при багровом зарев заката труп своего тирана, распятый на возвышенном мыс лицом к острову, где он царствовал в радости и вели колоти.

Но вернемся к началу царствования Поликрата. В одну ясную ночь, невдалеке от храма Юноны, дорийский фасад которого был освещен мягким светом полной луны, придававшим ему еще большую мистическую величавость, под деревьями ближайшего лиса сидел молодой пришелец. Сверток папируса с песнями Гомера соскользнул к его ногам. Он глубоко размышлял в чутком молчании ночи. Прошло уже много времени после заката солнца, но его пылающий диск продолжал стоять перед взором молодого мечтателя, и мысль его блуждала далеко от видимого Мира.

Пифагор был сыном богатого самосского ювелира и его жены, которая называлась Пареениса. Дельфийская пиея, спрошенная во время путешествия молодыми новобрачными, предрекла им «сына, который принесет благо всем людям на все времена»; по совету оракула, супруги отправились в Финикто, в Сидон, чтобы предназначенный им сын появился на свет вдали от волнующих влияний их родины.

Еще до рождения ребенок был посвящен своими родителями свету Аполлона. Когда ему исполнился год, его мать, по заранее данному дельфийскими жрецами совету, понесла его в храм Адона, находившийся в Ливанской долин. Там великий жрец благословил его. Затем семья возвратилась в Самос.

Сын Пареенисы был чрезвычайно красив, кроток, разумен и с детства отличался справедливостью. В его глазах сверкала пламенная мысль и она придавала всем его действиям сосредоточенную энергию.

Родители не только не противодействовали, а наоборот, скорее поощряли его преждевременную наклонность к наук. Он мог свободно беседовать с жрецами Самоса, которые к тому времени начали основывать в иоши школы, где они и преподавали начала физики. В восемнадцать лет он занимался с Гермодамом в Самос; в двадцать лет слушал уроки Фересида в Сирос и вступал в диспуты с 9алесом и Анаксимандром в Милете.

Эти учителя открыли перед ним новые горизонты, но ни один не удовлетворял его. Среди их противоречивых учении он искал живой связи, синтеза, единства великого Целого. Он подошел к

одному из тех кризисов, когда, ум, встревоженный противоречием явлений, сосредоточивает все свои способности в великом усилие увидать цель, найти путь, ведущий к свету истины, к центру жизни.

В эту теплую и яркую ночь, сын Пареенисы смотрел поочередно на землю, на храм и на звездное небо.

Она была здесь, вокруг него, мать земля, Деметра, Природа, в которую он хотел проникнуть; он вдыхал её могучие эманации, он чувствовал непреодолимую тягу, которая его влекла на её грудь, его, мыслящую частицу, неразделимую от неё.

Те мудрецы, которых он спрашивал, говорили ему: «Все исходить от неё. Из ничего не может исходить ничто. Душа происходить из воды или огня, или же из обоих элементов. Тончайшая эманация элементов, она исходить из них только для того, чтобы возвратиться к ним. Вечная Природа слепа и неумолима. Покорись роковому закону. Единственное твое достоинство состоит в том, чтобы познать его и покориться ему».

Затем он погружал взор в небо и смотрел на огненные буквы, которые в неизмеримой глубине пространства слагаются из сверкающих созвездий. Эти начертания должны иметь смысл. Ибо, если бесконечно малое, если движете атомов имеет свой смысл, как может не иметь его бесконечно великое, посев светил, распределение которых являет собою тело вселенной?

Да, каждый из этих Миров имеет свой собственный закон, а все вместе движется по закону Числа в верховной гармонии. Но кто разберет когда-либо язык небесных светиле? Жрецы Юноны говорили ему: «Небеса богов явились ранее земли. Твоя душа происходить оттуда. Проси богов, чтобы она могла вознестись обратно на свою сторону».

Это размышление было прервано страстным пением, донесшимся из сада, с берегов Имбразуса. Голоса лесбиянок томительно сливались с звуками цитры. Молодые люди отвечали на них вакхическими песнями. К этим голосам внезапно присоединились другие крики, пронзительные и зловещие, доносившееся из порта. То были крики мятежников, которых по приказанию Поликрата согнали в барку, чтобы продать их как рабов в Азию. Их били ремнями, усеянными гвоздями, загоняя в подводную часть барки. Их вой и проклятия разнеслись по ночной тишине, а затем все снова затихло.

Молодой человек почувствовал дрожь страдания, но он подавил ее, чтобы еще глубже сосредоточиться над загадкой которая встала перед ним еще настойчивее.

Земля говорила: Слепой Роки Небо говорило: Провидгьшеи А человечество, которое как бы брошено между обоими, кричало:

Страдание! Безумие! Рабство!

Но в глубине своей души будущий адепт слышал непреодолимый голос, который отвечал и на цепи земли, и на сверкание небес одним криком: Свобода! Кто же был прав: мудрецы, жрецы, безумцы, страдающие, или он сам?

В сущности, все эти голоса выражали правду, каждый в своей собственной сфер, но ни один из них не раскрывал перед ним смысла существования.

Три Мира пребывали неизменные, как недра Деметры, как сияние светил и как сердце человеческое, но лишь тот, кто сумеет найти их гармоническое сочетание и закон их равновесия,—станет истинным мудрецом, лишь он овладеет божественным знанием и будет в состоянии помогать людям.

В синтез» трех миров кроется тайна Космоса! Произнеся это слова, Пифагор поднялся. Его очарованный взгляд был устремлен на дорийский фасад храма. Строгие линии храма казались преображенными под нужными лучами Дианы. Душа Пифагора увидала в нем идеальный образ Мира и разрешение загадки, которое она искала. Ибо основание, колонны, и треугольный фронтон предстали

перед ним внезапно, как тройная природа человека и вселенной, микрокосма и макрокосма, венчанных божественным единством, которое с своей стороны является троичным началом.

Космос, управляемый и проникнутый Богом, образует: Священную Тетраду, необъятный и чистый символ, Источник Природы и образец Богов!

Да, здесь, скрытый в этих геометрических линиях, таился ключ вселенной, закон тройственности, который управляет строением существ, и семиричности, лежащей в основы их эволюции. И Пифагор увидал в грандиозном видении миры, двигающиеся под ритм и гармонию священных чисел. Он увидал равновесие земли и неба, которое поддерживается человеческой свободой.

Три Мира: естественный, человеческий и божественный, взаимно поддерживая и определяя друг друга, исполняют вселенскую драму двойным движением—нисходящим и восходящим. Он угадывал сферы невидимого Мира, окружающие мир видимый и беспрерывно оживляющие его; он понял наконец возможность очищения и освобождения человека еще на земле путем тройного посвящения. Он увидал все это, а также и жизнь свою, и свое назначена в мгновенной яркой вспышке, с непоколебимой уверенностью духа, который чувствует себя лицом к лицу с Истиной. Как бы молния осветила его.

Теперь ему оставалось доказать умом то, что его могучая интуиция схватила в области Абсолютного, а для этого нужна была жизнь человека и нужен был труд Геркулеса. Но гд найти знание, необходимое, чтобы довести такой подвиг до конца? Для этого недостаточно было ни песен Гомера, ни мудрецов ионийских, ни храмов Греции.

Дух Пифагора, который внезапно обрел крылья, начал проникать в свое прошлое, в свое происхождете, окутанное покровом тайны, и в таинственную любовь своей матери. Одно воспоминание детства появилось перед ним с необыкновенной яркостью. Он вспоминал, как мать несла его, годовалого ребенка, по долин Ливанской к храму Адона!.

Он увидал себя маленьким, прижавшимся к груди Пареенисы, посреди огромных гор и вековых лесов, и увидал в тени деревьев падающий водопад. Его мать стояла на террас, оттененной большими кедрами. Перед ней стоял жрец с белой бородой и с величавой осанкой; он улыбался матери и ребенку и говорил непонятные для него слова. Его мать часто вспоминала эти таинственные слова Иерофанта Адона: «О женщина ионийскаяи Твой сын будет велик мудростью, но помни, что если Греки обладают знанием Богов, знание Единого Бога сохраняется лишь в одном Египте».

Эти слова вспомнились ему вместе с улыбкой матери, вместе с прекрасным лицом иерофанта и с отдаленным шумом водопада, в раме грандиозной картины, похожей на сновидение из иной жизни. Впервые он угадывал смысл предсказания. Он много слышал о чудесном знании египетских жрецов и об их никому неведомых тайнах; но он думал обойтись без них. Теперь же он понял, что должен овладеть «Божественным Знанием», чтобы проникнуть в глубину природы, и что он не найдет его нигде, кроме храмов Египта. И подготовила его к этому подвигу его нежная мать, кроткая Парееписа, которая, следуя внутреннему голосу, отдала его в дар Верховному Богу!

С этой минуты решение в душе Пифагора было принято: он решил отправиться в Египет и принять посвящение.

Поликрат любил покровительствовать философам и поэтам. Он дал Пифагору рекомендательное письмо к фараону Амазису, который представил его жрецам Мемфиса. Последние приняли его очень неохотно. Египетские мудрецы не доверяли Грекам, которых они считали непостоянными и легкомысленными.

Они сделали все, чтобы лишить бодрости молодого Самосца, но он подчинился с непоколебимым терпением и мужеством всем препятствиям и испытаниям, которые ему пришлось перенести. Он заранее знал, что «божественное знание» приобретается лишь после того, как воля победит все низшее существо человека.

Его посвящено длилось двадцать два года под руководством великого жреца Сопхиза.

В книге о Гермесе мы описывали испытания и искушения, ужасы и экстазы посвященного Изиды, вплоть до видимой смерти адепта и до его воскресения в сиянии Озириса. Пифагор прошел через все фазы, которые давали возможность проверить не как отвлеченную теорию, а как нечто пережитое, учете о ГлаголеСвете или творческом Слове и учете о человеческой эволюции на протяжении семи планетарных циклов.

На каждом шагу этого головокружительного восхождения, испытания становились все труднее и труднее. Сотни раз приходилось рисковать жизнью, в особенности когда приобреталась власть над оккультными силами и на очереди были опасные опыты магии и теургии.

Как все великие люди, Пифагор верил в свою звезду. Его не устрашало ничто, когда дело шло о приобретении знаний, и самая смерть не остановила бы его, тем более что он видел жизнь и по ту сторону смерти.

Когда египетские жрецы увидали в нем необычайную силу души и ту сверхличную страсть к мудрости, которая появляется так редко в этом мире, они открыли перед ним все сокровища своего опыта. Среди них он переплавил всю свою природу и закалил ее. У них же он глубоко изучил священную математику, науку чисел или всемирных принципов, из которой он сделал центр своей системы, дав ей совершенно новую формулировку.

В то же время строгость дисциплины в египетских храмах убедила его, до какой страшной силы может дойти человеческая воля, когда она сознательно упражняется и развивается, и до какой степени безгранично её влияние как на тело, так и на душу человека.

«Наука чисел и искусство воли—вот два ключа мани, говорили жрецы Мемфиса; они открывают все двери вселенной».

Таким образом Пифагор приобрел в Египте свой широкий кругозор, который дал ему возможность познавать различные ступени жизни и усвоить науки в концентрическом порядков; понять инволюцию духа в материю путем мирового творчества и его эволюцию или восхождение к единству посредством индивидуального творчества, которое осуществляется благодаря развитию сознания.

Пифагор достиг до вершины египетского жречества и вероятно уже думал о возвращена в Грецию, когда война обрушилась на долину Нила со всеми её бедствиями и вовлекла посвященных Озириса в новый круговорот испытаний.

Деспоты Азии уже давно замышляли погибель Египта. Их повторявшиеся нападения на протяжении веков не удавались благодаря

мудрости египетских учреждений, благодаря силе жрецов и энергии фараонов.

Но древнее царство, убежище герметической науки, не могло длиться бесконечно. Сын вавилонского завоевателя, Камбиз, двинулся на Египет со своими бесчисленными войсками, напоминавшими тучи голодной саранчи; он то и положил конец царствованию фараонов, начало которого теряется во тьме веков.

В глазах мудрецов это была катастрофа для всего Мира. До тех пор Египет защищал Европу от нападения со стороны Азии. Его влияние простиралось на все побережье Средиземного моря, благодаря храмам Финикии, Греции и Этрурии, с которыми высшее жречество Египта было в постоянных сношениях. Но раз эта твердыня была опрокинута, грубая сила должна была затопить побережье Греции.

Пифагор пережил вторжение Камбиза в Египет; он видел как этот персидский деспот, достойный наследник коронованных злодеев Ниневии и Вавилона, разграбил храмы Мемфиса и бив и разрушил

храмы Аммона. Он мог видеть и то, как фараон Псамменит, закованный в цепи, был приведен к Камбизу и поставлен на возвышены, вокруг которого были выстроены в ряд жрецы, члены самых именитых семей и весь двор фараона.

Он мог видеть дочь фараона, одетую в рубище, в сопровождении всей своей свиты, переодетой также в лохмотья, и наследника престола с двумя тысячами знатных молодых людей, приведенных сюда же с уздечками во рту и с поводами на шее, после чего все они были обезглавлены.

Он мог видеть фараона Псамменита, заглушающего рыдание при виде этой страшной картины, и безжалостного Камбиза, сидящего на троне и наслаждающегося страданиями своего повергнутого противника.

Жестокий, но поучительный урок истории,.. Какая яркая картина животной природы человека, разнузданной и незнающей препон, ведущей к тому чудовищному деспотизму, который все топчет под своими ногами и навязывает человечеству царство самого неумолимого произвола...

Камбиз распорядился о перемещении части египетских жрецов в Вавилон и поселил их внутри страны. В числе их был и Пифагор. Этот колоссальный город, сравниваемый Аристотелем с целой страной, окруженной стенами, представлял в то время необъятное поле для наблюдений.

Древнии Вавилон, «великая блудница» еврейских пророков, был после персидских завоевали более чем когда либо калейдоскопом всех народов, культов и религий, посреди которых азиатский деспотизм воздвигал свою высокую башню.

По персидским традициям основание Вавилона приписывают легендарной Семирамид. По этим преданиям она построила его чудовищное основание, имевшее в окружности восемьдесят пять километров, его стены, ИмгумеБэль, по которым две колесницы могли нестись в ряд, его висячие террасы, его огромные дворцы с расцвеченными барельефами, его храмы, поддерживаемые каменными слонами, на вершине которых красовались многоцветные драконы.

Там целый ряд деспотов следовал один за другим», и он то и завоевали Халдею, Ассирио, Нерсию, часть Татарнии, Иудеи, Сирии и Малой азии. Туда же повлек Навуходоносор, убийца магов, плененный еврейский народ, который и после этого оставался верным своему культу в уголке необъятного города, в котором теперешний Лондон мог бы поместиться четыре раза.

Евреи дали царю могучего министра в лице пророка Даниила. При Валтасар, сыне Навуходоносора, стены старого Вавилона рухнули наконец под мстительными ударами Кира, и Вавилон перешел на несколько столетии под владычество Персов.

Благодаря этим внешним событиям, в момент появления в Вавилоне Пифагора, три различные религии сталкивались в духовной жизни Вавилона: древние жрецы Халдеи, остатки персидских магов и избранный элемент из среды плененных иудеев. Доказательством, что эти различные религиозные течения имели общую эзотерическую основу, служить роль Дажила, который, утверждая Бога Моисеева, оставался в Вавилоне первым министром при Навуходоносоре, Валтасаре и Кире.

Пифагор должен был расширить свой, и без того уже широкий горизонт, изучая все эти религий, доктрины и культы, синтез которых все еще сохранялся некоторыми посвященными. Он имел в Вавилон возможность основательно изучить знание магов, наследников Зороастра. Если египетские жрецы одни обладали ключами к священным наукам, персидские маги считались более искусными в практическом применени оккультных знаний. Они утверждали, что в состоянии владеть оккультными силами природы, носящими название пантоморфного огня и астрального света.

В их храмах, говорить предание, при ярком солнечном дне наступала тьма, светильники зажигались сами собой, появлялось небесное сияние и слышались раскаты грома. Маги называли этот невещественный огонь, этот проводник электричества, который они умели сосредоточивать и рассеивать по своему усмотрению, «небесный леве», а электрически течения атмосферы и

магнетические течения земли они называли «змеи» и приписывали себе способность направлять их—подобно вещественным токам—на людей. Они изучали также и силу внушающую, притягивающую и творческую. Они употребляли для вызывания духов формулы, заимствованные у древнейших наречий земли, давая при этом такое объяснение: «Не изменяй ни одного первобытного названия в заклинаниях, ибо все они—пантеистические имена Богов; они проникнуты магнетизмом обожания множества людей и могущество их невыразимо» . Эти заклинания среди очистительных церемоний и молитв были—собственно говоря — то, что получило впоследствии название Белой Мани. Таким образом, Пифагор проник в Вавилоне во все мистерии древней мани. В то же время, перед ним развертывалось в этом вертепе деспотизма, великое зрелище: на развалинах разрушающихся религий Востока, поверх его выродившегося жречества, группа посвященных, бесстрашных и тесно сплоченных, защищала свою науку, свою веру и, насколько это было возможно, стояла на страже справедливости. Лицом к лицу с деспотами, под постоянным опасением быть растерзанными подобно Дажилу во львином рву, они укрощали дикого зверя неограниченной тирании своей духовной силой и оспаривали у него почву шаг за шагом.

После своего египетского. и халдейского посвящения, Пифагор знал гораздо больше, чем его учителя физики или кто-либо из ученых Греков его времени. Ему известны были вечные начала вселенной и применение этих начал. Природа раскрыла перед ним свои глубины; грубые покровы материи разорвались перед ним, чтобы показать ему чудные сферы разоблаченной природы и одухотворенного человечества. В храм НейееИзиды в Мемфисе и в храм Бэла в Вавилоне он узнал много тайн относительно происхождение религий и относительно истории континентов и человеческих рас. Он мог сравнивать преимущества и недостатки еврейского единобожия, политеизма Греков, троичности Индусов и дуализма Персов.

Он знал, что все эти религии—ключи к единой истин, видоизменяющиеся для различных ступеней сознания и для различных общественных условий. Он владел ключом т. е. синтезом всех этих доктрин, обладая эзотерическим знанием. Его внутренний взор, обнимавший прошлое и погружавшийся в будущее, должен был прозревать с необыкновенной ясностью и настоящее. Его видение показывало ему человечество, угрожаемое величайшими бичами:

невежеством священников, материализмом ученых и отсутствием дисциплины у демократа. Среди всеобщего расслабления, он видел вырастающий азиатский деспотизм и из этой черной тучи страшный циклон собирался обрушиться на беззащитную Европу.

Настало время вернуться в Грецию и начать там свое великое дело.

Пифагор поселился в Вавилоне и оставался там не по своей воле в течете двенадцати лет. Чтобы уйти оттуда, нужно было разрешение персидского царя. Его единоплеменник, Дэмосед, царский врач, просил за него и добыл для философа свободу. Пифагор вернулся в Самос после тридцатичетырехлетнего отсутствия.

Он нашел свою родину раздавленной под деспотизмом персидского сатрапа. Школы и храмы были закрыты. Поэты и ученые бежали от персидского цезаризма. Но он имел по крайней мере то утешете, что ему удалось принять последний вздох своего первого учителя, Гермодама, и найти в живых свою мать Пареенису, которая одна не сомневалась в его возвращении; ибо все остальные были уверены в его смерти.

Но она никогда не сомневалась в пророчестве жреца Аполлона. Она знала, что под белым одеяшем египетского жреца сын её готовится к высокой миссж. Она верила, что из храма НейееИзиды появится /гот благой учитель и светлый пророк, который снился ей в священной роще дельфийского храма и которого Иерофант Адонаи обещал ей под кедрами Ливана.

Пифагор пробыл на родине не долго; легкая барка уносила по лазурным волнам Циклады и мать, и сына в новое изгнание. Они покидали навсегда погибающий Самос, направляясь в Грецию. Пифагора манили не олимпийские венки и не лавры поэта; его дело бы но необычайно велико: разбудить заснувшую душу богов в святилищах, вернуть силу и обаяние храму Аполлона и основать школу науки и жизни, из

которой бы выходили не политики и софисты, а посвященные мужчины и женщины, истинные матери и истинные герои...

глава III.

Дельфийский храм.—Наука Аполлона.—Теория прорицания.—Пифия Офоклея.

Из долины Фокиды улыбающиеся луга вели по берегам реки Плистиос к изрытой долин, расположенной в высоких горах. Долина эта становилась все более узкой, а вся страна—все более пустынной и диковеличавой.

Наконец путник подходил к естественному цирку, образуемому из обрывистых гор, венчанных обнаженными острыми вершинами; то был настоящий электрический приемник, над которым разражались частый грозы.

И внезапно, в глубине горного ущелья появлялся город Дельфы, подобно орлиному гнезду, на скал, окруженной пропастями, над •которыми господствовали обе вершины Парнасса. Издали видны были сверкающие бронзовые статуи Победы, медные кони, бесчисленные золотые статуи, выстроенные рядами на священной дороге и стоящие подобно стражникам богов и героев—вокруг дорийского храма ФебаАполлона.

Это место было наиболее священным в древней Греции. Там пророчествовала Пифия; там собирались амфиктионы; там все эллинские племена выстроили вокруг святилища часовни, в которых хранились все жертвуемые сокровища. Там группы мужчин, женщин и детей, приходивших издалека, поднимались по священной троп, чтобы поклониться Богу света. С незапамятных времен Дельфы были местом поклонения народов. Их центральное положение в Элладе и защищенная местность способствовали этому. Необычайный вид окружающей природы поражал воображение.

Позади храма находилась пещера с трещиной, откуда вырывались холодные пары, вызывавши—по преданию—вдохновение и экстаз. Плутарх рассказывает, что в очень древния времена один пастух, севцлй на краю этой трещины, начал предсказывать. Сначала его сочли за сумашедшего, но когда все его предсказания исполнились, случай этот обратил на себя внимание жрецов, которые и завладели пещерой и посвятили эту местность Божеству. Отсюда и учреждение пророчества Пиет, которая садилась на треножник поверх трещины; вырывавшиеся оттуда пары вызывали в ней конвульсии, странные припадки и второе зрение, которым отличаются сонамбулы.

Эсхил, показания которого имеют значение, так как он был сыном элевзинского жреца и посвященным, говорить в Эвменидах устами Пиеии, что вначале Дельфы были посвящены Земле, затем Эфмиде (справедливость), затем Фебее (ЛунаПосредница) и наконец, Аполлону, солнечному Богу. Каждое из этих имен представляет собой в символике храма различные древние периоды и обнимает целые века.

Но известность Дельф начинается с Аполлона. Юпитер, говорят поэты, желая узнать центр земли, выпустил двух орлов— от востока и от заката, и они встретились в Дельфах. Откуда происходить это обаяние, это всемирное и неоспоримое значение, сделавшее из Аполлона греческого бога по преимуществу и сохранившее за ним навсегда непонятное очарование?

История не говорит ничего по этому поводу. Спросите ораторов, поэтов, философов, они дадут вам лишь поверхностное объяснение. Истинный ответ на этот вопрос оставался тайной храмов. Попробуем проникнуть в нее.

В орфическом смысл Дионис и Аполлон были два различные откровения одного и того же божества. Дионис представляет собой эзотерическую истину, основу и внутреннюю суть вещей, открытую лишь

для посвященных. Он являет собой тайны жизни, прошедшие и будущие существования, отношения души к телу и неба к земл.

Аполлон олицетворял ту же идею в её применении к земной жизни и к общественному порядку. Вдохновитель поэзии, медицины и законодательства, он раскрывался в наук пророчеством, в искусстве—красотой, в судьбах народа—справедливостью, в этики—очищением.

Таким образом, для посвященного Дионис означал раскрытие божественного духа во вселенной, а Аполлоне—её проявление в жизни земного человека. Жрецы давали об этом понятие народу посредством следующей легенды. Во времена Орфея Вакх и Аполлон заспорили по поводу дельфийского треножника. Вакх добровольно уступил его своему брату, а сам удалился на вершины Парнасса, где женщины бив справляли его мистерии. И действительно, оба великие сына Юпитера разделили владычество над миром между собой. Один царствовал над таинственным и потусторонним;

другой—над живущим на земле.

Следовательно, под идеей Аполлона мы вновь находим солнечный Глагол, творческое Слово, великого Посредника, Вишну Индусов, Митру Персов, Горуса Египтян. Но древние идеи азиатского эзотеризма облеклись в легенде Аполлона такой пластической красотой и таким проникающим светом, который заставил их глубже внедриться в человеческое сознание, подобно «стрелам Бога, тем белокрылым змеям, который устремляются из его золотого лука», по выражение Эсхила.

Аполлон появляется из темноты великой ночи в Дэлос;

все богини приветствуют его рождение; он идет, он схватывает лук и лиру; его кудри развиваются по ветру; его колчан звучит за его плечами, и море начинает трепетать, и весь остров сияет в волнах золота и пламени.

Это—епифания божественного Свита, создающего порядок, сияние и гармонию, чудным отзвуком которых служить поэзия. Аполлон направляется в Дельфы, где своими стрелами пронзает чудовищного змея, который мучил страну, возрождает край и основывает храм, являя собой образ победы божественного света над мраком и злом.

В древних религиях змей символизировал и роковой круг рождений, и зло, исходящее отсюда. А между тем из этой жизни, понятой и побежденной, возникает знание. Аполлон, убивающий змея, есть символ посвященного, который побеждает природу знанием, укрощает ее волею, и, разрывая круг телесности, поднимается в сиянии духовности в то время, как разбитые звенья человеческой животности корчатся в прах.

Вот почему Аполлон считается представителем искупления и очищения души и тела. Забрызганный кровью чудовища, он искупил и очистил себя в течете восьмилетнего уединения под целебными лаврами Тэмпейской долины. Аполлон, воспитатель людей, охотно пребывает среди них, в городах, в толпе юношей, участвуя в борьбе поэтов и на ристалищах, но надолго он не остается у них. Осенью он возвращается на родину, в страну Гиперборейскую.

Это—таинственная страна светлых и прозрачных душ, которые живут в вечном сиянии совершенного блаженства. Там—его истинные жрецы и жрицы. Он живет в глубочайшем общении с ними и когда желает дать людям свой лучили дар, он посылает из страны Гиперборейской одну из этих великих, светлых душ, чтобы она воплотилась на земле ради помощи смертным. А сам он возвращается в Дельфы каждую весну, когда поются гимны. Он появляется в своей гиперборейской белизне, видимый одним лишь посвященным, на колесниц, влекомой благозвучными лебедями.

Он возвращается в свое святилище, где Пифия передает людям его пророчества и где ему внимают мудрецы и поэты. И тогда начинают петь соловьи, Кастальский источник разливается серебренными струями и потоки небесного света и небесной музыки звучат в сердце человека и проникают даже в невидимые артерии природы.

В. этой легенд о Гиперборейцах просвечивает эзотерическая основа мифа об Аполлон. Под страной Гиперборейской следует понимать потусторонни мир, эмпирей победивших душ, сияющих в своей, неземной красоте. Сам Аполлон олицетворяет свет, невещественный и разумный, из которого исходить всякая истина и физическим подобием которого является видимое солнце; влекущие его лебеди означают поэтов, высоких гениев, посланников его солнечной души, оставляющей после себя струящиеся волны света и музыкальных мелодий.

Таким образом, гиперборейский Аполлон есть сошествие неба на землю, внедрение духовной красоты в тело и кровь, излияние непреходящей истины чрез вдохновение и пророчества.

А теперь мы попробуем приподнять золотое покрывало легенд и проникнуть в самое сердце храма. Каким образом возникло самое пророчество? Здесь мы прикасаемся к тайнам науки Аполлона и к дельфийским мистериям.

Глубокая связь соединяла в древности пророчества с солнечными культами, и эта связь является золотым ключом всех древних мистерий.

Поклонение Арийцев солнцу, как источнику света, тепла и жизни, возникло при самом основании арийской цивилизации. Но когда мысль мудрецов поднялась от проявленного мира к его причине, она постигла, что за этим осязаемым огнем и видимым светом скрывается невещественный огонь и свет разумения.

Первый мудрецы отождествили с началом мужским, с творческим духом или с разумной сутью вселенной, а второй—с его женским началом, с его организующей душой, с его пластической субстанцией. Эта интуиции идет от незапамятных времен и встречается в древнейших мифологиях.

Она появляется в ведических гимнах под формой Агни, всемирного огня, проникающего все сущее. Она раскрывается в религии Зороастра, эзотерическая сторона которой кроется в культе Миераса. Миерас есть мужской огонь, а Митра—женский свет. Зороастр ясно высказывает, что Предвечный создал посредством живого Глагола небесный свет, семя Ормузда, начало материального света и огня.

Для посвященного в мистерии Миераса, солнце—лишь грубое отражение этого света. Из своей темной пещеры, своды которой были разрисованы звездами, он призывал солнце благодати, огонь любви, победителя зла, примирителя Ормузда и Аримана, очистителя и посредника, который обитает в дуцгё святых пророков.

В склепах Египта посвященные призывают то же солнце под именем Озириса. Когда Гермес пожелал созерцать происхождение вещей, он почувствовал себя погруженным в эфирные волны живого света, в котором двигались все живые формы. Затем, погруженный во мрак плотной материи, он услыхал голос и узнал в нем голос Света. В то же время из глубин мрака вспыхнул огонь и немедленно хаос начал приходить в порядок и проясняться. В Книге Мертвых души умерших медленно плывут к этому Свету в барке Изиды.

И Моисей усвоил ту же доктрину в книге Бытия: «и сказал Бог: да будет свет. И стал свете». Создание этого света предшествовало созданию солнца и звезд. Это означает, что в порядке космогенезиса невещественный свет предшествует вещественному.

Греки, которые отливали в человеческую форму и драматизировали самую отвлеченную идею, выразили ту же самую идею в мие Аполлона Гиперборейского.

Таким образом, дух человеческий—путем внутреннего созерцания вселенной—пришел к познаванию вещественного света, элемента неосязаемого и невесомого, который служить посредником между материей и духом. Можно было бы доказать, что современные физики приходят к тому же выводу с противоположного конца, исследуя состав материи и убеждаясь в невозможности объяснить ее одним материальным путем. уже в XVI веке Парацельс, изучая химические комбинации и трансформации

материальных тел, пришел к выводу, что должна существовать всемирная оккультная деятельная сила, посредством которой все эти изменения происходят.

Физики XVII и XVIII века, которые смотрели на вселенную как на машину, утверждали абсолютную пустоту небесных пространств. Но с тех пор как ученые признали, что свет не есть продукт лучистой материи, а вибрация невесомого элемента,—пришлось допустить, что все пространство наполнено бесконечно тонким флюидом, который проникает все тела и посредством которого передаются волны тепла и света.

Таким образом начали возвращаться к идеям физики и теософии древних Греков. Ньютон, который провел всю жизнь, наблюдая движения небесных тел, пошел еще дальше. Он назвал этот элемент или эфир sensorium Dei, или мозгом Бога, т. е. органом, посредством которого Божественная Мысль действуете как в бесконечно великом, так и в бесконечно малом. Высказывая эту идею, которая казалась ему необходимой для выяснения движения небесных светил, Ньютон попал в самый центр эзотерической философии. Эфир, который Ньютон нашел в пространства, Парацельс нашел на дне своих реторт и назвал его астральным светом.

Гораздо позднее немецкий физик Рейхенбах в ряде научно обставленных опытов констатировал повсеместное присутствие этого невесомого элемента, тонкого, но необходимого проводника для невидимого физическому зрению света, от которого происходят всевозможные световые явления.

Рейхенбах заметило, что субъекты с очень тонкой нервной организаций, помещенные в темной комнате, в которой находится магнит, видят на обоих его концах ясные лучи красного, желтого и голубого цвета. Некоторые видят эти лучи волнообразно двигающимися. Он продолжал свои опыты со всевозможными телам и особенно с кристаллами. Вокруг всех этих тел чувствительные субъекты видели светящиеся излучения. Вокруг головы людей, помещенных в темной комнат, они видели белые лучи; из оконечностей их пальцев также исходил свет.

В первом фазисе засыпания сонамбулы видят иногда своего магнетизера с теми же признаками. Чистый астральный свет можно видеть только в высшем экстазе, но он поляризуется во всех телах, соединяется со всеми земными флюидами и играет различные роли в электричестве, в земном и животном магнетизме .

Главный интерес всех опытов Рейхенбаха состоит в том, что он подошел к границам, отделяющим физическое зрение от астрального; которое служит переходом к зрению духовному. Опыты эти заставляют угадывать бесконечную утончаемость невесомой материи. Продолжая подвигаться по этому пути, ничто не помешает нам представить себе ее в такой степени текучей, тонкой и всепроникающей, что она станет в некотором роде однородной с мыслию, служа для последней совершенным проводником.

Мы видели сейчас. что современная физика должна была признать всемирную невесомую действующую силу для того, чтобы объяснить мироздание, что она даже подтвердила её присутствие, не подозревая при этом, что тем самым подходить к древним теософическим идеям.

Попробуем теперь определить природу и назначение космического флюида с точки зрения оккультной философии вс"вх времен. Ибо относительно этой важной основы космогожи Зороастр сходится с Гераклитом, Пифагор с Апостолом Павлом, Каббалисты с Парацельсом. Она распространена повсюду, ЦибеллаМайа, великая Мировая Душа, вибрирующая и пластическая субстанция, которую формует по своему усмотрению дуновение Творческого Духа. Её эфирные океаны служат цементом, соединяющим миры между собою. Она служить посредником между духом и материей, между видимым и невидимым, между внутренним и внешним вселенной.

Скопляясь огромными массами в атмосфере, под воздействием солнца она разражается грозой. Проникая в землю, она циркулирует внутри неё магнетическими токами. Утончившись в нервной системе животного, она передает его волю различным частям организма, его ощущения—мозгу.

Более того, этот тонкий элемент образует живые организмы, подобные материальным телам. Ибо он служить субстанцией для астрального тела души, светящимся покровом, который дух ткет для себя безостановочно.

Соответственно тем душам, которые он облекает, и соответственно тем мирам, которые он окружает, этот флюид преобразуется, утончается или сгущается. И не только он воплощает дух и одухотворяет материю, он отражает в своих живых недрах вещи, предметы, волю и мысли людей в беспрерывных отражениях .

Сила и продолжительность этих образов пропорциональна силе воли, которая их произвела. И в самом дел, не существует другого способа, чтобы объяснить внушение и передачу мыслей на расстоянии, эти приемы древней магии, в настоящее время признанные наукой .

Таким образом, все прошлое верование дрожит в астральном свете в виде отраженных образов, и будущее пребывает там же вместе с живыми душами, который непреодолимой силой влекутся к воплощении на земле. Вот—смысл покрывала Изиды и мантии Цибеллы, в которую заткано все бытие.

Из всего сказанного явствует, что теософическое учение об астральном свете тождественно с тайной доктриной ГлаголаСолнца в религиях Востока и древней Греции. Кроме того, выясняется, в какой связи с этой доктриной стоит учете о прорицаниях. Астральный свет является в ней как передаточное средство для всех явлений ясновидения и экстаза и служить для их объяснения. Он одновременно и проводник, передающий все вибрации мысли, и живое зеркало, в котором душа может созерцать отражение материального и духовного миров.

Перенесенное в. астральную область, сознание ясновидца выступает из пределов физических условий. Мира пространства и времени изменяется для него. Он начинает в некотором роде участвовать в вездесущности мирового астрального флюида. Плотная материя становится для него прозрачной и душа, освободившаяся от тела, поднимается в свою собственную сферу, проникает путем экстаза в духовный мир и видит там души, облеченные в тончайшие тела, с которыми и входит в сношение.

Все древние посвященные имели совершенно точные понятия об этом втором зрении. В пример можно привести Эсхила, который заставляет тень Клитемнестры говорить: «Посмотри на эти раны, твой дух может видеть их; когда мы спим, дух обладает более проницательным зрением; в великий день, не охватывают ли смертные несравненно более обширное поле зрения?»

Прибавим, что эта теория ясновидения и экстаза прекрасно согласуется с многочисленными опытами, произведенными учеными и медиками в наше время над сонамбулами и ясновидящими всякого рода . Мы попробуем, сообразуясь с этими современными опытами, дать краткую характеристику различных психических состояний, начиная с ясновидения и кончая каталептическим экстазом.

Состояние ясновидящего транса есть психическое состояние, одинаково отличающееся и от сна, и от бодрствования. Вместо того, чтобы уменьшаться, способности человека во время такого транса повышаются поразительным образом. Его память становится более точной, воображение—более живым, уме—более быстрым. Более того, новое чувство, принадлежащее уже не физическому организму, развивается в нем.

Он не только воспринимает мысли гипнотизера, что бывает и при явлениях внушения, которые необходимо причислить уже к явлениям сверхфизическим,— но ясновидящий может читать мысли присутствующих, видеть сквозь толстые стены, проникать на сотни лье в дома, гд он никогда не бывал, и в интимную жизнь людей, которых никогда не знал. Глаза его закрыты и не видят ничего, но дух его видит несравненно дальше и лучше, чем открытые глаза, и свободно проносится—по всем видимостям—в пространстве.

Таким образом, если ясновидение с точки зрения тела—состояние анормальное, то с точки зрения духа это состояние вполне нормальное, только поднятое на высшую ступень. Ибо сознание ясновидящего стало глубже и кругозор его несравненно шире. «Я» человека осталось то же, но оно перешло на

высший план, где его взор, освобожденный от ограничений физических органов, охватывает несравненно более широте горизонты.

Следует заметить, что некоторые сонамбулы, подвергаясь пассам магнетизера, чувствуют себя залитыми волнами все более и более яркого света, тогда как пробуждение кажется им тягостным возвратом в темноту.

Внушение, чтение чужих мыслей, способность видеть на расстоянии, это уже факты, доказывающие независимое состоянии души, и они переносят нас выше физического плана вселенной, не заставляя нас покидать этот план. ,

Ясновидяще отличается бесконечными разновидностями и являет собою гораздо большее число состояний, чем бодрствующее сознание. По мере того, как человек поднимается по ступеням ясновидения, явления становятся все более редкими и все более необыкновенными. Приведем лишь главные из этих состояний. Созерцание прошедшего (retrospectionи есть видение прошлых событий, сохраненных в астральном свет. Прорицание (divination) есть предвидение будущих событий или путем проникновения в мысль живых людей, содержащую зачатки будущих поступков, или под высшим оккультным влиянием, когда в живых образах развертываются перед душой

ясновидящего будущие события. В обоих случаях это—проекции мыслей в астральном свете. И, наконец, экстаз, который можно определить как созерцание духовного Мира, где добрые и злые духи являются ясновидящему под человеческими образами и сообщаются с ним.

При этом кажется, что душа действительно унеслась из тела, которое коченеет и носит все внешние признаки смерти. Человеческие слова не могут передать— по уверению испытавших экстазы —красоту и великолепие этих видений, и чувство невыразимого единения с Божественной сутью, которую они переживают в это время.

Можно сомневаться в реальности этих видений, но не следует забывать, что раз способности души даже в состоянии ясновидящего сна обостряются в такой сильной степени, логика требует допустить, что в более высоком состоянии душа способна видеть и более высокую реальность.

В будущем люди признают за трансцендентными способностями человеческой души великое общественное значение и поставят их под контроль науки, опираясь при этом на воистину всемирную религию, открытую для всех истин. И тогда наука, обновленная истинной верой и духом милосердия, будет уверенно ориентироваться в тСх сферах,гд умозрительная философия бродит в наше время ощупью и с завязанными глазами.

Да, наука сделается зрячей и мощной в той мер, в какой в нее будет вливаться любовь к человечеству. И возможно, что «как раз через двери сна и сновидения», как говорил Гомер, возвратится изгнанная нашей цивилизацией и безмолвно плачущая под своим покрывалом божественная Психея, чтобы снова овладеть своими алтарями.

Но как бы то ни было, различные явления ясновидения, наблюдавшаяся учеными и медиками XIX столетия, бросают новый свет на роль прорицаний в древности и на множество феноменов с виду сверх естественных, которыми наполнены летописи всех народов. Конечно, необходимо отличать среди них вымыслы от истины, галлюцинации от истинных видений.

Экспериментальная психология наших дней учит не отбрасывать факты, которые входят в пределы возможных проявлений человеческой природы, а изучать их с точки зрения проверенных законов.

Если ясновидение есть способность души, нельзя выбрасывать пророков, оракулов и сивилл в область суеверия. Предсказания

могли практиковаться в древних храмах по определенным методам, в целях социальных и религиозных. Сравнительное изучение религий и эзотерических продажи доказывает, что основы этих методов были всюду одинаковы, хотя применение их видоизменялось до бесконечности.

Искусство предсказания потеряло свое значение благодаря тому, что испорченность нравов вызвала всевозможные злоупотребления с одной стороны, а с другой стороны потому, что прекрасные явления в этой области возможны лишь через посредство людей исключительной духовной высоты и чистоты.

Искусство прорицания, как оно являлось в Дельфах, покоилось на тех же основах, и вся внутренняя организаций храма основывалась на этом исскустве.

Как и в великих храмах Египта, прорицание у Греков состояло из искусства и из науки. Искусство состояло из проникновения в отдаленное прошедшее и будущее посредством ясновидения или пророческого экстаза; наука являлась методом вычисления будущего на основаны законов мировой эволюции. Искусство и наука взаимно контролировали одна другую.

Мы не будем говорить о той наук, которая древними называлась генеелиалогия (предсказание по гороскопуи, по сравнение с которой средневековая астрология лишь плохо понятый отрывок; упомянем только, что в нее входила эзотерическая энциклопедия, примененная к будущей судьбе народов и индивидуумов. Очень полезная в смысле общих соображений она оставалась довольно проблематичной в применении. Лишь первоклассные умы были способны пользоваться ею. Пифагор проник в глубину этой науки, когда оставался в Египте. В Греции она владела менее полными и менее точными данными; и наоборот, ясновидение и дар прорицания были в Грецш развиты довольно сильно.

Из истории известно, что дельфийская прорицания происходили с помощью женщин, и молодых, и старых, которые носили название Пифий и играли пассивную роль ясновидящих сонамбул. Жрецы давали толкования, переводили и приводили в порядок их прорицания, часто запутанные и неясные, благодаря недостатку развития у сонамбулы.

Современные историки не видят в дельфийских оракулах ничего иного, кроме эксплуатации народного суеверия с корыстными целями. Но кроме серьезного отношения всего античного просвещенного Мира к искусству прорицания при дельфийском храм, многие

оракулы, приводимые Геродотом, как например, относящиеся к Крезу и к битве при Саламин, говорят в пользу прорицания.

Как и все в Мире, искусство это имело свое начало, свой расцвет и свое увядание. Под конец и сюда примешались обман и испорченность, о чем свидетельствует царь Клеомен, который подкупил главную жрицу Дельф, чтобы лишить Демарата царского трона.

Плутарх написал трактат, в котором старался выяснить причины упадка оракулов. И этот упадок признавался всем античным обществом за большое несчастие.

В ранние эпохи искусство прорицания производилось с религиозной искренностью и с научной глубиной, которые поднимали его на высоту истинного священнодействия. На фронтоне храма виднелась следующая надпись: «познай самого себя», а на входной двери— другая: «да не войдет сюда никто с нечистыми руками». Эти слова говорили каждому входящему, что страсти, ложь и лицемерие не должны переступать через порог святилища, и что внутри храма божественная правда должна царить без всякой примеси.

Пифагор явился в Дельфы после того, как обошел все храмы Греции. Он оставался некоторое время у Эпименида, в святилище Юпитера; он присутствовал при олимпийских играх; он стоял во главе мистерий Элевзиса, где иерофант уступил ему свое первенствующее место. Всюду встречали его, как власть имеющего; ожидали его также и в Дельфах. Искусство прорицания приходило там уже в упадок, и Пифагор решил возвратить ему его силу, глубину и обаяние.

Он появился в Дельфах не столько для поклонения Аполлону, сколько для просвещения его жрецов, для воспламенения их энтузиазма и для пробуждения их энергии. Действовать на них значило действовать на душу самой Греции и подготовлять её будущее.

К счастью, он нашел в храме чудное орудие, словно подготовленное для него Провидением.

Молодая беоклеа принадлежала к коллегии жриц Аполлона. Она происходила из семьи, в которой звание жреца было наследственное. Величавое впечатление святилища, священные церемонии и торжественные гимны, праздники Аполлона пифийского и гиперборейского питали её юность.

Она была, вероятно, одной из тех молодых девушек, которые питают отвращение к тому, что привлекает всех остальных. Они не любят Цереру и боятся Венеры, ибо тяжелая земная

атмосфера тревожить их, и физическая любовь, смутно предчувствуемая, кажется им насилием над душой, разбиванием их целомудренного существа.

И наоборот, он необыкновенно чувствительны к таинственным влияниям, к астральным воздействиям. Когда луна освещала темные рощи вокруг Кастальского источника, беоклеа видела повсюду скользящие белые тени. При дневном свете она слышала голоса. Когда она глядела на лучи восходящего солнца, их световые вибрации погружали ее в экстаз, и ей слышались невидимые хоры. И в то же время она была совершенно равнодушна ко всем внешним проявлениям культа; статуи богов оставляли ее совершенно безразличной, но она испытывала ужас при жертвоприношении животных.

Она ни с кем не говорила о видениях, которые нарушали её сон. Она чувствовала с предвидением ясновидящей, что жрецы Аполлона не обладают тем высшим светом, в котором нуждалась её душа. Но они, с своей стороны, наблюдали за ней, желая склонить ее к роли Пифии. Она же чувствовала себя как бы притягиваемой к высшему Миру, который оставался закрытым для неё. Кто были эти боги, от которых на нее веяло неземным дыханием? Она хотела знать это прежде, чем слепо отдаться им. Ибо больные души испытывают всегда потребность сознавать ясно даже и тогда, когда отдаются высшим силам.

Весь внутренний облик 9еоклеи заставляет предвидеть, какое таинственное предчувствие и какое глубокое потрясение должны были взволновать её душу, когда она впервые увидала Пифагора и услыхала его выразительный голос, раздававшийся под колоннадами святилища Аполлона... Она почувствовала присутствие посвященного, которого ждала её душа, она узнала своего Учителя.

Она хотела знать; и она узнает через него, а этот внутренний мир, который она носила в себе, он наконец раскроется перед ней ею силой и он, с своей стороны, должен был узнать в ней с присущей ему проницательностью ту живую и тонко вибрирующую душу, которую он искал для передачи своей мысли и для внесения нового духа в храм. Поели первого же взгляда, которым они обменялись, после первого сказанного слова, невидимая цепь связала жреца Самосского с молодой жрицей, которая молча слушала его, жадно воспринимая каждое его слово. Не помню, кто сказал, что лира

начинает вибрировать, когда поэт подходить к ней. Так узнали друг друга Пифагор и 8еоклеа.

На восходи солнца Пифагор вел продолжительный беседы с жрецами Аполлона, носившими название святых и пророков. Он потребовал от них, чтобы и молодая жрица была допущена к этим беседам и была посвящена в его тайное обучение. Таким образом она могла пользоваться уроками, которые учитель давал ежедневно в святилищ.

Пифагор достиг в то время полной зрелости. Он носил белые одежды по египетски и пурпуровую перевязь на лбу. Когда он говорил, его серьезные, глубокие глаза проникали в душу собеседника, вызывая в нем глубокое волнение, и самый воздух вокруг него казался более легким и проникнутым духовностью.

Беседы Самосского мудреца с высшими представителями греческой религии имели очень важное значение. Вопрос шел не только об искусстве прорицания и о вдохновениях, но и о будущем Греции и о судьбах всего Мира. Знания и силы, которые он приобрел в храмах Мемфиса и Вавилона, придали ему высокий авторитет. Он имел право говорить как власть имеющий с руководителями Греции, и он выполнил это со всею силою своего гения и со всем энтузиазмом сознанной миссии.

Чтобы просветить и подготовить их сознание, он начал их знакомить с своей юностью, с перепетиями своей борьбы и с египетским посвящением. Он говорил им об этом Египте, усыновившем Грецию, древнем и неизменном как покрытая иероглифами мумия в глубине его пирамид, но владеющим в своих склепах тайнами народов, языков и религии. Он развернул перед их глазами мистерии великой Изиды, земной и небесной, матери богов и человечества. Он провел их через все необходимые испытания и под конец дал им проникнуть вместе с собою в светлую область Озириса.

Вслед за тем, он раскрыл перед ними тайны халдейских магов, их оккультные знания, сохранявшиеся в массивных храмах Вавилона, где они вызывали живой огонь, в котором появлялись образы демонов и богов.

Слушая Пифагора, 9еоклеа испытывала потрясающие ощущения. Все, что говорил он, отпечатывалось огненными буквами в её сознании, и все это казалось ей одновременно и необычным, и знакомым. Поучаясь у него, она точно вспоминала забытое. Слова Учителя заставляли ее перелистывать страницы вселенной, словно страницы книги. Боги не являлись более перед ней под человеческим ликом, но в своей истинной сущности, которая создает формы и дает душу этим формам. Она возносилась и опускалась вместе с ними в пространства.

Иногда ей казалось, что она выходить из своих границ и расплывается в бесконечности. Таким образом воображение её проникало в невидимый мир, и те следы его, которые она находила в своей собственной душ, говорили ей, что в нем—истинная реальность, а физический мир не более, как одна видимость. И она чувствовала, что её внутренние глаза скоро раскроются, чтобы непосредственно читать в невидимом.

С этих высот Учитель возвратил ее внезапно на землю, заговорив о несчастиях Египта. Развернув перед её сознанием все величие египетской науки, он показал затем, как она подвергалась вторжению Персов, какие ужасы проникли в Египет вместе с полчищами Камбиза, как разрушались храмы, сжигались на кострах священные книги, как убивались и разгонялись жрецы Озириса, как чудовище персидского деспотизма собрало под свою железную руку все варварские азиатские племена, явились из центра Азии и из глубины Индии для того, чтобы ринуться на Европу. Да этот растущий циклон должен был разразиться над Грецией так же неизбежно, как из скопившихся в воздухе туч неизбежно появляется гроза.

Могла ли раздробленная Греция противостоять этому страшному напору? Народы не могут избежать своей судьбы, если они не бодрствуют беспрерывно и неослабно. И сам мудрый народ Гермеса и его Египет, не разрушился ли и он после шести тысяч лет процветания?

Жизнь Греции, красавицы иоши, должна быть еще скоротечней... Придет время, когда солнечный Бог покинет этот храм, когда варвары разрушать его, так что камня не останется на камне, и когда пастухи поведут свои стада пастись на развалинах Дельф.

При этих мрачных пророчествах лицо беоклеи изменилось. Она склонилась к земле и охватив руками ближайшую колонну, с остановившимися глазами, погруженная в свои внутренние видения, походила на гения Скорби, плачущего над погибшей Грецией.

«Но,—продолжал Пифагоре—эти тайны должны быть погребены в глубини храмов. Посвященный привлекает смерть или отдаляет ее по своему произволу. Образуя магическую цепь соединенной силы воли, посвященные могут воздействовать и на продление жизни

народов. От вас зависит задержать роковой час, от вас зависит процветание Греши, вы можете вызвать в ней сияние Аполлона. Народы формуются по воле своих богов, но боги открываются лишь тем, которые их призывают.

«Что такое Аполлоне? Глагол Единого Бога, вечно проявляющая в мир. Истина есть душа Бога, а свет есть Его тело. Мудрецы, ясновидящие и пророки видят Его; обыкновенные люди видят лишь тень Его. Прославленные духи, которых мы называем героями или полубогами, пребывают среди этого света. Вот истинное тело Аполлона, этого солнца посвященных, и без него не совершается ничто великое на земле. Подобно магниту, привлекающему железо, мы нашими молитвами, словами и деяниями привлекаем божественное вдохновение. От вас зависит осиять Грецию глаголом Аполлона, и тогда Греция преобразится в бесемертном свете!»

Подобными речами Пифагор старался внушить жрецам Дельфийского храма значение их великой миссии. беоклеа поглощала эти речи с молчаливой и сосредоточенной страстью. Она видимо преображалась под чарами мысли и воли Учителя. Среди изумленных старцев она стояла, вся— вдохновение и духовный восторг, с глазами расширенными и сияющими, словно перед ней проносились чудные видения светлых духов.

Однажды она погрузилась в глубокий ясновидяще сон.

Пять старших жрецов окружили ее, но она не чувствовала их прикосновения и не отзывалась на их голоса. Пифагор приблизился к ней и сказал: «встань и иди, куда посылает тебя моя мысль. Ибо отныне ты будешь Пифией»!

При звуки голоса Учителя дрожь пробежала по её телу, но глаза её оставались закрытыми. Она видела внутренним взором.

— Где ты находишься?—спросил Пифагор.

— Я поднимаюсь... все выше и выше.

— А теперь?

— Я плаваю в свете Орфея.—

— Что видишь ты в будущеме?—

— Великие войны... медные люди... белые победы... Аполлон возвращается в свое святилище и я буду его голосомеи... Но ты, его посланник, ты покинешь меня... И ты понесешь его свет в Италто.—

Ясновидящая с закрытыми глазами говорила еще долго, и звук её голоса был музыкальный, прерывающая, ритмический. Затем— внезапные рыдания, и она упала как мертвая. Так вливал Пифагор свое чистое учете в её сердце и настраивал его подобно лире

для воспринята дыхания богов. Поднятая им на такую высоту вдохновений, она и для него стала факелом, при свете которого он мог измерять свою собственную судьбу, проникать в возможное будущее и направляться в безбрежные пространства невидимых миров. Это животрепещущее доказательство истинности его учений поразило жрецов, вызвало в них энтузиазм и оживило их веру. Отныне храм имел вдохновенную Оифию и жрецов, посвященных в божественные науки и искусства. Дельфы могли снова стать центром жизни и духовной деятельности.

Пифагор оставался среди них целый год и лишь после того, как жрецы были посвящены во всё тайны оккультного учения и беокяфа была вполне готова для своей миссии,—он направился далее, в Великую Грецию.

глава IV. Орден Пифагора и его Учение.

Город Кротон занимал оконечность Тарентского залива. Рядом с Сибарисом Кротон был наиболее цветущим городом южной Италии. Он славился своим дорийским общественным строем, своими отлетами, побуждавшими на Олимпийских играх, своими врачами, соперничавшими с Асклетадами. Сибариты прославились своей роскошью и негой; Кротонцы, не смотря на свои добродетели, были бы вероятно забыты, если бы они не дали приюта эзотерической философии, известной под именем Пифагорейской секты, которую можно расематривать как мать школы Платоников и как праматерь всех идеалистических школ. Хотя, не смотря на все благородство последних, праматерь во многом превосходила их. Школа Платоников уже не владеет полным посвящением, а школа стоиков и совсем утеряла истинное предание. Другие системы древней и современной философии—лишь более или менее удачные умозрительные теории, тогда как учение Пифагора было основано на опытном знании и всесторонне проникало в самый строй жизни.

Подобно развалинам исчезнувшего города, мысли Пифагора и тайны его ордена погребены глубоко под землей. Попробуем, несмотря на это, вновь оживить их. Это даст нам проникнуть до самого сердца теософической доктрины, до святая святых религии и философии и, при свет эллинского гения, приподнять край покрывала Изиды.

Было несколько причин, почему Пифагор избрал эту колонию как центр своей деятельности. Его цель была не только передать

своє учете групп избранных учеников, но и применить идеи этого учения к воспитанию юношества и к жизни государства. Этот план требовал основания школы для посвящения мирян, чтобы этим путем постепенно преобразовать политическую организацию городов по образцу его религиозного и философского идеала.

Несомненно, что ни одна из республик Эллады или Пелопонеса не допустила бы такого новшества. Философа обвинили бы в заговоре против государства. Греческие города Тарентского залива были менее заражены демагогией и поэтому там допускалась большая свобода. Пифагор не ошибся, надеясь найти благоприятное отношение к своим реформам в Кротонском сенат. Следует прибавить, что намерения его шли далее Греции. Предвидя эволюцию идей, он угадывал падение эллинизма и намеревался внести в человеческое сознание начала научной религии.

Основав свою школу при Тарентском залив, он распространил эзотерическое учение в Италии и, вместе с тбм, в драгоценном сосуд своего учения сохранил для народов Запада самую суть восточной Мудрости. Появившись в Кротон, который склонялся уже к изнеженной жизни своего соседа Сибариса, Пифагор произвел там истинную революцию.

Порфирий и Ямблих описывают его первое выступление в Кротоне скорее в роли мага, чем в роли философа. Он призвал молодых людей в храм Аполлона и силою своего необыкновенного красноречия вырвал их из сетей распутства. Он собрал женщин в храм Юноны и убедил их принести вей золотые одежды и драгоценные украшения, в виде дара в этот самый храм, как доказательство полной победы над тщеславием и изнеженностью. Он облекал необыкновенным очарованием строгость своих поучений; из его мудрости вырывалось пламя, вдохновлявшее и заражавшее всех. Красота его облика, благородство осанки, очарование его выразительного лица и голоса, довершали победу. Женщины сравнивали его с Юпитером, а молодые люди с Аполлоном гиперборейским. Он покорял и увлекал толпу, которая изумлялась, слушая его, и против воли начинала любить правду и добродетель.

Сенат Кротона или Совет тысячи встревожился этим влиянием Пифагора. Он призвал его, требуя отчета, какими средствами достигает он такого поразительного господства над умами. Это было для него случаем развить свои идеи воспитания юношества и доказать, что он не только не грозят дорийской конституции Кротона, но, наоборот, помогут укрепить ее.

Когда он склонил к своему плану самых богатых граждан и большинство сената, он предложим им создать новое учреждение для него и для его учеников. Это братство посвященных дворян должно было вести общую жизнь в здании, приспособленном для этой цели, но не уклоняться от гражданской жизни. Те из них, которые заслужат звание учителя, допускаются к обучению» физическим, психическим и религиозным наукам. Что касается молодых людей, то, оставаясь под контролем главы ордена, они могли быть допущены к различным степеням посвящения в соответствии с их развитием и выработанной волей. Они должны были начать с подчинения правилам общественной жизни, проводя весь день в школе под наблюдением учителей. Те, которые пожелали бы вступить формальным образом в орден, должны были передать свое имущество попечителю, оставляя за собой право получить его обратно. В орден предполагалось отделение для женщин с параллельным посвящением, но видоизмененным и приспособленным к обязанностям их пола.

Этот проект был принять с энтузиазмом советом. Кротона и через несколько лет в окрестностях города возникло здание, окруженное обширными портиками и прекрасными садами. Кротонцы дали ему название храма Муз; и действительно, в самом центре поселения, рядом с скромным жилищем Учителя, возвышался храм, посвященный этим богиням.

Так возник институт пифагорейцев, который сделался одновременно и коллегией этического воспитания, и академий наук, и образцовой общиной, под руководством великого Посвященного. Путем теории и практики, соединением наук и искусств подходили ученики Пифагора к этой науке всех наук, к этой гармонии души и интеллекта с вселенной, которую пифагорейцы считали за скрытую основу и философии, и религии. Школа пифагорейцев представляет для нас высочайший интерес как наиболее замечательная попытка посвящения мирян.

Предвосхитив синтез эллинизма и христианства, она имела целью привить науку к «древу жизни»; она владела внутренним осуществлением истины в душе человеческой, которое одно способно создать глубокую веру. Осуществлена чрезвычайной важности, так как оно создавало живой пример.

Чтобы составить себе понятие, каким образом достигалась эта цель, проникнем вместе с дельфийским учеником в пифагорейскую школу и проследим шаг за шагом его посвящение.

Испытание.

Белое жилище посвященных возвышалось на холме среди кипарисов и олив.

Снизу, идя по берегу моря, можно было видеть его портики, его сады, его гимназиум. Храм Муз возвышался своими полукруглыми колоннами, воздушными и изящными, над обоими крыльями главного здания. С терассы наружных садов открывался вид на городь, на его гавань и на место общественных собрании. Вдали расстилался залив среди острых прибрежных скал, словно в чаше из агата, а на горизонте сверкало ионическое море, замыкая его своей лазурной линией. От времени до времени из левого крыла здания выходили женщины в разноцветных одеждах и, следуя одна за другой по кипарисовой аллее, спускались к морю. Они направлялись к храму Цереры. Из правого крыла выходили мужчины в белых одеждах, направляясь вверх к храму Аполлона. И в этом крылось большое очарование для молодого воображения искателей истины, что школа посвященных находилась под покровительством двух божеств, из которых одна, великая Богиня, обладала глубокими тайнами Женщины и Земли, а другой, солнечный Бог, раскрывал тайны Мужественности и Неба.

Эта маленькая община избранных как бы освещала собой раскинувшийся внизу многолюдный город. Её светлая ясность привлекала благородные инстинкты юности, но не легко было проникнуть в её внутреннюю жизнь, и все знали, как труден доступ в среду немногочисленных избранных.

Простая живая изгородь служила защитой для садов, прилегавших к пифагорейским зданиям, и входная дверь оставалась весь день открытой. Но у двери возвышалась статуя Гермеса, и на цокол её виднелась надпись: Eskato BMoi, прочь непосвященные! Все подчинялись этому приказанию.

Пифагор с большим трудом допускал новичков, говоря «что не из каждого дерева можно вырезать Меркурия». Молодые люди, желавшие вступить в общину, должны были пройти через период испытания. Рекомендованные или родителями, или одним из учителей, они получали вначале доступ лишь в пифагорейский гимнастический зал, где новички упражнялись в различных играх.

С первого же взгляда молодой человек замечал, что этот зал совсем не походил на такое же гимнастическое упражнение в город: ни громких криков, ни буйных проявлений, никакого признака бахвальства или тщеславного выставления своей силы, своих мускулов атлета; здесь царствовали вежливость, изящные манеры и взаимное доброжелательство среди молодых людей, которые или прогуливались парами под сенью портиков, или предавались играм на арен. С ласковой простотой приглашали они новичка принять участие в их беседах, никогда не позволяя себе любопытных взглядов или насмешливой улыбки.

На арен упражнялись в бегах и в метании дротиков. Там же происходили воинственные упражнения в виде дорийских танцев, но Пифагор строго запрещал в своей школе единоборство, говоря, что рядом с развитием ловкости это вводить в гимнастические упражнения элемент гордости и озлобления; что люди, стремящиеся к осуществлению истинной дружбы, не должны позволять себе сваливать друг друга с ног и кататься по песку подобно диким зверям; что истинный герой должен биться с мужеством, но без ярости, и что озлобленный человек предоставляет все преимущества над собой своему противнику.

Новичок узнавал эти правила из уст юношей пифагорейцев, которые спешили сообщить ему эти крупицы усвоенной мудрости. Одновременно с этим, они приглашали его свободно высказаться и не стесняясь оспаривать их мнения. Поощренный их предупредительностью, новичок не замедливал раскрыть свою истинную природу. В восторге, что его так любезно слушают, он начинал разглагольствовать.

В это время начальники зорко наблюдали за ним, не останавливая его никаким замечанием. Неожиданно появлялся и сам Пифагор, чтобы незаметным образом следить за его жестами и словами. Он придавал особенное значение смеху и походке молодых людей. Смех, говорил он, самое несомненное указание на характер человека и никакое притворство не может украсить смех злого. Он был такой глубокий знаток человеческой наружности, что умел читать по ней до глубины души .

Благодаря подобным наблюдениям, учитель составлял точное представление о своих будущих учениках. Через несколько месяцев приходила очередь решающим испытаниям.

Испытания эти были взяты из египетского посвящения, но смягчены и применены к натуре Греков, впечатлительность которых не вынесла бы смертельных ужасов Мемеисских и бивийских склепов.

Стремящегося к посвящению заставляли провести ночь в пещер, находившейся в окрестностях города, в которой—по слухам—появлялись чудовища и привидения. Не имевших силы выдержать зловещие впечатления одиночества и ночного мрака, отказывавшихся войти или обращавшихся в бегство, признавали слишком слабыми для посвящения и их отправляли назад.

Нравственное испытание носило более серьезный характер. Внезапно, без всяких предупреждений, ученика заключали в келью, печальную и обнаженную. Ему давали доску и короткий приказ:

найти внутренний смысл одного из пифагорейских символов, например: «что означает треугольник, вписанный в круге»? или:

«почему додекаэдр, заключенный в сферу, является основной цифрой вселенной?»

Он проводил и2 часов в пустой келье наедине с своей задачей, имея лишь кружку воды и кусок хлеба вместо обычной пищи. Затем его вводили в залу собраний, гдиэ все ученики были в сборе. Они должны были беспощадно поднимать на смех испытуемого, который, голодный и в дурном настроены, появлялся перед ними подобно осужденному.

«Вот, кричали они; явился новый философии Какой у него вдохновенный вид! Он сейчас поведает нам о своих открытиях! Не скрывай же от нас свои мысли! Еще немного—и ты станешь великим мудрецом!»

В это время учитель наблюдал за всеми проявлениями молодого человека с глубоким внимашем. Удрученный постом и одиночеством, раздраженный сарказмами, униженный своим бессилием разгадать непонятную задачу, он должен был сделать огромное усилие, чтобы овладеть собою. Некоторые плакали слезами ярости;

другие отвечали грубыми словами, третьи бросали доску вне себя от гнева, осыпая бранью и школу, и учителя, и его учеников.

После этого появлялся Пифагор и спокойно заявлял, что юноша, выдержавший так плохо испытание в самообладании, не мог оставаться в школ, о которой он такого не лестного мнения. Изгнанный уходил пристыженный и иногда делался опасным врагом для ордена, как тот знаменитый Килон, который позднее вызвал мятеж против Пифагорейцев и привел их к роковой катастрофе.

Те же юноши, которые выдерживали нападете с твердостью, которые на дерзкие вызовы отвечали разумно и с присутствием духа, заявляя, что они готовы сто раз подвергнуться испытаниям, если это даст им хотя бы малую частицу мудрости,—такие юноши торжественно объявлялись вступившими в школу и принимали полные энтузиазма поздравления от остальным сотоварищей.

Первая ступень.—Подготовление.—Жизнь пифагорейского послушника.

Только с этого момента начиналось послушничество, называемое подготовлением (paraskeie), которое длилось не менее двух лет и могло продлиться до пяти лет. После ушники или слушающие (akoustikoi) должны были соблюдать во время уроков абсолютное молчание. Они не имели права ни возражать, ни расспрашивать своих учителей. Они должны были принимать их поучения с молчаливым уважением и долго размышлять над ними в одиночеств. Чтобы внедрить это правило в сознание нового слушателя, ему показывали статую женщины, окутанную белым покрывалом, с пальцем, приложенным к губам. Музу молчания.

Пифагор считал молодежь еще не готовой понимать происхождение и конец вещей. Он думал, что упражнять молодых людей в диалектик и в рассуждении прежде, чем они не прочувствуют смысл истины, значило подготовлять софистов, исполненных претензий. Он стремился прежде всего развить в своих учениках высшую способность человека: интуиции.

Но он не брал для этой цели предметом своих толкований чего-либо трудного и таинственного. Он исходил их естественных чувств, из основных обязанностей человека при его вступлении в жизнь, и показывал соотношение последних с Мировыми законами. Запечатлевая в сердцах молодых людей прежде всего любовь к родителям, он расширял это чувство отождествлением идеи отца с идеей Бога, великого Творца вселенной.

«Ничего нет почетнее звания отца, говорил он. «Гомер называл Юпитера королем Богов, но желая показать все его величие, он называл его отцом Богов и людей». Пифагор сравнивал мать с природой, великодушной и благодетельной; как небесная Цибелла производить светила, как Деметра зарождает

плоды и цветы земли, так питает мать своего ребенка всеми радостями, доступными для него. Поэтому сын должен почитать в своем отце и в своей матери земных представителей этих великих божеств.

Он доказывал, что любовь к родине происходить из любви, которую человек питал в детстве к своей матери. Родители не даются нам случайно, как думает негодующий, но благодаря тому высшему порядку, связанному со всем предшествующим человека, который можно назвать его судьбою. Родителей нужно уважать какие бы они ни были, а друзей своих нужно выбирать.

Вступающим в пифагорейскую школу предлагали соединяться по двое, сообразно душевному сродству. Младцлй должен был искать в старшем ти качества, к которым сам он стремится, и оба товарища должны были возбуждать друг друга к лучшей жизни. «Друг есть наше второе я. Его нужно почитать, как Бога» говорил Учитель.

Насколько по отношению к Учителю пифагорейские правила требовали абсолютного подчинения, настолько же в дружеских отношениях они предоставляли полную свободу; более того, Пифагор делал из чувства дружбы стимул всех добродетелей, поэзию жизни, путь к идеалу.

Таким путем будилась в учениках индивидуальная энергия, мораль оживотворялась и принимала характер поэзии, с любовью принятые правила жизни переставали быть стеснением и служили—наоборот—к утверждению индивидуальности. Пифагор добивался, чтобы послушание было добровольным.

Кроме того, преподавание морали подготовляло к восприятию философии, ибо связь, которая выяснилась между общественными обязанностями и гармонией Космоса, вызывала предчувствие всемирного закона аналогий и соответствий. В этой связи и заключается основа мистерий, оккультного учения и всякой философии. Ум ученика привыкал видеть печать невидимого порядка на всей видимой действительности. Общие правила и краткие предписания раскрывали перспективы этого высшего мира. Утром и вечером ученики пели под акомпанимент лиры золотые стихи:

Воздай бесемертным Богам благоговейное поклонение И сохрани затем твою виру...

Комментируя это правило, ученику разъясняли, что Боги, различные с виду, были в сущности одни и те же у всех народов, потому что они соответствуют тем разумным силам, которые действуют во всей вселенной. Благодаря такому понимании, мудрый мог почитать Богов своей родины, имея в то же время совершенно иное представлена об их сущности, нежели человек невежественный.

Терпимость ко всем культам; единство всех народов в человеческой эволюции, единство религий в эзотерической науке; вей эти новые идеи начинали возникать в ум вновь вступившего ученика. А золотая лира продолжала свои глубокие поучения:

Почитай память благодетельных героев, Почитай бесемертный дух полубогов.

За этими стихами вступивший начинал различать—как бы сквозь покрывало—божественную Психею, душу человеческую. Небесный путь загорался перед его внутренним взором. Ибо в культе героев и полубогов, посвященный созерцал учение о будущей жизни и тайну мировой эволюции. Эта великая тайна раскрывалась перед учеником не сразу; его подготовляли к её восприятию, говоря ему о целой иерархии превышающих человека существ, называемых героями и полубогами, которые и являются его руководителями и покровителями его жизни. К этому добавляли, что они служат посредниками между человеком и божеством, что через них, проявляя героические качества, он может достигнуть приближения к божеству.

«Но каким образом войти в сношение с этими невидимыми гениями? Откуда происходить душа? Куда уходит она? И зачем эта мрачная тайна смерти?» Вступающий не смел задавать этих вопросов, но их можно было угадать по выражению его лица; вместо ответа, учитель указывал ему на борющихся на земле, на статуи в храм и на просветленные души в небесах, этой «огненной крепости Богов», куда проникнул Геркулес.

В глубин античных мистерий все Боги сводились к единому верховному Богу. Это откровение, понятое до конца, становилось ключом Космоса. Идею эту сохраняли в тайн до посвящения в собственном смысл этого слова. Вступивший не знал о ней ничего. Ему давали лишь предвидение этой истины в отражениях, перенесенных на музыку и на числа. Ибо числа, поучал Учитель, заключают в себе тайну вещей, а всемирная гармония есть совершенное выражение Бога. Семь священных ладов, построенных на семи нотах семиструнника, соответствуют семи цветам света, семи планетам и семи видам существования, повторяющимся во всех сферах материальной и духовной жизни, начиная с самой смиренной и кончая самой великой. Мелодии этих ладов, введенные в душу ученика, должны были настраивать ее и делать ее настолько гармоничной, чтобы она могла ответно вибрировать на каждое дуновение истины.

Этому очищению души соответствовало и очищение тела, которое достигалось правильной гигиеной и строгой дисциплиной нравов. Побуждать свои страсти было первым долгом посвященного. Кто не привел свою собственную природу в гармонию, тот не может отражать и божественную гармонию.

Но в идеал пифагорейской жизни не входил аскетизм, так как брак расематривался у пифагорейцев как нечто священное. При этом от учеников требовалось целомудрие, для посвященных же воздержание служило источником силы и совершенства. «Уступать чувственности, значить соглашаться на унижете перед самим собою», говорил Учитель. Он прибавлял, что сладострастие есть иллюзия, что его можно сравнить «с пением сирен, которые, как только приблизишься к ним, исчезают, а на местиз, откуда раздавалось пение, оказываются поломанные кости и окровавленные куски тела на скал, изъеденной морскими волнами; тогда как истинная радость подобная концерту Муз, который оставляет в душе следы небесной гармонии».

Пифагор доверял добродетели посвященной женщины, но относился с большим недоверием к женщине обыкновенной. Одному ученику, который спрашивал Пифагора, когда же ему можно будет приблизиться к женщине, он отвечал: «когда тебя утомит твой покой».

Пифагорейский день распределялся следующим образом: как только пламенный диск солнца выплывал из голубых волн ионического моря, золотые колонны храма Муз, который возвышался над жилищем посвященных, молодые пифагорейцы пели гимн Аполлону, исполняя в то же время священный дорийский танец, одновременно и мужественный и торжественный.

После обычных омовении совершалась прогулка по храму в полном молчании. Каждое пробуждение расематривалось как воскресение в новую жизнь. Начиная свой день, душа должна была сосредоточиться, чтобы в целомудренной чистоте внимать последующему уроку. Под сенью священной рощи ученики группировались вокруг самого Учителя, или вокруг его представителей, и урок происходил в тенистой свежести деревьев или под портиками храма. В полдень произносилась молитва героям и доброжелательным гениям. Эзотерическая традиция утверждает, что добрые духи приближаются к земле вместе с солнечными лучами, тогда как злые духи ищут темноты и появляются только с наступлением ночи. Умеренный обед состоял обыкновенно из хлеба, меда и олив.

После обеденное время посвящалось гимнастическим упражнениям, затем урокам, медитациям и внутреннему подготовлению к уроку следующего дня. После заката солнца происходила общая молитва, пели гимн космогоническим Богам, небесному Юпитеру, Минерв, Провидению, Диан, покровительнице мертвых. В это время ладан или иные еимиамы сжигались на алтаре под открытым небом, и звуки гимна, соединяясь с волнами ароматов, тихо поднимались в потемневшем воздухе, когда первые звезды зажигались в глубокой лазури неба. День заканчивался вечерней трапезой, после чего самый молодой из учеников читал вслух, а самый старили пояснял прочитанное.

Так протекали дни пифагорейцев, чистые и ясные, как утреннее небо без облаков. Год вычислялся по большим астрономическим праздникам. Так, возврат Аполлона гиперборейского и празднование мистерий Цереры соединял всех., и вновь вступивших учеников, и посвященных всех степеней, как мужчин так и женщин.

На этих празднествах молодые девушки играли на лирах, замужния женщины в пеплумах пурпурового и шафранного цвета исполняли чередующееся хоры, сопровождаемые песнями с гармоническими переходами строф и антистроф, которые впоследствии переняла трагедия

Во время этих торжественных празднеств, на которых, казалось, божественное отражалось и в грации движений, и в проникающей мелодии хоров, молодой ученик проникался предчувствием оккультных сил, могучих законов оживотворенной природы, глубоких тайн прозрачного неба.

Брачные церемонии и погребальные обряды носили более интимный, но не менее торжественный характер.

Иногда устраивалась оригинальная церемония, вероятно для того, чтобы поразить воображение учеников: когда кто-либо из них покидал добровольно школу и возвращался к прежней жизни, или когда ученик выдавал тайну эзотерического учения что случилось один лишь раз, посвященные воздвигали ему гробницу в ограде святилища, как бы для умершего. Совершая эту церемонию, Учитель говорил: «он более мертв чем мертвецы, ибо он возвратился к дурной жизни; его тело двигается среди людей, но душа его умерла; будем оплакивать его». И эта гробница, воздвигнутая живому человеку, преследовала его подобно неотвязной тени, подобно зловещему предзнаменование.

Вторая ступень—очищение . Числа. Теогония.

Счастливый день, «золотой день», как говорили древние, был тот, когда Пифагор принимал нового ученика в своем жилище и торжественно присоединял его к рядам своих учеников. Последствием этого были непосредственные сношения с Учителем;

принятый ученик проникал во внутренний двор, куда допускались лишь одни верные последователи. Отсюда название эзотерические (те, которые внутри), противополагавшиеся экзотерическим (те, которые вне). С этого и начиналось настоящее посвящение.

Откровение состояло в полном, обоснованном изложении оккультного учения, начиная с первооснов, заключенных в таинственной науке чисел, до последних результатов мировой эволюции, до высшего назначения божественной Психеи, души человеческой. Эта наука чисел была известна под различными .именами в храмах Египта и Азии, и так как она давала ключ ко всей тайной доктрин, ее тщательно скрывали от непосвященного.

Цифры, буквы, геометрические фигуры и другие начертания, служившие знаками этой алгебры оккультизма, были понятны одному лишь посвященному. Этот последний раскрывал их смысл новому адепту лишь после того, как получал от него клятву молчания.

Пифагор формулировал священную науку в книг, написанной его рукой и носившей название: Hieros Logos, священное слово. Эта книга не дошла до нас, но позднейшее произведете пифагорейцев Филолая, Архита и Пероклеса, а также диалоги Платона и трактаты Аристотеля, Порфирии и иамблиха, знакомят нас с её принципами. И если принципы эти оставались до сих пор непонятными для современных философов, это произошло оттого, что смысл и значение их можно понять лишь путем сравнения всех эзотерических доктрин Востока.

Пифагор называл своих учеников «математиками» потому, что его обучение начиналось с учения о числах. Но эта священная математика или наука принципов была иная, чем та, которой владеют наши ученые и философы: она была одновременно и более трансцендентна и более жизненна, и расематривала Число не как абстрактное количество, но как существенное и деятельное качество

верховной Единицы, Бога, источника Мировой гармонии. Наука чисел была наукой живых сил, божественных качеств в действии, как в мирах, так и в человек, как в макрокосм, так и в микрокосм. Следовательно, проникая в свойство чисел, схватывая и объясняя их разнообразные сочетания, Пифагор создавал в сущности целую теогонию или обоснованную на разуме теологию.

Истинная теология должна бы заключать основы всех наук. И она может возвыситься до науки о Боге лишь тогда, когда ясно покажет единство и взаимную связь всех остальных наук, лишь тогда, когда станет. синтезом, объединяющих их в одно целое.

Такую именно роль играла в древних, египетских храмах наука Свлщснніію Гліюлй, и это Пифагор и формулировал более точным образом под именем Науки Чисел. Она имела притязание обладать ключом жизни и сути бытия. Адепт, направляемый Учителем, начинал с созерцания её начал в своем собствен ном разум, прежде чем применять эти начала к концентрической необъятности развивающихся миров.

Современный поэт предчувствовал эту истину, когда заставлял Фауста спускаться к МатерАмь для того, чтобы возвратить жизнь призраку Елены. Фауст хватает магический ключ, земля разверзается под его ногами, он почти теряет сознание, он погружается в пустоту пространства. Наконец он достигает Матерей, которые бодрствуют над первозданными формами великого Целого. Эти Матери ничто иное, как числа Пифагора, божественные силы Мира.

Поэт передает нам содрогание своей собственной мысли перед этим ввержением в бездну Неисповедимаго. Для древнего посвященного, у которого духовное зрете пробуждалось постепенно как новое чувство восприятия, это внутреннее откровение являлось скорее вознесением в центр пламенеющего солнца Истины, откуда он созерцал все существа и формы, брошенные в водоворот жизни божественной эманацкий.

Конечно, посвященный не сразу приходил к внутреннему обладанию истиной, к тому могучему сосредоточенью всех сил, которое дает постижение мировой жизни. Для достижения столь трудной гармонии между разумом и волей требовались годы упражнений. Прежде чем овладеть творческим словом, необходимо научиться складывать священный глагол, буквы за буквой, слог за слогом.

Пифагор имел обыкновение давать свои наставления в храм Муз. Сенаторы Кротона построили его по плану и по личным указаниям Пифагора рядом с его собственным жилищем, среди деревьев окружающего сада. Только ученики второй степени проникали туда вместе с Учителем.

Внутри этого круглого храма виднелись девять мраморных Муз; по середине стояла Гестия, закутанная в покрывало, торжественная и таинственная. Левой рукой она защищала пламя очага, правой рукой указывала на небо.

У Греков, точно так же как и у Римлян, Гесля или Веста была хранительницей божественного начала, которое скрыто во всех вещах. Представительница божественного огня имела свой алтарь в храме Дельфов, в Пританеи Афин и при каждом домашнем очаг.

В святилищ Пифагора она олицетворяла собою божественную науку или Теософию. Окружавшие ее эзотерические Музы носили— кроме обычных своих мифологических имен—еще имена тех оккультных наук и священных искусств, которые находились под непосредственной охраной каждой из них.

Урания наблюдала за астрономией и астрологией; Полимшл владела наукой потусторонней жизни души и искусством прорицания;

Мельпомена с своей трагической маской представляла науку жизни и смерти, трансформаций и перевоплощений. Эти три верховные Музы, вместе взятые, олицетворяли собой всю космогонию или небесную физику, Каллюпа, Клю и Эвтерпа являлись представительницами человеческой или психологической науки с соответствующими ей искусствами: медициной, магией и моралью.

Последняя группа—Терпсихора, Эрата и Тамл заведывали земной физикой, наукой элементов, камней, растеши и животных.

Таким образом сразу перед учеником появлялись сразу все лижи наук, начертанные на организме вселенной, и выраженные в лице Муз, освещенных божественным пламенем.

Вступив с своими учениками в это тихое святилище, Пифагор раскрывал книгу Глагола и начинал свое эзотерическое обучение.

<Эти Музы, говорил он, не более как земной образ божественных сил, духовную красоту которых вы будете созерцать внутри себя. Как out устремляют свои взоры на огонь Весты, из которого все они произошли и который дает им движение, ритм и мелодию, также должны и вы погружаться в центральный Огонь вселенной, в божественный Разум, чтобы вместе с Ним изливаться во все Его видимые проявления».

Затем Пифагор увлекал своих учеников из Мира форм и видимостей, уничтожал время и пространство и с могучей силой уносил их с собой в великую Монаду, в самую суть несотворенного Бытия. Пифагор называл ее Единицей, заключающей в себе всю полноту гармонии, которая есть мужское начало всепроникающего Огня, самодвижущийся Разум, нераздельный и непроявленный, творящий преходящий миры, Единый, Вечный, Неизменный, скрытый под многообразием форм, которые приходят, уходят и изменяются.

«Суть вещей ускользает от человека, «говорит пифагореец Филолай». Он познает лишь явления этого мира, в котором конечное сочетается с бесконечным. Как же может он узнать ихе? Только поскольку существует между ним и остальным миром гармония, единение, общее начало; а это общее начало дает вещам Единый, который вместе с Своей Сутью придает им меру и смысл. Он есть мера, определяющая отношение между объектом и субъектом, тот смысл вещей, посредством которого душа участвует в Разуме Единого».

Но как приблизиться к Нему, Непознаваемому? Видел ли. кто либо руководителя времена душу солнц, источник разумов? Но; лишь сливаясь с Ним, можно проникнуть в Его сущность.

Он подобен невидимому огню, действующему из центра вселенной, подвижное пламя которого протекает по всем мирам, приводя во вращение окружность.

Пифагор прибавлял к этому, что дело посвящения состоит в приближении к великому Существу, в уподоблении Ему, в возможном усовершенствовании, в господствовании над всеми вещами посредством разума, в достижении той же активности, какой отличается тот невидимый огонь.

«Ваше собственное существо, ваша душа, не представляет ли из себя микрокосм, малую вселенную? Она полна бурь и несогласий. И задача в том, чтобы осуществить в ней единство гармонии.

И лишь тогда Бог проникнет в ваше сознание и лишь тогда вы разделите Его власть и создадите из вашей воли жертвенник очага, алтарь Весты и трон Юпитераи»

Бог, Неразделимая Сущность, имеет своим числом Единицу, которая содержит в себе Безконечность, именем—имя Отца, Создателя, или ВечноМужеское, знакомь—живой огонь, символ Духа, в котором сущность всего. Вот первое из всех начал.

Но божественные способности подобны мистическому Лотосу, появляющемуся перед египетским посвященным, распростертым в своей гробниц, из темноты ночной. В начале это—лишь блестящая точка, затем она раскрывается подобно цветку,и пламенная сердцевина распускается подобно светящейся роз о тысяч лепестков.

Пифагор говорил, что великая Монада действует посредством творческой Диады. С момента проявления Бог двойствен: неразделимая сущность и разделимая субстанция; начало мужеское, активное, животворящее, и начало женское, пассивное, или пластическая живая материя. Диада представляет таким образом слияние ВечноМужеского и ВечноЖенственного в Бог, два основные божественные свойства.

Все системы политеизма владели интуитивно этой идеей, изображая Божество то в мужском образ, то в женском.

И эта Природа, вечная, одушевленная, эта великая Супруга Бога—не только та земная природа, которую мы видим, но и невидимая небесная природа, недоступная нашему плотскому зрению, Мировая Душа, первозданный Свет, поочередно—Майя, Изида или Цибелла, которая, вибрируя под божественным воздействием, содержит в себе сущность всех душ, идеальные типы всех существ.

Она же и Деметра, земля, проникнутая жизнью, со всеми заключенными в ней телами, в который воплощаются все эти души. Она же и Женщина, подруга Мужчины.

В человечестве—женщина представляет собою природу, и совершенным подобием Бога является не человек, но мужчина и женщина. Отсюда — их непреодолимое, могучее и роковое влечете друг к другу; отсюда и упоение любви, в котором проносится мечта бесконечного творчества и темное предчувствие, что ВечноМужественное и ВечноЖенственное достигнуть совершенного слияния лишь в недрах Бога.

«Отдадим же честь женщин на земле и на небесах», говорил Пифагор вместе со всеми древними посвященными, «она дает нам понимание Великой Женщины—Природы. Да будет она её освещенным образом и да поможет она нам постепенно подняться до великой Души, которая зарождает, сохраняет и обновляет; до божественной Цибеллы, которая в своей светотканной мантии влачит за собою бесчисленные сонмы душе».

Монада изображает сущность Бога. Диада—его производительное свойство. После дне вызывает к жизни вселенную, это—видимое раскрывание Бога в пространстве и во времени.

Проявленный мир — тройствек, ибо как человек состоит из трех различных элементов, сплавленных вместе, из тела, души и духа, так же и вселенная делится на три концентрическийй сферы: мир естественный, мир человеческий и мир божественный. Таким образом, Триада или закон троичности есть образующий закон вещей и истинный ключ жизни. Ибо, он снова и снова встречается на всех ступенях лестницы жизни, начиная с органической клетки, он проходить через физический строй животного тела, через всю деятельность кровеносных сосудов и спинномозговой системы, до сверх физической организации человека, вселенной и самого Бога включительно.

Ключ этот раскрываете как бы по волшебству, перед изумленным разумом внутреннее строение вселенной; он же указывает и на бесконечные соотношения между макрокосмом и микрокосмом. Закон этот действует подобно свету, который, проходя через предметы, делает их прозрачными и заставляет все миры, и малые и великие, светиться подобно волшебным фонарям.

Попробуем выяснить этот закон путем аналогии между человеком и вселенной.

Пифагор признавал, что человеческий дух в своей бессмертной, невидимой и абсолютнодеятельной природа, происходит от Бога. Ибо дух есть то, что двигается само по себе. Пифагор называл тело—его смертной, делимой и пассивной частью. Он полагал, что то, что мы называем душой, тесно связано с духом, но состоит из третьего посредствующего элемента, который происходить от космического флюида; поэтому душа подобна эфирному телу, которое дух ткёт и образует для себя сам. Без этого эфирного тела материальное тело не могло бы развивать живых сил и было бы инертной массой без жизни.

Душа обладает формой, сходной с телом, которое она оживляет, переживая его пороге смерти и распадения. Она становится тогда—по выражению Пифагора и Платона—легкой колесницей, которая

увлекает дух в божественные сферы, или же низвергает его в мрачные области материи, смотря по её свойствам, хорошим или дурным.

Организация и эволюция человека повторяются на всех ступенях жизни и во всех сферах бытия. Подобно тому, как человеческая Психея бьется между духом, который ее привлекает, и телом, которое ее задерживает, так и все человечество развивается между миром естественным и животным, в котором оно погружено своими земными корнями, и божественным миром чистых духов, где скрывается истинный источник, к которому оно и стремится подняться.

И то, что происходить в чёловеке, повторяется и на всех планетах и во всех солнечных системах, лишь в различных соотношениях и в постоянно возобновляющихся различных видах. Растяните круг до бесконечности, и постарайтесь охватить в едином понятии все безграничные миры. Что найдете вы в них? Творческую мысль, астральный флюид и миры в процессе эволющи:

дух, душу и тело Бога. Приподнимая покров за покровом и измеряя свойства самого Бога, мы увидим в Нем Диаду, и Триаду, которые облекаются в неисповедимые глубины Монады, подобно звездам, возникающим в безднах бесконечности.

Уние по этому краткому изложению можно судить, какое первенствующее значение придавал Пафагор закону троичности. Можно сказать, что закон этот представляет краеугольный камень всей эзотерической науки. все великие создатели религий знали этот закон, все теософы предчувствовали его. Оракул Зороастра говорить:

Число три царствует» повсюду во вселенной, Монада же есть начало его.

Великая заслуга Пифагора состояла в том, что он формулировал этот закон с ясностью греческого гения. Он сделал из него центр теогонии и основу всех наук.

Уже прикрытая покровом в экзотерических писаниях Платона и совершенно непонятая позднейшими философами, идея эта была постигнута в новейшие времена лишь немногими посвященными в оккультные науки .

Из всего сказанного ясно, какую широкую и прочную основу давал закон всеобщей троичности, как для классификации наук, так и для построения космогонии и психологии.

Подобно тому, как мировая троичность сосредоточивается в единстве Бога, так и человеческая троичность сосредоточивается в самосознании и воле, в которых все способности тела, души и духа сливаются в одном живом единстве.

Человеческая и божественная троичность, заключенная в Монаде, образует священную Тетраду.

Но человек осуществляет свое единство лишь условным образом. Ибо его воля, влияющая на все его существо, не может действовать одновременно и совершенно во всех его трех проводниках, т. е. в инстинкте, в душе и в интеллекте.

Вселенная и сам Бог представляются ему поочередно и последовательно отраженными в этих трех зеркалах. Во их, видимый через инстинкт и через калейдоскоп чувств Бог многообразен и бесконечен, как его проявления; отсюда — политеизм, в котором число богов неограничено. Во 2х, отраженный в разумной душе, Боге—двойствен, т. е. состоит из духа и материи; отсюда—дуализм Зороастра, Манихеев и некоторых других религий. В 3х, отраженный в чистом Разум, Бог—тройствен, т. е. является духом душой и телом во всех проявлениях вселенной;

отсюда культы Троицы в Индии (Брама Вишну, Шива) и Св. Троицы в христианстве (Отец, Сын и Святой Духе).

И наконец, познанный волей, в которой сливается все, Бог является Единым и отсюда исходить герметический монотеизм Моисея во всей своей строгости. Здесь нет уже олицетворения, нет воплощения. Здесь мы выходим из пределов видимой вселенной и вступаем в царство Абсолютного. Предвечный царствует один над Миром, обращенным в прах.

Различие религий происходит от того, что человек постигает Бога лишь через призму своего собственного существа, условного и конечного, тогда как Бог неустанно осуществляет единство трех миров в общей гармонии вселенной.

Это уже само по себе указывает на магическое значение Тетраграммы в порядки идей. В ней заключены не только основы наук, закон существ и способ их эволюции, но и источник различных религий и их верховного единства. В ней скрывался действительно всеобщий ключ. Отсюда—энтузиазм, с которым Лизис говорить о ней в Золотых стихах и в этом же можно видеть причину, почему пифагорейцы клялись этим великим

символом:

Клянусь ним, который запечатлел в наших сердцах Священную Тетраду, величавый в чистый символ, Источник Природы и образец Богов.

Пифагор шел еще дальше в своем учении чисел. В каждом из них он определял тот или другой принцип, тот или другой закон, ту или другую активную силу вселенной. Он говорил, что главный основы содержатся в четырех первых числах, ибо складывая или помножая их между собой, можно найти и все остальные числа.

Точно также и бесконечное разнообразие существ, образующих вселенную, происходить из сочетания трех первичных сил:

материи, души и духа, под творческим импульсом божественного единства, которое их смешивает и дифференцирует сосредоточивает и дает силу им.

Вместе с другими учителями эзотерической науки, Пифагор придавал большую важность числам семь и десять. Состоя из трех и четырех, семь означает соединение человека с божеством; это—число адептов, великих посвященных и так как оно выражает полное осуществление всего, проходящего через семь ступеней,—оно является изображением закона эволюции. Число десять, образуемое из сложения первых четырех чисел и заключающее в себе число семь, есть совершенное число, ибо оно выражает собою все начала Божества, сперва развивавшиеся, а затем— слившиеся в новом единстве.

Заканчивая преподавание своей теогонии, Пифагор показывал своим ученикам девять Муз, олицетворяющих науки, сгруппированные по три вместе,—Муз, соответствующих тройной троичности, проявленной в девяти мирах и образующих вместе с Вестой, хранительницей первичного Огня, священную Декад}.

Третья ступень: Совершенство.—Космогония и Психология.—Эволюция души.

Ученик получил от Учителя все основы священной науки. Благодаря этому первому посвящению, с него как бы спала густая чешуя, которая закрывала его духовное зреше. Разрывая сверкающий

покров мифологии, посвящение отрывало его от Мира видимого, чтобы бросить его в безграничный пространства и погрузить в световые волны высшего Разума, откуда Истина излучается на все три Мира.

Но наука чисел была лишь вступлением, предварительной подготовкой к великому посвящение. Вооруженный этими знаниями, он должен был спуститься с высоты Абсолютного в глубины природы, чтобы схватить божественную идею в процессе образования вещей и эволюцию человеческой души на протяжении всех миров.

Эзотерическая космогония и психология прикасались к величайшим проблемам жизни, к опасным и ревниво охраняемым тайнам оккультных наук и искусств. Поэтому Пифагор и предпочитал излагать свое учете в ночной тишине, на уединенных террасах храма Цареры, под лети ропот ионических волн и при таинственном мерцании звездного купола, или же в склепах святилища, гд египетские лампады распространяли ровный и тихий свет. Посвященные женщины присутствовали при этих ночных собраниях.

От времени до времени пришлые из Дельф или из Элевзиса жрецы и жрицы подтверждали учете Учителя рассказами о своих личных переживаниях.

Материальная и духовная эволюция Мира—два противоположные и в то же время параллельные и соответствующие движения на лестниц бытия. Одна объясняет другую, а взятия вмести, он объясняют Мир. Материальная эволюция выражает собой проявление Бога в материи посредством воздействующей на нее Мировой Души. Духовная эволюция представляет собой рост сознания в индивидуальных монадах и усилия их воссоединиться через цикл жизней с Божественным Духом, из которого они изошли.

Смотреть на мир с точки зрения физической или духовной, не значить рассматривать различные объекты; это значить смотреть на мир с двух противоположных сторон. С земной точки зрения, разумное объяснение Мира должно начинаться с материальной эволюции, потому что мир представляется нам именно с этой стороны; но, показывая нам творчество Мирового Духа в материи и дальнейшее развиле монад, объясненю это приводить нас незаметно к духовной точке зрения и заставляет нас от вигышней формы перейти внутрь вещей, с поверхности углубиться в самую суть. Так, по крайней мер, смотрел Пифагор, который видел во вселенной живую Сущность, воодушевленную великой Душой и великим Разумом. Вот почему вторая часть его учения начиналась с космогожи.

Если держаться тех долежи неба, которые мы находим в эзотерических отрывках Пифагорейцев, то окажется, что их астрономия схожа с птоломеевской, по которой земля неподвижна, а солнце с планетами и со всем небом вращаются вокруг неё.

Но самый принцип этой астрономии указывает нам, что она чисто символическая. В центре вселенной Пифагор ставить огонь (относительно которого солнце—лишь отражении. В эзотеризме всего Востока Огонь есть символ Духа, божественного, вселенского Сознания.

Таким образом то, что наши философы обыкновенно принимают за физику Пифагора и Платона, ничто иное, как образное описание их тайной философии, ясной для посвященных, но непроницаемой для непосвященных, тем более, что ее выдавали за простую физику. Следовательно, в ней мы должны искать нечто вроде космографии жизни души, не более того.

Подлунная сфера означает ту сферу, в которой проявляется земное притяжение, и называется она «кругом рождения». Этим посвященные хотели сказать, что земля для нас—область телесной жизни. В ней происходят все процессы, сопровождающие воплощение и развоплощение душ.

Сфера шести планет и солнца соответствует восходящим категориям духов. Олимп, понимаемый как вращающаяся сфера, именуется небом неподвижных звезд, потому что он символизирует сферу совершенных душ. Таким образом эта младенческая астрономия скрывает за собой духовное воззрбние на вселенную.

Но все заставляет нас думать, что древние посвященные, и в особенности Пифагор, имели гораздо более правильное представление о физическом мир. Аристотель положительно утверждает, что Пифагорейцы знали о движении земли вокруг солнца. Коперник рассказывает, что идея о вращежи земли вокруг своей оси пришла ему в голову при чтении Цицерона, у которого сказано, что какойто Гицетий из Сиракуз говорил о суточном движении земли.

Своим ученикам третьей степени Пифагор объяснял двойное движение земли. Не обладая точными измерениями современной науки, оне—тем не менее—знал, как и жрецы Мемфиса, что исшедиля из солнца планеты вращаются вокруг него, и что звезды— т же солнечные системы, управляемые такими же законами, как и наша система, и что каждая из них имеет свое определенное м"всто в великой вселенной.

Он знал также, что каждый солнечный лир образует маленькую вселенную, которая имеет свое соответствие в тре духовном и обладает своим собственным небом. Планеты были какебы ступенями ведущей к нему лестницы. Но эти идеи, способные перевернуть всю народную мифологию, показались бы толпе кощунственными, и поэтому оне никогда не высказывались публично. Их передавали не иначе, как под строжайшей тайной .

Видимая вселенная, говорил Пифагор, небо со всеми его звездами, есть ничто иное, как преходящая форма Мировой Души, великой Майи, которая сосредоточивает материю, разбросанную в бесконечном пространстве, а затем растворяет ее и разбрасывает в вид невесомого космического флюида. Каждый солнечный вихрь обладает частицей этой Мировой Души, которая в течете миллиона веков развивается в его лоне с особой, свойственной этому вихрю энергией и мерой.

Что же касается сил, царств, пород и живых душ, которые долженствуют явиться на светилах этой малой вселенной,— они приходят от Бога, они спускаются от Отца; т. е. они исходят из высшего духовного порядка и из предшествовавшей материальной эволюции, иными словами—из потухшей солнечной системы.

Из этих духовных сил, одни абсолютно бессмертны и он руководят образованием нового мира; другие же ожидают его рождения в состоянии космического сна, чтобы, сообразно своему роду и в соответствии с вечным законом, снова вступить в ряды видимых существ.

Между тем, солнечная душа и её центральный огонь, непосредственно движимый великой Монадой, работает над расплавленной

материей. Планеты — дочери Солнца. Каждая из них, созданная присущими материи силами притяжения и вращения, одарена полусознательной душой, исшедшей из солнечной души, и имеет свой особый характер, свою специальную роль в эволюции. Так как каждая планета есть особое выражение Божественной Мысли, и каждая исполняет особую функцию в планетарной цепи, то древние отождествили имена планет с именами великих богов, которые представляют собой божественные качества, действующие во вселенной.

Четыре элемента, из которых образовались светила и все существа, обозначают четыре постепенные состояния материи. Первый из них, как самый плотный и самый грубый, является самым несовершенным проводником духа; последний, самый тонкий элемент в то же время наиболее родственной духу, является наиболее совершенным проводником.

Земля представляет состояние плотное; вода—жидкое; воздухе— газообразное; огонь—невесомое состояние. Пятый элемент, эфире— представляет собой состояние материи столь тонкое и подвижное, что оно уже лишено атомистичности и обладает свойством всепроникающим. Это и есть первичный космический флюид или астральный свет.

Затем Пифагор беседовал с своими учениками о космических изменениях земли по египетскому и азиатскому преданнию. Он знал, что расплавленная земля была первоначально окружена газообразной атмосферой, которая, постепенно охлаждаясь, превратилась в жидкость и образовала моря. По своему обыкновению, он синтезировал свою мысль в аллегории, выражаясь, что моря были образованы из слез Сатурна (космическое время).

Но вот появляются царства природы и невидимые зародыши, витающие в эфирной ауре земли, вихрями носятся они в её воздушном покров, а затем привлекаются в глубокое лоно морей и на первые

выступившие из вод континенты. Еще смешанные, растительный и животный миры являются почти одновременно.

Эзотерическая доктрина допускает трансформацию зоологических видов не только вследствие второстепенного закона подбора, но и вследствие основного закона проникновения в землю сверх физических сил и воздействия разумных начал и невидимых сил на все живые существа. Если на земном шар появляется новый вид, это означает, что более высокого типа души воплощаются в данную эпоху в потомков прежнего вида для того, чтобы поднять его на высшую ступень, формуя и преобразуя его по своему образу.

С точки зрения земной эволюции, человек есть последний отпрыск и венец всех предыдущих видов. Но эта идея объясняет его появление на сцене жизни не более, чем она объяснила бы появление первой водоросли или первого ракообразного в глубине морей. Все это постепенное творчество требуете—как и каждое рождение—проникновения в землю невидимых сил, творящих жизнь. Созданию человека должно предшествовать царство духовного человечества, которое руководить развитием земного человечества и посылает ему все новые потоки душ, который воплощаются в его недрах и озаряют первыми лучами божественного света это беспомощное, требующее воздействия и все же отважное существо, которое, едва освободившись от мрака животности, принуждено бороться со всеми силами природы для поддержания своего существования.

Получив свои знания в храмах Египта, Пифагор имел точные представление о больших переворотах на земном шар. Индусская и египетская доктрина знала о существовании древнего континента, на котором возникла красная раса и расцвела могучая цивилизации, названная греками Атлантидой.

Эзотерическая доктрина приписывала попеременное погружение и появление континентов колебанию земных полюсов и признавала, что человечество должно было пережить шесть таких потопов. Каждый цикл между двумя потопами несет с собой преобладание одной из великих человеческих рас. Посреди временных и частичных затемнений цивилизации и человеческих способностей, общее непрерывное восхождение вверх не прекращается никогда.

Так образовалось человечество и началась эволюция рас среди различных земных катаклизмов. Но в чем же состоит вечная, мучительная загадка этого мира, который мы, рождаясь, принимаем за незыблемую основу вселенной, тогда как он сам несется, увлеченный в пространство? В чем загадка этих появляющихся со дна морей и снова исчезающих континентов, этих сменяющихся народов и разрушающихся цивилизаций?

Это—великая внутренняя тайна каждого и всех, это—проблема души, которая открывает в себе две бездны—и мрака, и света, которая созерцает себя поочередно то с восторгом, то с ужасом, и говорит себе: «Я не от мира сего, ибо мир не в силах меня объяснить. Я пришел не от земли и я иду в иное место. Но куда? Это—тайна Психеи, заключающая в себе всё остальные тайны».

Космогония видимого Мира, говорил Пифагор, привела нас к истории земли, а последняя к тайн человеческой души. Этой тайной мы соприкасаемся с святая святых, с тайной тайн. Раз её сознанию пробудилось, душа становится для самой себя самым удивительным из всех зрелищ. Но самое сознание, это—не более, как освещенная поверхность её существа, в глубин которого таятся темные, и неизмеримые бездны. В непознанных своих глубинах божественная Психея созерцает очарованным взором все жизни и все Мирbi: прошедшее, настоящее и будущее, которые сливаются в Вечности.

«Познай самого себя и ты познаешь вселенную». Такова тайна мудрых посвященных. Но, чтобы проникнуть через эту узкую дверь в необъятность невидимой вселенной, необходимо пробудить в себе непосредственное ведение очистившейся души и вооружиться светильником Разума, наукой начал и священных чисел.

Так переходил Пифагор от физической космогонии к кос. могонт духовной.

После эволюции земли он разъяснял эволюцию души на протяжении миров. Вне посвящения эта доктрина известна как переселения душ (трансмиграция). Ни одна часть оккультной доктрины не была так изменена, как эта, благодаря чему древняя и современная литература знают ее только в нелепых искажениях. Сам Платон, более всех философов способствовавший её популяризации, давал или из осторожности, или вследствие обита молчания, только фантастические и странные обрывки этого учения.

Немногие подозр"6вают в наше время, что учете эта могло иметь для посвященных ценность научной истины, что оно открывало перед ними бесконечные перспективы и давало душ6 небесное утешение. Учение о восходящей жизни души через последовательный ряд земных существований принадлежит всем эзотерическим преданиям и представляет собой венец теософии. Прибавлю, что и для нас оно имеет первенствующее значение. Ибо современный человек с одинаковым презрением отбрасывает и отвлеченное туманное бессмертие философии и младенческое небо ортодоксальной религии. А между тем, сухость и пустота материализма приводят его в ужас. Невольно стремится он к сознанию органическою бессмертии, которое отвечало бы и на запросы его разума, и на вечную потребность его души,

Не трудно понять, почему посвященные древних религий, зная эти истины, держали их втайне. Они недоступны для неразвитых умов и могут вызвать лишь смятение. Они тесно связаны с глубокими тайными духовного зарождения, с проблемой пола и телесного рождения, от которого зависят судьбы будущего человечества.

В виду всего этого можно понять, с каким трепетом ожидался этот важный час эзотерического откровения. Под влиянием силы Пифагоровой речи, как под непреодолимым действием чар, тяжелая материя как бы теряла свой вес, земные вещи делались прозрачными, а небесные становились видимыми для духа. Золотые и лазурные сферы, озаренные самой сущностью св>та, расширялись до бесконечности.

В этот час ученики, мужчины и женщины, окружавшие Учителя в подземной части храма Цареры, называвшейся гротом Прозерпины, слушали с глубоким волнением небесную повести Психеи.

Что такое душа человеческая? Частица великой и упровой Души, искра божественного Духа, бессмертная Монада. Но если её возможное будущее открывается в бездонном сияжи божественного сознания, её таинственное рождение относится к началам организованной матерт. Чтобы достигнуть своего настоящего состояния, она должна была пройти через все царства природы, подняться по всем ступеням лестницы существования, постепенно развиваясь путем бесчисленных существований.

Дух, работающий над мирами и сгущающий космическую материю в громадные массы, проявляется с различной силой и все увеличивающейся энергией в различных последовательных царствах природы. Слепая и смутная в минерал, индивидуализированная в растении, поляризованная в чувствительности и в инстинкте животных, сила эта, на протяжении всего медленного процесса стремится к сознательной Монад; что же касается элементарной монады, то она является уже в самом низшем животным.

Итак, душевный и духовный элемент существует во всех царствах, хотя в низших царствах он является в состоянии непробужденном. Души, существующие в состоянии зародышей в низших царствах, пребывают там в течение необъятных периодов, и переходят в высшее царство лишь после больших космических перемен и уже на другой планет. В течение жизни одной и той же планеты оне могут подняться выше лишь на несколько видов.

Где начинается монада? Это так же трудно решить, как определить час образования туманности, или момент, в который солнце впервые начало светить. Как бы то ни было, то, что составляет сущность каждого человека, должно было развиваться в течение

миллионов лет на протяжении планетной цепи, проходя через всё низище царства и сохраняя во всех этих существованиях индивидуальное начало. Эта еще неясная, но неразрушимая индивидуальность является божественной печатью монады, в которой Бог хочет проявиться через сознание.

4ем выше поднимаются ряды организмов, тем более развивает монада дремлющие в ней начала. Поляризованная сила делается чувствительной, чувствительность становится инстинктом, а инстинкте—разумом. И по мере того, как зажигается колеблющая факел сознания, душа делается все более независимой от тела, все более способной вести свободное существование.

Флюидическая и неполяризованная душа минералов и растений связана с элементами земли. Покинув труп, душа животных, сильно привлекаемая земным огнем, пребывает некоторое время в нем, а затем возвращается на поверхность земного шара, чтобы снова воплотиться в свой вид, не покидая никогда низших слоев космоса. Эти слои населены элементами или животными душами, которые участвуют в жизни атмосферы и оказывают большое оккультное влияние на человека.

Только одна человеческая душа приходить из высших миров и после смерти возвращается туда же. Но в какую эпоху своего длинного космического существования элементарная душа стала человеческой? Через какое пламенное горнило, через какой эфирный огонь прошла она для этого? Преображено было возможно в междупланетарный период только при помощи уже совершенно сформированных человеческих душ, которые развивали в элементарной душе её духовное начало и наложили свой божественный прообраз, подобно огненной печати, на её пластическое вещество .

Но сколько предстоит еще странствований, воплощений, сколько надо пройти циклов для того, чтобы душа сделалась тем человеком, каким мы знаем его и по эзотерическим преданиям Индии и Египта, индивиды, составляющую нынешнее человечество, начали свое человеческое существование на других планетах, где материя гораздо менее плотная, чем на нашей. Тело человека было в то время почти прозрачное, а воплощения его были ления. Его способности духовного восприятия были по видимому очень сильные и энергичные в этот первый человеческий фазис; зато разум и интеллект были в зачаточном состоянии. В этом полутелесном и полудуховном состоянии человек видел духов; все сияло в его глазах красотой и очарованием, все было музыкой для его слуха. Он слышал гармонию сфер. Он не думал и не размышлял, он едва умел хотеть. Он отдавался жизни, вбирая в себя звуки, формы и свет, витая подобно сновидению от жизни к смерти и от смерти к жизни. Такое состояние Орфики называли небом Сатурна. По учению Гермеса человек материализовался, воплощаясь на планетах все более и более плотных.

Воплощаясь в более плотной материи, человечество утеряло свое духовное сознание, но усиливающейся борьбой с внешним miром оно сильно развило свой разум, свой интеллект, свою волю. Земля есть последняя ступень этого спускания в материю, которое Моисей называет «изгнанием из рая», а Орфей «падением в подлунный круге».

Отсюда человек, путем многих новых воплощений, может медленно подняться и свободным проявлением ума и воли снова обрести свои духовные чувства. Только тогда, говорят ученики Гермеса и Орфея, человек обретает собственной деятельностью сознание божественного; лишь тогда он становится Сыном Божьим. И те, которые назывались на земле этим именем, должны были,— раньше чем появиться среди нас—спуститься и снова подняться по этой трудной спирали.

Что же представляла из себя при своем рождении Психея? Преходящее дуновение, витающий зародыш, гонимая ветром птица, скитающаяся от жизни к жизни. И все же, переходя от крушения к крушению, через миллионы лет, она стала чадом Божьим и не признает иной родины, кроме неба! Вот почему греческая поэзия полная такого глубокого и светлого символиза, сравнивала душу с крылатым насекомым, которое то ползет по земле червяком, то возносится к небу бабочкой. Сколько раз она была гусеницей

и сколько разе—бабочкой? Она этого никогдае не узнает, но она чувствует, что у неё есть крыльяи

Таково прошлое человеческой души. Оно объясняет нам его настоящее состояние и позволяет провидеть его будущее.

Каково же место, которое божественная Психея занимает в земной жизни? Если вдуматься, то нельзя вообразить себе более трагической судьбы. С тех пор, как она страдальчески пробудилась в тяжелой атмосфере земли, она стала пленницей плоти, она сдавлена в изгибах её. Она живет, дышит и думает только через нее; а между тбм сама она не от плоти.

По мере того, как она развивается, она чувствует, как в ней загорается мерцающий свет, нечто невидимое и нематериальное, чти она называет своим духом, своим сознанием.

Да, у человека есть врожденное чувство своей тройственной природы, ибо даже в речи своей он инстинктивно различает свое тело от души, и душу от духа.

Но плененная и терзаемая душа бьется между своими двумя спутниками, из которых один—змей, сжимающий ее в бесчисленных кольцах, а другой—невидимый гений, призывающий ее, присутствие которого она ощущает лишь по трепету его крыльев и по молниеносным зарницам, вспыхивающим в её глубин.

То отдается она плоти и живет одними её ощущениями и страстями, переходя от кровавых оргий гнева к тяжелому угару сладострастия, пока ее самою не ужаснет глубокое безмолвие невидимого спутника То, привлеченная к нему, она теряется в такой высоте мысли, что забывает о существовали тела до того момента, когда оно властным призывом напомнит о себе. И все же внутренний голос говорит ей, что между нею и невидимым спутником связь—ненарушима, тогда как связь её с телом временна и кончается со смертью.

Но, разрываясь между ними, душа, в своей вечной борьбе тщетно ищет счастья и истины, тщетно ищет она себя в своих преходящих ощущениях, в своих сменяющихся мыслях, в том Мирt, который меняется, как мираж. Не находя ничего постоянного гонимая, как ветром оторванный лист, мятежная душа сомневается в себе самой и в божественном Мирt, который раскрывается для неё только в минуты неодолимого влечения к нему и в минуты скорби.

И знания раскрываются для неё тщетно, потому что, как бы обширны они ни были, рождение и смерть заключают человека между

двумя роковыми границами. Это—две двери, ведущие во мраке, за которым он не видит ничего. Пламя его жизни загорается при вступлении в одну из них и потухает при выхода его через другую. Не то же ли самое и с душой? А если нет, то какова же её истинная судьба?

Ответ, даваемый философами на этот мучительный вопрос, весьма различен. Лишь ответ посвященных теософов всех времен один и тот же по существу. Он согласуется с интимным чувством каждой души и с сокровенным духом религии.

Но религии выражали истину лишь под покровом символов, которые в темном сознании толпы переходили в суеверия, тогда как эзотерическая доктрина, открывая гораздо более обширные перспективы, согласуется с законами мировой эволюции.

Вот что говорят человеку посвященные, знакомые с эзотерическим преданием, просветленные глубоким опытом души: то, что волнуется в тебе, что ты называешь своей душой, есть эфирный двойник тела, который заключает в себе бессмертный дух. Дух строить и ткет для себя силою своей собственной деятельности свое духовное тело. Пифагор называет это тело «тонкой колесницей души», потому что после смерти ему суждено удалить дух от праха земного. Это духовное тело есть орган духа, его "чувствительная оболочка, его волевое орудие, через которое тело оживотворяется и без которого оно было бы безжизненно. Этот двойник делается видимым при появлении умирающих или умерших. Тонкость, могущество, совершенство духовного тела разнятся, смотря по качеству заключающегося в нем духа; а между субстанций душ, сотканных из астральных лучей, но проникнутых невесомыми флюидами земли и неба, существует большее различие, чем между всеми земными телами из весовой материи.

Хотя это тело гораздо тоньше и совершеннее земного тела, оно не бессмертно, как заключенная в нем монада. Оно изменяется и очищается соответственно той сред, через которую проходить.

Дух формует и неустанно преобразует его по образу своему, а затем, постепенно освобождаясь от него, облекается в еще более эфирные покровы.

Вот чему учил Пифагор, не признававший отвлеченной духовной сущности, бесформенной монады. Деятельный дух на небесах и на земле должен иметь орган; этот орган есть живая душа, животная или божественная, темная или лучезарная, но облеченная в человеческий образ, который есть подобие Божие.

Что происходить во время смерти? При приближена агонии, душа обыкновенно предчувствует свою скорую разлуку с телом. Она обозревает всю свою земную жизнь в сжатых, быстро сменяющихся и страшно ярких картинах. Когда весь свиток изжитой жизни развернулся таким образом, душа теряет сознание.

Если это святая и чистая душа, то её духовные чувства уже пробудились. Перед смертью у неё так или иначе, хотя бы проникновением в свою собственную глубину, уже появилось сознание иного Мира. Под влиянием безмолвных призывов и занимающегося невидимого свита, земля уже потеряла свою власть над душой, и когда она наконец покидает холодный труп, восхищенная своим освобождением, она чувствует, как ее несет волна великого сияния к братьям по духу, к которым она принадлежит.

Но не так переживает смерть обыкновенный человек, жизнь которого делилась между материальными инстинктами и высшими стремлениями. Он пробуждается в полусознательном состоянии, как под гнетом кошмара. У него нет более ни рук, чтобы хватать, ни голоса, чтобы крикнуть, но он помнит, он страдает, он живет в области мрака и неведения. Единственное, что он там видит, это свой труп, с которым он более не связан, но к которому его тянет непреодолимое влечете. Ибо он жил с его по мощью, а теперь—что же он такое? Он со страхом ищет себя в своем мозгу, в остановившейся крови своих жил и не находить себя. Умер он, или он жив? Он хотел бы видеть, схватиться за что-нибудь, но он ничего не видит и не за что ему схватиться. Мрак окружает его; вокруг него и в нем—один хаос. Он видит только одну вещь, и эта вещь и влечет его, и заставляет содрагаться... Это—зловещее мерцание его собственных останков, и—кошмар возобновляется снова.

Такое состояние может длиться месяцы и годы. Длительность его зависит от силы материальных инстинктов души. Но какова бы ни была эта душа, добрая или худая, темная или светлая, она постепенно приходить к самосознанию и осваивается с своим новым состоянием. Освобожденная от тела, она бросается в воздушные бездны земли, и электрически потоки подхватывают ее и начинают носить туда и сюда, и тогда она становится способной различать многообразных скитальцев, более или менее похожих на нее, выплывающих перед ней как бы из густого тумана.

Тогда начинается ожесточенная борьба еще угнетенной души, чтобы пробиться в высиля области, освободиться от земной тяги и

достигнуть той сферы, которая принадлежит ей по праву и к которой ее могут направить только добрые руководители. Но иногда требуется много времени, чтобы душа увидела и услышала их.

Этот фазис жизни души носил различные именования в религиях и в мифологиях. Моисей называл его Хорив; Орфей—Эреб;

христианство—чистилищем или долиной смерти. Греческие посвященные отождествляли его с теневым конусом, который земля влачит всегда за собой и который достигает до самой луны: поэтому они называли его «бездной Гекаты». По учению Орфея и Пифагорейцев, в этом темном колодце кружатся души, делая отчаянные усилия, чтобы достигнуть лунного круга, но бурные порывы ветра отбрасывают их и во множестве кидают их снова на землю. Гомер и Виргилий сравнивали их с несущимися листьями, с роями обезумевших от бури птиц.

Луна играла большую роль в древнем эзотеризм. Считалось, что перед продолжением своего небесного восхождения, души очищали свое астральное тело на той части луны, которая была повернута к небу. На противоположной стороне пребывали известное время герои и гении, чтобы облечься в тело перед новым воплощениеем. Лун приписывалась сила как бы намагничивать душу для земного воплощения и размагничивать ее для неба. Вообще эти утверждения, которые для посвященных имели одновременно и реальное и символическое значение,—означали, что душа должна пройти через переходное состояние очищения и освободиться от земной нечистоты прежде, чем продолжать свой путь.

Но как описать возвращено чистой души в её собственный мире? Земля исчезла как сновиденье. Новый сон, очаровательное забытье охватывает ее как ласка. Она не видит ничего, кроме своего окрыленного Руководителя, который уносит ее с быстротой молнии в глубины пространства. Как описать её пробуждение в долинах эфирного света, без земной атмосферы, где все: горы, цветы, растительность, все изящно, разумно и все звучите? И что сказать об этих лучезарных образах мужчин и женщин, которые окружают ее подобно священной процессии, чтобы посвятить ее в святую мистерию её новой жизни? Что это: боги или богини? Нет, это такие же души, как и она сама; и чудо в том, что все их сокровенные мысли отпечатываются на их лиц, нежность, любовь, мудрость просвечивают сквозь их прозрачные тела целой гаммой сияющих красок.

Здесь тела и лица более не маски души, но сама душа является в своем истинном вид, сверкая чистотой своей правды. Психея

снова обрила свою божественную родину. Ибо сокровенный свет, в котором она купается, который исходит из неё самой и возвращается к ней в улыбке возлюбленных, этот свет б нства... это—Мировая Душа и здесь чувствуется присутствие Бога и

Нет более преград; она будет любить, знать и жить без иных границ, кроме границ собственной воли. И, странно, она чувствует себя соединенной со всеми своими спутницами глубоким сходством. Ибо в потусторонней жизни, только т6, кто понимают друг друга, собираются вместе. С ними она будет праздновать божественные мистерии в храмах более прекрасных, в общении более совершенном. Это будут все новые живые поэмы, в которых каждая душа будет новой строфой и каждая снова переживет всю свою жизнь в жизни других.

Затем, трепещущая, она устремится к исходящему сверху свету на призыв После анников, окрыленных Гетев, которых зовут Богами потому, что они освободились от круга рождений. Ведомая этими высшими существами, она силится прочесть великую поэму сокровенного Глагола и понять доступную для неё часть симфонии вселенной. Она воспримет иерархические ступени божественной Любви; она попытается увидеть то, что рассеивается животворящими Гениями в Мировом пространстве; она узрит славных Духов—живые лучи Бога Богов—и она не выдержит их ослепительного великолепия, которое заставляет бледнеть самое солнце... И когда она, устрашенная этим сверкающим полетом, вернется назад, она уже издали услышит призыв любимых голосов, и снова упадет на золотистые берега своего светила, под ласкающий покров убаюкивающего сна.

Такова небесная жизнь души, жизнь, которую с трудом представляет себе наше огрубевшее на земле сознание, но которую угадывают посвященные и переживают ясновидящие, и в действительности которой убеждает закон Мировых аналогий.

Наши грубые образы и наш несовершенный язык тщетно пытаются передать ее, но каждая живая душа чувствует зародыш этой высшей жизни в своих сокровенных глубинах. Если в нашем настоящем состоянии мы не в силах понять ее, оккультная философия дает возможность формулировать психические условия этой жизни.

В древних эзотерических преданиях часто встречается представление об эфирных светилах, невидимых для нас, но составляющих часть нашей солнечной системы и ставших местопребыванием блаженных душ. Пифагор называет их антиподом земли,

освященной центральным Огнем, т. е. божественным светом. В конце своего Федона Платон описывает подробно, хотя и не прямо, эту духовную землю. Он говорить, что она легка, как воздух, и окружена эфирной атмосферой.

Таким образом, в потусторонней жизни душа сохраняет всю свою индивидуальность. От своего земного существования она сохраняет только благородные следы, а остальное роняет в пучину забвения, которую поэты назвали волнами Леты. Освобожденная от нечистоты человеческая душа чувствует свое сознание как бы вывернутым на изнанку. Из внешнего покрова вселенной она вошла внутрь: ЦибеллаМайя, Мировая Душа, снова заключила ее в свое лоно.

Здесь Психея осуществить свою мечту, которая на земле ежечасно разбивается и снова возобновляется. Она осуществить ее в мер своих земных усилий и уже обретенного свита, и при этом бесконечно расширить ее. Разбитые надежды расцветут в сиянии её божественной жизни; тусклые на земле солнечные закаты загорятся в ослепительные дни.

Да, если человек пережил всего лишь один час энтузиазма или самоотречения, эта единая чистая нота, вырванная из дисонансов его земной жизни, будет снова и снова повторяться в его загробной жизни в чудных изменениях, в дивных сочетаниях. Мимолетные радости, доставляемые нам музыкой, экстазы любви или восторги милосердии суть лишь отдельные ноты той симфонж, которую мы услышим там; значить ли это, что та жизнь будет лишь длинным сновидением, прекрасной галлюцинащей? Но что же может быть реальнее того, что душа чувствует в себе и понимает в своем божественном общежи с другими душами?

Посвященные, которых можно назвать последовательными идеалистами, считали всегда, что единственно реальные и постоянные вещи на земле суть откровения духовной Красоты, Любви и Истины. И так как в загробной жизни не может быть ничего иного, кроме Истины, Любви и Красоты для тех, кто к ним стремился при жизни, то они убеждены, что небо будет гораздо реальнее земли.

Небесная жизнь души может длиться сотни и тысячи лет, смотря по степени её развита и по её силе. Но только самые совершенные, самые высокие души, только те, что переступили круг рождений, могут продлить ее до бесконечности. Эти души достигли не только временного отдохновения, но и бессмертного действия в истин;

он создали себе крылья. Он неприкосновенны и он управляют мирами, ибо видят их скрытую сущность. Что же касается других душ, то не умолимый закон заставляет их снова воплощаться, чтобы пройти через новые испытания и подняться на более высокую ступень если победа будет за ними, или пасть, если он6 будут побеждены.

Как земная жизнь, так и духовная, имеет свое начало, свои расцвет и свой период упадка. Когда она вполне изжита, душа бывает охвачена тяжелым томлением и грустью. Непобедимая сила привлекает ее снова к земной борьб6 и к земным страданиям. Это желание смешивается с страшной тревогой и с глубокой печалью, ввязанной с необходимостью оставить божественную жизнь. Но время настало, закон должен совершиться. Тяжесть увеличивается, свет погасает в душе. Своих светлых товарищей она начинает видеть сквозь покрывало, и этот все более сгущающийся покров наполняет ее предчувствием неминуемой разлуки. Она слышит их печальный прощальный привет; слезы блаженных орошают ее на подобие небесной росы, которая сохранится в её сердце как пламенная жажда неведомого счастья. И тогда она дает себе торжественный обет запомнить этот свет в Мирt мрака, эту истину в Мире лжи, эту любовь в Мире ненависти. И лишь этой ценой обретет она свидание и венец бессмертия.

Затем она просыпается в тяжелой атмосфер. Эфирное светило, прозрачные души, океаны света, все исчезло. Вот она снова на земле, в бездне рождения и смерти. Но все же она еще не утеряла небесного воспоминания и её крылатый Руководитель указывает ей на ту женщину, которая будет её матерью, которая уже понесла в себе зародыш дитяти. Но этот зародыш будет жить лишь в том случае, если дух оживотворит его. И тогда совершается самая непроницаемая тайна земной жизни — тайна воплощения и материнства.

Таинственное слияние происходить медленно, постепенно, орган за органом, фибра за фиброй. По мере того, как душа погружается в эти горячие недра, по мере того, как она чувствует себя захваченной в изгибы телесности, сознание её божественной жизни бледнеет и погасает. Ибо между ею и высшим светом возникают потоки крови и телесные ткани, которые сжимают ее и наполняют мраком.

Уние тот дальний свет стал слабым мерцанием. Наконец, ее охватывает страшная боль и сжимает как в тисках; мучительная конвульсия отрывает ее от материнской души и внедряет в трепещущее тело.

Рождение совершилось, появилось жалкое земное существо, кричащее от ужаса. Но небесное воспитание вошло в сокровенный глубины Бессознательного. Оно оживет лишь через познание или через скорбь, через любовь или смерти °

Так раскрывает перед нами закон воплощения и развоплощения истинный смысл жизни и смерти. Он составляет основную базу в эволюции души, и позволяет нам следить за нею в обоих направлениях до самых глубин природы и божества.

Ибо этот закон раскрывает ритм и меру, причину и цель бессмертия души. Из отвлеченного или фантастического понятия, он превращает эту идею в живую и понятную, указывая на соответствия жизни и смерти. Земное рождение есть смерть, а смерть есть воскресение с точки зрения духовной. Смена обеих жизней необходима для развития души и каждая из них есть одновременно и последствие, и объяснение другой. Тот, кто впитал в себя эти истины, находится в сердце тайн, в центре посвящения.

Но, скажут нам: что же докажет нам непрерывность души, монады, духовной сущности, через все эти воплощения, если она сама забывает о них? На это мы ответим другим вопросом: а что доказывает вам тождество вашей личности в состоянии бодрствующем и во время сна? Каждое утро вы выходите из состояния столь же странного и необъяснимого, как и смерть, вы воскресаете из этого ничто, а вечером снова в него погружаетесь. Перемена в физиологических условиях мозга видоизменила взаимодействия души и тела и переместила вашу психическую точку зрения. Вы были тем же индивидом, но вы были в другой среде и вели иную жизнь.

У людей замагнитизированных, у сонамбул и ясновидящих, сон развивает новые способности, которые кажутся нам чудесными, но которые не что иное, как естественные способности души, освобожденной от тела. При пробуждении, такие ясновидящие совсем не помнят, что они видели, говорили и делали в своем зрячем сне;

но во время сна они прекрасно вспоминают все, что было во время предыдущего сна и иногда с математической точностью предсказывают то, что будет в будущем сне. У них как бы два сознания, две сменяющиеся и совершенно различные жизни, из которых каждая имеет свое разумное продолжение и которые завертываются вокруг одной и той же индивидуальности, как разноцветные шнурки вокруг невидимой нити.

И так, глубокий смысл скрывался в названы, которое древние поэты посвященные давали сну; они называли его братом смерти.

Ибо покрывало забвения отделяет сон от бодрствования, как рождение от смерти, и подобно тому, как наша земная жизнь делится на две постоянно сменяющиеся части, так и душа на протяжении своей космической эволюции переходить от воплощении к духовной жизни, от земли к небесам.

Этот сменяющийся переход от одной сферы вселенной к другой, это перемещение полюсов души, не менее нужны для её развития, чем чередование бодрствования и сна необходимы для физической жизни человека. нам нужны воды Леты, чтобы перейти от одного существования к другому. Спасительный покров скрывает от нас наше прошлое и наше будущее.

Но забвение это не полное, и свет просвечивает сквозь покрывало. Врожденные идеи сами по себе уже доказывают предшествующее существование. Но есть нечто большее: мы рождаемся с целым сонмом неопределенных воспоминаний, непонятых стремлений, божественных предчувствий.

У детей кротких и спокойных родителей бывают порывы диких страстей, которые наследственность не может объяснить и которые идут из прежней жизни. Бывают иногда в самых скромных существованиях необъяснимые чувства и высокий идеализм. Не исходители он из обетов потусторонней жизни? Ибо оккультная память, сохранившаяся в душ, сильнее всех земных понятий. Она побеждает или изменяет, смотря по тому, верна она этому воспоминание или нет.

Истинная вера и есть эта безмолвная верность души самой себе. Поэтому и Пифагор, подобно всем теософам, смотрел на земную жизнь, как на необходимую выработку воли, а на небесную—как на духовный рост и осуществление начатого на земле.

Жизни сменяются, непохожие одна на другую, но внутренне связанные неумолимой логикой. Если каждая из них имеет свой собственный закон и свою определенную судьбу,—весь последовательный ряд их управляется общим законом; который можно бы назвать отраженным действием жизней .

По этому закону действия одной жизни отражаются роковым образом на следующей жизни. И человек родится не только с теми инстинктами и способностями, которые он развил в своем предшествующем воплощении, но самый характер его существования определяется, главным образом, тем употреблением, хорошим.

или дурным, которое он сделал из своей свободы в предшествующей жизни.

Нет ни одного слова, ни одного действия, который не отразились бы в вечности, говорить древнее изречете. По эзотерическому учению, это изречете применяется буквально от жизни к жизни. Для Пифагора кажущиеся несправедливости судьбы, уродливости, несчастия, удары рока, бедствием всякого рода находят свое объяснение в том, что каждое отдельное существование есть или награда, или наказание предшествующего.

Преступлена порождают искупительную жизнь; несовершенная жизнь вызывает жизнь, полную испытаний. Праведная жизнь влечет за собою высокое призвание; высшая жизнь—силу творчества. Нравственное соответствие, кажущееся несовершенным с точки зрения одной жизни, проявляется с полным совершенством и точной справедливостью в рядл жизней. Здесь может быть и движение вперед к духовности и к разуму, и может быть обратное движение к животному состоянию.

По мере того, как душа поднимается по ступеням эволюции, она принимает все большее участие в выбора своих перевоплощений. На низшем уровне душа подчиняется; более развитая душа имеет право выбора в границах предлагаемых ей воплощений;

душа, владеющая высшим призванием, избирает воплощено не для себя, а для общего блага. Чем более душа возвышается, тем яснее она сохраняет в своих воплощениях ясное, неопровержимое сознание духовной жизни, которая царствует за нашим земным горизонтом и посылает лучи своего света в окружающий нас мрак.

Продаже утверждает, что посвященные первой ступепи, божественные пророки человечества, помнят свои предшествующие земные жизни. Легенда говорит, что СаюаМуни во время своих экстазов восстановил нить, связывающую его прошлые существования, и относительно Пифагора существует предание, что, благодаря особой милости Богов, он помнил некоторые из своих прошлых жизней.

Выше было сказано, что на протяжении многих жизней душа может подвигаться или вперед или назад, смотря по тому, преобладает ли её низшая, или её божественная природа. Отсюда вытекает важное последствие, которое человеческое сердце сознает всегда в своих глубинах.

В каждой жизни необходимо выдерживать борьбу, выбирать между добром и злом, и принимать решения, результаты которых неисчислимы. Но на восходящем пути, занимающем целый ряд воплощений, должна быть такая жизнь, такой день, а может быть и такой один час, когда душа, достигшая полного сознания добра и зла, может последним высшим напряжением подняться на такую высоту, откуда ей уже не придется более спускаться и где начинается её непрерывное существование в высших областях бытия.

Точно также и на нисходящем пути зла есть точка, с которой нечестивая душа может возвратиться назад. Но раз эта точка пройдена, ожесточение становится окончательными С каждым существованием она будет все более спускаться в глубину мрака. Она потеряет свою человечность. Человек станет демоном, и его неуничтожаемая монада будет принуждена возобновить трудную, бесконечно долгую эволюцию через ряд восходяших миров и бесчисленных существовали.

По эзотерическому учению это и есть настоящий ад, и не более ли он логичен—оставаясь столь же ужасным,—чем ад экзотерических религий?

Итак, душа может или подниматься, или опускаться в последовательном ряде жизней. Что же касается земного человечества, его движете происходит по закону восходящей прогрести, которая составляет часть божественного порядка.

Эта истина, которую мы считаем новой, была известна в античных мистериях. «Животные родственны человеку, а человек сродни Богам», говорил Пифагор. Он развивал философски то, что скрывалось под символами Элевзиса: прогресс восходяших царств природы, стремление растительного мира к животному, животного Мира к человеческому и последовательную смену в человечестве все более и более совершенных рас.

Этот прогресс совершается правильными и все более увеличивающимися циклами, которые заключены один в другом. Каждый народ имеет свою молодость, зрелый возраст и старость. Это относится также и к целым расам: к красной, черной и белой расам, последовательно царствовавшим на земном шар.

Белая раса находится все еще в расцвете молодости. Достигнув своей высшей точки, она выдвинет из своих недр ядро

новой расы, усовершенствованной посредством восстановленного посвящения и благодаря духовному подбору вступающих в брак.

Так чередуются расы, так прогрессирует человечество. Древние «Посвященные» шли гораздо далее в своих предвидениях, чем современные мудрецы. Они допускали, что наступить момент, когда человечество перейдет на другую планету, чтобы начать там новый цикл эволюции. В сердце циклов, составляющих планетную цепь, человек разовьет начала интеллектуальные, духовные и потусторонние, которыми великие Посвященные овладели ранее остального человечества, и начала эти станут достоянием всех.

Само собою разумеется, что такое развитие будет длиться не только тысячи, но миллионы лет и произведет такие перемены в условиях человеческой жизни, какие мы себе и вообразить не можем. Чтобы охарактеризовать их, Платон говорил, что в тС времена Боги на самом дел будут жить в человеческих храмах.

Логично допустить, что в планетной цепи т. е. в последовательных эволюциях нашего человечества на других планетах, человеческие воплощения будут все более и более эфирными, что и приблизить их мало по малу к чисто духовному состоянию восьмой сферы, в которой нет более ни смерти, ни рождения, и которую древние теософы определяли как состояние божественное.

Так как не все обладают одинаковой активностью и многие отстают или падают на эволюционном пути, то естественно, что число опередивших все уменьшается при медленном восхождении всего

человечества. Есть от чего закружиться нашему земному разуму, но небесный разум созерцает все восхождение в целом без страха, так же, как мы смотрим на единичную жизнь.

И разве такое понимание духовной эволюции несогласно с единством Духа, этим началом всех начал, с однородностью Природы, этим законом всех законов и с непрерывностью движения, этой силой всех силе? Рассматриваемая через призму духовной жизни, солнечная система представляет не только материальный механизм, но и живой организм, царство небесное, где души странствуют из Мира в мир подобно дуновению божественной жизни, оживляющему Вселенную.

Какова же конечная цепь человека и человечества по эзотерическому учению? После стольких жизней, смертей, рождений, затишья и мучительных пробуждений, настанет ли конец усилием Психеи?

Да, говорят посвященные, когда душа окончательно победит материю, когда, развив все свои духовные способности, она найдет в себе самой начало и конец всего, тогда, достигнув совершенства и не нуждаясь более в воплощении, она окончательно сольется с божественным Разумом. Так как мы с трудом можем себе представить духовную жизнь души даже и после земного её воплощения, то как вообразить себе ту совершенную жизнь, которая ожидает нас в конце всех ступеней духовного существования?

Это небо небес стоит в таком же отношении ко всем предшествующим небесам, в каком океан стоит к ручьям и рекам. Для Пифагора апофеоз человека являлся не в виде погружения в состояние бессознательности, но в виде творческой деятельности в божественном сознании.

Душа, став чистым духом, не теряет своей индивидуальности, но заканчивает ее, соединяясь с своим первообразом в Боге. Она припоминает все свои предшествующие существования, которые ей кажутся ступенями для достижения той вершины, откуда она охватывает и постигает Вселенную. В этом состоянии человек уже перестает быть человеком, говорит Пифагор, он становится полубогом. Ибо он отражает во всем своем существе неизреченный свет, которым Бог наполняет бесконечность. Для него равносильно знать и мочь, любить и творить, существовать и излучать истину и красоту.

Окончательный ли это пределе? Духовная вечность имеет друпя измерения, чем солнечное время, но она имеет также свои этапы, свои нормы и свои циклы, превосходящие всякое человеческое представление. Но закон прогрессивных аналогий в восходящих царствах природы позволяет нам утверждать, что дух, достигнув этого высшего состояния, не может уже возвратиться назад; что если видимые Мирbi изменяются и проходят, то невидимый мир, который служит их началом и их концом,— бессмертен.

Такими светлыми перспективами заканчивал Пифагор историю божественной Психеи.

Последнее слово замерло на устах мудреца, но присутствие невыразимой истины чувствовалось в неподвижном воздухе подземного храма. Каждому казалось, что окончились сновидения и настало пробуждение, исполненное мира, в беспредельном океане единой жизни.

Мерцающие лампы освещали статую Персефоны, придавая жизнь её символической истории, художественно переданной в священных фресках святилища. Иногда одна из жриц, приведенная в экстаз гармоническим голосом Пифагора, преображалась, и всем существом своим говорила о невыразимой красот видения. И охваченные священным трепетом ученики смотрели на неё в молчании. Но учитель медленным и уверенным жестом возвращал на землю преображенную жрицу. Понемногу черты её изменяли выражение, она опускалась на руки своих подруг и впадала в глубокую летаргию, из которой пробуждалась смущенная, печальная и как бы истощенная своим порывом.

Кончалась ночь и Пифагор с учениками выходил из склепа в сады Цереры на свежесть предутренней зари, которая уже начинала трепетать над морем по краям звездного неба.

Четвертая ступень.—Эпифания.—Адепт.—Посвященная женщина.—Любовь и брак.

С Пифагором мы достигли высоты древнего посвящения. С этой вершины земля представляется тонущей во мрак, подобно умирающему светилу. Отсюда открываются звездные перспективы и развертывается как чудное целое, Эпифания вселенной . Но целью учения не было погруженье человека в созерцание или экстаз. Учитель заставлял своих учеников странствовать в неизмеримых пространствах Космоса и погружал их в бездны невидимого. Истинные посвященные возвращались на землю после великого странствования более сильными, более совершенными и закаленными для жизненных испытаний.

За посвящениеем разума должно было следовать посвящение воли, самое трудное из всех. Оно заключалось в том, что ученик должен был низвести истину в глубину своего существа и применить ее ко всем подробностям своей жизни. Чтобы достигнуть этого идеала, следовало по учению Пифагора, достигнуть трех совершенств:

осуществить истину в разум, праведность в душе, чистоту в теле.

Мудрая гигиена и разумная воздержанность должны были поддерживать телесную чистоту. И чистота эта требовалась не как цель, а как средство. Всякое телесное излишество оставляет следы и как бы загрязняет астральное тело, живой организм души; а следовательно страдает и дух. Ибо астральное тело содействует всем процессам материального тела; в сущности, астральное тело и производить их, так как физическое тело без него—одна лишь инертная масса.

Следовательно, для чистой души необходимо и чистое тело. Кроме того, необходимо, чтобы душа, постоянно освещаемая разумом, приобретала мужество, способность самоотречения, преданность и веру, чтобы она достигла праведности и победила навсегда низшую природу.

И наконец, для интеллекта необходимо достижение мудрости, чтобы человек мог во всем различать добро и зло и видеть Бога как в самых малых существах, так и в мировом целом.

На этой высоте человек становится адептом, и если он обладает достаточной энергией, он вступает во владение новыми способностями и силами. Внутренние чувства души раскрываются и воля становится творческой. Его телесный магнетизм, наэлектризованный его волей, приобретает сверх естественное с виду могущество. Иногда он исцеляет больных возложением рук или одним своим присутствием. Часто лишь взглядывая на людей, он уже проникает в их мысли. По временам он видит на яву события, происходящие на далеком расстоянии .

Он действует на расстоянии: сосредоточивая мысли и волю на людях, которые соединены с ним узами личной симпатии, он может являться им, причем астральное его тело может переноситься и помимо его материального тела.

Появление умирающих или умерших перед друзьями принадлежит к такому же разряду явлений, но с той разницей, что появление умирающего или души умершего вызывается обыкновенно бессознательным желанием, в агонии, тогда как адепт то же явление в состоянии производить в полном сознании. Обыкновенно адепт чувствует себя как бы окруженным и охраняемым невидимыми, высшими, светлыми Существами, дающими ему силу и помогающими ему в его миссии.

Очень редки адепты, достигающие полного могущества. Греция знала только троих: Орфея на заре эллинизма, Пифагора в его апогей и Аполлония Тианского во время его окончательного упадка. Орфей был вдохновенным основателем греческой религии; Пифагоре— организатором эзотерической науки и философии своей школы;

Аполлоний—магом, стоиком и проповедником нравственности в период упадка. И от всех троих, несмотря на их различия, исходил божественный свет: дух, пламенно стремившийся к спасению душ и непобедимая энергия, облеченная благостью и ясностью. Но спокойствие таких великих душ только кажущееся: под ним чувствуется горнило пламенной, но всегда сдерживаемой воли.

Пифагор представляет собою адепта высшей ступени и притом с научным умозрением и философским складом, который более всего подходить к современному уму. Но сам он и не мог, и не надеялся сделать из своих учеников совершенных адептов. Начало великой эпохи имеет всегда своего великого вдохновителя. Его последователи и ученики его последователей составляют проникнутую магнетизмом цепь, которая распространяет его мысль по всему Миру.

На четвертой ступени посвящения Пифагор довольствовался передачей своим ученикам того, как можно применять его учете к жизни. Ибо «Эпиифания», обозрение с высоты, оставляло в душе глубокие и животворящие идеи относительно земной жизни.

И происхождение добра и зла остается непонятной тайной для того» кто не дает себе отчета относительно происхождения и конца вещей. Мораль, которая не имеет в виду высших судеб человека, будет только утилитарной и навсегда несовершенной.

Более того, человеческая свобода не существует в действительности для тех, кто чувствует себя рабами своих страстей, и она по праву не существует для тех, кто не верит ни в душу, ни в Бога, для кого жизнь есть вспышка сознания между двумя безднами небытия. Первые живут в рабстве у души, скованные страстями; вторые—в рабстве у разума, ограниченного физическим впром.

Не так живет человек религиозный и истинный философ, а тем более теософ, который видит истину в троичности своего существа и в единстве своей воли. Чтобы понять происхождение добра и зла, посвященный смотрит духовным взором и видит три Мира, а не один. Он видит темный мир материи и животного

начала, гд властвует неизбежная Судьба. Он видит светлый мир Духа, невидимый для нас мир, огромную иерархию освобожденных душ, где царствует божественный закон, где действует Провидите. Между обоими мирами он видит в полутьме человечество, основанием своим погруженное в мир естественный, а вершинами касающееся божественного мира.

Его гений: Свобода. Ибо в тот момент, когда человек познает истину и заблуждение, он свободен избирать между Провидением, которое хочет свободного исполнения истины, и роком, который сам выполняет нарушенный закон справедливости.

Акт воли, соединенный с действием разума, есть лишь математическая точка, но из этой точки исходить духовная вселенная. Каждая душа чувствует инстинктивно то, что теософ понимает разумом, т. е., что Зло есть то, что влечет человека в роковые условия материи, следовательно к разъединению. Добро же есть то, что заставляет его подниматься к божественному закону Духа, т. е. к единству. Его истинное назначена состоит в том, чтобы подниматься все выше и выше своими собственными усилиями. Но для этого он должен сохранить свободу падения.

Круг свободы расширяется до бесконечности по мере того, как человек поднимается вверх, и тот же круг уменьшается до бесконечно малой величины по мерее того, как он опускается вниз. Чем выше подъем, тем больше свободы, ибо чем полнее человек вступает в область света, тем более приобретает он сил для добра. И наоборот, чем ниние спуск, тем больше рабства, ибо каждое падение в область зла уменьшает понимание истины и ограничивает способность к добру.

Таким образом, над прошлым человека господствует Рок, над будущим—Свобода, а над настоящим, вечно сущим, которое можно назвать вечностью,—Провидите.

Из совокупного действия Судьбы, Свободы и Провидения возникают бесчисленные доли, и ад, и рай, для человеческих душ. Зло, являясь разногласием с божественным законом, не есть дело Бога, а человека, и потому зло существует лишь относительно и временно. Добро же состоя в согласии с божественным законом, существует реально и вечно.

Ни Дельфийские, ни Элевзинские жрецы, ни посвященные философы, не имели намеренья открывать эти глубокие идеи народу, который мог понять их превратно и злоупотребить ими. В Мистериях это

учение изображалось символически разрыванием на куски Дениса, но при этом непроницаемым покровом прикрывалось то, что можно назвать страданием Бош.

Самые значительные религиозные и философские споры вращаются вокруг вопроса о происхождении добра и зла. Мы видели, что эзотерическое учете обладает ключом к нему.

Существует еще другой важный вопрос, от которого зависит социальная и политическая проблемы: неравенство человеческих условий. Зрелище зла и печали кроет в себе нечто ужасное. К этому следует добавить, что распределение всевозможных бедствий, кажущееся произвольным и несправедливым, есть источник всякой ненависти, всех возмущений и отрицаний.

И здесь также эзотерическое учение вносить в наш земной мрак свой верховный свет мира и надежды. Различие душ, условий и судеб может получить свое оправдание лишь в многочисленности существовали и в учении о законе причинности. Если человек рождается в земном Мирb в первый раз, как объяснить бесчисленные страдания, падающие на него как бы случайно? Как допустить, что есть вечная справедливость, когда одни рождаются в условиях, влекущих за собой роковым образом нищету и унижете, в то время как друпе родятся в богатстве и живут счастливо и благополучно?

Если верно, что мы уже прожили иные жизни и будем снова жить на земле, если верно, что во всСх существоватях проявляется закон чередования и отражения,—тогда различия душ, условий и судеб предстанут перед нами как результаты прошедших жизней и как многообразные примСнения упомянутого закона.

Различные условия индивидуальных жизней происходят от различного употребления свободы в предшествующих существованиях, а различные ступени интеллектуальности—от того, что люди, живущие одновременно, принадлежать к разнообразным ступеням эволюции, поднимающейся от полуживотного состояния отсталых рас до праведности святых и до величия царственного гения.

Действительно, земля похожа на корабль, а мы все, живущие на ней, на путешественников, едущих из далеких стран и сходящих с корабля в различных точках земного шара.

Учение о перевоплощении объясняет как самые ужасные страдания, так и самое завидное счастье. нам становится понятен даже идиот, когда мы знаем, что его тупость, от которой он страдает, есть последствие преступного употребления разума в предшествующей жизни.

Всё оттенки физических и моральных страданий, счастья и несчастия, со всеми их бесчисленными видоизменениями, предстанут перед нами как естественные, мудро распределенные результаты инстинктов и действий, ошибок и добродетелей долгого прошлого, ибо душа сохраняет в своих тайных глубинах все то, что она собрала в течете своих разнообразных существовали.

Смотря по времени и по обстоятельствам, прежние наслоения выступают наружу или исчезают; и судьба, т. е. направляющие человека духовный Сущности соразмеряют род перевоплощения с степенью развития и с качествами воплощающейся души. Лизис выражает эту истину в золотых стихах Пивакира таким образом:

„Ты увидишь, что муки, пожирающие людей, Суть плоды их же выбора; и что несчастные

Ищут далеко от себя тех благ, источник которых находится в них же самих".

Далекое от того, чтобы ослабить чувство братства и человеческой солидарности, это учете может только укрепить его. Мы должны оказывать всем помощь, сочувствие и милость, потому что мы всё члены одной и той же человеческой семьи, хотя и стоим на разных ступенях развития. Всякое страдание священно, ибо страдание есть испытание души. Всякое сочувствие божественно, ибо оно заставляет нас ощутить невидимую цепь, соединяющую все миры. Добродетель в страдании является источником гения.

Да, мудрецы, святые и благодетели человечества Сияют еще более захватывающей красотой для тех, кто знает, что и они выростали по законам всемирной эволюции. Сколько нужно было жизней, страданий и побед, чтобы овладеть этой поражающей нас силой? И этот врожденный свет гения, из каких уже пройденных им небес исходить оне? Мы не знаем этого. Но эти жизни были и эти небеса существуют. Сознание народное не ошибалось, и пророки не лгали, называя этих людей сынами Божьими, посланными с далекого неба. И потому, что их миссия служить Вечной Истине, невидимые легионы покровительствуют им и живой Глагол говорит в них.

Различие, которое мы видим в людях, происходить или от первоначальной сущности индивидов, или же от ступени достигнутой ими духовной эволюции. С этой последней точки зрения всех людей можно распределить на четыре класса, которые заключают в себе все бесчисленные подразделения и отличия.

I. У огромного большинства людей воля вызывается преимущественно телесными потребностями. Их можно назвать действующие по инстинкту. Они способны не только на физические работы, но и на творческую деятельность разума в пределах физического Мира, в области торговли и промышленности и всякой практической. деятельности.

II. На второй ступени человеческого развития воля, а следовательно и сознание, сосредоточены в душевном мир, т. е. в области чувствования, воздействующего на интеллект. Люди этой категории действуют под влиянием одушевления или страсти. По своему темпераменту они способны стать воинами, артистами или поэтами. Большинство литераторов и ученых принадлежит также к этому разряду. Ибо они живут в условных идеях, направляемых страстями или ограниченных узким кругозором и не поднимаются до чистой Идеи, до всеобъемлющего миропонимания.

III. Третий, несравненно более редкий разряд людей, воля которых сосредоточивается главным образом в чистом разум, освобожденном от влияния страстей и от границ матера, что и придает понятиям этих людей характер всеобъемлющий. Это—люди, действующие под влиянием интеллекта. Из их рядов выходят общественные деятели, поэты высшего разряда и в особенности истинные философы и мудрецы, те, которые по Пифагору и Платону,

должны бы управлять человечеством. В этих людях страсть не погасла, так как без неё ничто не совершается на земле, и она представляет собой силу огня или электричества в нравственном мире. Но страсти у них служат разуму, между тем как в предшествующей категории—разум бывает, по большей части, слугой страстей.

IV. Самый высший человеческий идеал осуществляется в четвертом разряде, где к господству разума над душой и над инстинктом присоединяется господство воли над всем существом человека. Покорив всю свою природу и овладев всеми своими способностями, человек приобретает великое могущество. Благодаря могучей силе сосредоточения, воля такого победившего человека, действуя на других, приобретает почти безграничную власть. Такие люди носили разные имена в истории. Это адепты, велите посвященные, высшие гении, которые содействовали преображению человечества. Они рождаются так редко, что их можно сосчитать в истории человечества .

Очевидно, что эта последняя категория не подлежит обычной нравственной мерке. Но тот общественный строй, который не принимает во внимание три первые человеческие категории и не предоставляет каждой из них право на её нормальную деятельность и не дает каждой необходимые средства для дальнейшего развиля,— такой строй является лишь внешним, а никак не Орионическим.

Ясно, что в первоначальную эпоху, относящуюся по всей вероятности к ведическим временам, Руководители Индии основали разделение общества на касты, основываясь на внутренних началах человека.

Но со временем, это разделение, вполне основательное и плодотворное, извратилось в жреческие и аристократически привиллегии. Начало призвания и посвящения уступило место наследственности. Замкнутые касты кончили тем, что окончательно окаменели, последствием чего было неизбежное вырождение Индии.

Египет, сохранивший при всех фараонах тройной общественный строй, с открытыми и подвижными кастами, принцип посвящения для жречества и экзамены для всех военных и гражданских должностей,—прожил от пяти до шести тысяч лет, не изменяя своих учреждений.

Что касается Греции, то её непостоянный характер заставил ее быстро переходить от аристократии к демократа, а от последней к тиражи. Она вращалась в этом безвыходном крут, как больной, переходящий от горячки к летаргии, чтобы снова вернуться к горячке. Может быть, она нуждалась в этом возбуждении, чтобы произвести свою беспримерную работу: передачу глубокой, но туманной Восточной мудрости ясным и доступным языком; творчество Красоты посредством искусства и основание открытой и опирающейся на земной разум науки, заменившей тайное посвящение, опиравшееся на интуиции.

Тем не менее, и Греция обязана своей религиозной организациями и своими высочайшими вдохновениями началу посвящения. С точки зрения общественной и политической можно сказать, что Греция всегда жила в состоянии незаконченном и напряженном.

В качестве адепта, Пифагор с высоты посвящения понимал те вечные начала, которые управляют обществом и создал план великой реформы, согласованной с этими вечными началами. Мы увидим сейчас, как и он сам, и его школа приведены были к крушению в водовороте демократических бурь.

С чистых высот эзотерического учения, жизнь миров развертывается согласно ритму Вечности. Но, при магических лучах разоблаченного неба, земля, человечество и его жизнь раскрывают перед нами также и свои скрытые глубины. Надо отыскать бесконечно великое в бесконечно малом, чтобы почувствовать присутствие Бога. Это присутствие испытывали ученики Пифагора, когда Учитель передавал им, как венец, свое учение о том, как вечная Истина проявляется в союзе Мужчины и Женщины. Красоту священных чисел, которую они созерцали сперва в Бесконечном, они находили и в самом сердце жизни, и божественное отражалось для них в великой мистерии Пола и Любви.

Древний мир понял ту важную истину, которую последующие века совсем не признавали. Чтобы хорошо исполнять свои обязанности супруги и матери, женщина нуждается в образовали и в особом посвящении. Отсюда женское посвящение, т. е. посвящение, предоставленное одним только женщинам. Оно существовало в Индии в ведические времена, когда женщина была жрицей у домашнего алтаря. В Египте оно истекает из мистерий Изиды. Орфей учредил его в Греции.

Пока не угасло самое язычество, мы находим такое посвящение в мистериях Диониса, а также и в храмах Юноны, Дианы, Минервы

и Цереры. Оно заключалось в символических обрядах и церемониях, в ночных празднествах, а затем и в особых поучениях, который давались старшими жрицами или первосвященником, и которые касались самых интимных сторон супружеской жизни. Давались советы и правила, касающиеся отношений полов, времен года и месяцев, которые благоприятствуют счастливому зачалю. Самое большое значение придавалось физической и нравственной гигиене женщины во время беременности, чтобы священное дело творчества нового человека совершалось по божественным законам.

Таким образом в женских мистериях преподавалась наука супружеской жизни и искусство материнства. Применение последнего начиналось еще до рождения ребенка. До семилетнего возраста дети оставались в гинекее, куда муж не имел доступа, под исключительным надзором матери. Мудрая древность полагала, что дитя, как нежное растете, нуждается в теплой материнской атмосфер. Отец не может дать того, что необходимо в этом возраст; для его расцвета нужны нежность и ласка матери; необходима сильная и охраняющая любовь женщины, чтобы защитить от внешних влияний чуткую душу ребенка,

Благодаря тому, что женщина с полным сознанием исполняла высокие обязанности супруги и матери, на которые в древности смотрели как на божественные, она действительно была жрицей семьи, хранительницей священного жизненного огня, Вестой очага. Посвящение женщины в античном мире

являлось истинной причиной красоты расы, сильных поколений и долговечности семьи в древней Греции и в древнем Рим.

Учредив в своем ордене отделение для женщин, Пифагор следовательно только усовершенствовал и расширил то, что существовало и до него. Женщины, посвященные им, принимали вместе с обрядами и заповедями и высшие принципы своих женских обязанностей. Он им давал таким образом сознание их высокой задачи. Он раскрывал им преображена Любви в совершенном браке которое должно представлять взаимное проникновение двух душ в самом средоточии жизни и истины.

Разве мужчина—в своей силе—не представляет начало творческого духа? А женщина — во всем своем могуществе — разве не

олицетворяет природу в её пластичности, а её чудесных существованиях, как земных, так и божественных? И если эти два существа способны достигнуть полного взаимного проникновения, телесного, душевного и духовного, они вдвоем составят целую вселенную.

Но, чтобы верить в Бога, женщина должна видеть Его пребывающим в мужчин, а для этого необходимо, чтобы и мужчина был посвященным. Его задача—своим более глубоким знанием жизни, своей творческой волей оплодотворить женскую душу и преобразить ее с помощью божественного идеала. Любимая женщина возвратит ему этот идеал обогащенным её утонченными мыслями, её нежными чувствами, её глубокими проникновениями. Она отдаст ему взамен свой преображенный энтузиазмом образ, она сделается его идеалом. Ибо он осуществляется в ней могуществом её любви. Через неё идеал становится живым и видимым, облекается в кровь и плоть. Ибо если мужчина творит благодаря желанию и вол, женщина и физически и духовно творит любовью.

В своей роли возлюбленной, супруги, матери или вдохновительницы, она не менее значительна и даже более божественна, чем мужчина, ибо любить — значить забывать себя. Женщина, отдающая себя в своей любви, находить в этом отдавании свое высшее возрождение, свой венец и свое бессмертие.

Проблема любви господствует в современной литературе уже более двух веков. Это не чисто чувственная любовь, возжигаемая красотой тела, как у древних поэтов; это также и не сентиментальный культ отвлеченного и условного идеала, который господствовал в средние века; нет, это любовь одновременно и чувственная и психическая, любовь, предоставленная полной свободе индивидуальной фантазии, дающая себе полную волю. По большей части оба пола воюют друг с другом даже и в любви. Возмущение женщины против эгоизма и грубости мужчины; презрение мужчины к лживости и тщеславию женщины; победа плоти и бессильный гнев жертв сладострастия...

И среди всего этого глубокие страсти, влечения непреодолимые и тем более могущественные, что им ставят препятствия и светские условности, и общественные постановления. Отсюда любовь полная бурь, нравственных крушений и трагических катастроф, около которых почти исключительно вращаются современные романы и современные драмы.

Можно бы подумать, что утомленный человек, не находя Бога ни в наук, ни в религии, безумно ищет Его в женщин. И он прав; но лишь путем посвящена в великие истины найдет он Его в ней, а она найдет Бога в нем. Между мужской и женской душой, который нередко не понимают друг друга и даже не понимают себя и расстаются с проклятиями, чувствуется как бы огромная жажда проникновения и стремление найти в этом слиянии недостижимое счастье.

Несмотря на различные уклонения и излишества, вытекающие отсюда, в этих отчаянных поисках таится глубоко скрытое божественное начало. Из него зарождается стремление, которое станет жизненным средоточием для преображения будущего. Ибо, когда мужчина и женщина найдут себя и друг друга путем глубокой любви и посвящения, тогда их слияние превратится в величайшую творческую силу.

Любовь психическая и страсть души вошли в литературу, а через нее и в сознание сравнительно с недавнего времени. Но источник её очень древен, он берет свое начало в античном посвящение. И если древнегреческая литература едва позволяет подозревать о том, это происходит от того, что подобная

страсть души являлась тогда как редкое исключена, а также и вследствие глубокой тайны мистериЙ. Между тем, в религиозном и философском предании сохранились следы посвященной женщины. И в оффинальной поэзии и философии появляется насколько женских фигур, хотя и неясных и прикрытых тайной, но тем не менее сияющих красотой.

Мы уже познакомились с Пифией и беоклеей, которая вдохновляла Пифагора; позднее является жрица Коринна, с успехом соперничавшая с Пиндаром, который в свою очередь был наиболее посвященным из всех греческих лириков; затем таинственная Диотима, которая появляется у Платона, чтобы дать высшее откровение о Любви. Рядом с этой исключительной ролью, женщина древней Греции исполняла свое истинное жречество у очага в гинеке6.

Т герои, художники и поэты, которыми мы восхищаемся, и все чудные мраморы и высокие подвиги, удивляющие нас в античном мир, все это было её созданием. Это она их зачала в мистерии любви, она своей жаждой красоты давала им формы в своем лон, она вызвала их расцвет, прикрывая их крылами своего материнства.

Прибавим, что для мужчины и женщины действительно посвященных, создание ребенка имеет бесконечно более прекрасный смысл и большее значение, чем для нас. Для отца и матери, знающих, что душа ребенка существует до своего земного рождения

зачатие становится священнодействием, призывом души к воплощению. Между воплощаемой душой и матерью существует почти всегда сродство. Потому плохие и развращенные матери привлекают к себе души темные и злые, тогда как нежные и чистые матери притягивают к себе светлые души. Эта невидимая душа, ожидаемая и долженствующая прийти—так таинственно и так неизбежно — не представляет ли она собой нечто по истине божественное? Её рождение, её заключение в тело должно быть мучительно. Ибо хотя между ней и её покинутым небом и протянется грубый покров и она перестанет помнить свою родину — все же она будет страдать и свята и прекрасна задача матери, которая создает новое жилище для этой души, облегчает её заключение в плотскую ограниченность и смягчает предстоящее ей испытание.

Таким образом, учете Пифагора, исходя из глубин Абсолютного, начиналось с божественной Троицы, а завершалось оно в самом центре жизни идеей человеческой триады.

В Отце, Матери и Ребенка посвященный научался узнавать Разум, Душу и. Сердце живой вселенной. Это последнее посвящение строило в его сознании фундамент общественности, задуманной по идеальным линиям, идею того величественного здания человеческой жизни, для которого каждый посвященный должен принести свой камень.

глава IV. Семья Пифагора.—Школа и её участь.

Среди женщин, обучавшихся у Пифагора, находилась молодая девушка большой красоты. Её отец, Кротонец, носил имя Бронтинос, она называлась беано. Пифагору было около 60 лет. Но полная власть над страстями и чистая жизнь, всецело посвященная идее, сохранили весь огонь его сердца нетронутым. Молодость души, то бессмертное пламя, которое великий посвященный черпал в своей духовной жизни, светилось в нем и подчиняло ему всех окружающих. Он находился в это время в апогее своего могущества.

беано была привлечена к Пифагору тем светом, который исходил из всей его личности. Природа её была глубокая и сдержанная, и ее тянула к учителю возможность получить объяснение всех мучительных загадок жизни. Но когда, помимо света истины, она почувствовала свое сердца загоревшимся от того огня, который исходил от его духовной красоты и от пламенной силы его слова,— она отдалась учителю с безграничным энтузиазмом и пламенной страстью. Пифагор не делал

ничего, чтобы привлечь ее. Он любил всех своих учеников. Все внимание его было сосредоточено на школ, на Греции и на будущем земного мира.

Как многие великие адепты, он отказался от любви к женщине, чтобы отдать всего себя служению. Маня его воли, духовное обладание столькими душами, которые он сам сформировал и которые были привязаны к нему, как к обожаемому отцу, мистический фимиам всей этой невыраженной, поднимавшейся к небу любви, тонкий аромат человеческой симпатии, соединившей всех пифагорейцев—все это заменяло ему личное счастье и личную любовь.

Но однажды, когда он оставался один в пещере Прозерпины, погруженный в глубока размышления, он увидал приближающуюся к нему молодую красавицу, с которой до этих пор он никогда не беседовал наедине. Она преклонила перед ним колени и, не поднимая глубокосклоненной головы, начала умолять учителя—видь его власть безгранична!—освободить ее от невозможной любви, которая сжигала её тело и душу. Пифагор спросил имя того, кого она любила. После тяжелой борьбы беано призналась, что любила его, но была готова подчиниться беспрекословно его вол. Пифагор не отвечал ничего. Ободренная его молчанием, она подняла голову, бросая на него молящий взгляд, который предлагал ему весь цвет молодой жизни и весь аромат любящей женской души.

Мудрец был потрясен, он умел побеждать свои чувства, он владел вполне своим воображением, но молния этой души проникла в его душу. В этом девственном сердце, созревшем в огне страсти, в этой женщине преображенной безграничной преданностью, он нашел достойную подругу, которая могла содействовать еще более полному осуществление дела его жизни. Пифагор поднял молодую девушку и беано могла прочесть в глазах учителя, что отныне их две судьбы слились в одну.

Браком своим с беано Пифагор наложил печать осуществления на свое дело. Слияние этих двух жизней оказалось совершенным. Однажды, когда беано была спрошена, сколько времени требуется, чтобы женщина, имевшая сношение с мужчиной, могла считать себя чистой, она ответила: «если сношения эти были с мужем, она постоянно чиста, если с другим, она не очистится никогда». Чтобы произнести такие слова, нужно быть женою Пифагора и любить его так, как любила беано. Ибо не брак освящает любовь, а любовь оправдывает брак.

беано проникласъ идеями своего мужа с такою полнотой, что после его смерти она стала центром пифагорейского ордена и один из греческих авторов приводит, как авторитет, её мнение относительно учения Чисел. Она дала Пифагору двух сыновей: Аримнеста и Телаугеса и дочь Дамо. Телаугес стал впоследствии учителем Эмпедокла и передал ему тайны пифагорейской доктрины.

Семья Пифагора представляла собой истинный образец для всего ордена, его дом называли храмом Цереры, а дворе—храмом Муз. Во время домашних и религиозных празднеств мать руководила хором женщин, а Дамо—хором молодых девушек. Дамо была во всех отношениях достойна своих отца и матери. Пифагор доверил ей свои манускрипты с запрещением передавать их кому бы то ни было вне своей семьи. После в того, как пифагорейцы разорялись, дочери Пифагора пришлось жить в величайшей бедности. Ей предлагали большие суммы за манускрипты, но, верная вол6 отца, она отказалась отдать их посторонним.

Пифагор прожил 30 лет в Кротон6. За это время он достиг такого влияния, что вс, которые считали его полубогом, имели на это право. Власть его над людьми была безгранична; Ни один философ не достигал ничего подобного. Влияние его распространялось не только на кротонскую школу и её разветвления в других городах итальянского побережья, но и на политику всех ближайших государств. Пифагор был реформатором в полном смысле слова.

В Кротоне, которая была Ахейской колонией, существовала аристократическая конституция. Совет тысячи, состоявшей из родовитых семей, пользовался законодательной властью и наблюдал над властью исполнительной. Народные собрана существовали, но полномочия их были ограниченные.

Пифагор, государственный идеал которого состоял в порядке и гармонии, был одинаково чужд и гнету олигархии, и хаосу демагогии. Принимая дорийскую конституцию как таковую, он стремился внести в нее новое устройство. Мысль его была очень смелая: создать поверх политической власти—власть науки с совещательным и решающим голосом во всех коренных вопросах, власть, которая представляла бы высший регулятор государственной жизни. Над Советом Тысячи он поставил Совет Трехсот, избиравшийся первым советом, но пополнявшийся исключительно из числа посвященных.

Порфирий рассказывает, что две тысячи кротонских граждан отреклись от обыкновенной жизни, от права собственности и соединились в одну общину.

Таким образом Пифагор поставил во глав государства правителей, опирающихся на высшее знание и поставленных так же высоко, как древнеегипетское жречество. То, что ему удалось осуществить на короткое время, осталось мечтой всех посвященных, имевших соприкосновение с политикой: внести начало посвящена и соответствующих экзаменов для правителей государства, соединив в этом высшем синтезе и выборное демократическое начало, и управление общественными делами, предоставленное наиболее умным и добродетельным. Совет Трехсот образовал, таким образом, нечто вроде научного, политического и религиозного ордена, главой которого признан был сам Пифагор. Вступление в этот орден сопровождалось клятвой сохранять абсолютную тайну, как это было в Мистериях.

Общества эти или lemepiu распространились из Кротона, где действовал Пифагор, почти во все города великой Греции, где они оказывали большое политическое влияние. Пифагорейский орден становился таким образом во главе государств всей Южной Италии. Он имел свои разветвления в Тарент, Метапонт, Репум, Гимер, Катан, Агригенти, Сибарисе, а если доверять Аристоксену, то и в этрусских городах. Что касается до влияния Пифагора на правительственный строй этих больших богатых городов, то трудно ce6t представить что-либо более возвышенное, либеральное и умиротворяющее.

Всюду, где он показывался, он устанавливал порядок, справедливость и единство. Призванный одним из тиранов острова Сицилии, он одною силой своего красноречия, убедил его отказаться от дурно приобретенных богатств и сложить с себя незаконно захваченную власть. Что касается городов, он сделал их независимыми и свободными, тогда как раньше они были в зависимости один от другого. Так велико было его благое влияние, что когда он появлялся в каком-либо городе, по этому поводу говорили: «он не только поучает, но и исцеляет людей».

Благое влияние великого ума и великого характера вызывает тем большую зависть и ненависть, чем эта магическая власть души сильнее проявляется. Владычество Пифагора длилось уже четверть века, неутомимый адепт приближался уже к своему восьмидесятому году, когда возникла реакция. Искра пожара появилась из Сибариса, соперника Кротона; там произошел народный мятеж и аристократическая партия была побеждена. Пятьсот эмигрантов просили приюта у Кротонцев, но правители Сибариса требовали их выдачи.

Опасаясь мести враждебного города, городские власти Кротона собирались выполнить это требована, когда вмешался Пифагор. По его настоянию выдача перепуганных беглецов была отменена. Вслед за отказом, Сибарис объявил войну Кротону. Армия Кротонцев, предводительствуемая одним из учеников Пифагора, знаменитым атлетом Милоном, нанесла решительное поражете Сибаритянам. Вслед затем город был взят, разорен до тла и превращен в пустыню.

Невозможно допустить, чтобы Пиафагор мог дать свое согласие на такие поступки. Они противоречат всем его принципам и мыслям всех посвященных. Но ни он, ни Милон не могли удержать разнузданные страсти победоносного войска, разжигаемые старинной враждой, доведенной несправедливым нападением до высочайшего возбуждения.

Всякая мстительность, откуда бы она не исходила,—от индивидумов или от целых народностей—вызывает ответный взрыв. Немезида на этот раз была очень сурова; последствия её пали на Пифагора и на весь его орден. После взятия Сибариса народ потребовал раздала земель. Недовольная и этим, демократическая партия предложила изменить конституцию, отнять все привилегии у Совета Тысячи, совсем уничтожить Совет Трехсот, и водворить народное единовластие (всеобщую подачу голосов).

Естественно, что пифагорейцы, принимавшие участие в Совете Трехсот, воспротивились реформ, противоречившей всем их принципам и разрушавшей в корне все труды их учителя. Нужно прибавить к этому, что пифагорейцы еще ранее сделались предметом глухого раздражения, которое высшие натуры вызывают всегда в толпе. Их политическая идеи вызвали против них взрыв ненависти у демагогов, а личная месть, направленная на учителя, навлекла на них страшный удар.

Один из жителей Кротона, некто Килон, искал доступа в школу. Пифагор, весьма строгий при выборы своих учеников, изгнал Килона вследствие его дурного и властного характера. Результатом была мстительная ненависть последнего. Когда общественное мнете начало поворачиваться против Пифагора, Килон организовал клуб, враждебный пифагорейцам, с широким доступом для всех. Ему удалось привлечь к себе главных вожаков народа и подготовить революцию, которая должна была начаться с изгнания пифагорейцев.

Перед раздраженной толпой, с общественной трибуны, Килон читает выкраденные отрывки из тайной книги Пифагора, озаглавленной Священное Слово (Hieros Logos). Их искажают, им придают совершенно иной смысл.

Несколько ораторов пробуют защитить «молчаливых братьев», которые не делают вреда даже самому последнему животному. Эта защита встречается взрывами хохота. Килон сходит с трибуны и снова подымается на нее. Он доказываете что религиозный катехизис пифагорейцев посягает на народную свободу и «этого мало», прибавляет трибун: «кто этот учитель, этот воображаемый полубог, которому всё до того слепо подчиняются, что стоит ему отдать приказание, как все братья уже кричат: учитель сказал! Кто он, как не тиран Кротона, да к тому еще «сокровенный», следовательно самый худший из тиранов? Откуда происходить эта неразрывная дружба между членами пифагорейских гетерий, как не из глубокого презрения к народу? У них вечно на языке изречение Гомера: властитель должен быть пастырем своего народа. Не выходить ли из этого, что для них народ не более, как презренное стадо животных? И даже самое существование ордена есть непрестанный заговор против народных прав! Пока он не будет уничтожен, невозможна свобода в Кротоне».

Один из членов народного собрания под влиянием честного чувства, воскликнул: «но пусть будет дозволено Пифагору и пифагорейцам придти сюда и оправдаться, прежде чем мы приговорим их». Но Килон закричал с надменностью: «разве эти пифагорейцы не отняли у нас права судить и решать общественные дела? По какому же праву могут они требовать, чтобы вы выслушивали их? Они не призывали вас к совету, когда лишали народ законодательного права и вы точно также должны поразить их, не справляясь с их мнением». Гром рукоплесканий раздался в ответ. на эти речи и умы воспламенялись все сильнее и сильнее.

Однажды вечером, когда сорок четыре главных члена ордена. собрались у Милона, Килон спешно созвал своих сторонников. Дом Милона был окружен. Пифагорейцы, среди которых был сам учитель, заперли двери. Рассвирепевшая толпа подложила огонь и подожгла здание. Тридцать восемь пифагорейцев, ближайшие ученики учителя, весь цвет ордена и сам Пифагор погибли, одни—в пламени пожара, другие—пораженные на смерть народом. Архипп и Лизис одни лишь избежали гибели.

Так умер этот великий мудрец, пытавшийся внести свою мудрость в государственное правление людей. Убийство пифагорейцев сделалось сигналом демократической революции в Кротоне и по всему Тарентскому заливу. Итальянские города изгнали преследуемых учеников Пифагора. Весь орден разорялся и лишь остатки его сохранились в Сицилии и Греции, продолжая распространять идеи учителя. Лизис сделался учителем Эпаминонда.

После новых революций пифагорейцам было разрешено возвратиться в Италию с условием—не вмешиваться в политику. Трогательный братский союз не переставал соединять их; они смотрели на себя, как на одну семью. Один из них, впавший в бедность и сильно заболевший, нашел приют у хозяина одной гостиницы. Перед смертью он начертил на двери дома несколько таинственных знаков и сказал своему хозяину: «будьте покойны, один из моих братьев заплатить мой долге». Через год

чужестранец, остановившийся в этой же гостинице, увидал эти знаки и сказал хозяину: «я пифагореец; один из моих братьев умер здесь; скажите мне, сколько я должен вам за него»?

Пифагорейский орден существовал в течение 50 лет; что касается идей учителя—они живут и до наших дней.

Благое влияние Пифагора на Грецию было неизмеримо; оно действовало таинственно но верно через т храмы, в которых он учил. Мы видели его в Дельфах, возрождающим науку прорицания, утверждающим духовный авторитет и подготовляющим образцовую Пиепо. Благодаря этой внутренней реформе, которая возродила энтузиазм в самом святилище и в душе посвященных» Дельфы сделались нравственным центром Грецию. Это было ясно видно во время мидийских войн.

Едва исполнилось тридцать лет со смерти Пифагора, как предсказанный им азиатский циклон разразился на берегах Эллады.

В этой эпической борьбе Европы с варварской Азией, Греция, представлявшая собою начало свободы и цивилизации, имела за собой науку и гений Аполлона. Под его влиянием замолкло возникшее соперничество Спарты и Афин. Его духом были воодушевлены Мильтиады и бемистоклы. Во время Марафонской битвы энтузиазм дошел до того, что Афиняне видели двух воинов, блистающих светом, которые сражались в их рядах. Одни узнали в них Тезея и Эхетоса, другие—Кастора и Поллукса.

Когда нашествие Ксеркса, несравненно более страшное, чем вторжение Дария, проникнув через бермопилы, наводнило Элладу, Пифия даеть указания посланным из Афин и помогает бемистоклу победить в морской битве при Саламини. Страницы Геродота, описывающие эти события, полны внутреннего трепета: «Покидайте жилища и высокие холмы города, построенного полукружием... Огонь и грозный Марс, мчащийся на сирийской колеснице, опрокинет наши башни... Храмы шатаются, на стенах их выступают капли холодного пота, с их вершины стекает черная кровь... Выходите из моего святилища... Да будет для вас деревянная стена непреодолимым оплотом... Бегите, поверните тыл к потоку пехотинцев и неисчислимых всадников! О божественный Саламин! Сколь гибелен будешь ты для сынов женщины!»

В рассказе Эсхила битва начинается криком, напоминающим гимн Аполлону: «вскоре день с своими белыми всадниками разольет по Миру свой сверкающий свет!» При этом оглушительное пенье, звучащее подобно священному гимну, поднимается из греческих рядов, и эхо острова отвечает ему тысячью гремящих голосов. Не удивительно, что опьяненные победой Эллины, в битве при Микал, лицом к лицу с побежденной Азкий, избрали своим победным кличем: «Геба, Вечная Юность!»

Да, дыхание Аполлона проносится над этими героическими войнами. Религиозный энтузиазм, который творит чудеса, возносит живых и мертвых, освещает трофеи и позлащает могилы. Bet храмы оказались разрушенными, исключая Дельфийского, который остался цел. Персидская армия уже подходила, чтобы разграбить

священный город. Жители трепетали, но Аполлон, голосом первосвященника, провозгласил!»: «Я буду защищать сам!» По приказание, данному из храма, город опустел, жители его нашли убежище в гротах Парнаса, и жрецы одни оставались на порог6 святилища, окруженные священной стражей. Персидские войска вошли в город, молчаливый как могила; одни лишь статуи смотрели на них. Черная туча показалась в глубине прохода: загремел гром и молния засверкала над завоевателями. Две огромные скалы скатились с вершины Парнаса и задавили множество Персов; в тоже время крики раздались из храма Менервы и пламя показалось из земли, обжигая нападающих. Перепуганные этими чудесными явлениями, варвары отступили и обезумевшие войска бросилась в бегство. Святилище защитило себя своими собственными силами.

Ничего подобного не могло бы произойти, если бы тридцать лет тому назад Пифагор не появился в дельфийском святилище, чтобы возжечь в нем священный огонь.

Еще одно слово относительно влияния учителя на философию. До него мы встречаем с одной стороны физиков, с другой стороны моралистов. Пифагор внес и мораль, и науку, и религию в свою широкую синтетическую систему. Этот синтез ничто иное, как та эзотерическая доктрина, которую мы стремились восстановить в самой основе пифагорейского посвящена. Кротонский философ не был творцом, но лишь просветленным восстановителем этих первичных истин, приведенных им в стройный научный порядок. Вот почему мы выбрали его систему, как наиболее подходящую раму для систематического изложения доктрины мистерий и истинной теософии.

Все, следившие за духовной работой учителя вместе с нами, должны были заметить, что в основе этой доктрины сияет свет единой истины. Разрозненные лучи этого света можно найти во всех философиях и религиях, но центр их здесь.

Что же требуется, чтобы достигнуть до него? Наблюдения и рассуждения для этого недостаточно. Рядом с ними необходима еще

и интуиция. Пифагор был адепт, Посвященный первой степени;

он обладал духовной способностью непосредственного восприятия и у него был ключ к оккультным знаниям и к духовному Миру.

Таким образом, он черпал из первоисточника Истины, и так как к его способностям интуиции и к его высокой духовности присоединялась большая наблюдательность, знакомство с физической природой и высоко развитое философское мышление, никто не мог лучше его построить здание истинной науки о Космос.

Строго говоря, здание это никогда не было разрушено. Платон, принявший от Пифагора всю его метафизику, владел всеми идеями учителя, хотя и передавал их не с такой строгой ясностью. Александрийская школа занимала верхний этаж этого здания, современная наука занимает его нижний этаж и содействует укреплению фундамента. Многие философские школы, а также мистические и религиозные, обитали в различных отделах величественного здания. Но ни одна философия не охватывала его в целом. На размеры и на гармонию этого целого мы и стремились указать в этой книг.

КНИГА СЕДЬМАЯ.
Платон .

(Элевзинская мистерия)

После попытки оживить в образе Пифагора величайшего из Посвященных древней Греции, мы могли бы оставить в стороне Платона, который не прибавил ничего нового к идеям Пифагора и лишь придал им более фантастическую и в то же время более популярную форму. Но имеется причина, почему следует остановиться перед благородной фигурой афинского философа.

Да, существует первоначальное учение, которое синтезирует все религии и философии. Оно развивается и углубляется в течение веков, но основа и центр его остаются те же самые. Мы восстановили его в общих линиях. Но достаточно ли этого? Нет. Необходимо еще указать причину разнообразь его форм в зависимости от человеческих рас и различных веков. Необходимо восстановить цепь великих Посвященных, которые были инициаторами человечества. И тогда сила каждого из них умножится силою остальных, и единство истины проявится в самом разнообразнейшем выражении.

Как все в Мире, так и Греция имела свою зарю, свой полуденный свет и свой закат. Это—закон времен, людей, народов, земель и небес. Орфей был посвященным в период её зари, Пифагор—во время полуденного солнца, Платон появился на закате эллинизма, на закат, горевшим пламенными пурпуром и превратившемся в розовое. Сияние новой зари человечества. Платон следовал за Пифагором, как в элевзинских мистериях факелоносец следовал за великим иерофантом. Вместе с ним мы еще раз

проникнем, но уже по иной дороге в аллеи святилища, ведущие к сердцу храма, к созерцанию божественной тайны.

Но прежде чем отправиться в Элевзис, послушаем нашего руководителя, великого Платона. Пусть он сам раскроет перед нами свои горизонты, пусть расскажет историю своей души и сам приведет нас к своему возлюбленному учи гелю.

глава I. Молодость Платона и смерть Сократа.

Платон родился в Афинах, в городе? Красоты и Человечности. Никакие границы не застилали его взоров. Открытая для всех ветров Аттика господствует в своей царственной красот над всеми островами Эгейского Архипелага, напоминающими легких сирен, поднявшихся над прозрачной синевой волн, Платон вырос у подножья Акрополя под защитой Афины Паллады, в той широкой долине, обрамленной лиловыми горами и окутанной сияющей лазурью, которая простиралась между Пентеликом с его мраморными боками, Гиметтой, увенчанной благовонными соснами, в ветвях которых жужжали пчелы, и между тихим заливом Элевзиса.

Насколько светла и полна тихой прелести была эта рама, настолько же мрачен и неспокоен был политический горизонт, окружавший детство и юность Платона. Он рос во времена беспощадных Пелопонесеких войн; в период братоубийственной войны между Спартой и Афинами, которая предшествовала распадению Греции. Времена великих мидийских войн миновали; солнце Марафона и Саламина закатилось.

Год рождения Платона (429 до Р. X.) совпадает с годом смерти Перикла, величайшего государственного человека Греции, по своей неподкупности подобного Аристиду, а по своей талантливости - Фемистоклу; наиболее совершенного представителя эллинской цивилизации, укротителя мятежной демократа, патриота пламенного, но умевшего сохранять спокойствие мудреца посреди народных бурь. Мать Платона должна была рассказать ему про ту сцену, свидетельницей которой она была за два года до рождения великого философа. Спартанцы наводнили Аттику; афиняне, угрожаемые в своей независимости, боролись в течете всей зимы и Перикл был душой народной обороны. В эту мрачную годину величественная церемония происходила в Кераниках. Гробы погибших за родину воинов были поставлены на погребальных колесницах и весь народ собрался перед огромной могилой; назначенной для совместного погребения воинов. Этот мавзолей является мрачным символом той могилы, которую Греция готовила для себя своей преступной борьбой.

По этому поводу Перикл произнес свою знаменитую речь, наиболее прекрасную из всех, которую дал античный миф.

Букидид записал ее на бронзовых таблицах и следующие слова сверкают на них, подобно щиту на фронтоне храма: могила героев - вся вселенная, а не мавзолей, обремененный пышными надписями».

Не сознание ли Греции и её бессмертия дышит в этих словах? Но после смерти Перикла, что осталось от древней Греции которая всегда жила своими великими людьми? Внутри Афин мятежи и ссоры разнузданной демагогии; и вниз — вторжение Лакедемонское война на суше и на море и золото персидского царя, разливавшееся, подобно смертоносному яду, по рукам трибунов и городских властей.

Алкивиад заместил Перикла в сердце толпы. Этот представитель афинской золотой молодежи сделался героем дня. Политический авантюрист, интриган полный обаятельности, он смеясь вел свою родину к погибели.

Платон хорошо понял его и впоследствии набросал чрезвычайно удачную психологию этого характера. Он сравнивал ненасытную страсть к власти, которая владела душой Акливиада с крылатым шершнем,

«вокруг которого эгоистическая страсти увенчанные цветами, надушенные благовониями и опьяненные вином и плотскими наслаждениями, жужжат и увиваются, питая, охраняя и вооружая его жалом честолюбия. И тогда этот тиран души одержимый безумием, трепещет яростно и если он находить вокруг себя честные мысли и чувства, способные противостоять ему. Он их убивает и изгоняет, пока не очистить всю душу от всех задерживающих влияний и не наполнить ее своим неистовством».

Небеса Афин были покрыты темными тучами в период юности Платона, ему было двадцать пять лет, когда были взяты Афины после злополучной морской битвы при Эгосе-Потамос, а затем он видел вступление Лизандра в свой родной город, которое положило конец афинской независимости. Он присутствовал при разрушении стен, построенных Фемистоклом, которые падали под звуки праздничной музыки; он видел торжествующего врага, буквально танцующего на развалинах его родины. Затем появились тридцать тиранов, которые подвергли изгнанию лучших граждан.

Эти зрелища наполнили грустью молодую душу Платона, но они не сломили ее. Его душа была столь же кротка, прозрачна и чиста, как небесный свод над Акрополем. Платон был высокого роста и широкоплече; почти всегда серьезный, сосредоточенный и молчаливый»

но когда он начинал говорить, изумительная чуткость, кротость и гармония исходила из его речей. В нем не было ничего бурного, никаких крайностей. Его разнообразные дарования сливались в общей гармонии его существа, pt-дкая скромность скрывала силы его ума и почти женская нежность служила покровом, за которым скрывалась твердость его характера. Добродетель облекалась в нем в приветливую улыбку, а радость в целомудренную чистоту.

Но что составляло необычайный признак этой души, это—как бы договор, который перед рождением у неё был заключен с Вечностью. Только одни вечные явления казались живыми для его духовного взора, все остальное проходило мимо него, подобно мимолетным отражен)ям на зеркальной поверхности. Позади видимых форм, изменчивых и несовершенных, он видел совершенные формы, доступные одному лишь духу, которые и служат вечными образцами для видимого. Благодаря этому, молодой Платон еще ранее, чем возникло его учете, не зная, что он сделается со временем философом, обладал уже сознанием реальности божественного Идеала и его вездесущности.

Когда он наблюдал за проходящими вереницами то праздничных процессий, то погребальных колесниц, то торжествующих, то плачущих людей, он за всем этим видел иное, и казалось говорили «зачем плачут они и зачем издают крики радости? И почему я не могу привязаться к тому, что подлежит рождению и смерти? Отчего я могу любить лишь одно Невидимое, которое не родится и не умирает, но прибывает всегда?».

Любовь и гармония: вот основа души Платона. Но какова эта гармония и какова эта любовь? Любовь к вечной красоте и гармонии, обнимающая всю вселенную. Чем глубже и выше душа, тем более ей надо времени, чтобы познать себя. Первый энтузиазм Платона был вызван искусством. Платон принадлежал к родовитой семье, отец его происходил из рода царя Кадруса, а мать имела в числе своих предков Солона. Таким образом, его юность протекла в обстановки богатого афинского дола, наполненного роскошью и всеми соблазнами эпохи упадка.

Он отдавался жизни без излишеств, но и без суровости, окруженный молодыми людьми своего класса, любимый многочисленными своими друзьями. Он слишком хорошо описал любовную страсть во всех её фазах в своей Федре, чтобы можно было сомневаться в его причастности к ее восторгам и к её жестоким разочарованиям. Один стих остался нам от него, столь же страстный, как поэзия Сафо и столь же сверкающи, как звездная ночь над Цикладами: «Я бы желал быть небом, усеянным очами, чтобы неустанно смотреть на тебя». Разыскивая идеальную красоту во всех видах прекрасного, он изучил последовательно живопись, музыку и поэзию. Последняя отвечала более всего его душевным потребностям и он кончил тем, что сосредоточил на ней все свои силы. Платон отличался изумительными способностями ко всем родам поэзии. Он чувствовал с одинаковой глубиной поэзию влюбленных дифирамб и эпопею, трагедию и даже комедию с её тончайшей аттической солью. Он обладал всем, чтобы стать вторым Софоклом и поднять афинский театр, которому угрожал неизбежный

упадке; эта мысль привлекала его, а друзья поощряли его к тому. В двадцать семь лет он написал нисколько трагедию и собирался представить одну из них на конкурс.

Как раз в это время Платон встретил Сократа, беседовавшего с молодыми людьми в садах Академии. Речь его касалась справедливого и несправедливого, он говорил об истинном, добром и прекрасном. Поэт подошел к философу, выслушал его и с этого дня стал приходить и слушать его ежедневно. В конце нескольких недель полный переворот произошел в его ум. Счастливый молодой человек, поэт, полный иллюзий, стал совершенно неузнаваем. Все течете его жизни и вся его цель сразу изменились. Другой человек родился в нем под влиянием речей Сократа.

Что же сказали ему эти речи? Какими чарами оторвал Сократ от роскоши, неги и поэзии прекрасного и гениального Платона, чтобы обратить его к подвигу великого самоотречения и к мудрости?

Великим оригиналом был мудрый Сократ. Сын ваятеля, он лепил во время своего отрочества трех граций; а затем он бросил резец, объявив, что хочет работать не над мрамором, а над своей собственной душой. И с этого момента он весь ушел в искание мудрости. Его видели в гимназиумах, в публичных местах, в театрах, беседующего с молодыми людьми, с философами и художниками и спрашивающего у каждого из них, на чем они основывают свои мысли.

За несколько лет до этого софисты наводнили собою, подобно саранче, всё Афины. Софист есть живая противоположность философа, подобно тому, как демагог есть противоположность государственного человека, как ханжа—противоположность истинного священника, а черный маге—противоположность истинного посвященного.

Тип греческого софиста более утончен и более едок, чем софиста иных стране; но самый его характер принадлежит всем ветшающим цивилизациям Софисты кишат в них так же как черви в разлагающемся труп. Как бы они не называли себя атеистами, нигилистами или пессимистами, софисты всех времен имеют много общего между собой. Они всегда отрицают Бога и душу, следовательно высшую истину и высшую жизнь.

Софисты времен Сократа, все эти Горпасы, Продикусы и Протагоры утверждали, что нет разницы между истиной и заблуждением. Они гордились тем, что могли защищать любую идею и с тем же искусством восхвалять её противоположение, утверждая, что нет иной справедливости кроме силы, нет иной истины кроме личного мнения. Самодовольные и любящие хорошо пожить, они требовали большой платы за свои уроки и толкали молодых людей на распутство, интриги и тиранию.

Сократ подходил к софистам со своей вкрадчивой кротостью, с тонким добродушием, как несведующий человек, желающий поучиться у них. Глаза его сверкали умом и добротой. Затем, ставя вопрос за вопросом, он принуждал их высказывать противоположное тому, что они утверждали вначале. и доводил их до косвенного признания, что они сами не знают о чем говорят, Сократ постоянно доказывал, что софисты не знают ни причины, ни начала вещей, несмотря на свои претензии на универсальное знание.

Добившись того, что им больше уж нечего было возражать, он не торжествовал своей победы, а с добродушной улыбкой благодарил своих противников, что они просветили его своими ответами, прибавляя, что сознание своего невежества есть начало истинной мудрости Чему же верил и что утверждал сам Сократ. Он не отрицал Богов, он такние почитать их, как и его сограждане, но говорил, что их природа была непознаваема и признавался, что ровно ничего не понимает в той физике и метафизике, которые преподавались в современных школах. Самое важное—говорил он—это верить в истину и справедливость и применять их в своей жизни Его аргументы принимали большую силу в его устах, ибо он сам бы живым безукоризненный гражданин, отважный солдат, неподкупный судья, верный и бескорыстный друг и полновластный господин над всеми своими страстями.

Так меняются средства нравственного воспитания сообразно временам и эпохам Пифагор перед своими посвященными учениками и говорил о нравственности с космогонических высот.

В Афинах, на публичной площади, среди Клеонов и Горпасов Сократ говорил о врожденном чувств справедливости и истины с целью перестроить расшатанный общественный строй. И оба они, один в нисходящем посреди принципов, другой—в восходящем, утверждали одну и ту же истину

Пифагор представляет собою метод наивысшего посвящения, Сократ вносить эру открытой науки. Чтобы не выходить из своей роли общественного проповедника, он отказался от посвящения в элевзинской мистерии. Тем не менее, он не был чужд целостной истины, которая преподавалась в великих мистериях.

Когда Сократ говорил, он весь менялся, словно вдохновенный Фавн, которым овладела божественная сила. Его глаза зажигались, его лысая голова приобретала величие и его уста произносили те светлые мысли, которые освещают предмет до самого дна.

Этот человек показал ему, насколько красота и слава, как он их понимал до тех пор, уступают красоте и славе. деятельной души, привыкающей другие души к истине. Эта Сияющая вечная красота которая и есть «Сияние Истины», убила изменчивую и обманчивую красоту в дуние Платона. Вот почему Платон, забывая все, что он любил до тех пор, отдался Сократу во цвете, лет со всем огнем и поэзии своей души. Эта была большая победа Истины над Красотой, которая имела неисчислимые последствия для истории человеческого духа.

Между тем друзья Платона ожидании его выступления на театральной сцене. Он пригласил их в свой дом на торжественный пир, чему все удивились, так как в обычае было пировать после завоевания приза, когда трагедия уже прошла на сцене и заслужила победные лавры. Но никто не отказался от приглашена в его богатый дочь, где Музы и Грации встречались в сообществе с Эросом. Его дом стал местом свидания для элегантной молодежи Афин. Платон истратил целое состояние на этот пир Столы были раскинуты в саду и молодые люди с факелами освещали пирующих. Самая прекрасная из афинских гетер присутствовали и пир длился всю ночь. Пели гимны любви и Вакху, танцовщицы, играя на флейтах, исполняли самые страстные танцы. Под конец пирующие стали просить Платона, чтобы он продекламировал один из своих дифирамбов.

Он поднялся и улыбаясь сказал: «этот пир последний, в котором я участвую с вами. С этого часа я отказываюсь от радостей жизни, чтобы посвятить себя Мудрости и последовать учению Сократа. Знайте, что я отрекаюсь даже от поэзии, ибо я познал её бесеилие выразить истину, как я понимаю истину отныне. Я не напишу более ни одного стиха и сейчас, в вашем присутствии, сожгу все, что написал до сих пор».

Крики изумлены и протестов понеслись со всех концов стола, вокруг которого возлежали пирующие на роскошных ложах, в венках из роз. На всех лицах, возбужденных вином и весельем, виднелось или изумление или насмешка. Раздавался даже слова недоверия и презрительного недоумения.

Намерение Платона оценили как безумие и даже святотатство; требовали, чтобы он отказался от своих слов. Но Платон подтвердил свое решение со спокойствием и решимостью, не допускавшими возражения. Он закончил свою речь такими словами: «благодарю всех тех, кто захотел разделить со мной этот прощальный пир, но я могу оставить у себя только тех, которые захотят разделить мою новую жизнь. Отныне друзья Сократа будут единственными моими друзьями».

Эти слова пронеслись подобно дуновению мороза над ярким цветником. Все лица пирующих приняли грустное и удрученное выражение людей, присутствующих при похоронной процессии. Куртизанки поднялись негодующие со своих мест и приказали унести себя на своих разукрашенных носилках, бросая на хозяина пира гневные взгляды. Золотая молодежь и софисты расходились с ироническими возгласами: «прощай Платон, будь счастлив, но ты вернешься к нам. Прощай и До свидания»

Только два молодых гостя остались около него. Он взял за руку этих верных друзей и проходя мимо амфор, на половину еще наполненных вином, мимо разбросанных цветов, и мимо лир и флейт, опрокинутых в беспорядке на недопитые чаши, Платон удалился с ними во внутренний двор своего дома. Там, на небольшом жертвеннике возвышалась целая пирамида свитков из папируса. В этих свитках были все поэтические произведения

Платона. Поэт, взяв у слуги факел, поджег их со спокойной улыбкой и произнес: «Вулкан иди сюда, Платон нуждается в тебе».

Когда пламя погасло и от свитков остался один пепел на глазах у обоих друзей блестели слезы, и они молча простились со своим будущим учителем. Но Платон, оставшись один не плакал. Мир и чудный свет наполняли его существо. Он думал о Сократе, которого скоро увидит. Занимающаяся заря уже скользила по террасам домов, по фронтонам и колоннадам храмов и вскоре первый луч солнца заиграл на каске Минервы, стоявшей на вершине Акрополя.

глава 2, Посвящение Платона и его философия.

Через три года после того, как Платон стал учеником Сократа, последний был приговорен к смерти Ареопагом; выпив спокойно чашу с ядом, он умер, окруженный своими учениками,

Мало исторических событий, которые были бы так плохо поняты, как казнь Сократа. Вошло в обычай смотреть, что решение Ареопага было вызвано необходимостью, что оно состоялось в виду того, что Сократ, отрицая богов, являлся врагом государственной религии и тем самым расшатывал основы афинской республики. Мы сейчас покажем, что в этом утверждены кроются две ошибки. Напомним прежде всего слова В. Кузена, поставленные им во главе Апологии Сократа, в его прекрасном переводе произведений Платона: «Анитос, нужно признаться в том, был достойный гражданин; Ареопаг был трибуналом справедливым и умеренным; и если нужно чему удивляться, то только тому, что Сократ был осужден так поздно, и что число осуждающих голосов не было значительнее». Философ и одновременно министр народного просвещения, Кузен не видел, что если признать правоту этих слов, следовало бы осудить одновременно и философа, и религию, для того, чтобы возвеличить политику лжи, насилия и произвола. Ибо если философия действительно разрушает основы общественного строя, она не более, как высокопарное безумие; если Религия можете существовать только при условии запрета всякого искания истины, Религия не более, как мрачная тирания. Попробуем установить более справедливую точку зрения на религию и философию древних Греков.

Один факт большой важности ускользнул от большинства современных историков и философов. В Греции все в преследования, направленные против философов, никогда не исходили из храмов, а только от политиканов. Эллинская цивилизация не знала между священниками и философами той борьбы, которая играет такую большую роль в нашей жизни с тех пор, как был уничтожен христианский эзотеризм.

Фалес мог спокойно утверждать, что мир происходит от воды; Гераклите—что он возник из огня, Анаксагоре—что солнце есть масса раскаленного огня, Демокрит —что все происходит из атомов. Ни один из храмов не тревожился этим. В святилищах храмов истина была известна. Там твердо знали, что философы, отрицающие Богов, не в состоянии уничтожить их в сознании народа, и что истинные философы варили в Богов так же, как и посвященные, и видели в них различные ступени божественной иерархии, того божественного Начала, которым проникнута вся природа, того Невидимого, которое управляет Видимым. Таким образом эзотерическая основа служила связью между истинной философией и истинной религией. Вот факт глубочайшей важности, который объясняет их полную согласованность в эллинской цивилизации.

Кто же осудил Сократа? Элевзинские жрецы, проклинавшие виновников Пелопонесской войны, не произнесли ни одного слова против него. Что касается Дельфийского храма, он выдал Сократу самое прекрасное свидетельство, какое только может быть выдано смертному человеку. Пифия, спрошенная о том, как думает Аполлон относительно Сократа, отвечала: «нет человека более свободного, более справедливого и более разумного.

Два главных обвинения против Сократа: развращение молодежи и неверие а Богов, были—следовательно—одним лишь предлогом. На второе обвинение осуждаемый ответил самим судьям: «я верю в свой собственный разум, тем более должен я верить в Богов, которые являются разумными духами вселенной». Откуда же непримиримая ненависть к мудрецу? Он боролся против несправедливости, срывал маску лицемерия, указывал на ложь многих тщеславных претензий своих современников. Люди прощают пороки и все виды безверия, но они не прощают тем, которые срывают с них маску. Вот почему заседавшие в ареопаге вынесли смертный приговор невинному и справедливому, обвиняя его в преступлении причастными к которому были они, а не он, ибо они были настоящими атеистами.

В своей превосходной защит, переданной Платоном, Сократ объясняет все это сам с своей обычной простотой: «мои бесплодные поиски, направленные к тому, чтобы найти мудрых людей среди Афинян, вызвали против меня всю эту опасную вражду; отсюда и все клеветы, распространяемые против меня; ибо все понимающие меня думают, что я многое могу раскрыть и тем обнаружить невежество многих,.. Интриганы, деятельные и многочисленные, говоря обо мни с красноречие м, которое способно легко соблазнить и наполняя ваши уши самыми ложными шумами,—продолжают безостановочно свою систему клеветы. Сегодня они напускают на меня Мелитоса, Анитоса и Ликона. Мелитос представляет поэтов, Анитос — политиков и художников, Ликонь—ораторов».

Поэт без таланта, злой и фанатический богач и неразборчивый демагог были причиной смерти лучшего из людей, и смерть эта сделала его бессмертным. Он гордо мог сказать своим судьям: «я верю более в Богов, чем кто либо из моих обвинителей. Настало время расстаться: мне—чтобы умереть, вам—чтобы жить. Кому из нас дается лучший удел? Этого не знает никто, кроме Бога».

Далекой от того, чтобы расшатывать истинную религию и её национальные символы, Сократ делал все, чтобы укрепить их. Он был бы величайшей опорой для своего отечества, если бы отечество могло понять его. Подобно Иисусу, он умер, прощая своим палачам, и стал для всего человечества образцом мудреца-мученика. Он представляет собой пришествие в мир индивидуального посвящения и науки, открытой для всех.

Светлый образ Сократа, умирающего за истину и беседующего в свой смертный час с учениками о бессмертии души, запечатлелся в уме Платона, как самое прекрасное из зрелищ и как самая святая из всех мистерий. Это было его первым великим посвящением. Позднее он изучал физику и метафизику и много других науке; но он на всегда остался учеником Сократа. Он передал нам его живой образ, влагая в уста своего учителя сокровища своей собственной мысли.

Этот тонкий аромат скромности делает из него идеал ученика, также, как огонь энтузиазма делает его истинными поэтом среди философов. Хотя нам известно, что он основал школу на пятидесятом году своей жизни и умер семидесяти лет, невозможно представить себе его иначе» как молодым, ибо вечная молодость есть удел душ, у которых к глубине мысли присоединяется и чистота сердца.

Платон получил от Сократа великий импульс, мужественное и деятельное начало своей жизни, свою веру в справедливость и истину. Но сущностью своих идей он был обязан своему посвящению в Мистерии. Его гений облек их в новую форму одновременно и поэтическую, и диалектическую. Посвящение свое он принял не только в Элевзисе, он искал его во всех доступных источниках античного Мира.

После смерти Сократа он отправился путешествовать. Он слушал многих философов Малой Азии. Оттуда он отправился в Египет, чтобы войти в сношение с его жрецами; там он прошел через посвящение Изиды. Он не достиг—подобно Пифагору —высшей ступени, на которой человек

становится адептом и приобретает действительное и прямое видение божественной истины вместе с сверх естественным—с земной точки зрения—могуществом. Он становился на третьей ступени, которая дает человеку полную ясность разума и совершенное господство над душой и телом.

Затем он отправился в Южную Италию, чтобы познакомиться с пифагорейцами, хорошо зная, что Пифагор был величайшим из греческих мудрецов. Он приобрел на вес золота один из манускриптов учителя. Познакомившись с эзотерическим преданием Пифагора из первоисточника, он взял у этого философа основные идеи и самый план своей системы.

Возвратившись в Афины, Платон основал свою школу, столь прославившуюся под именем Академии. Чтобы продолжать дело

Сократа, нужно было распространять истину. Но Платон не мог публично передавать те учения, которые пифагорейцы прикрывали тройным покровом. Его обет молчания, благоразумие и самая цель запрещали ему публичное выступление, и хотя в его Диалогах мы находим ту же эзотерическую доктрину, но она замаскирована смягчена, нагружена диалектикой, как посторонней тяжестью, а самая суть её преображена в легенду, в миф, в притчу. Она уже не появляется у него с той внушительной цельностью которую придал ей Пифагор и которую мы стремились восстановить,—тем величественным зданием, опирающимся на незыблемую основу, отдельные части которого крепко спаяны между собой. Платон давал ее скорей в аналитических отрывках, ибо он, подобно Сократу, старался оставаться на уровне понимания афинской молодежи и современных ему риторов и софистов. Он их побеждал их собственным оружие м. Но гений его не перестает светить и здесь; ежеминутно, подобно могучему орлу, разрывает он цепь диалектики, чтобы смелым полетом подняться к тем верховным истинам, которые и составляют его истинную родину, его настоящую сферу.

Эти диалоги обладают несравненным, проникающим очарованием; в них наслаждаешься рядом с энтузиазмом Дельфов и Элевзиса, чудной ясностью, аттической солью, шуткой Сократа, тонкой и окрыленной иронией мудреца.

Нет ничего легче, как восстановить различные части эзотерической доктрины в произведениях Платона и в то же время открыть источники из которых он черпал. Учение об идеальных первообразах вещей, изложенное в Федргь, соответствует доктрина священных чисел Пифагора . Тимей дает очень спутанное изложение эзотерической космогонии. Что касается учения о душ, её странствии и её эволюции,—оно проходить через все произведения Платона, но нигде не виднеется с такой ясностью, как в его Пире, в Федоть и в легенде Эр, помещенной в конце последнего диалога. Мы узнаем тут Психею, и как прекрасно и трогательно просвечивает она сквозь наброшенное на нее покрывало своими чудными формами и своей божественной грацией.

Мы видели в предыдущей книг, что ключ к космосу, тайна построения всех его отделов заключается в принципе трех миров, отраженных в микрокозме и макрокозме, в человеческой и в божественной троичности. Пифагор формулировал эту доктрину под символом священной Тетрады. Эта доктрина живого Глагола составляла великое таинство, источники магии, святую святых посвященного, его неприступную крепость, возведенную над бурным океаном проявленного Мира.

Платон не мог и не хотел раскрывать эту тайну в своем публичном учеши. Очень немногие могли понять его, а непомнившие только исказили бы эту теогоническую мистерию, заключавшую в себе происхождение миров. К тому же и клятва молчания связывала его. Для борьбы с порчей нравов и с разнузданностью политических страстей нужно было нечто иное. С уничтожением великого посвящения должна была закрыться и дверь в потусторонний мир, та дверь, которая открывалась вполне только для великих пророков и для немногих истинных посвященных.

Платон заменил учение о «трех мирах» тремя концепциями, который, за отсутствием установленного посвящения, оставались в течете трех тысяч лет как бы тремя путями, ведущими к верховной цели. Эти три концепции относятся одинаково и к Миру человеческому, и к Миру божественному; хотя отвлеченным образом, но он все же соединяют оба Мира, и здесь особенно сильно проявляется популяризаторский и творческий гений Платона. Он проливает целые потоки света, ставя на один

уровень идеи Истины, Красоты и Добра. Освещая одну идею посредством другой, он доказывал, что он—три луча, исходящие из одного и того же светового центра, которые, сливаясь и составляют этот световой центр, то есть: Бога.

Осуществляя Добро, следовательно и справедливость, душа очищается. Она готовится познать Истину,—это первое и необходимое условие для её прогресса. Если расширить идею Красоты, она перейдет в Красоту духовную, в свет Разума, из которого изошли всё вещи, которым оживотворялись все формы и который является и субстанций, и органом Бога.

Погружаясь в Мировую Душу, человеческая душа приобретает крылья. Овладевая Истиной, душа достигает чистой Сущности, она прикасается к тем началам, которые заключаются в чистом Разум. Она познает свое бессмертие, благодаря тождеству своего начала с началом Божественным. Отсюда—совершенство, эпифания души.

Раскрывая эти широкое горизонты перед человеческим сознанием, Платон установил—вне узких систем и отдельных религий—категории Идеала, который должен был заменить на многие века и заменяет и до сих пор, органическое полное посвящение. Он проложил три священные пути, ведущие к Богу. Проникнув во внутренность храма вмести с Гермесом, Орфеем и Пифагором, мы можем убедиться, как правильно и прочно заложены были эти широкое пути строительным гением Платона. Знакомство с посвящением дает нам и оправдание и внутренний смысл Идеализма.

Идеализм есть смелое утверждение божественных истин душою, вопрошающей себя в тиши уединения и определяющей духовный реальности путем своих собственных интимных свойств и своего собственного внутреннего голоса. Посвящение есть проникновение в эти истины непосредственным опытом души, непосредственным ведением духа, внутренним преображением. На высшей ступени, это—общение души с божественным миром.

Идеал есть нравственность, поэзия, философия; Посвящение есть действие, познавание, присутствие верховной Истины. Идеал есть мечта о божественной родине и тоска по ней; Посвящение, этот храм избранных, есть ясное воспоминание, более того — возврат на родину.

Устанавливая категорию Идеала, посвященный Платон создал тем самым верную пристань для миллиона душ, раскрыл путь спасения для тех, которые не в состоянии достигнуть в этой жизни прямого посвящения, но которые все же мучительно стремятся к истин.

Платон сделал таким образом из философии преддверие будущего святилища, приглашая войти в него всех, обладающих доброй волей. Идеализм его многочисленных детей, и христиан и язычников, представляется нам притвором, в котором пребывают все чающие великого Посвящения

Вот откуда исходить огромная популярность и светлая сила платонических идей. Сила эта коренится в их эзотерической основ. Вот почему Афинская Академии, основанная Платоном, жила целые века и продолжала жить в александрийской школ. Вот почему первые Отцы Церкви отдавали должное Платону; вот почему св. Августин взял у него две трети своей теологии.

Две тысячи лет протекли с тех пор, как ученик Сократа испустил свой последний вздох в тени Акрополя. Христианство, нашествие варваров, средние века пронеслись с тех пор над миром.

И все же античный мир возродился снова из пепла. Во Флоренции, Медичи решили основать академию и призвали для этой цели

ученого грека, изгнанного из Константинополя. Какое же имя дал Марсилий Фицин этой академии? Он назвал ее Платоновской и даже поныне, после того, как столько философских систем, нагромождаясь одна на другую, рассыпались в прах, после того, как наука проникла во set трансфертами материи и стала лицом к лицу с невидимым и необъяснимым,—Платон все еще близок нам. Всегда простой и скромный, но сияющий вечной молодостью, он протягивает нам священную

ветвь *Мистерии*, сплетенную из мирты и кипариса с нарциссом посреди, этим цветком души., обещающим божественное возрождение в новом Элевзис.

глава III. Элевзинские мистерии.

Элевзинские мистерии были в греческом и латинском античном Мире предметом особенного почитания. Даже те авторы, которые поднимали на смех «мифологические басни», не осмеливались касаться культа «великих богинь». Их царство, менее шумное, чем царство Олимпийцев, оказалось более устойчивым и более действительным. В незапамятные времена одна из греческих колонии, переселившаяся из Египта, принесла с собой в тихий залив Элевзиса культ великой Изиды, под именем Деметры или вселенской матери. С тех пор Элевзис оставался центром посвящения.

Деметра и дочь её Персефона стояли во главе малых и великих мистерий; отсюда их обаяние.

Если народ почитал в Церере олицетворение земли и богиню земледелия, посвященные видели в ней мать всех душ и божественный Разум, а также мать космогонических богов. Её культ совершался жрецами, принадлежавшими к самому древнему жреческому роду в Аттик. Они называли себя сынами луны, т. е. рожденными, чтобы быть посредниками между землей и небом, и считающими своей родиной ту сферу, где находился переброшенный между двумя царствами мост, по которому души спускаются и вновь поднимаются. Назначением этих жрецов было воспевать в этой бездне скорбей восторги небесного пребывания и указывать средства, как найти обратный путь к небесам. Отсюда их имя Эвмолпидов или «песнопевцев благодетельной мелодии», кротких утешителей человеческой души.

Жрецы Элевзиса владели эзотерической доктриной, дошедшей к ним из Египта; но с течением веков они украсили ее всем

очарованием прекрасной и пластической мифологии. С тонким и глубоким искусством умели они пользоваться земными страстями, чтобы выражать небесные идеи. Чувственные впечатления, великолепие церемоний и соблазны искусства, все это они пускали в ход, чтобы привить душе высшее, и поднять ум до понимания божественных истин. Нигде мистерии не являлись под такой человечной, живой и красочной формой.

Миф Цереры и её дочери Прозерпины составляют центр Элевзинского культа . Подобно блистательной процессии, все элевзинское посвящение вращается и развертывается вокруг этого светящегося центра. В своем наиболее глубоком смысли, мне этот представляет символически историю души, её схождение в материю, её страдание во Мрак забвения, а затем—её вознесете и возврат к божественной жизни. Другими словами, это—драма грехопадения и искупления в её эллинской форме.

С другой стороны, можно утверждать, что для культурного и посвященного Афинянина времен Платона, элевзинские мистерии представляли собой объяснительные дополнения к трагическим представлениям в Афинском театре Вакха. Там, перед шумным и волнующимся народом, страшные заклинания Мельпомены взывали к земному человеку, ослепленному своими страстями, преследуемому Немезидой своих преступлений, удрученному неумолимым роком, часто совершенно непостижимым для него.

Там слышались отголоски борьбы Прометея, проклятия Эриннний; там раздавались стоны отчаяния Эдипа и неистовства Ореста. Там царствовали мрачный Ужас и плачущая Жалость. Но в Элевзисе, за оградой Цереры, все прояснялось. Весь Круг вещей проходил перед посвященными, которые становились ясновидящими. История ПсихеиПерсефоны делалась для каждой души ослепительным откровенном. Тайна жизни объяснялась или как искупление, или как изгнание. По ту и по ею сторону земного настоящего, человек открывал бесконечные перспективы прошлого и светлые дали божественного будущего. После ужасов смерти, наступали надежда освобождения и небесные радости,

а из настеж открытых дверей храма лились песнопения ликующих и световые волны чудного, потустороннего Мира.

Вот чем являлись Мистерии лицом к лицу с Трагедией:

божественной драмой бытия, дополняющей и объясняющей земную драму человека.

Малые Мистерии праздновались в феврале, в Агре, по близости от Афин. все ищущие посвящения и выдержавши предварительный экзамен, имевшие при себе свидетельства о рождении, воспитании и нравственной жизни, подходили к входу в запертую ограду; там их встречал жрец Элевзиса, носивший имя Hierocеryx или священный герольд, который изображал Гермеса с кадуцеем. Это был руководитель, посредник и толкователь Мистерий. Он вел вновь пришедших к небольшому храму с киническими колоннами, посвященному Корл, великой девственнице Персефон.

Святилище богини притаилось в глубине спокойной долины, среди священной рощи, между группами тисов и белых тополей. И тогда жрицы Прозерпины, иерофантиды, выходили из храма в белоснежных пеплумах, с обнаженными руками, с венками из нарциссов на головах. Они становились в ряд у входа в храм и начинали петь священные мелодии дорийского напева. Он сопровождали свои речитативы ритмическими жестами:

«О, стремящиеся к Мистериям и Привет вам на пороге Прозерпины и То, что вы увидите, изумит вас. Вы узнаете, что ваша настоящая жизнь не более, как ткань смутных и лживых иллюзии. Сон, который окутывает вас мраком, уносит ваши сновидения и ваши дни в своем течении, подобно обломкам, уносимым ветром и исчезающим в дали. Но позади этого круга темноты разливается вечный свет. Да будет Персефона благосклонна к вам, и да научит она вас переплывать этот поток темноты и проникать до самой небесной Деметры!»

Затем пророчица, управлявшая хором, спускалась с трех ступеней лестницы и произносила торжественным голосом, с выражением угрозы, следующие заклятия: «Горе тем, которые приходят сюда без уважения к Мистериям! Ибо сердца этих нечестивцев будут преследуемы богиней в течете всей их жизни и даже в царств теней не спасутся они от её гнева.»

Затем, нисколько дней проходило в омовениях и пост, в молитвах и наставлениях.

Накануне последнего дня, вновь вступившие соединялись вечером в таинственном месте священной рощи, чтобы присутствовать при похищении Персефоны. Сцена разыгрывалась под открытым небом жрицами храма. Обычай этот чрезвычайно древний, и основа этого представлена, его господствующая идея оставалась та же самая, хотя форма изменялась значительно на протяжении многих веков.

Во времена Платона, благодаря развитию трагедии, старинная строгость священных представлена уступила место большей человечности, большей утонченности и более страстному настроению. Направляемые Иерофантом, оставшиеся неизвестными поэты Элевзиса сделали из этой сцены короткую драму, которая развертывалась приблизительно так:

(Участвующее в Мистериях появляются парами на лесной лужайки. Фоном служат скалы; в одной из скал виднеется грот, окруженный группами мирт и тополей На переднем план—лужайка, прорезанная ручьем, вокруг которого разместилась группа лежащих нимф. В глубине грота виднеется сидящая Лерсефона. Обнаженный до пояса, как у Психеи, её стройный бюст поднимается целомудренно из тонких драпировок, окружающих нижнюю часть её тела, подобно голубоватому туману. Она имеет счастливый вид, не сознает своей красоты и вышивает длинное покрывало разноцветными нитями. Деметра. её мать, стоить рядом с ней; на голове её kalathos, а в руке она держит свой скипетр.)

Гермес (герольд Мистерий, обращается к присутствующим):

Деметра предлагает нам два превосходных дара: плоды, чтобы мы могли питаться иначе чем животные, и посвящение, которое дает всем участникам сладостную надежду и для этой жизни, и для вечности. Внимайте же словам, которые вы услышите, и всему, что сейчас удостоитесь увидеть.—

Деметрий (серьезным голосом):

Возлюбленная дочь Богов, оставайся в этом грот до моего возвращения и вышивай мое покрывало. Небо—твоя родина, вселенная принадлежит теб6. Ты видишь Богов; они являются на твой зов. Но не слушай голоса хитрого Эроса с чарующими взглядами и коварными речами. Остерегайся выходить из грота и не срывай соблазнительных цветов земли; их тревожное и пъянящее благоухание погасит в твоей души небесный Свет и уничтожить даже самое воспоминание о нем. Вышивай покрывало и живи до моего возвращения с твоими подругами нимфами, и тогда я явлюсь за тобой и увлеку тебя на моей огненной колеснице, влекомой змеями, в сияющие волны Эфира, что расстилается по ту сторону Млечного Пути.

Персефона. Да, царственная мать, обещаю во имя того света, который окружает тебя, обещаю тебе послушание и да накажут меня Боги, если я не сдержу своего слова. (Деметра выходит).

Хорь нимф. О, Персефона! О, целомудренная невеста Небес, вышивающая образы Богов на своем покрывале, да будут от тебя далеки тщетные иллюзии и бесконечные страдания земли. Вечная истина улыбается тебе. Твой божественный Супруг, Дионис, ожидает тебя в Эмпиреях. Порой он является тебе под видом далекого солнца; его лучи ласкают тебя; он вдыхает твои вздохи, а ты пьешь его свет... уже заранее обладаете вы друг другом. О, чистая Дева, кто может быть счастливее тебя?

Персефона. На этом лазурном покрывале с бесконечными складками, я вышиваю своей иглой бесчисленные образы всех существ и вещей. Я окончила историю Богов; я вышила страшный Хаос с сотней голов и тысячью рук. Из него должны возникнуть смертные существа. Но кто же вызвал их к жизни? Отец богов сказал мн, что это—Эрос. Но я никогда не видала его, мн незнаком его образ. Кто же опишет мне его лике?

Нимфы. Не думай о нем. Зачем ставить праздные вопросы?

Персефона (поднимается и откидываете покрывало).

Эрос! Самый древний и самый юный из Богов, неиссякаемый источник радостей и слез, ибо так говорили мне о тебе—страшный Бог, единственный, остающийся неведомым и невидимым из всех Бессмертных, и единственный, желанный таинственный Эрос! Какая тревога, какое упоение охватывает меня при имени твоем!

Хорь. Не стремись узнать больше! Опасные вопрошения губили не только людей, но и Богов.

Персефона (устремляет в пространство взоры, полные ужаса). Что это? Воспоминания? Или это страшные предчувствия? Хаос... Люди... Бездна рождений, стоны рождающих, яростные вопли ненависти и битв... Пучина смерти! Я слышу, я вижу все это, и бездна притягивает меня, она хватает меня, я должна спуститься в нее... Эрос погружает меня в её глубины своим зажигающим факелом. Ах, я умираюи Удалите от меня этот страшный сон! (она закрывает лицо руками и рыдает).

Хор. О, божественная девственница, это не более как сон, но он воплотится, он сделается роковой действительностью, и твое небо исчезнет подобно пустому сну, если ты уступишь преступному желанию. После дуй спасительному предостережению, возьми свою иглу и вернись к своей работе. Забудь коварного! Забудь преступного Эроса!

Персефона. (отнимает руки от лица, на котором совершенно изменилось выражение, она улыбается сквозь слезы).

Какие вы безумные И я сама потеряла рассудок Теперь я сама вспоминаю, я слышала об этом в олимпийских мистериях: Эрос самый прекрасный из всех Богов; на крылатой колеснице предводительствует он на

играх Бессмертных, он руководить смешением первичных субстанции. Это он ведет смелых людей, героев, из глубины Хаоса к вершинам Эфира. Он знает все; подобно огненному Началу, он проносится через все Миры, он владеет ключами от земли и неба! Я хочу его видеть!

Хорь. Несчастная! Остановись!!

Эрос (выходит из леса под видом крылатого юноши). Ты зовешь меня, Персефона? Я перед тобой.

Персефона (садится и Говорят, что ты хитрый, а твое лицо—сама невинность; говорят, что ты всемогущ, а ты похож на нежного мальчика; говорят что ты предатель, а твой взгляд таков, что чем больше я смотрю в твои глаза, тем более расцветает мое сердце, тем более растет мое доверю к тебе, прекрасный, веселый ребенок. Говорят, что ты все знаешь и все умеешь. Можешь ли ты помочь мне вышивать это покрывало?

Эрос. Охотно! Смотри, вот я у ног твоих! Какое дивное покрывало! Оно точно купалось в лазури чудных очей твоих. Какие прекрасные образы вышила твоя рука, но все же не столь прекрасные, как божественная швея, которая еще ни разу не видела себя в зеркале (он лукаво улыбается).

Персефона. Видеть себя и Разве это возможно? (она краснеет). Но узнаешь ли ты эти образы?

Эрос. Узнаю ли я их! Это—истории Богов. Но отчего ты остановилась на Хаосе? Ведь только здесь и начинается борьба Отчего ты не вышьешь борьбу титанов, рождение людей и их взаимную любовь?

Персефона. Мое знание останавливается здесь и память моя не подсказывает ничего. Не поможешь ли ты мне вышить продолжение?

Эрос (бросает на нее пламенный взгляд). Да, Персефона, но с одним условием: прежде ты должна пойти со мной на лужайку и сорвать самый прекрасный цветок.

Персефона. Моя царственная и мудрая мать запретила мне это. «Не слушайся голоса Эроса, сказала она, не рви земных цветов. Иначе ты будешь самой несчастной из всех Бессмертных»!

Эрос. Я понимаю. Твоя мать не хочет, чтобы ты познала тайны земли. Если бы ты вдохнула аромат этих цветов, все тайны раскрылись бы для тебя.

Персефона. А ты их знаешь?

Эрос. Все; и ты видишь, я стал от того лишь более молодым и более подвижным. О дочь Богов! Бездна обладает ужасами

и содроганиями, которые неведомы небу; тот не поймет вполне и неба, который не пройдет через земное и преисподние. Персефона. Можешь ли ты объяснить их?

Эросе. Да, смотри (он дотрагивается до земли концом своего лука. Большой яарпис появляется из земли!.

Персефона. О, прелестный цветок и Он заставляет меня дрожать и вызывает в моем сердце божественное воспоминание. Иногда засыпая на вершине моего любимого светила, позлащенного вечным закатом, я видела при пробуждении, как на пурпуре горизонта плыла серебряная звезда. И мне казалось тогда, что передомной загорался факел бессмертного супруга, божественного Диониса. Но звезда опускалась, опускалась... и факел погасал в отдалении. Этот чудный цветок похож на ту звезду.

Эрос. Это—я, который преобразует и соединяет все, я, который делает из малого отражение великого, из глубин бездны— зеркало неба, я, который смешивает небо и ад на земле, который образует все формы в глубине океана, я возродил твою звезду, я извлек ее из бездны под видом цветка, чтобы ты могла трогать ее, срывать и вдыхать её аромат.

Хор. Берегись, чтобы это волшебство не оказалось западней!

Персефона. Как называешь ты этот цветок? Эрос. Люди называют его нарциссом; я же называю его желанием. Посмотри, как он смотрит на тебя, как он поворачивается. Его белые лепестки трепещут как живые, из его золотого сердца исходить благоухание, насыщающее всю атмосферу страстью. Как только ты приблизишь этот волшебный цветок к своим устам, ты увидишь в необъятной и чудной картин чудовищ бездны, глубину земли и сердца человеческие. Ничто не будет скрыто от тебя.

Персефона. О, чудный цветок! Твое благоухание опъяняет меня, мое сердце дрожит, мои пальцы горят, прикасаясь к тебе. Я хочу вдохнуть тебя, прижать к своим губам, положить тебя на свое сердце, если бы даже пришлось умереть от того (Земля разверзается около неё, из Зияющей черной трещины медленно поднимается до половины Плутон на колеснице, запряженной двумя черными конями. Он схватывает» Персефону в момент, когда она срывает цветок, и увлекает ее к себе. Персефона напрасно бьется в его руках и испускает rромкие крики. Колесница медленно опускается и исчезает. Она катится с шумом, подобно подземному грому. Нимфы разбегаются с жалобными стонами по всему лесу. Эрос убегает с громким смдхоме!.

Голос Персефоны. (из под земли). Моя Матьи На помощь ко мн6и Мать мояи

Гермес. О стремящиеся к мистериям, жизнь которых еще затемнена суетой плотской жизни, вы видите перед собой свою собственную историю. Сохраните в памяти эти слова Эмпедокла: «рождение есть уничтожение которое превращавт живых в мертвецов. НчекоЮа вы жили истинной жизнью, а затгьм, привлеченные чарами, вы пали в бездну земною, порабощенные плотью. Ваше настоящее не более, как роковой сон. Лишь прошлое, и будущее существует действительно. Научитесь вспоминать, научитесь предвидеть». ....

Во время этой сцены спустилась ночь, погребальные факелы зажглись среди черных капарисов, окружавших небольшой храм, и зрители удалились в молчании, преследуемые плачевным пежении ерофантид, восклицавших: Персефонаи Персефонаи

Малые мистерии окончились, вновь вступившие стали местами, что означает закрытые покрывалом. Они возвращались к своим обычным занятиям, но великий покров мистерии распростерся перед их взорами. Между ними и внешним миром возникло как бы облако. И в то же время, в них раскрылось внутреннее зрение, посредством которого они смутно различали иной мир, полный манящих образов, которые двигались в безднах, то сверкающих светом, то темнеющих мраком.

Всликил Mucmepiil, которые следовали за малыми, носили также название священных Opiiu, и оне праздновались через каждые пять лет осенью в Элевзис.

Эти празднества, в полном смысле символические, длились девять дней; на восьмой день местам раздавали знаки посвящена:

тирсы и корзинки, увитые плющем. После дня заключали в себе таинственные предметы, понимание которых давало ключ к тайне жизни. Но корзинка была тщательно запечатана. И раскрыть ее позволялось лишь в конце посвящена, в присутствии самого иерофанта.

Затем, все предавались радостному ликованию, потрясая факелами, передавая их из рук в руки и оглашая священную рощу криками восторга. В этот день из Афин переносили в Элевзис в торжественной процесса статую Диониса, увенчанную миртами, которую именовали иаккос. Его появление в Элевзис означало великое возрождение. Ибо он являл собою божественный дух, проникающий все сущее, преобразователя душ, посредника между небом и землей.

На этот раз, в храм входили через мистическую дверь, чтобы провести там всю святую ночь или «ночь посвящения».

Прежде всего, нужно было пройти через обширный портик, находившжся во внешней оград. Там герольд, с угрожающим криком Eskaio Bebeloi (непосвященные изыдитеии изгонял посторонних, которым удавалось иногда проскользнуть в ограду вместе с местами. После дних же герольд заставлял клясться—под срахом смерти—не выдавать ничего из увиденного. Он прибавлял: «вот вы достигли подземного порога Персефоны. Чтобы понять будущую жизнь и условия вашего настоящего, вам нужно пройти через царство смерти; в этом состоит испытание посвященных. Необходимо преодолеть мрак, чтобы наслаждаться светом».

Затем, посвященные облекались в кожу молодого оленя, символ растерзанной души, погруженной в жизнь плоти. После этого гасились все факелы и светильники, и мисты входили в подземный лабиринт. Приходилось идти ощупью в полном мрак. Вскоре начинали доноситься какие то шумы, стоны и грозные голоса. Молжи, сопровождаемые раскатами грома, разрывали по временам глубину мрака. При этом вспыхивающем свете выступали странные видения:

то чудовище химера или дракон; то человек, раздираемый когтями сфинкса, то человеческое привидение. Эти появления были так внезапны, что нельзя было уловить, как они появлялись, и полный мрак, сменявший их, удваивал впечатлеже. Плутарх сравнивает ужас от этих видений с состоянием человека на смертном одр.

Но самые необычайные переживания, соприкасавшияся с истинной магией, происходили в склеп, гд фригийский жрец, одетый в азиатское облачение с вертикальными красными и черными полосами, стоял перед медной жаровней, смутно освещавшей склеп колеблющимся светом. Повелительным жестом заставлял он входящих садиться у входа и бросать на жаровню горсть наркотических благовоний. Склеп начинал наполняться густыми облаками дыма, которые, клубясь и свиваясь, принимали изменчивые формы.

Иногда это были длинные змеи, то оборачивающиеся в сирен, то свертывающеся в бесконечные кольца; иногда бюсты нимф, с страстно протянутыми руками, превращавшиеся в больших летучих мышей; очаровательные головки юношей, переходившие в собачьи морды; и все эти чудовища, то красивые, то безобразные, текучие, воздушные, обманчивые, также быстро исчезающие как и появляющиеся, кружились, переливались, вызывали головокружение, обволакивали зачарованных мест, словно желая преградить им дорогу.

От времени до времени жрец Цибеллы простирал свой короткий жезл и тогда магнетизм его воли вызывал в многообразных облаках новые быстрый движения и тревожную жизненность. «Проходите!» говорил Фрипец. И тогда месты поднимались и входили в облачный круг. Большинство из них чувствовало странные прикосновения, словно невидимы» руки хватали их, а некоторых даже бросали с силою на землю. Более робкие отступали в ужасиэ и бросались к выходу. И только наиболее мужественные проходили, после снова и снова возобновляемых попыток; ибо твердая решимость преодолевает всякое волшебство .

После этого мисты входили в большую круглую залу, слабо освещенную редкими лампадами. В центр, в виде колонны, поднималось бронзовое дерево, металическая листва которого простиралась по всему потолку. Среди этой листвы были вделаны химеры, горгоны, гаргпи, совы и вампиры, символы всевозможных земных бедствий, всех демонов, преследующих человека. Эти чудовища, воспроизведенные из переливающихся металлвв, переплетались с ветками дерева и, казалось, подстерегали сверху свою добычу.

Под деревом восседал на великолепном троне ПлутонеАид в пурпуровой мантии. Он держал в руке трезубец, его чело было озабочено и мрачно. Рядом с царем преисподней, который никогда не улыбается, находилась его супруга, стройная Персефона. Мисты узнают в ней те же черты, которыми отличалась богиня в малых мистериях. Она по прежнему прекрасна, можете

Современная наука не увидала бы в этих фактах ничего иного, кроме простых галлюцинаций или простых» внушений. Наука древнего эзотеризма придавала этому роду феноменов, которые нередко производились в Мистериях, одновременно и субъективное и обеъктивное значение. Она признавала существование элементарных духов, не имеющих индивидуальной души и разума, полусознательных, которые наполняют земную атмосферу и которые являют собой, так сказать, души элементов. Магия, которая представляет собою волю, сознательно направленную на овладение оккультными силами, делает их от времени до времени видимыми. Как раз о них говорить Гераклит, когда выражается: «природа повсюду наполнена демонами». Платон называет их демонами элементов; Парацельсе—элементалями. По мнению этого теософа, врача XVI века, они привлекаются магнетической атмосферой человека, наэлектризовываются в ней и поели этого делаются способными облекаться во всевозможные формы. 4ем болйе человек предается своим страстям, тем более он рискует стать их жертвой, не подозревая того. Лишь владеющий магией может покорить их и пользоваться ими. Но они представляют собою область обманчивых иллюзий, которою маг должен овладеть, прежде чем войти в мир оккультизма.

Это и есть дерево сновидений, упоминаемое Виргилием при схождении Энея в ад в VI книги Энеиды, которая воспроизводить главные сцены элевзинских мистерий с различными поэтическими украшениями.

быть еще прекраснее в своей тоске, но как изменилась она под своим золотым венцом и под своей траурной одеждой, на которой сверкают серебряные слезыі! Это уже не прежняя Девственница, вышивавшая покрывало Деметры в тихом грот; теперь она знает жизнь низин и—страдает. Она царствует над низшими силами, она—властительница среди мертвецов; но все её царство—чужое для неё. Вледная улыбка освещает её лицо, потемневшее под тенью ада. Да! В этой улыбке—познание Добра и Зла, то невыразимое очарование, которое налагает пережитое немое страдание, научающее милосердо. Персефона смотрит взглядом сострадания на мистов, которые преклоняют колена и складывают к её ногам венки из белых нарциссов. И тогда в её очах вспыхивает умирающее пламя, потерянная надежда, далекое воспоминание о потерянном нее...

Внезапно, в конци поднимающейся вверх галлереи, зажигаются факелы и подобно трубному звуку разносится голос: «Приходите мистыи иаккос возвратилсяи Деметра ожидает свою дочьи Эвохэии» Звучное эхо подземелья повторяет этот крик.

Персефона настораживается на своем трон, словно разбуженная поели долгаго сна и пронизанная сверкнувшей мыслью, восклицает: «Светеи Моя матьи иаккосеи» Она хочет броситься, но Плутон удерживает ее властным жестом, и она снова падает на свой трон, словно мертвая.

В то же время лампады внезапно угасают и слышится голос:

«Умереть, это—возродиться!» А мисты направляются к галлерее героев и полубогов, к отверстию подземелья, гд их ожидает Гермес и факелоносец. С них снимают оленью шкуру, их окропляют очистительной водой, их снова одевают в льняные одежды и ведут в ярко освещенный храм, где их принимает иерофант, первосвященник Элевзиса, величественный старец, одетый в пурпур.

А теперь дадим слово Порфирию. Вот как он рассказывает о великом посвящежи Элевзиса: «В венках из мирт мы входим с другими посвященными в сени храма, все еще слепцами; но иерофант, ожидающий нас внутри, скоро раскроет наши взоры. Но прежде всего,—ибо ничего не следует делать с поспешностью,— прежде мы обмоемся в святой вод, ибо нас просят войти в священное место с чистыми руками и с чистым сердцем. Когда нас подводят к иерофанту, он читает из каменной книги вещи, которые мы не должны обнародовать под страхом смерти Скажем только, что онС согласуются с местом и обстоятельствами. Можете

быть вы подняли бы их на смех, если бы услыхали вн храма;

но здесь не является ни малейшей наклонности к легкомыслию, когда слушаешь слова старца и смотришь на раскрытые символы . И мы еще более удаляемся от легкомыслия, когда Деметра подтверждает своими особыми словами и знаками, быстрыми вс пышками света, облаками, громоздящимися на облака, все то, что мы слышали от её священного жреца; затем, оянге светлого чуда наполняет храм; мы видим чистые поля Елисейские, мы слышим пение блаженных... И тогда, не только по внешней видимости или по философскому толкованию, но на самом дел иерофант становится творцом (Зеаюируб;и всех вещей: Солнце превращается в его факелоносца, Луна—в священнодействующего у его алтаря, а Гермесе—в ею мистического герольда. Но последнее слово произнесено: Копх От Рах. Церемония окончилась, и мы сделались видящими (етсотстнии навсегда».

Что же сказал великий иерофант? Каковы были эти священный слова, эти верховный откровения?

Посвященные узнавали, что божественная Персефона, которую они видали посреди ужасов и мучений ада, являла собой образ человеческой души, прикованной к материи в течение земной жизни, а в посмертной—отданной химерам и мучениям еще более тяжелым, если она жила рабой своих страстей. Её земная жизнь есть искупление предыдущих существований. Но душа может очиститься внутренней дисциплиной, она может вспоминать и предчувствовать соединенным усилием интуиции, воли и разума, и заранее участвовать в великих истинах, которыми она овладеет вполне и всецело лишь в необъятности высшего духовного Мира. И тогда снова Персефона станет чистой, сияющей, неизреченной Девственницей, источником любви и радости.

Что касается её матери Деметры, она являла собой в мистериях символ божественного Разума и интеллектуального начала человека, с котором душа должна слиться, чтобы достигнуть своего совершенства.

Если верить Платону, иамблиху, Проклу и всем александрийским философам, наиболее восприимчивые из среды посвященных, имели внутри храма видения характера экстатического и чудотворного. Мы привели свидетельство Порфирия. Вот другое свидетельство Прокла: «Во всех посвящениях и мистериях боги (это слово означает здесь все духовные иерархи показываются под самыми разнообразными формами: иногда это бывает излияние света, лишенное формы, иногда этот свет облекается в человеческую форму, иногда в иную .

А вот выдержка из Апулея: «Я приближался к границам смерти и достигнув порога Прозерпины, я возвратился оттуда, уносимый через все элементы (элементарные духи земли, воды, воздуха и огня. В глубинах полночного часа я видел солнце, сверкающее великолепным светом и при этом освещении увидел богов небесных и богов преисподней и, приблизившись к ним, я отдал им дань благоговейного обожания».

Как бы ни были смутны эти указания, они относятся по видимому к оккультным феноменам. По учению мистерий, экстатические видения храма производились посредством самого чистого из всех элементов: духовного света, уподобляемого божественной ИзидеОракулы Зороастра называют его Природой, говорящей через себя, т. е. элементом, посредством которого маг дает мгновенное и видимое выражение своей мысли, и который служить также покровом для душ, являющих собою лучшия мысли Бога. Вот почему иерофант, если он обладал властью производить это явление и ставить посвященных в живое общение с душами героев и богов, был уподобляем в эти мгновения Создателю, Демиургу, факелоносец— Солнцу, т. е. Сверх физическому свету, а Гермесе—божественному Глаголу.

Но каковы бы ни были эти видения, в древности существовало лишь одно мнеше о просветлении, которым сопровождались конечный откровения Элевзиса. Воспринявши их испытывал неведомое блаженство, сверхчеловеческий мир спускался в сердце посвященного. Казалось, что жизнь побеждена, душа стала свободной, и тяжелый круг существовали пришел к своему завершению. Все проникали, исполненные светлой веры и безграничной радости, в чистый эфир Мировой Души.

Мы старались воскресить драму Элевзиса в её глубоком сокровенном смысл. Мы показали руководящую нить, которая проходить

через весь этот лабиринт, мы старались выяснить полное единство, соединяющее все богатство и всю сложность этой драмы. Благодаря гармонии знания и духовности, тесная связь соединяла мистериальные церемонии с божественной драмой, составлявшей идеальный центр, лучезарный очаг этих соединенных празднеств.

Таким образом, посвященные отождествляли себя постепенно с божественной деятельностью. Из простых зрителей они становились действующими лицами и познавали, что драма Персефоны происходила в них самих.

И как велико было изумление, как велика была радость при этом открыли! Если они и страдали, и боролись вместе с ней в земной жизни, они получали подобно ей надежду снова найти божественную радость, вновь обрести свет верховного Разума. Слова иерофанта, различный сцены и откровения храма давали им предчувствия этого света.

Само собою разумеется, что каждый понимал эти вещи по степени своего развития и своих внутренних способностей. Ибо, как говорил Платоне—и это верно для всех времен—есть много людей, которые носят тирс и жезл, но вдохновенных людей очень мало.

После александрийской эпохи, элевзинские мистерии были также до известной степени затронуты языческим декадансом, но их высшая основа сохранилась и спасла их от уничтожена, которое постигло остальные храмы. Благодаря глубине своей священной доктрины и высоте своего выполнения, элевзинские мистерии продержались в течете трех столетий перед лицом растущего христианства. Они служили в эту эпоху соединительным звеном для избранных, которые, не отрицая, что иисус был явлением божественного порядка; не хотели забывать, как это делала тогдашняя церковь, и древнюю священную науку.

И мистерии продолжались до эдикта императора Константина, приказавшего сравнять с землею храм Элевзиса, чтобы покончить с этим верховным культом, в котором магическая красота греческого искусства воплотилась в наиболее высокие учения Орфея, Пифагора и Платона.

Ныне убежище античной Деметры исчезло с берегов тихого Элевзинского залива бесследно, и лишь бабочка, этот символ Психеи, порхающая в весенние дни над лазурным заливом, напоминает путнику, что некогда именно здесь великая Изгнанница, Душа человеческая, призывала к себе Богов и вспоминала свою вечную родину.

КНИГА ВОСЬМАЯ.
Иисус.

(Мисия Христа).

глава I. Состояние Мира при рождении Иисуса.

Настал для Мира торжественный час; небо нашей планеты было мрачно и полно зловещих предзнаменований. Несмотря на усилия посвященных, многобожие вызвало в Азии, Африке и Европе упадок цивилизации. Этот упадок не коснулся высокой космогонии Орфея, так великолепно воспетой, хотя и ссуженной Гомером. Виновата была в том природа человека, которой так трудно удержаться на определенной интеллектуальной высоте.

Для великих умов древности боги были не что иное, как поэтическое выражение иерархических сил природе говорящий образе её внутреннего бытия, и боги эти жили всегда в сознании человечества, как символы космических сил. Но в мысли посвященных это многообразие богов или сил природы было проникнуто идеей единого Бога или чистого Духа.

Главной целью святилищ Мемфиса, Дельфов и Элевзиса было научить этому божественному единству, и тем теософическим идеям и той нравственной дисциплине, который необходимы для усвоения единства.

Но ученики Орфея, Пифагора и Платона не выдержали и отступили перед напором эгоизма политиканов, перед ничтожеством софистов и перед страстями толпы. Общественное и политическое растление Греции было последствием порчи её религии, морали и сознания. Аполлоне—это лучезарное выражение божественной красоты и неземного мира—замолк. Погибло вдохновение, замолчали оракулы, не стало истинных поэтов: Минерва—Мудрость и Провидение—скрылась за покрывалом от народа, который исказил мистерии и оскорблял своих мудрецов и богов, любуясь фарсами во вкуси Аристофана, которые разыгрывались в театре Вакха. И даже сами мистерии пришли в упадок, ибо к элевзинским празднествам получили доступ и сикофанты, и куртизанки.

Когда душа тупеет, религия делается идолопоклоннической;

когда мысль склоняется к материализму, философия падает до скептицизма. Вот почему появился Луюан Самосатский (софист, и25 г. по Р. Х.), которого можно сравнить с зарождающимся микробом на трупе язычества, высмеивающим древние мифы, которые Карнеад Киренский (2и5 г. до Р. Х.) исказил, не поняв их истинного происхождения.

Суеверная в религии, агностическая в философии, полная эгоизма в политике, опьянявшая от анархии—вот чем стала эта дивная Греция, которая передала нам науки Египта и мистерии Азии в образах бессмертной красоты.

Если кто понял причину падения античного Мира и сделал героическую попытку поднять его на прежнюю высоту, это был великий Александр. Этот легендарный завоеватель, посвященный, как и его отец Филипп, в самофракийские мистерии, был в одно и то же время и духовным сыном Орфея, и учеником Аристотеля.

Несомненно, что пройдя с горстью греков через всю азию до самой Индии, он мечтал о всемирной монархии; но не такой монархии, какую осуществили римские цезари, угнетавшие народы и уничтожавшие религии и свободу науки. Он был воодушевлен великой идеей соединить Азию и Европу помощью религиозного синтеза, опирающегося на авторитет науки. Движимый этой мыслью, он отдавал одинаковые почести как науке Аристотеля, так и Минерве Афинской, как иегов Израиля, так и египетскому Озирису и Браме индусскому, признавая—в качестве истинного посвященного—единое божественное начало и единую божественную мудрость, скрытую под всеми этими символами.

Меч Александра был последней молнией орфической Греши, которая вспыхнула и осветила Восток и Запад. Сын Филиппа умер в упоении своей победы и своей мечты, оставив свою распавшуюся империю произволу жадных военачальников. Но идея Александра не умерла с ним. Он основал Александрию, где восточная философия, иудейство и дух эллинов растворились в эзотеризме Египта в ожидании того времени, когда мир услышит весть о побед жизни над смертью из уст Христа.

По мер того, как двойное созвездие Греции—Аполлон и Минерва—склонялись, бледнея, к горизонту, народы увидели поднимающийся на омраченном грозою неба новый знак: римскую волчицу.

Что такое Риме? Из какого сочетания сил произошла римская империя? Заговор жадной олигархи во имя грубой силы, притеснение человеческого разума, религии, науки и искусства во имя обоготворенной политической мощи—вот из каких слагаемых возникало его правительство; оно не признавало той истины, по которой правящая сила должна опирать свое право на высшие начала науки, справедливости и экономии.

Вся римская история—последствие того беззаконного договора, посредством которого Отцы Конскрипты объявили войну сперва Италии, а затем и всему человеческому роду. Они хорошо выбрали свой символ Бронзовая волчица с взъерошенной шерстью, вытягивающая свою голову пены на Капитоли, есть истинный образ этого правления, та злая сила, которой была одержима душа Рима.

В Греции уважались до конца святилища Дельфов и Элевзиса. В Риме, с самого основания, наука и искусства были выброшены как ненужные. Попытка мудрого Нумы, который был этрусским посвященным, погибла благодаря ненасытному честолюбию римских сенаторов. Он принес в Рим книги Сивилл, которые заключали в себе часть герметической науки. Он создал судей, избираемых народом; он роздал народу земли; он построил храм Янусу в честь всемирного Закона; он подчинил военное право священным герольдам.

Царь Нума, память которого высоко чтилась народом, является как бы историческим вмешательством священной науки в совершенно иной государственный строй, но он не представляет собою римского гения, его создало этрусское посвящение, которое следовало тем же началам, как и школы Мемфиса и Дельфов.

После Нумы римский сенат сжигает книги Сивилл, уничтожает авторитет римских жрецов и судей, и возвращается к своей систем, в которой религия была лишь орудием политического господства. Рим делается гидрой, поглощающей народы и их богов. Одна за другой, нации постепенно подчиняются Риму и их богатства расхищаются. Государственная тюрьма наполняется королями Севера и Юга. Рим, не хотевший иных жрецов, кроме рабов и обманщиков, убивает в Галлии, Египте, иудеи и Персии последних представителей эзотерического предания. Он делает вид, что поклоняется богам, но в действительности Рим поклоняется только своей волчиц.

И вот, при свете кровавой зари, перед покоренными народами восстает последний отпрыск волчицы, и в нем сосредоточивается весь гений Рима: является Цезарь. Рим поглотил все народы; Цезарь—воплощение Рима—поглотил все власти. Честолюбие Цезаря не удовлетворяется званием императора всех наций; к императорскому венцу он присоединяет Тіару и называет себя первосвященником.

После одной из битв (при Тапсусе) ему устраивают героический апофеоз; поели битвы при Мунде—апофеоз божественный;

затем его статуя ставится в храме Квиринуса, и возникает коллегия жрецов, носящих его имя—Юлианов. Но, по высшей иронии и по высшей логике вещей, тот самый Цезарь, который делает себя богом, отрицает перед сенатом бессмертие души.

Вместе с цезарями, наследница Вавилона, Римская Империя, налагает руку на весь Мир.

И во что обращается сама римская государственность? Правящая власть уничтожает всякую общественность; создает военную диктатуру в Италии; вызывает лихоимство своих представителей и ростовщиков в провинциях. Победоносный Рим ложится вампиром на труп античного Мира.

И вот, при ярком дневном свете развертывается римская оргия с её вакханалий пороков и торжеством преступлений. Она начинается сладострастной встречей Клеопатры с Антонием, она кончается развратом Мессалины и неистовством Нерона. Она выступает с похотливыми пародиями на мистерии; она завершается римским цирком, где дикие звери бросаются на обнаженных девственниц, мучениц за веру, при громких криках восторга двадцатитысячной толпы.

Между тем, среди покоренных Римом народов, один называет себя народом Божием и проявляет гений, как раз противоположный римскому гению.

Чем можно объяснить, что Израиль, истощенный своими междоусобиями, раздавленный трехсотлетним рабством, все же сохраняет свою веру несокрушимой? Почему этот покоренный народ восстал перед лицом падшей Греции и беснующегося Рима, как пророке—с посыпанной пеплом главой и глазами,

пылающими страшным гневом? Как смел он пророчить падете властелина, лежа под его пятой, и говорить о своем конечном торжестве, когда его собственная гибель казалась неизбежной? Почему?

Потому, что великая идея жила в нем, она была внедрена в него Моисеем. При Іосіи двенадцать колен Израилевых воздвигли камень с такой надписью: «Да будет это свидетельством между нами, что Иегова—единый Бог».

Моисей, законодатель Израиля, сделавший единого Бога краеугольным камнем всего; науки, общественного закона и всемирной религии и, вдохновением своего гения постиг, что только в побед этой идеи будущность человечества. Чтобы ее сохранить, он написал свою Книгу Иероглифами, построил Ковчег из золота, создал Народ среди зыбучих песков пустыни.

Над этими живыми свидетелями идеи духовности,, проносился— по вол Моисея—огонь с небес и гремели страшные грозы. Все соединилось против них: не только Моавитяне, Филистимляне, Амаликитяне и все народности Палестины, но сами иудеи со своими страстями и слабостями. Книга его перестала быть понятной для духовенства, Ковчег был захвачен врагами, а Народ сотни раз был уже готов забыть свою идею.

Почему же идея Моисея осталась живой, не смотря ни на что, почему сохранялась она запечатленная огненными буквами на челе и в сердце Израиля? В чем тайна этой исключительной устойчивости, этой неизменной верности, несмотря на все невзгоды бурной истории,

наполненной катастрофами—верности, которая придает Израилю его единственный лик среди других народов?

Чудо это совершено пророками и той эзотерической школой, которая воспитывала пророков. Со времен Моисея и до самого уничтожения иудейского царства, Израиль всегда, во все эпохи своей истории, имел своих пророков (Nabi), передававших устный предания друг другу. Но самый институт пророков появляется в первый раз в организованной форм при Самуил.

Самуил основал братства, эти школы пророков, которые возникали перед лицом зарождающегося царства и уже склоняющегося к упадку священства. Он сделал из них суровых охранителей эзотерического предаНия и всемирной религиозной идеи Моисея от притязаний царей, для которых первенствующее значете получила политическая идея и национальная цель.

В этих братствах действительно сохранились остатки науки Моисея, священная музыка с её могучим ритмом, оккультная медицина и, наконец, искусство прорицания, которое у великих пророков достигло такой высоты и мощи.

Дар прорицания существовал под самыми разнообразными формами у всех народов древнего цикла, но нигде не достигал он такой власти над духом, как в Монотеизм Израиля. Пророчества, объясняемые теологами как непосредственное общение с личным Богом, отрицаемые натуралистической философией как чистое суеверие, в действительности—ни что иное, как выражение мировых законов божественного Разума.

«Общие истины, управляющие миром,—говорить Эвальде в своей прекрасной книг о пророках», иными словами мысли Божия—неизменны и совершенно независимы от колебаний материальной жизни, от воли и деятельности человека. Человек призван участвовать в них, понимать их и воплощать в своей жизни. И только благодаря этому сможет он достигнуть своего истинного назначения.

Но, чтобы Глагол Духа мог проникнуть в человека, облеченного плотью, необходимо, чтобы он был потрясен до глубины великими историческими переворотами. Только при таком условии вечная истина прорывается наружу, подобно вспыхивающему свету. Вот почему в Ветхом Завете так часто упоминается, что Иегова—Бог живой.

Когда человек внимает божественному призванию, в нем возникает новая жизнь, в которой он не чувствует себя более одиноким, ибо он соединился с Богом и с правдой Его. В этой новой жизни его мысль отождествляется с мировой волей. Он обладает ясновидением настоящего и полнотой веры в конечное торжерство божественной Истины. Так чувствует пророк, тот, кого неудержимо влечет проявить себя перед людьми как посланника Божьего. Ею мысль становится видгьтем, и эта высшая сила, властно вырывающая истину из его души, разбивая иногда самую душу, и есть дар пророчества. Пророчества появлялись в истории как вспышки молнии, внезапно освещавшие истину.

Вот источник, из которого гиганты, подобные Илии, Иезекиилу и Иеремии, черпали свою силу. В глубине своих пещер и во дворцах царей они были истинными стражниками Вечного. Часто они предсказывали с полной точностью смерть царей, падете царств, кару Израиля. Но иногда, хотя и зажженный от света божественной Истины, пророческий факел колебался и тускнел в их руках, благодаря дуновению народных страстей. Но никогда они не ошибались относительно нравственных истин или истинного призвания Израиля, относительно конечного торжества справедливости в жизни всею человечества.

Как истинные «посвященные», они проповедывали недостаточность одного внешнего культа и требовали уничтожения кровавых жертв, очищения души и милосердия. Дивной красоты достигают их видения, когда они говорят о конечной побед единобожия, о его освобождающей и примиряющей роли для всех народов.

Никакие страшные бедствия, вплоть до нашествия иноплеменных и массового пленения Вавилонского, не могли поколебать в них эту веру. После слушайте Исаию во время вторжения Сенахерима: «Возвеселитесь с Иерусалимом и радуйтесь о нем, все любящие егои Возрадуйтесь с ним радостью, вей сетовавшие о нем, ибо так говорить Господь: вот, Я направлю к нему мир как реку, и богатство народов, как разливающийся поток, для наслаждения вашего; на руках будут носить вас и на коленях ласкать. Как утешает кого либо мать его, так утешу Я вас, и будете утешены в Иерусалим... Ибо Я знаю деяния их и мысли их; и вот, приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою» .

Только в наши времена—пред гробницей Христа—эти видения начинают осуществляться; но кто может отрицать их пророческую правду, вдумываясь в ту роль, которую Израиль сыграл на сцене мировой истории?

Не менее чем вира в будущую славу Иерусалима, в его нравственное величие и в его религиозную всемирность, непоколебима у пророков и вера в Спасителя или Мессию, все пророки говорят о Нем. Исаия видит Его особенно ясно и так рисует его своим смелым языком: «И произойдет отрасль от корня Иессеева и ветвь произрастет от корня его; и почют на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом Господним исполнится, и будет судить не по взгляду очей Своих и не по слуху ушей Своих решать дела. Он будет судить бедных по правде и дела страдальцев земли— решать по истине; жезлом уст Своих поразить землю, и духом уст Своих убьет нечестивого» .

При этом видении мрачная душа пророка утихает, подобно небу, освободившемуся от грозовых туч, и подлинный образ Галилеянина возникает перед его внутренним взором: «Он взошел перед Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли;

нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лицо свое; Он был презираем, и мы ни во что ставили Его. Но Он взял на себя наши немощи и понес наши болезни, а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказание мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились... Он истязуем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца веден был на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих» .

В течете восьми веков, вызванный вдохновенным словом пророков, образ Мессии носился над Израилем во все времена его многострадальной истории, то как страшный мститель, то как ангел милосердия.

Взлелеенная под игом ассирийским и в вавилонском плену, расцветшая под пердсидским владычеством, идея Мессии выросла еще сильнее под управлением Селевкидов и Маккавеев. Когда настало римское владычество и царство Ирода, Месем жил во всех сердцах.

Если великие пророки предвидели в нем праведника, мученика и Истинного Сына Божьего, народ, верный духу иудейскому, представлял его не иначе, как Давидом или Соломоном, или даже новым Маккевеем. Но кто бы Он ни был, этот восстановитель Израиля, все в Него верили, все Его ждали и всё призывали Его. Такова действительная сила пророчества.

Как римская история—путем неумолимой логики судьбы—привела к цезаризму, так и история Израиля—путем божественной логики Провидения, выразившейся в его представителях пророках—привела свободно к Христу. Зло предназначено роковым образом к самоотрицанию и разрушению, ибо оно—ложь; добро же, несмотря на set препятствия, зарождает свет и гармонию в грядущем, ибо оно—плод Истины.

Из всего своего торжества Рим извлек один цезаризм; во время своих страданий Израиль зачал Мессию, оправдывая тем слова поэта: «Из собственного своего крушения, Надежда творит предмет своего созерцания!».

Смутное ожидание повисло над народами. В чрезмерности своих страданий все человечество предчувствовало появление Спасителя.

В течение веков слагались мифы о Божественном Младенце. В храмах говорили о Нем таинственным шепотом, астрологи вычисляли время Его появления; сивиллы пророчили в исступленном бреду гибель языческих богов. Посвященные утверждали, что придет время, когда миром будет править Сын Божий . Земля ожидала Духовного Царя, понятного для страдающих, смиренных и бедных.

Поэт Эсхил, сын элевзинского жреца, едва не был убит Афинянами, когда решился вложить в уста своего Прометея, что царству ЗевесаСудьбы наступить конец. А четыре века позднее, под сенью трона римского Августа, кроткий Виргилий предсказывал новую эру и воспевал свою мечту о Божественном Младенце: «Уже подходят последние времена, предсказанные сивиллой из Кума, великий ряд истощенных столетий возникает снова; уже возвращается Дева и с нею царство Сатурна; уже с высоты небес спускается новая раса.—Возьми, о целомудренная Люцина, под свой покров это Диния, рождение которого должно изгнать железный век и вернуть для всего Мира век золотой; уже царству ет твой брат Аполлон. —

Смотри, как колеблется на своей оси потрясенной весь мир; смотри, как земля и моря во всей их необъятности, и небо с своим глубоким сводом, и вся природа дрожат в надежде на грядущий век!» .

Но где же появится этот Младенец? Из какой высшей области сойдет к нам его душа? Какая молния любви сведет ее к нам на землю? Каким чудом чистоты, каким непостижимым напряжением энергии сохранит она воспоминание о покинутых небесах? Каким неизмеримым усилием сможет Его душа из глубины своего земного сознания воспрянуть обратно к небесам и увлечь за собой все человечество?

Никто не мог бы ответить на это, но все ожидали Мессию. Ирод Великий, покровительствуемый цезарем Августом, лежал в агонии в своем дворце у Ерихона; кончалось его кровавое царствование, покрывшее иудею великолепными дворцами и человеческими гекатомбами. Он умирал от ужасной болезни, ненавидимый всеми;

его грызли ярость и раскаяние, его преследовали призраки бесчисленных жертв, в толп кеторых появлялась и благородная Марианна из рода Маккавеев, невинная жена его, и три собственных сына. И жены, и телохранители, всё покинули его, кроме его злого гения—сестры Саломии, подстрекавшей его

к самым черным преступлениям. В золотой диадеме, вся сверкающая драгоценными каменьями, вызывающая и надменная, она следила за последним вздохом, чтобы захватить власть в свои руки.

Так умер последний царь иудейский. В это же время появился на земл будущий духовный Вождь человечества . А посвященные Израиля—их было немного—в тишине и неизвестности подготовляли его наступавшее царство.

глава II. Марип.—Первое развиле Иисуса.

Иисус родился, по всей вероятности, в Назарет . В этом забытом уголке Галилеи протекало его детство и совершилось величайшее таинство христианства: расцвет души Христа. Он был сыном Мириам, называемой нами Марией, жены плотника Иосифа, галилеянки из благородного рода, присоединенной к секте Ессеев.

Легенда окружает рождение Христа целой тканью чудес. Если в легенд встречаются порой и суеверия, она же покрывает собой психические истины, малоизвестный людям потому, что он превышают уровень обычного понимания. Из всей легендарной истории Март можно вывести тот факт, что Иисус, еще до рождения был посвящен в пророки глубоким желанием своей матери.

То же явление упоминается в связи со многими героями и пророками Ветхого Завета. Сыновья, посвящаемые таким образом своими матерями, назывались Назорелми. Любопытна в этом отношении история Самсона и Самуила. Ангел возвещает матери Самсона, что она «зачнет и родит сына и бритва не коснется головы его, потому что от самого чрева младенец сей будет назорей Божий и он начнет спасать народ Израиля от руки Филистимляне» .

Мать Самуила вымолила сама свое дитя у Бога. Анна, жена Елкана, была бесплодна и дала обет, говоря: Господь Саваоф! Если Ты призришь на скорбь рабы Твоей и вспомнишь обо мне и дашь рабе Твоей дитя мужеского пола, то отдам его Господу в дар на все дни жизни его... и бритва не коснется головы его... И познал Елкана Анну, жену свою, и вспомнил о ней Господь. Через несколько времени зачала Анна и родила сына и дала ему имя Самуил, ибо, говорила она, от Господа я испросила его» .

Принимая в соображение древние семитические корни, Самуил означает: Внутреннее Сияние Бога. Мать, чувствуя себя как бы озаренной возникавшей внутри её жизнью, видела в ней Сущность Самою Бога.

Эти места чрезвычайно важны: они дают нам проникнуть в эзотерическое предание, никогда не умиравшее у Израиля, а через него и в истинный смысл сказания о рождент Христа. Елкана, муж по плоти—действительный отец Самуила, но по духу, Самуиле— подлинный сын Божий. Здесь образный язык иудейского монотеизма прикрывает собою учение о предсуществовании души. Женщина, посвященная в мистерии, взывает к высшей душ, умоляя ее вселиться в её плоть, чтобы в мире мог появиться пророк.

Это учете, тщательно прикрытое у евреев, совершенно отсутствующее в их официальном культ, составляло часть тайного предания посвященных. Оно сквозит в книгах пророков. Пр. Иеремия выражает его в таких словах: «И было ко мне слово Господне: прежде, нежели Я образовал тебя во чрев, Я познал тебя, и прежде, нежели ты вышел из утробы, я освятил тебя:

пророком для народов поставил тебя» .

Позднее Христос сказал фарисеям: «истинно, истинно говорю вам: прежде нежели был Авраам, Я есмь» .

Каким образом все это относится к Марии, матери Иисуса? По видимому, первые христианские общины считали Иисуса сыном Март и Иосифа, что можно заключить из того, что апостол Матвей дает генеалогическое дерево Иосифа, чтобы доказать происхождение Иисуса от царя Давида.

Как у некоторых агностиков, так и в первых христианских общинах, Иисуса считали сыном Божьим в том же смысле, как и Самуила. Позднее легенда, стремившаяся доказать сверх естественное происхождение Христа, набросила на его рождение свой покров, сотканный из небесной лазури: историю Иосифа и Март, Благовещение, вплоть до детства Март в храм .

Если отделить эзотерический смысл от иудейского предания и от христианской легенды, можно придти к следующему: воздействие духовного Мира, которое участвует при рождении каждого человека, проявляется наиболее могущественно и осязаемо при рождении великого гения, появление которого совсем нельзя объяснить законом наследственности.

Это воздействие духовного Мира достигает наибольшей силы, когда дело идет об одном из тех божественных пророков,

появление которых изменяет всю судьбу Мира. Душа, избранная для божественной миссии, приходить из Мира божественного; она появляется свободно и сознательно; но, чтобы ей возможно было действовать в земной жизни, необходим избранный сосуд, необходим призыв матери высокой чистоты, которая всем настроением своего нравственного существа и всей жаждой своей души предчувствует, притягиваете воплощает в свою плоть и кровь душу Искупителя, действующего в Мирþ человеческом как истинный Сын Божий.

Таков глубокий смысл, затаенный в древней идее о материдевственниц. Индусский гений выразил его в легенде о Кришн. Евангелия Матфея и Луки передают его с простотою и поэзией еще более возвышенной.

«Для души, сходящей с неба, рождение есть смерть», сказал Эмпедокл за 500 лет до Рождества Христова. Как бы божествен ни был дух, раз он воплотился, он потеряет на время всякое воспоминание о своем прошлом; раз колесо телесной жизни захватило его, развитие его земного сознания совершается по законам того Мира, в котором он воплотился. Он подчиняется сиггё элементов и чем выше его происхождение, тем более требуется усилий, чтобы восстановить свои небесные свойства и познать свою высокую миссию.

Души глубокие и нежные нуждаются в тишине, чтобы развернулись все их скрытые силы. Иисус вырастал в мирном покое Галилеи. Его первые впечатления были тихие, строгие и ясные. Родная долина, притаившаяся в горах, цвела идеальной красотой. Назарет почти не изменился с течением веков . Его дома, врезанные в скалы, белеют среди зелени гранатовых и фиговых деревьев и виноградников, между которыми перелетают стаи голубей. Чистый воздух гор обвевает эту тихую долину, полную свежести и зелени; с возвышенности открывается свободный и светлый горизонт Галилеи.

В этой раме совершалась жизнь патриархальной семьи, строгая, степенная, проникнутая набожностью. Сила еврейского воспитания заключалась во все времена в единстве закона и веры, а также в строгой организации семьи, подчинявшейся национальной и религиозной идеи. Отчий дом был для детства Христа подобием храма.

Вместо смеющихся фресок с фавнами и нимфами, украшавших атриумы греческих домов, какие можно было встретить в Тивериад, в еврейских домах—над дверями и по стенам—развертывались в строгих линиях начертанные халдейскими письменами изречения из пророков и из закона Моисеева. Но союз между отцом и матерью согревал и освещал эту суровую обстановку светом духовного единения.

Там Иисус воспринял свое первое обучение, там из уст отца и матери Он впервые узнал Священное Писание. С самого начала Его жизни, таинственная многовековая судьба народа Божия развернулась перед Его очами; Он знакомился с ней благодаря периодическим праздникам, торжественно справляемым семьей посредством молитв, пения и чтения Св. Писания. В праздник Скинии строился

шалаш из веток мирты и оливы на дворе или на крыши» дома, в воспоминание тех незапамятных веков, когда патриархи кочевали со своими стадами. Зажигали подсвечник о семи свечах, развертывали папирусные свитки и принимались за чтение священных истории.

Детская душа чувствовала присутствие Вечного не только в усеянных звездами небесах, но и в этом семисвечник, отражавшем Его славу, и в речах отца, и в молчаливой любви матери.

Так убаюкивали детство Иисуса великие дни Израиля, дни радости и скорби, торжества и изгнания, бесчисленных бедствий и вечной надежды. На вопрос ребенка—пламенный и настойчивый—отец молчал. Но мать, когда её глубокие глаза, в которых святилась высокая мечта, встречались с Его вопросительным взглядом, говорила Ему: «Слово Божие сохраняется у Его пророков. Когда-нибудь мудрые Ессеи, пустынники горы Кармель и Мертвого моря, ответят тебе».

Нетрудно представить себе ребенка Иисуса среди сверстников, и то необыкновенное влияние, которое он имел на них и которое дается преждевременным разумом, соединенным с чувством справедливости и активной доброты. Или в синагог, где Он прислушивался к прениям книжников и фарисеев, и где позднее сам упражнялся в своей могучей диалектик. Его с юных лет отталкивала сухость этих законников, которые до того погружались в букву, что изгоняли из неё все духовное содержание.

Рядом с этим, Ему приходилось прикасаться и к язычеству и познавать его характер во время посещения богатого Сепфориса, резиденции Антипы, главного города Галилеи, над которыми возвышался Акрополь, охраняемый наемниками Ирода, Галлами, Фракийцами и варварами из всех стран. Весьма возможно, что во время одного из тех путешествии, которые были в обычай у еврейских семей, Ему приходилось бывать и в одном из прибрежных финикийских городов, которые в т времена представляли из себя настоящие человеческие муравейники. Он мог издали видеть их храмы с приземистыми колоннами, окруженные темными рощами, из которых доносились плачевные звуки флейт, сопровождавших пение жриц Астарты. Их страстные звуки, острые как страдание, должны были вызывать в Его изумленном сердце содрагание жалости и тоски. Поели этих впечатлений Он должен был возвращаться в свои тихие горы с чувством облегчения. Поднимаясь на скалу Назарета и вопрошая обширный горизонт Галилеи и Самарии, Он видел Кармель, бавор и горы Сихема, этих древних свидетелей патриархов и пророков. Возвышенности развертывались перед взорами закругленным амфитеатром, поднимаясь над горизонтом подобно смелым алтарям, ожидающим жертвенного огня и фимиама.

Но как ни могущественно ложились впечатления окружающего мира на душу Иисуса, они бледнели перед высшей истиной его внутреннего мира. Эта ис7ина раскрывалась внутри Его души подобно светозарному цветку, освещавшему Его внутренний мир, когда Он оставался один и внутренне сосредоточивался. И тогда люди и вещи, близкие и отдаленные, являлись перед Ним как бы прозрачными, как бы раскрытыми в своей интимной сущности. Он читал мысли, он видел души человеческие. Затем он различал в своем воспоминании, как бы через легкий покров, божественнопрекрасные и сияющие существа, склоненные над Ним или собравшиеся для поклонения духовному Свету, ослепительному по своей сил. Чудные видения преследовали Его во сне и становились между Ним и земной реальностью, вызывая в Нем настоящую двойственность сознания. На вершин этих экстазов, которые поднимали Его все выше и выше, Он испытывал порою как бы слияние с великим Светом. Эти чудные подъемы оставляли в сердце Его невыразимую нежность и великую внутреннюю мощь. Он испытывал в такие минуты влечете ко всему живому, чувствовал себя в гармонии со всей вселенной.

Как же назвать тот таинственный Свет, который сливался с пребывавшим в глубин Его души светом, и соединял Его со всеми душами невидимыми вибрациями? Не было ли это самим Источником душ и миров?

Он назвал этот свет Отцом Небесным .

Это чувство единства с Богом в свете Любви—вот первое великое откровение Иисуса. Оно освещало всю Его жизнь и давало Ему непоколебимую уверенность. Оно сделало Его кротким и непреодолимым, оно сделало из Его мысли сверкающий щит, из Его слова—огненный меч.

Эта глубоко скрытая мистическая жизнь соединялась у юного Иисуса с полной ясностью во всех делах жизни. Лука изображает Его в возрасте двенадцати лет «преуспевающим в премудрости и возрасте и в любви у Бога и человеков» . Религиозное сознание было врожденным у Иисуса, совершенно независимым от внешнего мира, и позднее—благодаря особому посвящению и долгой внутренней работ; намеки на это встречаются в Евангелиях и в других писаниях.

Первым сильным толчком является для Иисуса его первое путешествие в Иерусалим с родителями, о котором говорить Лука. Этот город, гордость Израильтян, был в то время центром еврейских национальных стремлений. Доставшиеся на его долю страдания служили лишь к воспламенению умов. Можно сказать, что чем более умножались Иерусалимския могилы, тем более выростало надежд.

Под управлением Селевкидов и Маккавеев Иерусалим подвергался жестоким нападениям. Кровь текла потоками: римские легионы превратили улицы Иерусалима в бойню; массовые распятия на крестах оскверняли окрестные холмы, представляя чудовищные зрелища. После стольких ужасов, после всех унижений римского владычества, после разгрома синедриона и приведения роли первосвященника к роли дрожащего раба, Ирод, словно по какой то иронии, восстановил Иерусалимский храм в большем великолепии, чем он был при Соломоне.

И все же Иерусалим оставался по прежнему священным градом. Не сказал ли Исаия, которого Иисус читал преимущественно перед другими пророками, что <придут народы к свету твоему и цари—к восходящему над тобою бытию... И будешь называть стены твои спасением и ворота твои—славою» ,

Увидать Иерусалим и храм иеговы было мечтою всех евреев, в особенности с тех пор, как иудея сделалась римской провинцией. Они стекались сюда из Персии, Галилеи, Александра и Вавилона. Во время пути, в пустыне, под пальмами, осенявшими колодцы, пелись псалмы, неслись воздыхания к единому Предвечному, устремлялись взоры к вершинам Сиона.

Душу Иисуса должно было объять тягостное чувство, когда Он впервые увидал раскинувшиеся на горе подобно мрачной крепости город с его грозными стенами, когда он увидал у его входных ворот римский амфитеатр Ирода, башню Антония, господствующую над храмом и римских легионеров с пиками в руках, наблюдавших с вершины городских стен.

Он увидал великолепие его мраморных портиков, под которыми фарисеи разгуливали в роскошных одеяниях; Он прошел через двор язычников и через двор женщин; Он приблизился, вместе с толпой израильтян, к двери Никанора и к балюстрад, за которой виднелись священники в торжественных одеяниях, фиолетовых и пурпуровых, сверкающих золотом и драгоценными камнями, которые служили перед святилищем, приносили в жертву козлов или быков, окропляли народ их кровью и произносили одновременно благословения. Как мало походило это на храм Его грез, на небо Его сердечных упований...

Затем, Он спускался в народные кварталы нижнего города;

Он видел там нищих, изнуренных голодом, лица с печатью страдания, со следами пережитого во время последних войн, во время казней и распинаний. Выходя из тех или других ворот города, Он блуждал по каменистым долинам, окруженным мрачными лощинами, где находились каменоломни, рыбные садки и гробницы царей, которыми, словно могильным поясом, был окружен Иерусалим, Из скалистых пещер появлялись от времени до времени сумасшедшие, выкрикивающие проклятия против живых и мертвых.

Затем, спускаясь по широкий лесшицб к источнику силоамскому, глубокому как цистерна, Он видел у краев его желтой воды толпы прокаженных и паралитиков с страшно обезображенной кожей. Непреодолимое влечете должно было притягивать Его к ним, и глядя на них, Он должен был испивать

всю чашу их страданий. Одни просили у Него помощи, другие молчали, потеряв надежду, третьи, отупев от страданий, казалось, уже перестали сознавать что бы то ни было.

«К чему этот храм и эти священники, эти гимны и жертвоприношения—должен был думать Иисусе—если они не в состоянии облегчить хотя бы часть этих страданий?» И тогда весь этот поток человеческих слез, вся скорбь этих отверженных и этого города, этого народа и всего человечества проникли в Его сердце, и Он постиг, что должен расстаться с тем блаженством, которым не мог поделиться с другими. Эти молящие, полные отчаяния взгляды не могли уже изгладиться из Его памяти. Мрачная спутница—страдание человеческое—сопутствовала Ему и говорила; я более не покину Тебя никогда.

Он уходил полный глубокой грусти и смертельной тоски, и когда возвращался к светлым вершинам Галилеи, из глубины Его сердца вырывалась мольба: Отец Небесный!.. Я хочу знать, Я хочу исцелять, Я хочу спасать!

глава III. Ессеи.—Иоан Креститель.—Искушение.

Те знания, к которым должен был стремиться Иисус, могли быть в те времена только у Ессеев. Евангелие обходит полным молчанием жизнь Иисуса до Его встречи с Иоанном Крестителем, после которой Он как бы вступает в отправление своего высокого служения. Непосредственно после этого Он появляется в Галлиле с совершенно определенным учением, с уверенностью пророка и сознанием Мессии. Но очевидно, что этому смелому выступлению предшествовала долгая подготовка и высшее посвящение. Не менее вероятно и то, что посвящение это должно было произойти в единственном братств, которое сохраняло в те времена в стране израильской истинные эзотерические традиции и высокий уровень жизни древних пророков.

В этом не может быть никакого сомнения для тех, кто в состоянии подняться над суеверным почитанием мертвой буквы

и понять внутрений смысл события в духе и истине. Это подтверждается не только внутреннею близостью, которая существует между учением Иисуса и учением Ессеев, но и тем молчанием, которое Христос и его близкие сохраняли относительно этой секты. Почему Он , который нападает так смело и свободно на все религиозные партии своего времени, ни разу не упоминает даже имени Ессеев? Почему апостолы и евангелисты не говорят о них почти ничего? Это обстоятельство можно объяснить только тем, что они смотрели на Ессеев как на своих, что они были связаны клятвой, которая давалась при посвящении в мистерии, и что секта эта слилась с христианами.

Братство Ессеев представляло во времена Иисуса последние остатки тех школ пророков, которые были основаны Самуилом. Деспотизм палестинского правительства и ревнивая зависть честолюбивого и раболепного священства загнали их в уединенное убежище и принудили их к молчанию. Они не боролись более, как их предшественники, и довольствовались тем, что сохраняли в целости предания.

Они имели два главных центра: один в Египте, на берегу озера Маориса, другой в Палестине в Енгадди, на берегу Мертвого моря. Избранное ими для себя название Ессеев происходить от сирийского слова Asaya, что означает врачи, а по-гречески терапевты, ибо их открытая деятельность среди народа состояла в излечении физических и нравственных недугов. «Они изучали с большим старанием различные врачебные манускрипты, в которых были изложены оккультный свойства растений и минералов .

Некоторые из них обладали даром пророчества, как, напр., Менахем, который предсказал Ироду его царствование. «Они служат Богу—говорить Филоне—с великим благочестием, и не внешними жертвоприношениям, а очищениеем своего собственного духа. Они бегут из городов и прилежно

занимаются мирными искусствами. У них не существует ни одного раба, они все свободны и работают одни для друтихе» .

Правила ордена были очень строгие: чтобы вступить в него, нужно было пробыть на испытании не менее года. Если свойства ищущего оказывались подходящими, его допускали к обрядам омовения, но вступать в сношения с учителями ордена можно было лишь после нового двухлетнего испытания, после которого нового члена принимали в самое братство. Этому предшествовало произнесение «страшных клятв», которыми вступающий обязывался исполнять все постановления ордена и ничего не выдавать из его тайн.

После этого вступающий допускался к общей трапез, которая происходила с большою торжественностью и составляла внутренний культ Ессеев. Они смотрели на одежду, употреблявшуюся при этих трапезах, как на священную, и снимали ее прежде чем приняться за обыденные работы. Эти братские вечери, которые являются прообразом Тайной Вечери, основанной Иисусом, начинались и оканчивались молитвой. Тут же давались толкования священных книг Моисея и пророков. Но толкование текстов, так же как и посвящение, имело три ступени и три смысла. Очень немногие достигали высшей ступени.

Все это удивительно похожие на организацию Пифагорейского ордена , но сходство это происходить от того, что та же организация существовала и у древних пророков и везде, где происходило посвящение.

Прибавим, что Ессеи исповедывали основной догмат орфической и пифагорейской доктрины—догмат предсуществования души, в котором кроется причина её бессмертия. «Душа—говорили они,—спускающаяся из самого тончайшего эфира и притягиваемая к воплощению определенными естественными чарами, пребывает в теле как в темнице: освобожденная от цепей тела, как от долгого рабства, она улетает с радостью» (Josephe A. J. II, 8).

У Ессеев принятые братья жили в общин, пользуясь общим имуществом и сохраняя безбрачие; они избирали для места жительства уединенные местности, возделывали землю и нередко воспитывали заброшенных детей. Что касается до семейных Ессеев, они составляли нечто в роде ордена третьей степени, усыновленного первым и подчиненного ему. Они отличались своею молчаливостью, кротостью и серьезностью и занимались только мирными ремеслами:

многие из них были ткачами, плотниками, садоводами, но купцов или оружейных мастеров между ними не было никогда.

Рассеянные небольшими группами по всей Палестины, до самой горы Хорива, они находили друг у друга самое радушное гостеприимство. И мы видим Иисуса и Его учеников, переходящих из города в город, из округа в округ в полной уверенности, что они везде найдут приют.

«Ессеи,—говорит Жозеф,—отличались образцовой нравственностью: они стремились господствовать над своими страстями и сдерживать всякий порыв гнева; всегда доброжелательные и миролюбивые в своих сношениях, они вызывали полное к себе доверю. Их простое слово имело более силы, чем клятва; они так и смотрели на всякую клятву в обыденной жизни, как на греховный поступок. Они готовы были скорее вынести самые страшные муки, и притом с улыбкой на устах, чем нарушить малейшее из своих религиозных убеждений.

Равнодушный к внешнему великолепно Иерусалимского культа, далекий от жесткости саддукеев и гордости фарисеев, отталкиваемый педантизмом и сухостью синагоги, Иисус был привлечен к Ессеям внутренней близостью, естественным сродством .

Ранняя смерть Иосифа предоставила полную свободу сыну Mapin. Его братья могли продолжать дело отца и поддерживать дом. Мать согласилась на то, чтобы Он ушел неведомо для всех к Ессеям в Енгадди. Принятый как брат и приветствуемый как избранник, Он должен был оказывать непреодолимое влияние на самих учителей ордена, благодаря своему превосходству, своему пламенному милосердию и тому божественному отпечатку, который покоился на всем Его существ.

И все же от них получил Он то, что только одни Ессеи и могли дать: эзотерическое прелате пророков и отсюда—осведомленность относительно исторической и религиозной эволюции. Он сознал ту пропасть, которая разделяла официальную еврейскую доктрину от древней мудрости Посвященных, .которая была истинной материи всех религий, постоянно преследуемой «сатаной», т. е. духом зла, эгоизма, ненависти и отрицания, соединенным с политическим абсолютизмом и с церковным лицемерием. Он узнал, что Книга быт|я под своим символизмом заключает теогонию и космогонию,

столь же далекую от своего буквального смысла, как далека самая глубокая из наук от детских сказок. Он увидал в Днях Творения вечное творчество путем эманации элементов и образования миров; Он . созерцал происхождение душ и их возврат к Богу путем постоянно совершенствующихся существовали или «поколений Адама»; Он был поражен величием мысли Моисея, который стремился подготовить религиозное единство всех народов, создавая культ единого Бога и воплощая эту идею в Израиль.

Там же Он должен был узнать учение о божественном Глаголе, которое в Индии провозглашалось Кришной, в Египте— жрецами Озириса, в Греции—Орфеем и Пифагором и которое было известно среди пророков под именем Mucmepuu Сына Человеческого и Сына Божъего.

По этому учению наивысшее проявление Бога есть человек, который по своему строение, по своей форм, по своим органам, по своему разуму, есть образ и подобие Бога, свойствами которого он обладает. Но в земной эволюции человечества Бог как бы рассеян и раздроблен во множестве человеков и в несовершенств человеческом. Он страдает, Он ищет Себя, Он борется внутри человека; Он —Сын Человеческий. Совершенный человек, являющийся наиболее высокой мыслью Бога, остается скрытым в бесконечной глубине Его желания и Его силы.

Но в известные эпохи, когда человечество подходить к бездн и его необходимо спасти и дать ему толчек, чтобы возвести его на новую ступень, Избранник отождествляется с Богом, притягивая Его к себе силою, мудростью и любовью, чтобы проявить Его снова в сознании людей. И тогда божественная природа, проникшая в него силою Духа, воплощается в нем: Сын Человеческий становится Сыном Божиим и Его живым Глаголом.

В другие века и у других народов уже появлялись Сыны Божии, но в Израиле со времен Моисея было лишь ожидание, поддерживаемое пророками, грядущего Месии. Ясновидцы говорили, что на этот раз Он будет именоваться Сыном Жены, небесной Изиды, которая считалась Супругой Господа, ибо свет Любви будет сиять в Нем с такою силою, какой земля на знала до Него.

Эти тайны, раскрываемые патриархом Ессеев перед молодым Галилеянином на пустынном берегу Мертвого моря, в нерушимом уединении Енгадди, казались Ему одновременно и чудесными, и знакомыми. Его должно было охватывать особое волнение, когда глава Ордена объяснял Ему слова, который находятся и поныне в книги

Еноха: «От начала Сын Человеческий был в тайн. Всевышний хранил его у Себя и проявлял Ею своим избранным.. Но владыки земные испугаются и упадут ниц, и ужас обуяет их, когда они увидят Сына Жены сидящим на престоле Славы... И тогда Избранник призовет всё силы неба, всех святых свыше и могущество Божие. И тогда все Херувимы и все ангелы Силы, и все ангелы Господа, т. е. Избранника, и другой силы., которая служить на землее и поверх вод, поднимут свои голоса.

При этих откровениях, слова пророка загорались новым светом в луше Иисуса, подобно молши, сверкающей в темную ночь. Кто же был этот Избранник и когда появится Он среди Израиля?

Иисус прожил несколько лет у Ессеев. Он подчинялся их дисциплина, Он изучал вместе с ними тайны природы и упражнялся в оккультной терапевтик. Он победил свою земную природу и овладел своим высшим сознанием. Изо дня в день размышлял Он над судьбами человеческими и углублялся в самого себя. Важнейшим моментом Его пребывания у Ессеев была та знаменательная для всего братства ночь, когда Он в глубочайшей тайне принял высшее посвящение четвертой ступени—то, которое давалось

только в случай высокой пророческой миссии, добровольно принимаемой на себя Посвященным и утверждаемой Старейшинами.

Собрате происходило в пещер, высеченной внутри горы на подобие обширного зала, имевшего алтарь и сиденья из камня. Лишь глава Ордена и его Старейшины, да иногда две или три посвященные пророчицы могли присутствовать при таинственной церемонии. Неся в руках факелы и пальмы, облаченные в белые льняные одежды, пророчицы приветствовали нового Посвященного как «Супруга и Царя», которого они предчувствовали и которого вероятно видят в последний раз... Затем глава Ордена, обыкновенно столетний старец (по утверждению Жозефа, Ессеи жили чрезвычайно долго), подавал ему золотую чашу—символ высшего посвящения, которая заключала в себе вино из виноградника Господня—символ божественного вдохновения.

Есть указания, что Моисей пил из такой чаши вместе с семьюдесятью Старейшинами, а еще ранее—Авраам, получивший от Мелхиседека такое же посвящена под видом хлеба и вина . Никогда Старейший не вручал чашу человеку, который не владел ясными признаками пророческой миссии. Но самую миссию определить мог лишь сам пророк; он должен был найти ее внутри себя, ибо таков закон посвящена: ничего извне, все изнутри.

С этого момента Иисус становится свободным, полным господином над своей жизнью, независимым от ордена; отныне сам иерофант, Он был предоставлен воздействию Духа, который мог низвергнуть Его в бездну или поднять на вершину, недосягаемую для страдающего и греховного человечества.

Когда после пения гимнов, после молитв и торжественных слов Старейшего, Иисус Назорей принял чашу, бледный луч зари, проникали через отверстие горы, скользнул по факелам и по длинным белым одеждам ессейских пророчиц; оне содрогнулись, увидев освещенного этим лучом бледного Галилеянина, ибо великая грусть появилась на прекрасном лице Его. Не воскресло ли в Нем воспоминание о Силоам, и сквозь эту великую грусть не увидал ли Он лежавший перед ним путь?

В это же время Иоанн Креститель проповедывал на берегу Иордана; он не принадлежал к Ессеям, он был народным пророком, из крепкого племени иуды. Гонимый в пустыню суровым благочестием, он вел там жизнь, полную лишении, в постоянных молитвах, в посте и изнурении. Поверх обнаженного тела, сожженного силнцем, он носил вместо власяницы одежду из верблюжьей шерсти, как знак покаяния его самого и его народа, ибо он глубоко чувствовал бедствия Израиля и не переставал ожидать его освобождена. Он думал, следуя верованию иудейскому, что Месоя появится скоро, как мститель и исполнитель правосудия, и, подобно Маккавею, поднимет народ, прогонит римлян и покарает всех виновных, а затем, торжественно вступив в Иерусалим, восстановит царство Израильское в мире и справедливости и вознесет его выше всех народов земли.

Он проповедывал народу скорое появление Мессии и увещевал, что нужно подготовиться к Его появлению раскаянием и очищением сердца. Приняв от Ессеев обычай священных омовений и преобразовав его по своему, он придавал крещению в Иордане значению видимого символа, как бы всенародное совершение внутреннего очищения, которое он требовал от людей. Эта новая церемония, эта

пламенная проповедь перед толпами народа в величавой раме пустыни, перед священными водами Иордана, между строгими горными хребтами иудеи и Персии, сильно действовала на воображение и привлекала множество людей. Она напоминала славные дни древних пророков; она давала народу то, чего он не находил в храм: внутренний толчек и, вслед за страхом раскаяния, веяние надежды, смутной и чудесной.

К Иоанну Крестителю сбегались со всех концов Палестины и даже из еще более отдаленных стран, чтобы послушать святого пустынника, который предвещал Мессию. Народ, привлеченный его словом оставался у берегов Иордана целыми неделями, разбив близ реки целый лагерь и не желая уходить вдаль, чтобы не пропустить появления Мессия. Многие предлагали взяться за оружие, чтобы под его предводительством начать священную войну. Ирод Антипа и священники Иерусалима начинали уже тревожиться этим народным движением. Кроме того, признаки времен были угрожающие. Тиверий,

достигший семидесяти четырех лет, заканчивал свою жизнь, предаваясь распутным пирам в Капреи; Понтий Пилат удваивал свою строгость против евреев; В Египте жрецы провозглашали, что феникс готовится восстать из пепла.

Иисус, который чувствовал, как внутри Его растет пророческое призвание, но который все еще искал своих путей, пришел в свою очередь в пустыню Иордана с несколькими братьями Ессеями, которые уже тогда следовали за Ним как за Учителем. Он хотел видеть Крестителя, услышать его проповедь и подвергнуться всенародному крещению. Он желал проявить смирение и отдать дань уважения пророку, который осмелился возвысить голос против представителей власти и разбудить из летаргии душу Израиля.

Он увидал сурового аскета с львиной головой духовидца, стоящего перед деревянным престолом, под грубым навесом, покрытым ветвями и козьими шкурами. Вокруг него, среди тощего кустарника пустыни, огромная толпа, целый раскинутый лагерь: Мытари, солдаты Ирода, Самаритяне, Иерусалимские Левиты, Идумейцы со своими стадами овец и даже. Арабы, остановившиеся там же со своими верблюдами, палатками и караванами, привлеченные «гласом вопиющего в пустыне». И его гремящий голос проносился над толпой:

«Кайтесь, приготовьте пути Господу, прямыми сделайте стези Ему».

Он называл фарисеев и саддукеев порождениями ехидны. Он утверждал, что «уже и секира при корне дереве лежит» и говорил о Мессии: «я крещу вас водою, а Он будет крестить вас огнеме».

К вечеру, когда солнце склонялось к закату, Иисус видел, как вся эта толпа теснилась к небольшому заливу Иордана, и видел как Иродовы наемники и даже разбойники склоняли свои могучие спины под струями воды, которыми их поливал Креститель.

Иисус приблизился к пророку. Иоанн не имел понял об Иисус, но он узнал Ессея по Его льняным одеждам. Он увидал Его среди толпы, спускающегося в воду по пояс и смиренно склоняющего голову, чтобы принять окропление водой. Когда получивший крещение поднял голову, могучий взгляд Крестителя встретился со взглядом Галилеянина. Пророк пустыни задрожал под лучом дивной кротости этого взгляда и невольно у него вырвался вопрос:

«не Ты ли Мессия?. Таинственный Ессей не отвечал ничего, но склонив голову и скрестив руки, просил у Иоанна благословения. Креститель должен был знать, что молчание было в обычай у Ессейских посвященных и он торжественно протянул над Иисусом o6t руки. После этого Иисус удалился со своими спутниками.

Креститель следил за ним взором, в котором смешивались сомнение, скрытая радость и глубокая печаль. Что значить все его вдохновение и пророческая сила перед сияющим светом, который исходил из глаз Незнакомца и осветил до глубины все его существо? О, если бы молодой и прекрасный Галилеянин был ожидаемым Мессией, какая радость спустилась бы в сердце его. Тогда дело его жизни было бы закончено и голос его мог бы умолкнуть. С этого дня он проповедывал с скрытым волнением о том, что «Ему нужно расти, а мне умаляться». Он вероятно испытывал утомление и печаль старого льва; ложащегося в молчании в ожидании смерти.

«Не Мессия ли Ты?» Этот вопрос Крестителя раздавался в душе Иисуса. С самого начала своей сознательной жизни, Он нашел Бога в себе, и уверенность в царстве небесном освещала сияющей красотой Его внутренние видения.

Позднее, человеческое страдание пронзило Его сердце. Мудрецы ессейские открыли Ему тайну религии и науку Мистерии; они указали Ему на духовное падете человечества и на ожидание Спасителя. Но где та сила, которая могла бы вынести страдающее человечество из темной бездны? Прямой вопрос Иоанна Крестителя проник в тишину Его глубоких дум, подобно синайской молнии. Не Мессия ли Он ?

Иисус мог ответить на этот вопрос только после глубокого сосредоточения в тишине своего собственного духа. Отсюда потребность в уединении, тот сорокадневный пост, который Матвей изображает в форме символической легенды. Искушение является в жизни Иисуса поистине великим кризисом и тем верховным прозрением в истину, через которое неминуемо проходят все пророки, все основатели религии перед началом своего великого дела.

Выше Енгадди, там, где Ессеи разрабатывали кунжут и виноградники, крутая тропинка вела в пещеру, скрытую в гор. В нее входили мимо двух дорических колонн, вырезанных в скал, подобных тем, которые находились в иосафатовой долин, в Убежищ Апостолов. Там, в этом грот, человек как бы висел над пропастью, словно в орлином гнезде. В глубине видимого оттуда ущелье находились виноградники и жилища людей; далее Мертвое море, неподвижное и серое, и печальные горы Маовитские. Ессеи пользовались этим уединенным местом для тех из своих братьев, которые хотели подвергнуться испытанию одиночеством. В гроте этом находились свитки с изречениями пророков, укрепляющие благовонные вещества, сухие фиги и пробивающаяся из расселины скалы тонкая струя воды, единственное подкрепление аскета во время медитации. Иисус удалился туда.

Прежде всего Он обозрел в пухе все прошлое человечества. Он взвесил важность наступившего часа. Рим являлся его выразителем: он представлял собою то, что персидские маги называли царством Аримана, а пророки—царством сатаны, печатью зверя, апофеозом зла. Мрак поглотил человечество. Народ израильский получил от Моисея священную миссию—сохранить для мира религию Отца, чистого Духа, передавать ее другим народам и стремиться к её торжеству. Удалось ли его царям и его священникам выполнить эту миссию?

Пророки, которые одни сознавали священную миссию своего народа, отвечали единодушно: нет Израиль погибал медленной смертью в крепких объятиях Рима.

Следовало ли в сотый раз рискнуть поднять народ, как о том еще мечтали фарисеи, и силою восстановить временное царство Израиля? Следовало ли объявить себя сыном Давидовым и воскликнуть вместе с Исаией: «Я растопчу народы во гневе моем, Я напою их моим негодованием, я опрокину их силою на землю». Следовало ли стать новым Маккавеем и объявить себя Царем Первосвященником?

Иисус мог рискнуть на это. Он видел, как толпы были готовы подняться по велению Иоанна Крестителя, а сила, которую Он чувствовал внутри себя, была неизмеримо большей силой. Но можно ли насилие побуждать насилием? Может ли меч положить конец царству меча? Не значило ли это вызвать к жизни новые темные силы?

Не лучше ли было раскрыть для всех ту истину, которая до тех пор оставалась достоянием нескольких святилищ и небольшого числа посвященных? Не следовало ли подействовать на сердца людей в ожидании того времени, когда путем высшего знания и внутреннего откровения истина проникнет в сознание людей? Не следовало ли проповедывать Царство Небесное смиренным и простым, не следовало ли заменить Царство Закона царством Благодати, преобразить человечество изнутри, возродить его душевную жизнь?

Но за кем останется победа? За сатаной или за Богом? За духом зла, который царствует вместе с сильными Мира сего, или за божественным духом, господствующих в невидимых высших мирах и скрытым в сердце, каждого человека, подобно искре внутри камня? Но какова будет участь пророка, который решится разорвать завесу храма, чтобы разоблачить пустоту Святилища, который осмелится оказать неуважение одновременно и Ироду, и Цезарю?

Но время настало! Внутренний голос не говорил Ему, как пророку Исаи: «возьми большую книгу и пиши на ней пером человеческим». Голос Вечного взывал к Нему: «восстань и говори». Необходимо было найти живой глагол, веру, которая двигает горами; силу, которая разбивает неприступные крепости.

Иисус пламенно молился. Во время этой молитвы какое-то беспокойство, какая-то растущая тревога стала овладевать Им. Он начинал терять чудную радость обретенной силы, и душа Его начинала погружаться в темную бездну. Черное облако окутало Его.

Это облако было чревато всевозможными тенями: Он узнавал в них образы своих братьев, своих учителей Ессеев, своей Матери. Тени эти одна за другой говорили Ему: «Ты хочешь невозможного! Ты не знаешь, что ожидает Твое безумие и Откажись. Но непреодолимый внутренний голос возражал: «Это неизбежно». Он боролся таким образом в течете нескольких дней и ночей, то прислонись к стене, то стоя на коленях, то распростертый ниц. И все глубже раскрывалась перед Ним бездна, и все чернее становилось окружавшее его облако. Он словно приближался к чему-то страшному и невыразимому.

Затем Он впал в тот ясновидяще экстаз, когда глубоко скрытое высшее сознание пробуждается, вступает в общение с живым духом всех вещей и отбрасывает на прозрачный ткани сновидения образы прошедшего и будущего. Внешний мир исчезает, глаза закрываются. Ясновидец созерцает Истину в лучах того Света, который затопляет все Его существо, образуя из Его сознания пламенеющее средоточие этого Света.

Загремел гром, гора задрожала до самого основания; внезапный вихрь поднял Ясновидца на вершину Иерусалимского храма. Крыши и башни города сверкали в воздух, словно лес из золота и серебра. Священные гимны доносились из Святая Святых храмов. Волны фимиама поднимались со всех алтарей и неслись к ногам Иисуса. Народ в праздничных одеждах наполнял портики. Прекрасные женщины пели для Него гимны пламенного обожания. Трубы звучали, и сто тысяч голосов восклицали: «Слава Царю Израилеву!»

— Ты будешь этим царем, если поклонешься мне,—раздался голос.

— Кто ты? спросил Иисус.

И снова поднялся вихрь и понес Его через пространство на вершину горы. У Его ног развернулись царства земли, освещенные золотистым Сиянием.

— Я— царь духов и князь земли—доносился голос снизу.

— Я знаю, кто ты,—сказал Иисус.—Ты появляешься под бесчисленными видами и имя твое—сатана. Появись в своем земном образы.—

Видьте коронованного властителя появилось на трон из облаков. Бледное сияние окружало его царственную голову. Темный образ вырисовывался на кровавом сиянии, лик его был бледен и взгляд его был как сверкание меча. Он сказал: «Я—Цезарь, склонись передо мной, я дам Тебе все царства земли», Иисус отвечал:

— Назад, искуситель! Ибо написано: «Ты будешь поклоняться лишь Вечному, лишь Богу Твоему». И немедленно видите исчезло.

Очутившись снова в одиночества, в пещера Енгадди, Иисус вопросил:

— Каким знаменьем одержу я победу над владыками земли?

— Знаменьем Сына Человеческого,—произнес голос сверху. И вслед за тем блестящее созвездие появилось на горизонте;

оно состояло из четырех светил в форм Креста. Галилеянин узнал знак древних посвящений, употреблявшийся в египте и сохраненный Ессеями. На заре человечества сыновья иафета поклонялись ему, как символу земного и небесного огня, как знаменью Жизни со всеми её радостями и Любви со всеми её чудесами. Позднее посвященные Египта видели в нем символ великой мистерии, Троицы, сливающейся в Единстве, образ жертвы Неисповедимого, который раздробляется, чтобы проявить Себя

в мирах. Символ одновременно и жизни, и смерти, и воскресения, он встречался и в подземельях, и на могилах, и в бесчисленных храмах.

Сияющий крест увеличивался и приближался, словно привлекаемый сердцем Ясновидца. Его четыре звезды пламенели, подобные четырем Солнцам.

— Смотри, магический знак Жизни и Бессмертия—произнес невидимый голос.—Некогда люди обладали им, но затем потеряли его. Хочешь Ты возвратить его людям?—

— Хочу,—ответил Иисус.

— Если хочешь, взирай! Вот Твоя судьба.—

Внезапно четыре звезды погасли. Настала ночь. Подземный гром потряс землю и со дна Мертвого моря поднялась темная гора, на вершине которой виднелся черный крест. Человек, изнемогающий в смертных муках, был пригвожден к нему. Беснующийся народ покрывал гору и вопил со злобным издевательством:«Если Ты действительно Мессия, спаси себя!» Ясновидец узнал: тот распятый человек был Он сам...

Он все понял. Чтобы победить, нужно было отождествить себя с этим страшным двойником, представшим перед Ним как предостережете. Неуверенность закралась в душу Иисуса, и он почувствовал себя словно висящим в пустоте и раздираемым и муками пригвожденного, и оскорбленьями сынов человеческих, и глубоким молчанием Небес.

— Ты можешь принять жертву, или же отвергнуть ее,—сказал невидимый голос.

И уже видение начинало дрожать и местами бледнеть, и призрак Креста с казненным уплывать вдаль, когда перед внутренними очами Иисуса стали проходить в яркой картин вей страдальцы у купели Силоамской, а позади них целая армия измученных душ, от которых неслись жалобные вопли: «Без Тебя мы погибнем... Спаси нас Ты, который умеешь любить». Иисус медленно выпрямился и раскрывая объятия, воскликнул: «Принимаю крест, и да будут они спасены!» И в тот же миг Он почувствовал страшное сотрясете во всем существе Своем и испустил громкий крик... Черная гора обрушилась, крест исчез, нужный свет затопил Ясновидца, неземным блаженством повеяло на Него, и в неизмеримых высотах пронесся торжествующе голос: «Сатана побежден! Смерть попрана! Слава Сыну Человеческому! Слава Сыну Божьему!».

Когда Иисус пробудился, ничто не изменилось вокруг Него;

восходящее солнце золотило внутренность грота Енгаддийского; теплая роса увлажнила его оцепенбвция ноги; колеблющиеся туманы поднимались над Мертвым морем. Но Он сам был уже не тот. Нечто, навсегда решающее судьбу, совершилось в неисповедимой глубине Его сознания. Он разрешил загадку Своей жизни. Он завоевал мир, и великая уверенность проникла в Него. Из победы над земной своей природой, на которую Он наступил ногой и, побежденную, навсегда отбросил от Себя, из пережитой смертельной агонии, возникло новое сознание, сияющее небесною радостью: Он знал, что непреложным решением своей воли Он стал отныне Мессией.

Вскоре после этого Он спустился в поселок Ессеев и узнал, что Иоанн Креститель был захвачен Антипой и заключен в темницу в крепости Макеру. Это известие было для него признаком, что времена созрели и что пора начать действовать. Он объявил Ессеям, что пойдет проповедывать в Галлилею «Евангелие Царства Небесного».

Слова эти скрывали Его решение сделать доступными для простых и смиренных великие Мистерии, решение перевести на понятный для всех язык учете посвященных.

Подобного не совершалось с того времени, когда СаккиеМуни— последний Будда—двигаемый беспредельной жалостью, проповедывал на берегах Ганга.

Тоже божественное сострадание к человечеству одушевляло и Иисуса, но Он восполнил его такою мощью любви и таким величием веры и деятельной энергии, которые принадлежали только Ему одному. Из недр смерти, которую Он измерил и предвкусил, Он вынес для своих братьев по человечеству надежду и вечную жизнь

глава IV.

Внешняя жизнь Иисуса.—Открытое учение и учение эзотерическое.—Чудеса.— Апостолы.— Женщины.

До сих пор я стремился осветить светом самого Иисуса Христа ту часть Его жизни, которая в Евангелиях остается в тени, или скрывается под покровом легенды. Я пытался указать на тот вид посвящения и на ту эволюцию души и мысли, путем которых Христос достиг мессианского сознания; другими словами я—пытался восстановить внутренний генезис Христа. Раз установленный, он облегчить мне остальную часть моей задачи.

Внешняя жизнь Иисуса изложена в Евангелиях. В этих рассказах встречаются разногласия, противоречия и разновременный состав. Легенда, прикрывая или искажая известные мистерии и, виднеется здесь, и там, но из всей совокупности евангелических рассказов следует такое единство мыслей и действия, возникаете индивидуальность столь могучая и оригинальная, что мы невольно чувствуем себя в присутствии неопровержимой реальности самой жизни. Нельзя подделать эти неподражаемые рассказы, которые в своей детской простота или под своей символической красотой говорят более, чем самые распространенные трактаты.

Но что для нашего времени является необходимостью, это—осветить роль Иисуса путем эзотерических преданий и эзотерических учеши и показать внутренний смысл и трансцендентную высоту Его открытого и Его сокровенного учения.

Глашатаем какой новой истины явился проповедник нового Евангелия? Какою силою намеревался Он изменить самый лик земли? Мысль пророков завершалась в Нем. Сильный своей божественной природой, Он хотел разделить с людьми то Царство Небесное, которое Он завоевал в своих внутренних созерцаниях и в своей борьбе, в своих необъятных скорбях и в своих безграничных радостях.

Он пришел, чтобы разорвать покров, который древняя религия Моисея набросила на потусторонний мир. Он пришел, чтобы возвестить: «Веруйте, любите и да будет надежда душою всей вашей жизни. Над этой землей существует иной, духовный мир, иная, более совершенная жизнь. Я это знаю. Я пришел оттуда и Я поведу вас туда. Но, чтобы достигнуть ее, нужно осуществлять

ее здесь, на земле, сперва внутри вашей души, а затем и в окружающем мире. Как осуществлять? Любовью и деятельным милосердием».

Мы остановились на том моменте жизни Иисуса, когда Он , сознавая свою миссию, появился в Галиле. Он не говорил о том, что Он —Мессия, но Он беседовал о законе и о пророках в синагога. Он проповедовал на берегу Геннисаретского озера, в лодках рыбаков, вблизи источников, в зеленых оазисах, которые в изобилии попадались между Капернаумом, Виесаидой и Хоразином. Он исцелял больных возложением рук, или одним взглядом, или приказанием, часто одним своим присутствием.

Толпы народа следовали за Ним; уже многочисленные ученики присоединились к Нему. Он набирал их среди народа, между рыбаками и мытарями, ибо Ему нужны были натуры прямые, пламенные и верующие, и на такие натуры Он имел непреодолимое влияние. В своем выборе Он руководствовался

тем даром ясновидения, которое являлось во все времена принадлежностью религиозных инициаторов. Его проникновение измеряло душу человеческую до самого дна. Ему не нужно было другого указания, и когда Он говорил:

«Следуй за Мной», за Ним действительно следовали.

Он привлекал к Себе смиренных и колеблющихся, говоря им: «Придите ко Мне все удрученные, и Я успокою вас. Иго Мое— благо и бремя Мое—легко» Он отгадывал сокровенные мысли людей, и они узнавали в Нем своего Господа. Иногда, в самом неверии Он приветствовал прямоту. Когда Нафанаил спросил:

«Может ли из Назарета быть что-либо доброе?», Иисус ответил:

<Вот подлинно Израиль, в котором нет лукавства». От своих адептов Он не требовал ни клятв, ни исповедания определенной веры, ему нужны были любовь и доверю. Он ввел общее имущество между своими не как правило, а как основу братства.

Так стремился Иисус осуществить между своими учениками то Царство Небесное, которое Он хотел основать на земле. Нагорная проповедь являет собой образ этого Царства в его зародыш и в то же время краткое изложение всего открытою учения Иисуса. На вершине холма поместился Учитель; будущие посвященные разместились у Его ног; далее теснился народ, жадно внимая каждому слову, слетавшему с Его уст. Что провозглашает Пророке? Посте? Умерщвление плоти? Всенародное покаяние? Нет, Он говорит: «Блаженны нищие духом, ибо их есть Царствие Небесное, блаженны плачущие, ибо они утешатся»...

Он развертывает затем в восходящем порядке четыре добродетели страдающих: чудную силу смирения, сострадание к другим, доброту сердца и жажду справедливости. Затем раскрываются добродетели активные, деятельные и торжествующие: милосердие, чистота сердца, доблесть воинствующих и наконец мученичество во имя справедливости. «Блаженны чистые сердцем, ибо они узрят Бога!» Подобно звуку благовеста, раскрывают слова эти перед слушающими Небо, которое успело уже заискриться звездами над головой Учителя. Они видят в небесной высоте вереницу осуществленных добродетелей, но не в вид исхудалых призраков в покаянных одеждах, а в образе блаженных светозарных девственниц, затмевающих собою красоту лилий полевых и славу Соломона. Оне держат пальму мира в руках и от их мановения до жаждущих сердец доносится благоухание Царства Небесного.

Но главное чудо в том, что Царство это из далей небес переносится в сердца самих присутствующих. Они обмениваются изумленными взглядами; эти нищие духом становятся внезапно столь богатыми. С большим могуществом, чем Моисей, ударил Иисус по их сердцам, и бессмертный родник забил из них. Его открытое, всенародное учение содержится в этих четырех словах:

«Царство Небесное внутри вас!» И теперь, когда Он излагает перед ними необходимые пути, чтобы достигнуть этого неслыханного счастья, они не удивляются всему необычному, что Он требует от них: убить даже самое желание зла, прощать обиды, любить врагов своих.

Так могуч поток любви, устремляющая из Его сердца, что он увлекает их. В Его присутствии все кажется им легко. Вся новизна и смелость этого учения состоять в том, что внутренняя жизнь души поднимается Иисусом выше всех внешних действий, невидимое выше видимого, Царство Небесное выше всех благ земных. Он требует выбора между Богом и Маммоной.

В конечном выводе все Его учение говорит: «Любите ближнего, как самого себя, и будьте совершенны, как совершенен Отец ваш Небесный». Под этой популярной формой Он дает провидеть всю глубину своей этики и своего знания, ибо верховные требования посвящения состоять в отражении божественного совершенства в совершенстве своей собственной души, и вся суть сокровенной науки заключается в цепи уподоблений и аналогий, которые,

в расширяющихся кругах, соединяют частное с общим, конечное с бесконечным.

Если таково было всенародное, чисто нравственное учете Иисуса, рядом с ним должно было существовать для ближайших учеников более глубокое учете, объясняющее внутренний смысл первого и проникающее до глубины духовной истины; учете, которое Он вынес из эзотерического предания Ессеев и из Своего собственного духовного опыта.

Благодаря тому, что эзотерическое предание, начиная со второго века нашей эры, было задушено церковью, большинство теологов даже и не подозревает истинного значения Христовых слов с их двойным и даже тройным смыслом и воспринимает лишь один их буквальный смысл.

Но для того, кто углублялся в значение мистерии древней Индии, Египта и Греши, эзотерическая мысль Христа освещает не только малейшее из Его слов, но и каждое действие Его жизни. уже просвечивающая в трех первых Евангелиях, она ясно различима в Евангелии Иоанна.

Вот пример, который относится до существенной части эзотерической доктрины: Иисус проходить через Иерусалим. Он еще не проповедует в храм, но уже исцеляет больных и учит в тесном кругу друзей. Дело любви должно подготовить почву, на которую упадет доброе семя. Никодим—ученый фарисей—слышал о новом Пророк. Исполненный любопытства, но не желая компрометировать себя в глазах своих, он просит у Галилеянина тайной беседы. Иисус соглашается. Никодим появляется ночью в Его жилище и говорит: «Равви, мы знаем, что Ты Учитель, пришедший от Бога, ибо таких чудес, какие Ты творишь, никто не может творить, если с ним не будет Боге». Иисус сказал ему в ответ: «Истинно, говорю тебе: если кто не родится свыше, не может узреть Царствия божия». Никодим говорит Ему: «Как может человек родиться, будучи старе? Неужели он может в другой раз войти в утробу матери своей и родиться?» Иисус отвечал: «Истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и духа, не может войти в Царствие Божие (Иоанн, гл. III, 2—5).

Иисус подразумевает под этой символической формой древнюю доктрину о возрождении, которая была известна в мистериях Египта. Возрождение водою и духом, крещение водою и огнем обозначали две ступени посвящения, два этапа внутреннего духовного развит. Вода обозначает здесь истину, познаваемую разумом; она

очищает душу и развивает духовный зародыш. Возрождение духом, или крещение огнем (небесным), означает усвоение этой истины волею человека в такой степени, чтобы она стала кровью, жизнью и душою всех действий возрожденного. Последствием такого усвоения является полная победа духа над материей, абсолютное господство одухотворенной души над превратившимся в послушное орудие телом,—господство, которое пробуждает все её скрытые способности, раскрывает все внутренние чувства и дает ей интуитивное познание истины и непосредственное сношение души с душой. Это состояние равносильно небесному состоянию, которое Иисус Христос называет Царствием Божиим.

Таким образом, крещение водой или интеллектуальное посвящение есть начало возрождения; крещение духом означает совершенное возрождение, полное переплавление души в огне разума и воли и, как последствие этого, преображение до известной степени и элементов тела. Отсюда и исключительные силы, которые даются этим высшим крещением.

Вот земной смысл теософической беседы между Никодимом и Иисусом. Но она имеет и другой смысл, который можно бы назвать эзотерическим учением о составе человека. По этому учению человек троичен: он обладает телом, душою и духом. Он состоит из бессмертного и неделимого начала—духа, и из преходящего и делимого начала—тела. Душа, которая служить для них связью, разделяет природу обоих; она заключена в эфирное, флюидическое тело, сходное с физическим телом, которое без этого невидимого двойника не имело бы ни жизни, ни движения, ни единства.

Смотря потому, следует ли человек голосу духа или настояниям тела, склоняется ли он к первому или к последнему, флюидическое тело утончается и сохраняется, или же уплотняется и разлагается. Вследствие этого, после физической смерти большинство людей должны перенести и вторую смерть, которая состоит в освобождении от нечистых элементов астрального тела, а для людей грубых—в

ожидании его медленного разложения; тогда как вполне возрожденный человек, образовавший уже в здешней жизни свое духовное тело, несет свое небо в себе самом и беспрепятственно устремляется в ту высшую область, куда его притягивает внутреннее сродство.

Нужно к этому прибавить, что в древнем эзотеризме вода символизирует астральную, необычайно пластическую материю, тогда как огонь символизирует единый дух. Говоря о возрождении водой и духом, Христос делает намек на двойное преображение духовного существа и его флюидической оболочки, которое ожидает человека после его смерти, и без которого он не может проникнуть в царство освобожденных душ и чистых духов, ибо:

«рожденное от плоти есть плоть (т. е. связано и подлежит уничтожению), а «рожденное от духа есть дух» (т. е. свободно и бессмертном. «Дух дышет, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходить и куда уходит; так бывает со всяким рожденным от Духа» (Иоанн, гл. III, 6,8).

Так говорил Иисус Никодиму в глубокой тишине Иерусалимской ночи. Маленькая лампа, стоявшая между ними, едва освещала смутные очертания двух собеседников, но глаза Галилеянина сияли внутренним светом и в темноте. Эти глаза с их удивительны м выражением—то кротким, то властным, заставляли верить Ему. Фарисейский наставник видел, как рассыпается в прах его наука, построенная на текстах, но над этим разрушением он увидал зарю грядущего нового Мира. Он видел свет, исходящий из Пророка, он чувствовал, как могучая сила, истекавшая из Его существа, притягивала его к Нему. Он различил светлый ореол вокруг Его чела, и словно дуновение Божьего Духа пронеслось по его сердцу.

Взволнованный, потрясенный, Никодим входит крадучись в свой дом под темным покровом ночи. Он будет продолжать жить среди фарисеев, но в тайниках своего сердца останется верным Христу.

Отметим еще одну важную сторону этого учения. Материалистическая наука считает душу случайным и преходящим соединением физических сил; по учению спиритуалистов, она есть нечто абстрактное, лишенное постижимой связи с телом, тогда как в эзотерическом, единственно вполне разумном учении, физическое тело является результатом неустанной работы души, которая действует на него посредством своего высшего начала так же, как вечный Дух действует на видимый мир, который есть не что иное, как его проявленный динамизм. Вот почему Иисус дает это учение Никодиму как объяснение творимых им чудес.

Оно может служить ключом к оккультному врачеванию, которое производилось Иисусом и некоторыми адептами и святыми как до, так и после Христа. Обыкновенная медицина борется с болезнями, действуя на тело. Адепт или святой, являющий собой

очаг духовной силы, действует непосредственно на душу больного, и это действие передается через астральный проводник физическому телу. То же самое происходит при всех магнетических лечениях.

Иисус действует силами, который существуют во всех людях, но в Нем эти силы бесконечно совершеннее, и поэтому так могущественны Его воздействия. Он указывает книжникам и фарисеян на Свою силу врачевать физическое тело как на доказательство того, что Он может прощать или исцелять душу, к чему и направлялось дело Его жизни, Таким образом, физическое исцеление являлось указанием на исцеление нравственное, что позволяло ему говорить всему человеку, во всей его полноте: «Встань и ходи!»

Современная наука стремится объяснить явления, которые древние называли одержимостью, простым нервным расстройством, но это объяснение недостаточно. Психологи, которые стремятся проникнуть глубже в тайну души, видят в этом явлении раздвоение сознания, вторжение его не проявленной части.

Этот вопрос соприкасается с различными состоящими человеческого сознания, изменчивая игра которого изучается в различных проявлениях сонамбулизма. Явление это соприкасается точно также и с высшим миром. Но как бы то ни было, несомненно, что Иисус владел способностью возвращать равновесие больному организму, а в душах людей будить их высшее сознание.

«Истинная магия,—сказал Плотине—вызывается любовью, но также и её противоположностью—ненавистью. Магические чары действуют или силою любви, или силою ненависти». Любовь на высоте высочайшего сознания и своей наивысшей силы—такова была мапя Христа,

Многочисленные ученики Иисуса пользовались Его эзотерическим учением. Но, чтобы упрочить новую религию, необходимо было выделить группу избранных деятелей, которые явились бы столпами духовного храма, воздвигнутого Христом в противоположность храму земному; отсюда—учреждение апостольства.

Он выбрал апостолов не среди Ессеев, ибо Он хотел вкоренить Свою религию в самое сердце народа. Симон Петр и Андрей, сыновья ионины—с одной стороны, Иоанн и Иаков, сыновья Заведеевы—с другой, всё четверо рыбаки по профессии, из зажиточных семей, составили ядро апостолов. В самом начале своего появления среди народа мы видим Иисуса в их доме в Капернаум, на берегу Геннисаретского озера, где они имели свои рыболовные

тони. Он останавливается у них, учит среди них, обращает всю семью в свою веру.

Петр и Иоанн выдвигаются на первый план и господствуют над остальными, как натуры наиболее значительные. Петр, сердце прямое и цельное, ум наивный и неширокий, так же легко поддающийся надежде, как и разочарованию, но полный деятельной энерли, способный вести за собой других силою своей воли и безграничной веры. Иоанне—натура замкнутая и глубокая, одаренная таким кипучим энтузиазмом, что Иисус называл его «сыном грома»; он обладал духовной интуицией и душою пламенной, всегда сосредоточенной в самой себе, обыкновенно грустной и мечтательной, но способной и на страшные взрывы и на такие глубины нежности, которых никто, кроме Учителя, даже и не подозревал в нем. Лишь он, молчаливый созерцатель, мог овладеть всей глубиной мысли Иисуса, и именно ему суждено было стать Евангелистом божественной любви и божественного сознания, эзотерическим апостолом по преимуществу.

Убежденные Его словом и Его делами, подчиненные Его великой мудрости и проникнутые Его высокие магнетизмом, апостолы следовали за Учителем из селения в сележе. Всенародная проповедь сменялась более сокровенным обучением.

Постепенно Он раскрывал перед своими ближайшими учениками Свои мысли, но все еще молчал о Себе самом, о своей роли, о своем будущем, Он говорил, что Царство Небесное близко, что близок приход Мессии. уже апостолы твердили между собой:

«Это Он и» и повторяли то же и другим. Но Он сам называл себя просто «Сыном Человеческим» — выражение эзотерическое, смысла которого они еще не поникали, но которое, казалось, говорило в Его устах: «Посланник страдающего человечества», ибо Он прибавлял: «И волки имеют свое логовище, а Сын Человеческий не имеет, гд бы Ему приклонить голову».

Апостолы понимали идею Мессии так же, как все евреи, и в своей наивной надежде представляли себе Царство Небесное настоящим царством, в котором Иисус будет коронованным царем, а они—Его ближайшими помощниками. Побороть эту идею, преобразить ее до самого основания, открыть перед Апостолами истинного Мессию, царствующего в Дух; сообщить им верховную Истину, которую Он называл Отцом, и духовную Силу, которую Он называл Духом, таинственную силу, которая соединяет человека с миром невидимым; показать им в Своем слове, в Своей жизни

и в Своей смерти истинного Сына Божьего; внедрить в них убеждение, что и они, и все люди—Его братья и могут соединиться с Ним, если захотят того; раскрыть перед их духовным взором всю необъятность неба—вот чудо, которое Иисус совершил над своими апостолами.

Будут ли они в состоянии поварить, или не будут—в этом ядро внутренней драмы, которая происходила между ними и Им. Но драм еще более напряженной предстояло разыграться в глубине Его собственной души. Мы скоро подойдем к ней.

В этот же час поток радостного света разливался в сознании Христа. Буря еще не проносилась над Тивериадским озером. Это была весенняя пора Евангелия, занимающаяся заря Царствия Божия, мистическое соединение посвященного с своей духовной семьей. Эта весенняя пора сопровождает каждый его шаг, верующая паства теснится вокруг Него, следует за возлюбленным Учителем, радостно вслушивается в каждое Его слово, расположившись на берегу лазурного озера, заключенного, словно в золотую чашу, в оправу из гор.

Радостно возбужденные последователи идут за Ним, переходя с зеленеющих берегов Капернаума в апельсиновые рощи Виесаиды или в гористый Хоразин, где группы стройных пальм господствуют над Геннисаретским озером. В этой свит Иисуса женщины занимали особое место; матери или сестры учеников, чистые девушки и раскаявшиеся грешницы окружали Его везде, где бы ни появлялся Он , Внимательные, верные, отдающиеся всей душой, они как бы усыпали Его путь цветами своей любви, веры и надежды. Им не нужно было доказывать, что Он —Мессия. Для них достаточно было видеть Его. Необычайный свет, который исходил из Него, соединенный с божественным состраданием, скрытою болью звучавшим в глубин Его существа, убеждал их, что Он — истинный Сын Божий.

Иисус овладел Своей земной природой вполне. Он победил безвозвратно в течете своего пребывания у Ессеев всю её власть над Собой. Благодаря этому, Он приобр6л высшую власть над душами и божественное право прощать грехи. Обращаясь к грешниц, павшей к Его ногам, Он говорить: «Ей будет много прощено, ибо она много любила». Великое слово, в котором кроется все Искупление, ибо кто прощает, тот творит Освобождение.

Христос—восстановитель прав женщины и её освободитель, чтобы не говорили ап. Павел и Отцы церкви, которые, принизив женщину до роли служанки, извратили мысль Учителя. В ведические времена прославляли женщину, Будда не доверял ей; Христос поднял ее, признав её силу в любви и в интуиции. Посвященная Женщина представляет собою Душу человечества, Aisha как ее называл Моисей, т. е. Могущество Интуиции, способность любить и предвидеть.

Пламенная Мария Магдалина, из которой, по библейскому выражению, Иисус изгнал семь демонов, стала наиболее преданной из его учениц. Она первая, по словам ап. Иоанна, увидала божественного Учителя—духовного Христа — воскресшим из мертвых. Легенда изобразила в женщине страстной и верующей наиболее великую любовь к]исусу, как бы посвящение сердца, и она не ошиблась, ибо её история изображает всю полноту возрождещя женщины, какого желал Христос.

Иисус любил отдыхать от своих трудов в мирном доме, в Вифании, в обществе Марфы и Марш Магдалины и среди них укреплять свои силы для предстоящих великих испытаний. Обращаясь к ним, Он произносил свои наиболее проникновенные утешения, и в тихих беседах с ними говорил о божественных тайнах, которые еще не считал возможным открыть Своим ученикам.

Иногда в час заката, когда его пурпур угасал среди ветвей олив и надвигаюищйся сумрак скрадывал тонкие очертания древесной листвы, Иисус погружался в задумчивость. Облако набегало на Его светлый лик. Он думал о трудностях своей задачи, о колеблющейся вере апостолов, о враждебных силах мира сего. И тогда храм, Иерусалим и все человечество, со своими пророками и неблагодарностью, надвигались словно огромная живая гора на Него.

Окажется ли в Его руках, воздетых к небу, достаточно силы, чтобы превратить ее в прах, или же Ему суждено быть раздавленным под её страшною тяжестью? В такие минуты Он упоминал об ожидающем Его страшном испытали и о своей близкой кончине. Пораженные торжественностью минуты, женщины не осмеливались вопрошать его. Несмотря на всю неизменную ясность Иисуса они чувствовали, что душа Его объята покровом неизреченной грусти, который отделял Его от радостей земли. Они предвидели судьбу Пророка, они предчувствовали Его непоколебимое решение. Не от того ли поднимались эти темные тучи со стороны Иерусалима? Не от того ли это знойное дуновение смерти, пронесшееся по их сердцу, как оно проносилось по засыхающим холмам иудеи с их мертвеннофлиловой окраской? Однажды вечером... женщины увидали слезу, блеснувшую в глазах

Иисуса. Они содрогнулись, и в мирной тишине Вифании пролились их молчаливые слезы: они оплакивали Его, Он оплакивал человечество.

глава V. Борьба с фарисеями.—Удаление в Кесарио.—Преображение.

Два года длилась эта галилейская весна, когда казалось, что слова Христа вызывали предрассветные зори восходящего Царстве Небесного пред толпами, напряженно внимавшими Ему. Но затем небо потемнело и на нем засверкали зловещие молнии, предвестники надвигавшейся грозы. И она разразилась над духовной семьей Иисуса подобно тем бурям, которые проносятся над Геннисаретским озером, поглощая в своей беспощадности утлые лодки рыбаков.

Но если ученики пришли в смятение, Иисус не был поражен, ибо Он ожидал грозы. Было невозможно, чтобы Его проповедь и Его растущая популярность не вызвали волнения среди религиозных властей евреев. Невозможно было, чтобы между ними и Пророком не завязалась решительная борьба. Более того—полнота истины могла проявиться лишь благодаря этому столкновению.

Фарисеи во времена Иисуса были сплоченным сословием, состоявшим из шести тысяч человек. Самое имя их Perishin означало отделенные или знатные. Одаренные пылким патриотизмом, часто героическим, но узким и горделивым, они были представителями партии национальной идеи, которая возникла при Маккавеях. На ряду с писанным преданием, они допускали предание устное. Они верили в ангелов, в будущую жизнь, в воскресение, но эти проблески эзотеризма, достигшего до них из Персии, гасли во мраки грубого и материалистического толкования.

Точные блюстители законов, но в смысле совершенно противоположном духу. пророков, которые видели религию в любви, божественной и человеческой, фарисеи полагали благочестие в ритуалах и в церемониях, в постах и в публичных покаяниях. Их можно было видеть проходящими по улицам среди бела дня с лицом, покрытым пеплом, выкрикивающими молитвы с сокрушенным видом и раздающими милостыню на показ. Живя в роскоши, домогаясь всеми средствами лучших мест и власти, они, тем не менее, стояли во главй демократической партии и держали в руках весь народ.

Саддукеи, наоборот, представляли собой священническую и аристократическую napTiio. Они состояли из семейств, которые считали за собой право преемственного отправления священнических обязанностей со времен царя Давида. Консерваторы до последней степени, они отвергали устные предания, признавая лишь букву закона, отрицали бессмертную душу и будущую жизнь. В то же время они осмеивали преувеличенную набожность фарисеев и их верования. Для них религия сосредоточивалась исключительно в священнических храмовых церемониях.

Они удерживали за собой первосвященство под управлением Селевкидов и сохраняли самые дружеские отношена с язычниками, заимствуя от греческой софистики и щеголяя элегантным эпикуреизмом. При Маккавеях Фарисеи отвоевали у них первосвященство, но при Ироде и под римских господством они восстановили свое преобладающее значение.

Это были люди жесткие, упорные, любящие хорошо пожить, имевшие лишь одно убеждение—уверенность в своем превосходства, и лишь одно стремление—сохранить власть, которая им принадлежала по традиции.

Что мог найти в этой религии посвященный в божественную Мудрость, наследник пророков, Ясновидец енгаддийский, который искал в общественном строе отражения строя божественного, гдб справедливость господствует над жизнью, знание руководит справедливостью, а любовь и мудрость царят над всем?

В храмах, этом средоточии верховной науки и посвящена, господствовало лицемерие священников, проникнутых агностическим невежеством, пользовавшихся религией как орудием власти. В школах и синагогах, вместо хлеба жизни царила корыстолюбивая мораль, прикрытая формальным благочестием, т. е. ханжеством. В общественной жизни—высокоподнятый над всеми, царствующий в ореоле славы, всемогущий Цезарь, который в те времена представлял собою обожествление материи, единый бог современного мира, единый возможный властелин над саддукеями и фарисеями, все равно—хотели они его, или нет.

Иисус, принявший вместе с пророками от персидского эзотеризма идею Аримана или сатаны, не мог называть такое царствование иначе, как царством сатаны, в котором преобладала еviатерия над духом и которое он стремился заменить царством духа. Как вей великие реформаторы, Он боролся не с людьми, которые могли быть и дурны и хороши, но с доктринами и учреждениями, под влиянием которых формуется большинство людей. Необходимо было бросить вызов, объявить войну сильным Мира сего.

Борьба началась в синагогах Галилеи и продолжалась под портиками иерусалимского храма, где Иисус оставался подолгу, проповедуя и вступая в диспуты с своими противниками. И здесь, как во всей своей деятельности, Иисус действовал одновременно и мудро и смело, соединяя вдумчивую сдержанность и энергичную активность, которыми отличалась его чудно уравновешенная натура.

Он не начинал с нападения на своих противников, Он ждал их нападения, чтобы отвечать на него. И оно не заставляло себя ждать, ибо с самого выступления Иисуса, фарисеи завидовали его исцелениям и его популярности. Вскоре они начали подозревать в Нем опасного для себя врага. И тогда они начали обращаться с Ним с той насмешливой вежливостью, с тем коварным недоброжелательством, прикрытым лицемерной кротостью, которые были свойственны им.

В качестве ученых наставников, людей значительных и авторитетных, они требовали от Него отчета относительно Его общения с мытарями и людьми дурной жизни. И почему Его ученики подбирали колосья в день субботний? Все это было серьезным нарушением их постановлений. Иисус отвечал им со свойственными Ему кротостью и широтою словами терпимости и великодушия. Он попробовал над ними Свое слово любви. Он говорил им о любви Бога, который радуется при виде одного раскаявшегося грешника более, чем при виде многих праведников. Он рассказал им причту о потерянной овце и о блудном сын. Смущенные, они замолчали. Но, решив напасть на него сызнова, они начали упрекать Его в противозаконном исцелении больных в день субботний. «Лицемерии»—возразил Иисус с негодованием,—не снимаете ли вы ц6пи с ваших быков, чтобы вести их на водопой в день субботний? А дочь Авраама не может быть в этот день избавлена от цепей сатаны?».

Не зная более что сказать, фарисеи начали говорить, что Он изгоняет бесов силою Вельзеула, на что Иисус возражает с одинаковою глубиной и находчивостью, что дьявол не может изгонять себя сам, и что грех против Сына Человеческого может быть прощен, но грех против Святого Духа не подлежит прощению. Он хотел этим сказать, что оскорблениям, направленным против Его личности, Он придает мало значения, но отрицание добра и истины, когда она признана, доказывает внутреннюю испорченность, непростительный порок, неизлечимое зло.

Это слово было объявлением войны. Его называли «богохульник!» Он отвечал: «лицемеры!»—«Сообщник Вельзевула!» Он отвечал: «род ехидный». С этого момента борьба продолжалась все увеличиваясь в размерах. Иисус обнаружил в ней диалектику точную и сжатую, Его слово пронзало словно острием меча.

К этому времени Он изменил свои приемы: вместо того, чтобы защищаться, Он нападал и отвечал на обвинения еще более сильными обвинениями, не щадя главного порока своих врагов — лицемерия. «Зачем преступаете вы закон Бога и предпочитаете ему ваши предания? Господь повелел: чти отца твоего и матерь твою. вы же разрушаете не выполнять этот завет, когда вам это выгодно. Вы служите Богу одними устами, в вашем благочесли нет сердца живого».

Иисус никогда не терял самообладания и в то же время Он ширился и выростал в этой борьбе. По мере того, как на Него нападали, Он утверждал все громче, что Он —Мессия, посланник Божий. Он грозил

храму, Он предсказывал несчастия Израилю, Он ставил им в пример язычников, Он говорил, что Господь пришлет иных работников в Свой Виноградник.

После этого иерусалимские фарисеи начали волноваться, Убедившись, что Его нельзя было заставить замолчать, они также изменили свою тактику. Они решили вовлечь его в западню. Они послали к Нему своих уполномоченных, чтобы уловить его в ереси, Которая дала бы возможность схватить Его как богохульника во имя закона Моисеева, или же осудить как мятежника перед римским правительством.

Отсюда возникли коварные вопросы относительно прелюбодеяния женщины и относительно подати Цезарю. Проникая безошибочно в намерения Своих врагов, Иисус обезоруживал иуь своими ответами, в которых глубокое психологическое проникновение соединялось с искусным отпором врагов.

Убедившись, что Его трудно поймать, фарисеи попробовали запугать Его и начали преследовать Его на каждом шагу. И уже чернь, на которую они не переставали воздействовать, отвернулась от Него, видя, что Он не думает восстановлять царство Израильское. Всюду, даже в незначительных селениях, Он встречал недружелюбное и подозрительное настроение шпионов, которые следили за Ним, и враждебных соглядатаев, которым было поручено лишать Его бодрости. Некоторые говорили Ему: «Удались отсюда, ибо Ирод Антипа ищет Твоей смерти». На что Он отвечал с спокойным

достоинством: «Скажите этой лисице: не бывало никогда, чтобы пророк умер вне Иерусалима».

Ему нисколько раз приходилось переплывать озеро Тивериадское и искать убежища на восточном берегу, чтобы избегнуть расставленных для него сетей. Он не был в безопасности нигде. Тем временем пришла весть о смерти Иоанна Крестителя, которому Антипа велел отрубить голову в крепости Махероне. Рассказывают, что Ганнибал, увидав голову брата своего Гасдрубала, убитого римлянами, воскликнул: «Теперь я знаю участь Кареагена!». Иисус мог узнать свою участь в смерти своего предшественника. Он не сомневался в ней со времени видения в Енгадди; Он принял ее заранее; тем не менее, эта весть, принесенная учениками в пустыню поразила Иисуса как зловещее предупреждена. Он воскликнул:

«Они не признали его и сделали над ним что хотели; так же пострадает от них и Сын Человеческий».

Двенадцать апостолов встревожились; Иисус не хотел, чтобы Его взяли невзначай, Он хотел отдаться добровольно, когда окончено будет Его дело и, как истинный пророк, принять смерть в час, избранный Им самим. Преследуемый в течете целого года, удачно ускользая от врага благодаря своей предусмотрительности, видя охлаждение со стороны народа, которое последовало за взрывами энтузиазма, Иисус решился еще раз удалиться с своими ближайшими учениками.

Поднявшись на вершину горы с двенадцатью апостолами Он обернулся, чтобы в последний раз взглянуть на свое любимое озеро, на берегах которого Он жаждал вызвать зарю Царства Небесного. Он окинул взглядом города, раскинувшиеся по его берегам, или поднимавшиеся уступами по склонам гор и утопавшие в своих зеленых оазисах, все эти дорогие для Него селения, белевшие в полумраке наступивших сумерек, в которых Он сеял глаголы жизни и которые готовы были покинуть Его.

Предвидение будущего охватило его. Пророческим взглядом окинул он весь чудный край, превращенный рукой мстительного Измаила в пустыню, и с Его уст сорвались эти слова, в которых звучал не гнев, а глубокая грусть: «Горе тебе, Капернаум; горе тебе, Хоразин; горе тебе, Виесаида!». Затем, повернув к стране язычников, .Он направил свой путь по долине Иордана в Кессарю Филлиппову.

Тяжел и долог был путь беглецов посреди тростников и болот верхнего Иордана, под палящими лучами жгучего сирийского

солнца. Ночи приходилось проводить в палатках пастухов или у Ессеев, водворившихся в маленьких поселках этого затерянного края. Подавленные ученики были молчаливы. Учитель был погружен в свои

размышления. Он думал о невозможности внедрить в сознание народа свое учете одною проповедью. Он с грустью размышлял над происками своих врагов.

Решительная битва была неизбежна, Чем кончится она? С другой стороны, Его мысль возвращалась с любовью и заботой к своей духовной семь, рассеянной по разным местам, и в особенности к двенадцати апостолам, которые отказались от всего и все покинули, чтобы следовать за Ним. Он знал, что сердца их разрывались, теряя последнюю светлую надежду на торжество Мессии. Мог ли Он оставить их без Себя? Достаточно ли проникла истина в глубину их сознания? Не поколеблется ли в них вера в Его учение? Достаточно ли ясно сознают они кто Он ?

Под влиянием этой тревоги Он спросил: «за кого люди почитают Меня?» И они отвечали: «одни за Иоанна Крестителя, другие за Илию, а иные за Иеремию или за одного из пророков». «А вы за кого почитаете Меня?» Тогда Симон Петр ответил за всех:

«Ты Христос, Сын Бога живого» (Матф. XVI. 13—16). В устах Петра это слово не означало, как установила позднее церковь:

Ты—единое воплощение всемогущего Бога, второе лицо Троицы; оно означало: Ты — Избранник Израиля, провозглашенный пророками. В посвящении индусском, египетском и греческом, имя Сына Божьего означало сознание, отожествившееся с Божественной истиной и воля, способная проявить эту истину. По мысли пророков, этот Мессия должен был явить собою величайшее проявление подобного сознания и подобной воли. Он будет Сыном Человеческим, т. е. Избранником земного человечества, и Сыном Божиим, т. е. Посланником Небесного Человечества, и, как таковой, будет иметь в себе Отца или Духа, который посредством Небесного Человечества управляет вселенной.

При этом доказательстве веры апостолов в Него, Иисус должен был испытать великую радость. Ученики поняли Его: Он будет жить в них. Живая связь между небом и землей была установлена, Иисус сказал Петру: «Блажен ты, Симон, сын Ионин, ибо не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах». Этим ответом Иисус дает понять Петру, что он признает его посвященным, силою глубокого внутреннего проникновения в истину.

В этом и только в этом истинное откровение, тот камень, на котором Христос создаст церковь свою и которую врата адовы не одолеют. Иисус полагается на апостола Петра только поскольку он владеет этим сознанием. Когда же вслед за тем последний становится снова обыкновенным человеком, боязливым и ограниченным, Учитель обращается к нему совершенно иначе. Возвещая своим ученикам о своей предстоящей смерти в иерусалим, Он вызывает такое возражение со стороны Петра: «Будь милостив к Себе, Господи! Да не будет этого с Тобою!» Иисус, как бы видя в этом порыв участия искушение плоти, стремящейся поколебать Его решимость, обращается к апостолу с такими словами: «Отойди от Меня, сатана, ты меня соблазнишь, ибо думаешь не о том, что Божие, но что человеческое». (Матф. XVI. 22, 23).

И сказав это, Он снова пошел вперед в пустыню. Смущенные Его торжественным голосом и строгим взглядом, апостолы умолкли и продолжали в безмолвии свой путь по каменистым холмам Гавлопитиды. Это бегство Иисуса и его учеников из предела Израиля походило на приближение к разгадке мессианической тайны, последнего слова которой искал Иисус.

Он приблизился к воротам Кесарии. Город этот, ставили языческим со времен Антюха Великого, прятался в зеленеющем оазис у источника Иордана, на подошве снеговых вершин Иермона. Город имел свой амфитеатр, он блистал роскошными дворцами и греческими храмами, Иисус прошел городом к тому месту, где Иордан вырывается искрящимся потоком из расселины горы. Там, по близости, был небольшой храм, посвященный Гиану, и в грот, внутри которого была названная расселина, с обеих сторон, стояло множество колонн и мраморных нимф, изображавших языческие божества.

Евреи относились с негодованием к этим знакам языческого культа, но Иисус смотрел на них иными глазами. Он должен был видеть в них несовершенные попытки найти лик той божественной красоты, сияющие образы которой Он носил в своей душе. Он пришел не для того, чтобы проклинать

язычество, но чтобы преобразить его; не для того, чтобы бросить анафему земле и её таинственным силам, но чтобы показать ей путь к небу. Его сердце было достаточно велико, и Его учение было достаточно широко, чтобы объять все культы и сказать всем народам: «Поднимите голову и познайте, что у всех вас один и тот же Отец».

И, несмотря на это, или вернее именно вследствие этого, Он очутился на грани двух царств, преследуемый словно опасный зверь и сдавленный между двумя мирами, которые одинаково отвергали Его. Перед Ним расстилался языческий мир, который не понимал Его, в котором Его слово замирало в бессилии; позади Его—еврейский мир, народ, который побивал каменьями своих пророков и закрывал уши, чтобы не слышать своего Мессію, и стая фарисеев и саддукеев, подстерегавших свою добычу.

Какое сверхчеловеческое мужество и безграничную силу любви нужно было иметь, чтобы разбить всё эти препятствия, чтобы сквозь языческое идолопоклонство и еврейскую жестокость проникнуть до самого сердца страдающего человечества и запечатлеть в нем благую весть о воскресении из мертвых!

Перед лицом иного мира мысль его должна была устремиться назад, по течению Иордана, этой священной реки Израиля. От храма Пана она перенеслась к храму иерусалимскому: она измерила все расстояние, которое отделяло античный мир от вселенских мыслей пророков, и, поднимаясь к своему собственному источнику, она обратилась от скорби, пережитой при Кесарии. И вот перед Ним снова выплыл из Мертвого моря тот же страшный призрак креста... Не настал ли час великой жертвы? В Иисус, подобно всем людям, было два сознания: одно—земное, говорило Ему: может быть еще возможно избежать тяжкой судьбы; другое—божественное, повторяло неумолимо: путь к победе проходить через врата скорби. И Он внимал последнему.

Мы видим, что во вс6 великие минуты своей жизни Иисус удалялся в уединение для молитвы. Не говорить ли индусский мудрец:

«Молитва поддерживает небо и землю и имеет власть над Богами?» Иисус знал эту величайшую из всех сил. Обыкновенно Он не допускал никого в свое уединение в минуты, когда нисходил в святая святых своего сознания. На этот раз Он взял с собой Петра и двух сынов Зеведеевых, Иоанна и Иакова, и пошел с ними на высокую гору, чтобы провести там ночь. Легенда говорит, что это была гора бавор. Там, между Учителем и тремя наиболее посвященными учениками произошло то таинственное событие, которое в Евангелие передается под названием Преображение.

По словам Матвея, апостолы увидали появившийся в прозрачных сумерках восточной ночи сияющий и как бы прозрачный образ Учителя, при чем лик его светился как солнце и одежды

его распространяли яркий свет, и две фигуры появились по обеим Его сторонам, которых ученики приняли за Моисея и Илию. Когда же они пробудились из этого необыкновенного состояния, которое казалось одновременно и глубоким сном, и самой яркой действительностью, они увидали что Учитель стоить около них и прикасается к ним, чтобы окончательно разбудить их. Но преображенный Христос, которого они созерцали в этом видении, остался навек запечатленным в их памяти (Матвей XVII и—8и.

Но что же видел, что перечувствовал сам Иисус в течете этой ночи, которая предшествовала решительному моменту в Его, приходившей к концу, миссии? Сперва постепенное исчезновение всех земных вещей в пламени молитвы, затем поднятие сознания все выше и выше, пока оно не проникло в иной мир—в мир чистой духовности и божественного совершенства.

Далеко от Него остались все солнца, все Миры, все земли, все вихри скорбных воплощены; перед Ним открылся небесный свет, и в его сияние легионы светлых существ образовали как бы подвижный свод, небесную твердь, состоящую из эфирных тел, белеющих как снег, из которых вырывались нежные зарницы. На блистающем облаке, служившем для Него подножием, шестеро в одеждах первосвященников поднимали в соединенных руках сверкающую Чашу. То были шесть Мессий, которые уже появлялись на земл, седьмым должен быть Он , и эта Чаша означала Жертву, которую Он должен был принести, воплощаясь в свою очередь. Под сверкающим облаком раскрылась черная бездна: бесчисленные круги поколений, пучина жизни и смерти, земной ад.

Сыны Божии поднимают с мольбою Чашу, неподвижное небо ожидает. Иисус, в знак согласия, простирает крестообразно руки словно желая обнять вселенную. Тогда Сыны Божии склоняются ниц и сонм ангелов с длинными крыльями и опущенными глазами возносит сверкающую Чашу к светящемуся небосводу. «Осанна!» разносится от неба и до неба в невыразимо нежных звуках... А Он после того погружается в темную бездну...

Вот что должно было происходить в духовном мир, в недрах Бога Отца, гд празднуется мистерия вечной Любви и где круговороты светил проносятся как легкие волны. Вот что Он должен совершить, вот для чего Он родился, ради чего боролся до этого дня. И тогда Им снова овладело великое решение, постигнутое в минуты экстаза Его божественным сознанием во всей полноте.

Он решился: чаша должна быть испита до дна. Он пробудился на дне бездны, на рубеже мученичества. Все сомнения исчезли; час пробил, небо заговорило, земля стонала о помощи.

Поели этого Иисус спустился по долин Иорданской и направился к Иерусалиму.

глава VI.

Последний путь в Иерусалим.—Тайная вечеря.—Суд.— Смерть.—Воскресение.

«Осанна Сыну Давидову!» Этот крик .разносился по всему пути Иисуса, когда он вошел через восточный врата в Иерусалим по дорог, устилаемой пальмовыми ветвями. Встречали Его с таким энтузиазмом единомышленники, сбегавшиеся из окрестностей и из города, чтобы устроить Ему торжественную встречу. Они преклонялись перед освободителем Израиля, который вскоре должен стать их Царем, и даже сопровождавшие Его двенадцать апостолов сохраняли эту упорную мечту, несмотря на все предупреждения Учителя.

Один Он , признанный Мессия, знал, что Его путь ведет к страданию и что даже Его ближайшие ученики могут проникнуть в Святилище Его мысли лишь после Его смертного часа. Он приносил Себя в жертву непоколебимо, с полным сознанием и твердой волей. Отсюда—Его покорность, Его кроткая ясность.

В то время, как Он проходил под огромными вратами, пробитыми в мрачной крепости Иерусалима, ликующие крики, проникая под своды, преследовали Его как голос рока, хватающего свою жертву: «Осанна Сыну Давидову!» Этим торжественным входом Иисус всенародно объявил духовным властям Иерусалима, что Он принимает на себя роль Мессии со всеми её последствиями.

На другой день Он появился в храм, в преддверии, где толпились торговцы скота и меновщики денег, которые своими жадными криками и звоном монет оскверняли священные плиты храма;

обращаясь к ним, Он повторил им эти слова Исаии: «Написано:

дом Мой будет домом молитвы, а вы делаете из него дом разбойников». Торговцы, устрашенные приверженцами Иисуса, которые окружали Его плотным кольцом, и еще более Его власть имущим взором и повелительным движением руки, разбежались, унося с собой столы и деньги.

Пораженные священники удивлялись такой смелости сь Его стороны и страшились такой власти. После анные от синедриона подошли к Нему, требуя отчета и спрашивали: «Какою властью делаешь Ты все это?» На этот лукавый вопрос Иисус ответил, по своему обыкновежю, другим вопросом, не менее затруднительным для Его противников: «Крещение Иоанново откуда было: с небес или от человека?» Они же рассуждали между собой: «Если мы скажеме— с небес, Он спросить, почему же мы не

поверили ему, а если скажеме—от человека, боимся народа, ибо всиэ почитают Иоанна за пророка». И сказали в ответ Иисусу: «Не знаеме». Тогда Иисус произнес: «И я не скажу вам, какою властью Я это делаю».

Ответив таким образом на нападение их, Он перешел в наступление и прибавил: «Истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в царство Божие». Затем, приведя притчу, Он сравнил их с дурным виноградарем, который убивает сына своего хозяина, чтобы завладеть его наследством, и кончил свою беседу с ними такими словами: «Камень, который отвергли строители и который сделался главою угла, на кого упадет, того раздавите».

Всеми этими действиями и словами во время своего последнего появления в столиц Израиля, Иисус отрезал Себе всякую возможность отступления. уже давно во власти Его врагов было два главных обвинения, достаточные для того, чтобы погубить Его: Его угроза против храма и то, что Он есть Месил. Последние же нападения Иисуса на своих врагов раздражили их до последней степени, и с этой минуты Его смерть, уже решенная врагами, сделалась лишь вопросом времени.

С момента Его появления в Иерусалиме наиболее влиятельные члены синедриона, саддукеи и фарисеи, которых общая ненависть к Иисусу соединила на время, сошлись на решении погубить «соблазнителя» народа. Но они еще колебались схватить Его при народ, так как боялись народного восстания.

Уже несколько раз городская стража, которую посылали, чтобы взять Его, возвращалась ни с чем, устрашенная Его словами или смущенная многочисленными сборищами. Нисколько раз состоявшие при храме воины утверждали, что Он исчезал из их глаз совершенно непостижимым образом. Борьба между Иисусом и фарисеями и саддукеями продолжалась тайным образом, с их стороны— с все усиливающеюся ненавистью, а с Его стороны—с силою, стремительностью и энтузиазмом, возраставшим по мере приближения рокового часа. Это было последним нападением Иисуса на властей мира сего. Он проявил в этой борьбе необыкновенную энергию и мужественную силу, облекавшую, словно броней, божественную нежность, которую можно бы назвать ВечноЖенственным началом Его души.

Эта опасная битва закончилась громовыми обвинениями против лицемерных представителей религии: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам! Горе вам книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятую из своего имения и оставляете важнейшее в закон: суд, милость и веру... Горе вам, что уподобляетесь гробам окрашенным, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» .

Заклеймив таким образом на все века религиозное лицемерие и лживый священнический авторитет, Иисус решил, что битва Его кончена. Он вышел из Иерусалима в сопровождена своих учеников и направился с ними к гори Елеонской. Поднявшись на её вершину, можно было увидеть храм Ирода во всем его великолепии, с многочисленными террасами, обширными портиками и облицовкой из белого мрамора, с инкрустациями из яшмы и порфира, и его сверкающие крыши, выложенные золотом и серебром.

Ученики, терявшие надежду и предвидевшие катастрофу, обратили его внимание на великолепие храма, покинутого их Учителем навсегда. В их словах должны были звучать грусть и сожаление, ибо в тайниках души они до последней минуты надеялись заседать в Иерусалимском храме как судьи Израиля, окружая венчанного в первосвященники цари Мессию. Иисус обернулся, измерил взорами храм и сказал: «Видите ли все это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне» (Матф. XXIV, 2).

Он судил о продолжительности храма Иеговы по нравственной ценности тех, которые господствовали в нем. Он знал, что фанатизм, нетерпимость и ненависть не представляли достаточного оружия против язычества и против топоров римского Цезаря. Своим прозрением посвященного, ставшим еще более проникновенным благодаря приближающейся смерти, он видел как иудейская гордость, политика его царей, и вся история Израиля роковым образом двигалась к этой катастрофе.

Торжество Израиля было не там; оно было в мысли пророков, во вселенской религии и в том невидимом храм, который Иисусе

один сознавал вполне в этот час. Что же касается древней крепости Сиона и храма, построенного из камня, Он уже видел ангела разрушения, стоящего у его дверей с факелом в руках.

Иисус знал, что близится решительный час, но Он не хотел быть застигнутым врасплох синедрионом и удалился в Вифанию. Чувствуя особое влечение к горе Елеонской, он приходил туда почти ежедневно беседовать с своими учениками. С этой высоты открывается чудный вид. Вдали виднеются строгие горы иудеи и Моавии, тонущие в голубоватых и лиловых тонах; еще далее, в конце Мертвого моря, виднеется словно свинцовое зеркало, из которого поднимаются серные пары. У подошвы горы развертывается Иерусалим, а над ним господствуют храм и крепость Сиона.

Даже и ныне, когда спускаются сумерки в мрачные ущелья Иосафата, град Давида и Христа, оберегаемый сынами Измаила, выдвигается величественно и живописно из глубины темных долин. На его куполах и минаретах отражается умирающий свет заката, и кажется, что они вечно ожидают ангелов правосудия. Там Иисус давал своим ученикам свои последние поучения о будущем принесенной Им религии и о грядущих судьбах человечества, завещая им свое земное и небесное обетование, глубоко связанное с Его эзотерическим учением.

Нет сомнения, что редакторы синоптиков передали нам апокалиптические речи Иисуса в такой сбивчивой форм, которая делает их почти неподдающимися толкование. Их смысл начинает выясняться лишь в евангелие св. Иоанна. Если бы Иисус действительно верил в свое второе пришествие на облаках через несколько лет после смерти, как это допускает натуралистическое толкование, или если бы он воображал, что конец Мира и последний суд над людьми произойдут в той форм, в какой их представляет ортодоксальная теология, Он был бы лишь несовершенным ясновидящим и фантастическим мечтателем, вместо того чтобы быть мудрым Посвященным и божественным Духовидцем, о чем свидетельствуют каждое слово Его учения, каждый шаг Его жизни.

Несомненно, что и здесь, более чем когда-нибудь, Его слова должны быть понимаемы в аллегорическом смысле, соответственно высшему символизму пророков. Тот из четырех евангелистов, который передал лучше других эзотерическое учете Иисуса, подсказывает нам это толкование сам, когда передает следующие слова Учителя: «Еще многое имею сказать вам, но вы теперь не

можете вместить... Доселе Я говорил вам притчами, но наступает время, когда уже не буду говорить вам притчами, но прямо возвещу вам об Отце» (Иоанн, гл. XVI, ст. 12, 25).

Торжественное обетование Иисуса, данное апостолам, относится к четырем сферам все увеличивающегося круга жизни, земной и космической: психической индивидуальной жизни отдельного человека; национальной жизни Израиля; земной эволюции человечества; его божественной эволюции. Возьмем одну за другой все четыре ступени обетования, все четыре сферы, куда мысль Христа, перед Его мученическим концом, излучает свет подобно заходящему солнцу, наполняющему своей славой всю земную атмосферу до самого зенита, прежде чем начать светить другим мирам.

1. Первый Суд означает потустороннюю судьбу души после смерти физического тела. Она определяется сокровенной природой души и её поступками в течете жизни. Я уже касался этой стороны учения по поводу беседы Иисуса с Никодимом. На Масличной горе Он сказал по этому поводу апостолам: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объедением и заботами житейскими и чтобы день тот не настиг вас внезапно» (Лука, гл. XXI, ст. 34). И еще: «Потому и вы будьте готовы, ибо в который час не думаете, придет Сын Человеческий» (Матвеи, гл. XXIV", ст. 44).

2. Разрушение храма и конец Израиля. «Ибо восстанет народ на народ... Тогда будут предавать вас на мучение... Истинно говорю вам: не прейдет род сей, как сие будете» (Матвей XXIV, 7, 9, 34).

3. Земная цель человечества, которая не определена какой-нибудь указанной эпохой, но которая достигается рядом последовательных и постепенных совершенствованы. Эта цель — пришествие

социального Христа или Богочеловека на землю; т. е. воплощение Истины, Справедливости и Любви в человеческом обществ, и, как последствие, умиротворение всех народов. Исаия предвидел эту отдаленную эпоху в великолепном видении, которое начинается следующими словами: «Ибо я знаю деяния их и мысли их; и вот приду собрать все народы и языки, и они придут и увидят славу Мою. И положу на них знамение» и т. д. (Исаия LXVI, 18—24).

Довершая это пророчество, Иисус объясняет своим ученикам, каково будет это знамение. Это будет полное раскрыло мистерий или пришествие св. Духа, которого Он называет также Утешителем или «Духом Истины, который поведет вас к полной истине».

«И Я умолю Отца и даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами во век. Духа истины, которого мир не может принять потому, что не видит Его и не знает Его; а вы знаете Его, ибо Он с вами пребывает и в вас будете» (Иоанн, гл. XIV, иб, и7и.

Апостолы будут иметь это откровение ранее, все человечество получить его поздние, в течёте будущих веков. Но каждый раз, когда дух истины проникает в сознание отдельного человека или целой группы людей, он пронизывает его до самой глубины, «ибо как молния исходить от востока и видна бывает даже до запада, так будет пришествие Сына Человеческого» (Матвеи XXIV, 27). Так бывает, когда зажигается великая духовная истина, она освещает все вытекающие из неё истины и светит на все миры.

4. Страшный Суд означает конец космической эволюции человечества или его вступление в состояние духовное. Это то, что персидский эзотеризм называл победой Ормузда над Ариманом, или духа над материй. Индусский эзотеризм называет это окончательным поглощением материи духовным началом, или концом «единого дня Брамы». После т. тысячей и миллионов веков должна появиться эпоха; когда путем длинного ряда воплощена, отдельные индивидуумы, составляющие человечество, перейдут окончательно в состояние духовности, или же будут поглощены и уничтожены— как сознательные души—началом зла, т. е. своими собственными эгоистическими страстями, символом которых и является «гиена огненная и скрежет зубовный».

«Тогда явится знамение Сына Человеческого на небе; и тогда восплачутся все племена земные и увидят Сына Человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великой. И пошлет Ангелов Своих с трубою громогласной; и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их» (Матвей XXIV, 30, 31). Сын Человеческий—термин родовой, означает здесь человечество в его представителях, достигших совершенства, т. е. то небольшое число, которое воспитало себя до ступени Сына Божьего. Знак Сына Человеческого—Агнец и Крест, т. е. Любовь и вечная Жизнь. Облака—образ мистерий, ставших прозрачными, а также тонкой материи, преображенной духом, субстанции утонченной, которая не представляет более плотного и темного покрова, но легкое и прозрачное облачение души, не являющееся грубой преградой, но выражающее Истину; образ не обманчивой видимости, но самой духовной истины, внутреннего Мира, беспрепятственно и непосредственно проявляемого. Ангелы, собирающие избранных, совершенные духи, которые сами произошли из человечества. Призывная труба символизирует живое слово Духа, раскрывающее истинную суть человеческой души и разрушающее все лживые видимости материи.

Иисус зная себя накануне смерти, раскрывал перед апосталами все лучезарные перспектива, которые с самых древних времен составляJIи часть учения мистерш, но которым каждый новый Основатель религии давал новую форму и индивидуальное освищете. Чтобы запечатлеть эти истины в их душ, чтобы облегчить их распространение, Он изложил их в образах изумительной смелости и внутренней силы.

Раскрывающий образ, говорящие символе—вот что было всеобщим языком древних посвященных. Язык этот обладает силою приобщать, способностью влиять на сознание сильно и длительно. которые отсутствуют у отвлеченных выражений. Пользуясь им, Иисус следовал примеру Моисея и пророков. Он знал, что Его идея не могла быть понята немедленно и Он хотел запечатлеть ее огненными письменами в юной душе своих учеников, предоставляя будущим виткам вызвать наружу скрытые силы, заключенные в Его словах.

Иисус чувствовал Себя в единении со всеми пророками, которые предшествовали Ему, которые подобно Ему были глашатаями вечной Жизни и вечного Глагола. В этом чувстве единения и слияния с неизменной истиной, перед этими безграничными горизонтами, которые можно охватить лишь пребывая в зените Источника Жизни, Он мог сказать своим огорченным ученикам эти гордые слова: «небо и земля прейдут, но слова Мои не пройдут (Матвей XXIV, 35).

Так проходили утра и вечера на Масличной гор. Однажды, движимый одним из тех порывов Своей пламенно любящей и впечатлительной природы, которая внезапно переводила Его внимание с величайших высот на страдания земли, ощущаемые Им как собственные страдания,—однажды, глядя на Иерусалим, Он проливал слезы над его святыней и над его обитателями, тяжкую судьбу которых Он предчувствовал.

Его собственная судьба приближалась с страшной быстротой. уже происходили совещания в Синедрионе и решено было предать Его смертной казни; уже иуда из Кариота обещал выдать своего Учителя.

Надо думать, что эта черная измена была вызвана не низкой жадностью к деньгам, но честолюбием и несбывшимися надеждами. иуда, отличавшийся холодным эгоизмом и духом позитивизма, не способный на малейший идеализм, мог сделаться учеником Христа из одних лишь мирских побуждений. Он рассчитывал на немедленное земное торжество Пророка и на свое собственное возвышение, Он не мог понять глубокого значения слов Учителя: «Кто хочет сберечь душу свою, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот сбережет ее». (Лука IX, 24).

Иисус в своем безграничном милосердии принял его в число своих, в надежд изменить его природу. Когда иуда увидал, что дела принимают худой оборот, что Иисус погиб, Его ученики на дурном счету и он сам обманут во всех своих ожиданиях, разочарование его превратилась в ярость. Несчастный предал Того, Кого считал неистинным Мессией, обманувшим все его надежды.

Одного пристального взгляда было достаточно, чтобы Иисус угадал, что происходило в душ изменника и Он решил не избегать более судьбы Своей, неизбывные сети которой сжимались все теснее вокруг Него.

Был канун Пасхи иудейской. Он велел ученикам приготовить Пасху в город у одного из Своих сторонников. Он предвидел, что она будет последней в Его жизни и хотел придать ей как можно более торжественности.

Здесь мы подходим к последнему акту мессианской драмы. Чтобы понять душу Иисуса и самое Его дело в его источник, необходимо было осветить изнутри суть первых двух актов Его жизни, т. е. Его посвящение и Его публичное служение. В них развернулась вся внутренняя драма Его сознания.

Последний акт его жизни, или драма Страстей Господних, есть последствие двух предыдущих; как все великое, она является в одно и то же время и простой и необъятной, и ясной и таинственной. Драма Страстей Господних содействовала могучим образом распространена христианства. Она исторгла слезы у всех, кто имел сердца; она обратила миллионы душ. все отдельные сцены этой драмы, рассказанные в Евангелиях, отличаются необыкновенной красотой. Даже сам Иоанн спускается с своих недоступных высот и его рассказ дышет проникающей правдой личного свидетельства. Каждый может возродить в себе божественную драму, но никто не смог бы переделать ее.

Чтобы докончить мою задачу, я должен направить лучи эзотерического предания на три существенные обстоятельства, которыми

закончилась жизнь божественного Учителя: Тайную Вечерю, суд над Мессией u Воскресение из мертвых. Если направленный на эти три точки свет осветит их в достаточной степени, он упадет отраженными лучами и на всю судьбу Христа и на всю будущую историю христианства.

Двенадцать апостолов, составляя вместе с Учителем тринадцать, собрались в горнице одного из Иерусалимских домов Fiеизвестный приверженец Иисуса — хозяин дома — украсил комнату богатым ковром. По восточному обычаю ученики и Учитель возлегли по трое на четырех широких ложах, расположенных четырехугольником вокруг стола. Когда был подан пасхальный агнец и чаши были наполнены вином, а также и золотая чаша, поставленная незнакомым приверженцем перед Иисусом, Он , имея по одну сторону Тоанна, а по другую Петра, сказал: «очень желал Я есть с вами сию Пасху прежде Моего страдания; ибо сказываю вам, что уже не буду есть её, пока она не совершится в Царствии Божиими» (Лука XXII, 15, 16).

После этих слов в воздухе повеяло тяжелой грустью. «Ученик, которого любил Иисусе» и который один отгадывал Его мысли, молча склонил свою голову на грудь Учителя. По обычаю иудейскому на праздники Пасхи полагалось есть пасхального агнца с горькими травами и пресным хлебом в молчании. И тогда Иисус «взяв хлеб и благодарив, преломил и подал им, говоря: сие есть тело Мое, которое за вас предается; сіе творите в Мое воспоминание. Также и чашу после вечери, говоря: сия чаша есть Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается» (Лука XXII, 19, 20).

Так была учреждена Тайная Вечеря во всей её простоте. В ней заключается более того, чем обыкновенно думают. Это не только символический и мистический акт, которым завершается все учете Христа, но она, кроме того, освещает и обновляет чрезвычайно древний символ посвящения. У посвященных Египта и Халдеи, точно также у пророков и Ессеев, братская вечеря означала первую ступень посвящения. Приобщение под видом хлеба означало знание мистерий земной жизни и в то же время разделение земного имущества, последствием чего явилось совершенное единство членов братства.

На высшей ступени, приобщение под видом вина, которое можно считать кровью лозы, проникнутой солнцем, означало общность небесных благ, сопричастие к духовным мистериям и к божественной наук.

Иисус, передавая эти символы апостолам, безмерно расширил их значение, ибо через них братство Посвященных, ограниченное в первое время несколькими личностяаш, распространилось на все человечество. И Он добавил к этим символам глубочайшую из мистерий, величайшую из сил: свою Собственную Жертву. Он сделал из неё цепь любви, невидимую и в то же время неразрывную, между собою и своими. Она дает Его просветленной душе божественную власть над их сердцами и над сердцами всего человечества.

Эту чашу истины, идущей из пророческих веков, эту золотую чашу посвящения, которую Он Сам принял из рук Ессеиского старца в день Своего посвящения в пророки, когда Он на её дни увидел свою собственную кровь,—ее Он протягивает Своим возлюбленным ученикам с невыразимой нежностью последнего прощания.

Но увидали ли и поняли ли апостолы Его искупительную Мысль, обнимавшую все Mipbi? Она должна была сиять в глубоком и скорбном взор, который Учитель переводил с любимого ученика своего на того, который должен был предать Его. Нет, они еще не поняли Его и их удивило небывалое выражение на лиц Христа. И когда Иисус объявил им, что Он проведет ночь в саду Геесиманском на Елеонской горе и предложил им идти с Собой, они все еще не подозревали ближайшего будущего ....

Иисус провел в Геесиманском саду ночь, полную скорби. С страшной ясностью видел Он как суживался роковой круг, в котором Ему суждено погибнуть. На один миг Он содрогнулся;

на один миг отступила Его душа перед ожидавшими пытками, капли кровавого пота показались на Его чел, но молитва укрепила Его.

Отдаленный звук смешанных голосов, колеблющиеся свет факелов под темными маслинами, усиливающая звон оружия: приближалась толпа солдат, посланных синедрионом. Иуда, шедший впереди, поцеловал своего Учителя, чтобы солдаты могли отличить Его. Иисус, отдав ему поцелуй, сказал с невыразимой жалостью: «друг, для чего ты пришел»?

Действие этой кротости, этого братского поцелуя, данного взамен самой черной измены, подействовало столь сильно на эту жесткую душу, что послиз этого иуда, охваченный раскаянием и страхом, наложил на себя руки.

Грубые солдаты схватили галилейского Учителя. После иэ непродолжительного сопротивления, испуганные ученики разбежались, словно развеянные ветром. Лишь Иоанн и Петр держались в отдалении и последовали за Учителем во двор судилища, но сам Иисус был совершенно спокоен. Решете Его было принято и после того ни единого вздоха, ни единого протеста не сорвалось с уст Его.

Синедрион собирается с поспешностью, в качестве полномочного собрания. Не смотря на ночной час, в судилище приводят Иисуса, ибо трибунал старается как можно скорее покончить с опасным пророком.

Первосвященники в пурпуровых, желтых и фиолетовых туниках с тюрбанами на головах торжественно заседают полукругом. Посреди них, на возвышенном мест, восседает Каиафа, великий порвосвященник. На двух концах полукружья, перед двумя небольшими трибунами, находятся два актуариуса: один—для защиты, другой—для обвинения.

Иисус, невозмутимый, стоить в центре в своих белых одеждах Ессея. Служители, вооруженные плетьми и веревками, окружают Его с угрожающим видом. Во всем судилище только одни обвинители, ни одного защитника.

Первосвященник, он же и верховный судья, выступает главным обвинителем; обвинение определяется как мера общественной безопасности против потрясения религиозных основ; тогда как на дел это было преднамеренной местью со стороны встревоженного священнического сословия, власти которого угрожала опасность.

Каиафа встает и обвиняет Иисуса в том, что Он соблазняет народ. Несколько свидетелей, взятых из толпы, дают свои показания, противореча один другому. Наконец один из них передает слова, признаваемые за кощунство, которые Иисус бросил в лицо фарисеям под портиками храма Иерусалимского: «Я разрушу храм сей и через три дня воздвигну другой».

Иисус молчит. «Ты не отвечаешь?» спрашивает первосвященник. Иисус, зная что Его обвинение уже заранее решено, сохраняет молчание. Но этих слов недостаточно для окончательного обвинения;

чтобы вырвать опасное признание у обвиняемого, ловкий саддукей Каиафа обращается к Нему, задевая самую жизненную сторону Его миссии. Он идет прямо к цели: «Если ты действительно Мессия, скажи нам!»

Уклончивый ответ Иисуса показываете что Он понял хитрость вопрошавшего: «Если скажу вам, вы не поверите; если же я спрошу вас, не будете отвечать Мне и не отпустите Меня»

Каиафа, не добившись ничего судейской хитростью, пользуется правом первосвященника и говорить торжественно: «заклинаю Тебя Богом живым, скажи нам, Ты ли Христос, Сын Божий?» Поели такого обращения, принужденный или отвергнуть, или подтвердить свою миссию перед высшими представителями религии Израиля, Иисус более не колеблется. Он отвечает со спокойствием: «ты сказал; даже сказываю вам: отныне узрите Сына Человеческого, сидящего одесную Силы и грядущего на облаках небесных» (Матвей XXVI, 63,64). Выражаясь этим пророческим языком Датила и книги Еноха, ессейский Посвященный не говорить с Каиафой, как с личностью, Он знает что агностик саддукей не способен понять Его; Он обращается к первосвященнику Иеговы и через него ко всем будущим первосвященникам, ко всему священству земли, желая сказать всем:

«После окончания Моей миссии, запечатленной Моей смертью, царство слепого преклонения перед религиозным законом покончено и виде, и в действительности. Мистерии будут раскрыты и человек через человеческое узрит божественное. Религии и культы, в которых человеческое и божественное не будет оживотворять одно другое, потеряют свою власть над людьми».

Таково, по эзотерическому смыслу пророков и Ессеев, значение Сына. Понятый таким образом ответ Иисуса на вопрос первосвященника Иерусалимского содержит в себе завещание Христа духовным властям земли, подобно тому, как учреждение Тайной Вечери является Его завещанием любви и посвящена, данным апостолам и всему человечеству.

Словами, обращенными к Каиаф., Иисус говорит с целым миром, но саддукей, у которого было определенное намерение, более не слушает его. Разорвав свои белые льняные одежды, он восклицает: «Он богохульствует, на что нам еще свидетелей? вот теперь вы слышали богохульство Его! Как вам кажется?» Следует зловещим ответ всего синедриона: «Повинен смерти!» и вслед за осуждением свыше, следуют злобные оскорбления и грубое надругательство снизу.

Служители плюют ему в лицо и заушают его; другие же ударяют его по ланитам и говорят: «прореки нам, Христос, кто ударил тебя?» Под этим наплывом низкой и животной ненависти, божественное лицо страдальца должно было принять мраморную неподвижность ясновидца. Есть изваяния, который плачут, но бывают также страдания без слез и молитвы без слов, которые устрашают палачей и преследуют их в течете всей остальной жизни.

Но не все еще было кончено. Синедрион мог произнести смертный приговор, но, чтобы привести его в исполнение, необходим был гражданский суд и одобрение римских властей. Беседа с Пилатом; подробно переданная св. Иоанном, не менее замечательна, чем беседа с Каиафой.

Этот диалог между Христом и римским правителем, вперемежку со злобными восклицаниями еврейских священников и криками фанатизированной толпы, которые играют роль хора в античной трагедии,—запечатлен признаками великой драматической подлинности. Ибо он срывает покров с души действующих лиц, он ясно показывает столкновение трех больших сил: римского цезаризма, узкого иудеиства и вселенской религии Духа, представляемой Христом.

Пилат, совершенно равнодушный к религиозным распрям, но чрезвычайно недовольный судилищем, так как оно вызывало в нем страх, что смерть Иисуса может повлечь за собой народное восстание, допрашивает Его с осторожностью и подставляет ему якорь спасения в надежде, что Он воспользуется им. «Ты царь иудейский?» спрашивает он.—«Царство мое не от Мира сего», отвечает Иисус. «И так ты царь?»—«Я на то родился и пришел в Мирь, чтобы свидетельствовать об истине»...

Пилат не понимает этого утверждения духовной царственности Иисуса, так же как Каиафа не понял Его религиозного завещания. «Что есть истина»? говорит он, пожимая плечами, и этот вопрос римского скептика раскрывает все состояние души тогдашнего языческого общества, находившаяся в упадке. Но, не находя в обвиненном ничего, кроме невинных мечтаний, он прибавляет: «я никакой вины не нахожу в Нем». И он предлагает Евреям отпустить его, но, подстрекаемая священниками чернь вопит: «не Его, но Варраву отпусти нам!».

После этого Пилат, не терпящий иудеев, доставляет себе ироническое удовольствие предать бичеванию их предполагаемого царя. Он думает, что это удовлетворить фанатиков, но они еще более распаляются и начинают вопить: «распни, распни Егои»

Несмотря на эту разнузданность народных страстей, Пилат продолжает сопротивляться. Он утомлен от жестокости, он видел столько пролитой крови в своей жизни, он отправил стольких мятежников на казнь, он слышал столько стонов и прокляли, оставаясь при этом равнодушныме. Но немое и кроткое страдание галилейского пророка под накинутой на него багряницей

и под терновым венцом потрясло его неведомым волнением. Уступая мимолетному видению, пронесшемуся перед его душой, он обронил такое слово: «Ecce Homo»и Вот Человекеи Жесткий римлянин почти растроган, он готов произнести оправдате.

Священники синедриона, не перестававише сдедить за ним, подметили его волнете и испугались. Они почувствовали, что жертва ускользает от них. Они совещаются между собой и затем, в один голос,

поднимая правую руку и отворачивая голову с выражением лицемерного ужаса, восклицают: «он сделал себя Сыном Божьиме»и

Услыхав эти слова, Пилат, по славам Иоанна, еще больше убоялся. Убоялся чего? Какое значете могло иметь это имя для неверующего римлянина, который презирал от всего сердца Евреев и их религию и верил только в одну политическую силу Рима и Цезаря? А между тем тревога эта могла иметь серьезную причину. Как ни изменяли смысл имени Сына Божьего, оно все же было достаточно распространено в древнем эзотеризм. И Пилат, несмотря на весь свой скептицизм, был не лишен суеверия.

В Рим, во время малых мистерий Митры, в которых и римские военачальники принимали участие, он должен был слышать, что Сыном Божьим называют посредника между человеком и Божеством. И к какой бы нации и религии ни принадлежал такой посредник, покушение на его жизнь считалось великим преступлением. Пилат, может быть, и не верил этим восточным фантазиям, и все же произнесенное имя могло встревожить его и увеличить его замешательство.

Заметив это, иудеи бросают проконсулу тягчайшее из всех осуждений: «если ты отпустишь этого человека, ты не друг Кесарю;

ибо каждый делающий себя царем, противник Кесаря. Нет у нас царя, кроме Кесаря». Этому аргументу он не мог противостоять; отрицать Бога не трудно, убивать—легко, но участвовать в заговоре против Цезаря, это—величайшее из всех преступлений. Пилат был вынужден отступить и согласиться на смертный приговор.

Таким образом, в конце своей земной деятельности Иисус становится лицом к лицу с властителем мира, с которым он боролся косвенно, как оккультный противник, в течете всей своей жизни. Тень Цезаря посылает Его на крест. Глубокая логика событий: Евреи предали его, а римский скипетр совершил над ним смертную казнь. Он убил Его тело, но именно Он , прославленный Христос, осеянный своим мученичеством, отнял на веки

 веков лживый ореол Цезаря, эту жесточайшую хулу на государственную власть.

Пилат, омыв руки кровью неповинного, произнес страшное слово: Condcmno, ibis ill criicein. И уже нетерпеливая толпа устремилась к Голгофе.

И вот, мы на голой вершин, усеянной человеческими костями, которая господствует над Иерусалимом и носит название Gilgal, Голгоеа; или лобное место; зловещая пустыня, посвященная в течете многих веков мучительству и истязанию.

На обнаженной горе не видно ни одного дерева, там растут только виселицы. Именно там один из царей иудейских присутствовал со всем своим гаремом при казни сотен пленников, там же Вар распял на кресте две тысячи мятежников и там же возвещенный пророками кроткий Мессия должен был подвергнуться смертным мукам, изобретенным жестоким воображением финикийце.. и узаконенным неумолимым Римом.

Когорта римских воинов составила большое кольцо на вершине холма; ударами копий разгоняли они приверженцев, последовавших за осужденным. То были галилейские женщины, молчаливые, исполненные отчаяния, они бросались ниц на землю.

Верховный час настал. Защитник бедных, слабых и угнетенных заканчивал свой подвиг мучительной казнью, назначенной для рабов и разбойников. Настала минута пригвождения к кресту, предвиденная Иисусом в видении енгаддийском; нужно было Сыну Божьему испить чашу, предложенную Ему во время Преображения, нужно было сойти до глубины земных ужасов и самого ада.

Иисус отказался от питья, изготовлявшегося по обычаю набожными женщинами Иерусалима, чтобы отнять сознание у казнимых. Он хотел пережить свою агонию в полном сознании. Пока Его

привязывали к позорному кресту, пока грубые солдаты вбивали молотом гвозди в эти ноги, обожаемые всеми страждущими, в эти руки, который умели лишь благословлять, черное облако раздирающей скорби погасило Его зрбние и остановило Его дыхание. Но в глубине еще не погасшего сознания Спасителя засветилась божественная жалость к Своим палачам и мольба за них сорвалась с Его уст:

«Отче, прости им, ибо не ведают, что творят».

И обнажилось дно чаши; настали часы агонии; от полудня до солнечного заката. Посвященный снял с себя полномочия; Сын Божий удалился с горизонта; остался лишь страдающий человек. На протяжении этих часов он покинул Свое небо, чтобы измерить бездну человеческого страдания. Медленно поднимается крест с своей жертвой и с надписью, последней иронией проконсула: Се Царь иудейский. Перед взорами распятого, в кровавом облаке смертной муки, проносится Иерусалим, священный город, который он хотел прославить и который предал его анафеме.

Где его ученики? Исчезли. Он слышит одни лишь оскорбительные возгласы членов синедриона, которые торжествуют при виде его агонии. «Он спасал других», кричат они, «а себя не может спасти!»

И среди всех этих враждебных криков и прокляли, в страшном видении будущего, Иисус видит все преступления, которые корыстолюбивые властители и фанатические священники будут совершать во имя Его. Именем Его будут пользоваться, чтобы проклинать! Крестом Его будут распинать! И не мертвое молчание закрытого для него неба, а тьма, разостлавшаяся над человечеством, вырвала у Него этот крик отчаяния: «Боже мой, Боже мой, для чего Ты меня оставил!» Вслед затем сознание Мессии, воля всей Его жизни, вспыхнула последней молнией и с возгласом: «свершилось!» душа Его освободилась и вознеслась.

И Божественного Сына Человеческого не стало. Единым взмахом крыльев душа Его нашла свое небо, виденное в Енгадди и на горе бавор. Он увидел свой победный Глагол, проносящийся над веками, и Он не захотел иной славы, кроме протянутых рук и возведенных очей тех, кого он исцелял и утешал.

Но при последнем Его возглас, непонятном для стороживших Его воинов, по ним пробежало содрогание. Они повернули голову и сияющий луч, оставленный отошедшим духом на лице умершего, так поразил их, что они стали со страхом спрашивать друг у друга: «не был ли Он действительно Богом?» ....

Действительно ли закончилась великая драма? Завершилась ли безмолвная борьба между божественной Любовью и Смертью, которая была направлена на Него властями Мира сего? За кем же победа? За этими ли священниками, которые сходят с Голгофы, самоуверенные и успокоенные после того, как видели последний вздох Пророка, или—победа за этим бледным, распятым Сыном Человеческим?

Для преданных женщин, которым позволили приблизиться и которые рыдали у подножья креста, для устрашенным учеников,

укрывшихся в пещере Иосафатовой долины, все было кончено. Мессия, который должен был воссесть на трон иудейском, погиб позорной казнью креста. Учитель исчез, а с ним и надежда, и Евангелие, и Царство Небесное.

Мрачное безмолвие, отчаянье беспросветное тяготеет над собравшимися. Даже Петр и Иоанн не могут преодолеть тоски. Темная ночь окружает их. Последний луч погас в их душе. Но так же, как в элевзинских мистериях за глубоким мраком следовал ослепительный свет, так же и в Евангелиях за этим глубоким отчаяньем следует неожиданная, молниеносная, исполненная чуда, радость. Она разражается, она разливается светом, как лучами восходящего солнца, и крики торжества проносятся по всей иудеи: «Он воскрес!»

Прежде всех Мария Магдалина, бродившая в глубокой тоски невдалеке от могилы, увидела Учителя, узнала Его по голосу, который призывал ее, и обезумев от радости, бросилась к Его ногам. Она видела, как Иисус поглядел на нее и сделал жест, словно запрещая всякое прикосновение, а затем видение

исчезло, оставляя вокруг Магдалины горячую атмосферу восторга, вызванного подлинным присутствием. А затем, группа святых женщин встретила Воскресшего и услыхала следующие слова: «Пойдите и скажите моим братьям, чтобы они отправились в Галилею и что там они увидят Меня».

В тот же вечер одиннадцать апостолов, собравшихся в горниц, увидели Иисуса, входящего через запертую дверь. Он занял свое место среди них и стал тихо говорить с ними, упрекая их в маловерии. Затем Он сказал им: «идите по всему Миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Марк, XVI, 15).

Странная вещь: в то время как они слушали Его, они все были как во сне, они совершенно забыли о Его смерти и были уверены, что Учитель более не покинет их. Но в момент, когда они собрались ответить Ему, Он исчез, словно угасающий луч света. Отзвук Его голоса еще дрожал в их ушах.

Потрясенные апостолы смотрели на опустившее место; неясный свет еще носился над ним, но затем и он погас. Матвей и Марк свидетельствуют, что Иисус появился перед пятьюстами братьями, собравшимися по повелению апостолов. Позднее Он появился еще раз перед собравшимися одиннадцатью апостолами. Затем появления эти прекратились.

Но вера уже была создана, толчок дан, жизнь христианства началась. Апостолы, пламенем священного огня, исцеляли больных и проповедывали Евангелие своего Учителя.

Три года спустя молодой фарисеи, по имени Савл, движимый страстной ненавистью к новой религии и занятый преследованием христиан, отправился в Дамаск с несколькими единомышленниками.

Во время дороги его внезапно осиял свет такой ослепительной силы, что он пал на землю. Весь дрожа, он спросил:

«кто Ты?» И услыхал голос, говорящий: «Я Иисус, которого ты гонишь; трудно тебе идти против рожна». Люди же, шедшие с ним, стояли в оцепенении, слыша голос, но никого не видя. Савл, ослепленный молнией, три дня ничего не видел, не ел и не пил .

Он сразу обратился, пламенно поверил во Христа и стал Павлом, апостолом язычников.

Все согласны с тем, что не будь этого обращения, христианству, замкнутому в иудеи, трудно было бы завоевать Запад.

Таковы события, передаваемые Новым Заветом. Никакие старания умалить их, не могут сделать из них простые легенды и не могут отнять от них ценности достоверного свидетельства во всем, что можно признать существенным.

В течение девятнадцати веков волны сомнения и отрицания не переставали громить непоколебимую скалу этого свидетельства; в течете ста лет критика нападала на нее со всеми своими искусными приемами и со всем отточенным орудием. Но она смогла лишь пробить в ней несколько брешей, но не сдвинула ее с места.

Что таится за видениями апостолов? Древние теологи, толкователи буквы и ученые агностики могут спорить друг с другом без конца, могут биться в темноте, но они не убедят друг друга и будут рассуждать в пустом пространства, пока теософия— эта истинная наука Духа — не расширить их кругозора и высшее понятие о душе не откроет им глаза.

Но даже становясь на точку зрения только добросовестного историка, т. е. допуская подлинность передаваемых фактов, как фактов психических,—есть нечто, недоступное сомнению, это—подлинность появления распятого Христа перед апостолами, последствием чего явилась их непоколебимая вера в Его воскресение из мертвых?

Если даже откинуть сказание Иоанна, как получившее свою последнюю редакцию спустя несколько лет после смерти Учителя, и сказание Луки о Эммаус, как поэтическое дополнение, все же остаются ясные свидетельства Марка и Матвея, который и составляют истинный корень христианского предания.

Но есть еще нечто более твердое и неоспоримое, это свидетельство Павла. Желая объяснить Коринфянам причину своей веры и основу Евангелия, которое он проповедует, он перечисляем по порядку шесть последовательных явлений Иисуса: появление перед Петром, перед двенадцатью, перед пятьюстами, из которых, прибавляет он, большая часть доныне жива, появление перед Иаковом, перед собравшимися апостолами, и наконец его собственное видение по дороге к Дамаску.

Факты эти были сообщены Павлу самим Петром и Иаковом через три года после смерти Иисуса, вскоре после обращения Павла, во время его первого пребывания в Иерусалиме. Следовательно он знал об этих фактах от очевидцев и из всех этих видений самое неоспоримое и не менее удивительное было видьте самого Павла. В своих посланиях он постоянно возвращается к этому видению, как к источнику своей веры.

Принимая в соображение предшествующее психологическое состояние Павла и характер его видения, оно должно было появиться извне, а не изнутри; характер этого видения—неожиданный и молниеносный; он изменил все его существо сразу и до самого основания. Подобно огненному крещению, оно испепелило всю его низшую природу, облекло его в непроницаемую броню и сделало из него перед лицом всего Мира непобедимого рыцаря Иисуса Христа.

Таким образом, свидетельство Павла имеет двойную силу:

и потому, что оно утверждает его собственное видение, и потому, что оно подкрепляет подлинность других, подобных же видений. Если захотеть сомневаться в искренности подобных свидетельств, пришлось бы откинуть множество исторических фактов и совсем отказаться от написания какой бы то ни было истории.

И нужно прибавить к этому, что если не может быть исторической критики без точной проверки и без тщательного и разумного подбора документов, не может быть также и философии истории, если величина последствий не будет доказательством великого размера вызвавшей их причины.

Можно вместе с Цельзем, Штраусом и Ренаном не придавать никакого значения воскресению из мертвых и смотреть на него, как на явление простой галлюцинации, но в этом случай придется основывать величайшую из религиозных революций человечества на простой аберрации чувств и на уклонении разума. А между тем, не следует забывать, что вера в воскресение мертвых есть основа исторического христианства. Без этого подтверждение учения Иисуса ярким конкретным фактом, религия Христа не могла бы даже и возникнуть.

Этот факт вызвал полное преображена в душе апостолов, из иудейского их сознание обратилось в христианское. Для них—победивший Христос жив, он говорил с ними; небо разверзалось, потусторонний мир проник в этот мир; заря бессмертия прикоснулась к их челу и объяла их душу огнем, который не может уже погаснуть никогда. Над распадающимся земным царством Израиля апостолы провидели во всем величии Славы—Царство Небесное и Вселенское. Отсюда их порыв к борьбе, их радость мученичества.

Воскресение Христа и есть та подлинная сила, дающая и чудотворный толчок, и ту необъятную надежду, которую Евангелие несет всем народам и которая напоит своими струями самые отдаленные берега земли.

Для успеха Евангелия необходимы были две вещи, которые Фабр д0ливе выражает так: нужно было чтобы Иисус захотел умереть и чтобы у него хватило силы воскреснуть.

Для того, чтобы вывести из факта воскресенья разумную идею и чтобы понять все его религиозное и философское значение, нужно опираться на свидетельства о последовательном появлении Иисуса после

смерти, устранив с самого начала невозможную идею воскресения физическою тела; идея эта сама по себе является одним из камней преткновения христианского догмата, сохранившего, как в этом, так и в других случаях, младенчески первобытный характер.

Исчезновение тела Иисусова может быть объяснено естественными причинами; следует отметить, что тела нескольких великих Адептов исчезли без следа и таким же таинственным образом;

между другими и тела Моисея, Пифагора и Аполлона. Возможно, что их приверженцы предали огню останки своих Учителей, чтобы оградить их от враждебного поругания.

Как бы то ни было, и научное подтверждена факта и все духовное величие воскресения из мертвых возможно лишь тогда, когда оно понимается в эзотерическом смыслы.

У Египтян, так же как у Персов, исповедующих маздеанскую религию Зороастра, как до, так и после появления Иисуса Христа у Израиля, а также и у христиан первых двух веков, Воскресение понималось двумя способами: одно понимание было материальное и противоречащее разуму, другое—духовное и теософическое. Первое—было распространено среди народа и было окончательно принято церковью после запрещения, наложенного на учения гностиков;

второе—принадлежит глубокому пониманию посвященных.

В первом случай Воскресение означает возвращена к жизни материального тела, или замена разложившегося и рассеявшегося трупа новым телом, которое должно появиться при втором пришествии Мессии или при Страшном Суд. бесполезно указывать на грубый материализм этого представления.

Для посвященного, факт воскресения имеет совершенно другой смысл; он относится к сложной природе человека и означает:

очищение и преображение эфирного и астрального тела, которые являются проводниками жизненных и душевных процессов, а последнее—в некотором смысле и оболочкою духа. Это очищение может начаться уже и в этой земной жизни, путем внутренней работы души и определенного строя жизни; но для большинства людей очищение это происходить после смерти и притом в соответствии с внутренними стремлениями человека. В потустороннем мире лицемерие невозможно. Там души кажутся как раз тем, чем они были в действительности. Он являются неизбежно под той формой и в том свет, которые соответствуют их сущности: темными и безобразными, если они дурны; светлыми и прекрасными, если они хороши.

Таков же и смысл учения, выраженного Павлом в послании к Коринфянам. Он говорить совершенно определенно: «есть тело душевное и есть тело духовное» (Посл. Коринф. XV, 44); Иисус возвещает о том же символически, но с большей глубиной, в своей ночной беседе с Никодимом. К этому следует прибавить, что чем одухотвореннее душа, тем полнее будет её удаление от земной атмосферы и тем отдаленнее та космическая область, которая

ее привлекает своим сродством; из этого следует, что по мере духовного роста появление её на земле становится все труднее.

Таким образом души, обладающие высшими свойствами, появляются перед человеком лишь в состоянии глубокого сна или экстаза; и тогда, при закрытых физических глазах, человек, наполовину отделившийся от своего физического тела, может — при некоторых условиях—увидать отделившуюся от тела душу.

Но бывает иногда, что чрезвычайно высокий пророк, истинный сын Божий, появляется перед своими учениками в своем привычном для них облике во время их бодрствования, чтобы глубже убедить их и поразить их воображение. В таких случаях развоплощенная душа может придать своему духовному телу необходимую плотность, не только видимую, но иногда и весомую, путем особого динамизма,

которым дух действует на материю при посредств электрических сил атмосферы и магнетических сил живых людей

Именно это и происходило при появлении Иисуса своим ученикам. Явления эти, как их передает Новый Завет, могли принадлежать как к первое так и ко второй катягорж: с одной стороны— возможность духовного видения, а с другой стороны — возможность материализации; во всяком случай не подлежит никакому сомнению, что для апостолов явления эти носили характер высочайшей реальности. Они усомнились бы скорее в существовании земли и неба, чем в своем живом общении с воскресшим Христом. Ибо эти появления Господа были самой светлой точкой их жизни и самым глубоким переживанием их души.

Нет ничего «сверх естественного», но есть в природе продолжение её явлений, неуловимое для наших физических чувств, просвечивание невидимого на границах видимого. При нашем настоящем состоянии сознания, нам очень трудно признать реальность невидимого; для высшего духовного сознания, явления материи физической и осязаемой, кажутся в такой же степени нереальными и несуществующими. Но синтез души и материи, представляющий собою две стороны единой жизни, заключается в Дух, ибо, если мы поднимемся к вечным началам, к первопричинам, мы найдем, что динамизм природы объясняется законами Разума, а законы жизни постигаются самопознанием, опытным изучением души.

Воскресение из мертвых, понятое в эзотерическом значении, на которое я только что указал, являлось одновременно и необходимым завершением жизни Иисуса, и неизбежным введением в историческую эволюцию христианства. Воскресение было необходимым завершением, потому что Иисус много раз возвещал о том своим ученикам. И если Он владел властью появляться после своей смерти с такою яркостью и таким величием, это происходило благодаря врожденной силе и чистоте Его души, безгранично увеличенной оккультным посвящением и той духовной энергией, с которой Он осуществил свою великую миссию.

С точки зрения внешней и земной, мессианская драма закончилась крестной смертью. Несмотря на всю свою божественность, в ней не хватало выполнения обещанного. С точки зрения внутренней и божественной, исходя из глубины сознания Иисуса, в ней разыгрались три акта, высшими моментами которых являются: Искушение, Преображение и Воскресение. Эти три акта обнимают собой Поселяете Христа, совершенное Откровение и Завершение дела Миссии. Они соответствуют тому, что апостолы и посвященные христиане первых веков называли мистериями Сына, Отца и Святаго Духа.

Воскресение из мертвых было, как я уже сказал, необходимым завершением жизни Христа и таким же необходимым введением в историческую эволюцию христианства. Корабль, построенный на берегу, должен быть спущен в океан. Кроме того, Воскресение было как бы открытой дверью, ведущей в недоговоренный эзотерический смысл учения Христа. Зная это, становится понятным, почему для первых христиан, которые были так ослеплены лучезарной силой Его появления, было достаточно и буквального смысла Его слов и у них не являлось даже и потребности проникать в их внутренний затаенный смысл.

Но в наше время, когда человеческий разум описал двух тысячелетний круг, мы начинаем угадывать, что подразумевали св. Иоанн, св. Павел и Сам Иисус под мистериями Отца, Сына и Святого Духа. Мы видим, что он заключали в себе все, что теософическая интуиция Востока знала наиболее высокого и наиболее истинного. Мы видим также величие нового расширения, которое Иисус придал античной, вечной истине верховной силой Своей любви и божественной энергией Своей воли. И здесь мы усматриваем ту сторону христианства, одновременно метафизическую и практическую, в которой выражается его мощь и его жизненность.

Древние теософы Азии были знакомы с потусторонними истинами. Браманы нашли даже ключ к прошлому и будущему человеческой жизни, который они выражали в законе перевел лощения и в законе причин и последствий (карма). Но погружаясь всецело

в невидимые Миры и в созерцание вечности, они упускали из виду земное осуществление: индивидуальную и социальную жизнь.

Греция, посвященная в те же истины под формами более сокровенными и более антропоморфическими, склонялась самым характером своего гения к жизни естественной и земной. Это дало ей возможность воплотить для всего мира бессмертные законы Красоты и установить принципы для опытных наук. Но, благодаря той же тяге к земному, её представление о потустороннем Мире сузилось и стало постепенно меркнуть.

В своей вселенской ширине, Иисус охватывает об стороны жизни, В молитв, которую Он оставил людям, Он говорить:

«да будет Царствие Твое, как на небеси, так и на земли»; Царство же Божие на земле означает осуществлена нравственного и общественного закона во всем объеме и во всем величиет идеи Истины, Добра и Красоты. В этом и состоит высшая магия Его учения и присущая последнему безграничная способность к развитию, что она соединяет в одно неразрывное целое и нравственность и метафизику, и пламенную веру и вечную жизнь, и потребность осуществлять эту жизнь уже здесь, на земле, праведной деятельностью и активным милосердием. Христос говорит душ, удрученной всеми тяготами земли: поднимись, ибо твоя родина на Небесах; но, чтобы достигнуть ее, нужно свидетельствовать о ней уже здесь, на земле, делами и любовью!

глава VII. Обетование и Совершение.—Храм.

«В три дня разрушу храм и в три дня воздвигну его снова», сказал своим ученикам сын Марии, посвященный Сын Человеческий, духовный наследник Моисея, Гермеса и всех древних Сынов Божиих. Но исполнил ли Оно это смелое обетование Посвященного и Посвятителя?

Да, исполнил, если взять все последствия, которые Новый Завет, утвержденный смертью и воскресением Христа, имел для человечества, и если иметь в виду все то, что Его обетование содержит в себе для будущих судеб человечества. Его Слово и Его Жертва положили основу для невидимого храма, более крепкого и нерушимого, чем все храмы из гранита и мрамора; но этот невидимый храм осуществляется лишь в той мер, в какой люди работают над ним.

Каков же этот храме? Это—храм преображенного человечества, храм нравственный, социальный и духовный.

Под храмом нравственным следует понимать преображение человеческой души, перерождение личности под влиянием идеала, данного человечеству в лиц Иисуса. Чудная гармония и полнота Его душевного совершенства почти не поддаются описанию. Уравновешенный разум, высокая интуиция, сила сочувствия, могущество слова и действия, чуткость, доходящая до страдания, и любовь, возвышающаяся до жертвы, полное самообладание и мужество перед лицом смерти, —нет тех великих качеств, которых не было бы у Него. В каждой капле. Его крови было достаточно силы, чтобы сделать из Него героя и при этом весь Он был проникнуть божественной кротостью.

Совершенное слияние героизма и любви, могучей воли и разума, Вечно-Мужественного и Вечно-Женственного, делают из Него венец человеческого идеала. Все Его нравственное учете, имеющее конечным выводом совершенную братскую любовь и единство всего человечества, излучается естественным образом из Его великой Индивидуальности.

Работа истекших со времени Его смерти девятнадцати веков состояла в том, чтобы заставить проникнуть этот идеал в сознание всех. Ибо в настоящее время едва ли найдется хотя один человек в цивилизованном мир, который не имел бы более или менее ясного представлена о Христе. В виду этого,

можно утверждать, что нравственный храм, основанный Христом, хотя и не закончен, но уже заложен на нерушимых началах в душ современного человечества.

То же самое можно сказать и о храм социальном. Последний предполагает основание Царствия Божьего или божественного закона во всех органических учреждениях человечества; но возведете этого храма все еще в будущем. Ибо человечество продолжает жить на положении воинствующем, подчиняясь закону Силы и Рока.

Закон Христа, который уже проник в нравственное сознание людей, еще не перешел в их земные учреждения. Я касался лишь случайно и мимоходом вопросов общественных и политических, ибо книга эта имеет в виду одну цель: осветить религиозный и философский вопрос в самом его центре наиболее существенными эзотерическими истинами, а также и жизнью Великих Посвященных. И в этом заключении своей книги я не буду касаться названных вопросов. Они и превышают мои знания, и слишком обширны и сложны, чтобы я мог определить их хотя бы в кратких линиях.

Скажу лишь одно: социальная война существует в принципе во всех европейских странах, ибо не имеется еще экономических, социальных и религиозных основ, которые бы были признаны всеми классами общества. Точно также среди европейских наций все еще не прекращается военное положение или вооруженный мир. Ибо не возникло еще такого общего федеративного начала, которое бы связывало всех одинаковым образом. все интересы и стремления европейских народов не подчинены никакому признанному авторитету, не освящены никаким высшим трибуналом.

Если закон Христа и проник в индивидуальное сознание и, до некоторой степени, и в общественную жизнь, зато наши политические учреждена подчиняются и по сіе время закону языческому и варварскому. В современной жизни политическая власть опирается вездти на недостаточные основы. Ибо с одной стороны она исходить из так называемого священного права царей, которое все сводится к военной сил; а с другой стороны—она опирается на всеобщую подачу голосов, которая выражает, в сущности, инстинкт масс, а вовсе не разум лучших людей.

Нация не есть сумма слагаемых: она живой организм, состоящий из различных членов. И пока народное представительство не будет являть собою подобие такого организма во всех своих отделах и учреждениях, оно не будет обладать разумным и удовлетворительным строем. Пока действительно лучшие люди, представители всех научных учреждений и всех христианских церквей, не будут совместно заседать в высшем Совет, наши общества будут по-прежнему управляться инстинктом, страстью и грубой силой, и до тех пор не возникнет социального храма.

Чем же объяснить, что над церковью, далеко еще не способной вместить в себя всего Христа, над политикой, которая Его отрицает, и над наукой, которая и до сих пор понимает Его лишь отчасти, Христос продолжает жить, и даже с большей силой, чем когда либо?

Это происходить потому, что Его верховная нравственность явится венцом столь же верховной науки; потому, что человечество лишь начинает предчувствовать весь объем Его творчества, весь размер Его обетования; потому, что за Ним можно различить всю древнюю теософию Посвященных Египта, Индии и Греции, сияющим подтверждением которой служить сам Христос.

Мы начинаем распознавать, что преображенный Христос раскрывает свои любящие объятии всем своим Братьям, всем другим Мессиям, которые предшествовали Ему, которые были подобно Ему лучами живого Глагола; что Он широко раскрывает свои объятия и Наук во всей её полноте, и божественному Искусству, и совершенной Жизни.

Но Его обетование не может исполниться без содействии всех живых сил человечества.

Два главные условия необходимы для завершения Его великого дела: с одной стороны—принятие экспериментальной наукой и философией фактов психического порядка и области духовных истин;

с другой стороны—расширение христианского догмата в смысле эзотерического предания и эзотерической науки, результатом чего будет полное преобразование церкви на основе постепенного посвящения; и важно, чтобы это произошло по свободном почину, который один приносить живые плоды, всех христианских церквей.

Необходимо, чтобы наука стала религиозной, а религия—научной. Эта двойная эволюция, которая уже зачинается в человеческом сознании, приведет к неизбежному примирению науки и религии на почве эзотеризма.

Достижение этой цели будет обставлено в начале большими трудностями, но все будущее европейских народов зависит от того. Преображение Христианства в эзотерическом смысле повлечет за собою преображение иудейства и Ислама, а также и возрождение Браманизма и Буддизма, что, в свою очередь, создаст религиозную основу для примирения Азии и Европы.

Вот тот духовный храм, который должен возникнуть на земле, вот венец творчества Иисуса Христа. Его глагол любви образует магнетическую цепь, которая соединить науки и искусства, религии и народы и станет, таким образом, глаголом вселенского единства.

Ныне Христос господствует на земле посредствам двух наиболее молодых и наиболее сильных рас, все еще полных веры. В россии он соприкасается с Азией, посредством англосаксонской расы он владеет Новым Светом. Европа старше Америки, но моложе Азии, и те, которые воображают, что она вступила в период вырождения, клевещут на нее.

Но если она будет продолжать по прежнему жить во взаимной вражде, вместо того, чтобы образовать союз, скрепленный единственно ценным авторитетом—науки, опирающейся на религию;

если, угасив ту веру, которая ничто иное как свет разума, питаемый любовью,—она будет продолжать двигаться по тем же линиям нравственного и общественного вырождения,—в таком случае её цивилизация рискует погибнуть сперва под обломками социальных переворотов, а затем—от вторжения более молодых рас;

и эти последние овладеют светочем, который побежденная Европа выпустить из своих слабеющих рук.

Но ей следовало бы выполнить несравненно более прекрасную роль. Она должна бы сохранить свое главенство над миром и закончить социальную задачу Христа, осуществив сполна всю Его мысль, венчая тройным венцом Науки, Искусства и Справедливости духовный храм величайшего из Сынов Божиих.